

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4-5

92

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4-5/92

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)
1937 года 3

СТАТЬИ

Л. В. Миров — Природно-климатический фактор и особенности
российского исторического процесса 37

Ю. М. Кобищанов — Теория большой феодальной формации
. 57

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ю. А. Сорокин — Алексей Михайлович 73

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты. Продолжение
. 90

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Ю. В. Готье — Мои заметки. Продолжение 107

ПУБЛИКАЦИИ

Секретная советско-югославская переписка 1948 года
(Вступительная статья и примечания Л. Я. Гибианского) 119

Вильбуа. Рассказы о российском дворе. Окончание 137

Выходит
с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»
МОСКВА

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Т. Д. Сергеева** — А. С. Лаппо-Данилевский. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. 149
- В. А. Федоров** — 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея . . . 151
- Н. Н. Никитин** — О. Н. Вилков. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. 152
- С. В. Оболенская** — Э. Энгельберг. Бисмарк. Коренной пруссак и основатель империи; его же. Бисмарк. Империя в центре Европы; В. Энгельберг. Отто и Иоганна фон Бисмарк 153

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- А. Б. Закс** — Трудные годы 157
- Людвиг Хасс** — Прекратить позорную практику извращения истории! 159

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

23 февраля 1937 г. Вечернее заседание

М о л о т о в. Товарищи, разрешите объявить заседание пленума открытым. К повестке дня есть замечания у членов пленума? (Г о л о с а с м е с т. Нет.) Нет возражений? (Г о л о с а с м е с т. Нет.) Утверждается. Начнем с первого вопроса — Дело Бухарина и Рыкова. Доклад т. Ежова.

Е ж о в. Товарищи, на прошлом Пленуме Центрального Комитета партии, на основании показаний Каменева, Пятакова, Сокольников, Сосновского, Угланова и Куликова, я докладывал о существовании антисоветской организации правых, которую возглавлял центр в составе: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Шмидта. Я тогда докладывал Пленуму ЦК партии о том, что члены центра — Бухарин, Рыков, Томский, Угланов: во-первых, знали о существовании подпольного антисоветского троцкистско-зиновьевского объединенного блока; во-вторых, знали о существовании подпольного антисоветского троцкистского параллельного центра; в-третьих, были осведомлены о том, что троцкистско-зиновьевский объединенный блок и троцкистский параллельный центр в своей борьбе против партии и Советского правительства перешли к методам террора, диверсии, вредительства; в-четвертых, были осведомлены об изменнической платформе троцкистско-зиновьевского блока, направленной к реставрации капитализма в СССР при помощи иностранных фашистских интервентов и, наконец, в-пятых, члены центра Бухарин, Угланов и Рыков стояли на той же платформе, контактировали антисоветскую деятельность своей правой организации с организацией троцкистов.

В виду серьезности тех обвинений, которые были предъявлены Бухарину и Рыкову, предыдущий пленум Центрального Комитета партии, по предложению т. Сталина, вынес постановление о том, чтобы вопрос о конкретной вине кандидатов в члены ЦК ВКП(б) Бухарина и Рыкова перенести на настоящий пленум с тем, чтобы за это время произвести самое внимательное и добросовестное расследование антисоветской деятельности правых, в частности, конкретной вины Бухарина и Рыкова. Руководствуясь этим постановлением пленума ЦК, за это время расследована деятельность организации правых и причастность к ней Бухарина и Рыкова, которая выразилась в основном в следующем:

1. В Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Свердловске, Саратове, Иваново-Вознесенске, Хабаровске и в некоторых других городах были допрошены и передопрошены вновь троцкисты Пятаков, Радек, Яковлев, Белобородов и многие другие активные участники организации правых, большинство из которых, известные вам Угланов, Котов, Яковлев, Слепков Александр, Слепков Василий, Астров, Цетлин,

Луговой, Розит, Сапожник[ов]... (перечисляет), Козлов, Шмидт Василий и многие другие. Все перечисленные участники организации правых, равно как и троцкисты дали исчерпывающие показания о всей антисоветской деятельности организации правых и своем личном участии в ней. Они целиком подтвердили те обвинения, которые были предварительно предъявлены Бухарину и Рыкову на предыдущем пленуме и дополнили большим количеством новых фактов.

Эти факты не оставляют сомнения в том, что до последнего времени существовала относительно разветвленная организация правых во главе с Бухариным, Рыковым, Томским и Углановым. Расследование деятельности правых, по нашему мнению, произведено с достаточной тщательностью и объективностью. Объективность этого расследования подтверждается следующими фактами: во-первых, совершенно в различных городах, различными следователями, в разное время опрошены десятки активнейших участников организации правых, которые в разное время и в разных местах подтвердили одни и те же факты. Таким образом, у следствия имелась возможность объективного сопоставления показаний десятков арестованных, которые подтвердили в основном — с отдельными мелкими отклонениями применительно к индивидуальной антисоветской деятельности каждого — все показания.

Во-вторых, товарищи, многие из активнейших участников организации правых, и в частности такие ближайшие друзья Бухарина, его ученики, как Ефим Цетлин, Астров, сами изъявили добровольное согласие рассказать Наркомвнуделу и партийному органу всю правду об антисоветской деятельности правых за все время их существования и рассказать все факты, которые они скрыли во время следствия в 1933 году. В-третьих, для объективности проверки показаний Политбюро Центрального Комитета устроило очную ставку Бухарина с Пятаковым, Радеком, Сосновским, Куликовым, Астровым. На очной ставке присутствовали т. т. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян и другие члены Политбюро. Все присутствовавшие на очной ставке члены Политбюро ЦК неоднократно ставили перед всеми арестованными троцкистами и правыми вопрос, не оговорили ли они Бухарина и Рыкова, не показали ли лишнего на себя. Все из арестованных целиком подтвердили свои показания и настаивали на них.

Вы сами понимаете, товарищи, что у арестованных, которые говорят не только о деятельности других, не в меньшей мере, а в большей о своей собственной антисоветской деятельности, соблазн был большой, когда задавался такой вопрос, ответить отрицательно, отказаться от показаний. Несмотря на это, все подтвердили эти показания.

Рыкову была дана очная ставка с людьми, с которыми он сам пожелал иметь очную ставку. Ближайшие его работники в прошлом, лично с ним связанные Нестеров, Рагин, Котов, Шмидт Василий, — все они подтвердили предварительные показания на очной ставке, причем несмотря на строжайшее предупреждение о том, что ежели они будут оговаривать и себя и Рыкова, то будут наказаны, они тем не менее свои предварительные показания подтвердили. Больше того, в этих очных ставках дали целый ряд новых фактов, напоминая Рыкову об отдельных разговорах, об отдельных директивах, которые от него получали, и об отдельных фактах, которые не смог даже отрицать Рыков.

Таким образом, товарищи, мы считаем, что документальный и следственный материал, которым мы располагаем, не оставляет никаких сомнений в том, что до последнего времени существовала и действовала антисоветская организация правых, члены которой, подобно троцкистам и зиновьевцам, ставили своей задачей свержение советского правительства, изменение существующего в СССР советского общественного и государственного устройства. Подобно троцкистам и зиновьевцам, они встали на путь прямой измены родине, на путь террора против руководителей партии и советского правительства, на путь вредительства и диверсий в народном хозяйстве. Из этих же материалов следствия и документов вытекает, что виновность Бухарина и Рыкова вполне доказана, виновность в тягчайших преступлениях против партии и государства, которые им предъявлялись на предыдущем пленуме и о которых я собираюсь докладывать сейчас.

Переходя к конкретному изложению следственных и документальных материалов, которые имеются в нашем распоряжении, я считаю необходимым оговориться, что я не буду касаться истории вопроса, хотя имеется очень много интерес-

ных с точки зрения исторической фактов развития организации правых и ее борьбы против партии. Я буду этих фактов касаться только постольку, поскольку они имеют отношение к обсуждению сегодняшнего вопроса.

Если остановиться на возникновении и развитии антисоветской организации правых, то на основании материалов следствия и документальных материалов ее деятельность можно разбить примерно на три этапа. Первый этап — это 1924—27 г.г., когда зародилась организация правых в виде школки Бухарина, с одной стороны, и в виде известных тред-юнионистски настроенных кадров профсоюзников, возглавляемых Томским, — с другой, которые впоследствии превратились в одну из основных и главных частей организации правых. Второй этап — 1927—30 г.г., когда к школке Бухарина, к профсоюзникам потянулись все правооппортунистические группы, возглавляемые Рыковым в советском аппарате, Томским — в профсоюзном, Углановым — в московской партийной организации. Все вместе они к июньскому пленуму ЦК 1928 года образовали вполне сколоченную фракцию со своей платформой, внутрифракционной дисциплиной и своим централизованным руководством. Наконец, третий этап — 1930—37 г.г. (я здесь объединяю), когда организация правых уходит в подполье, отказывается от открытого отстаивания своих взглядов, двурушнически маскируя свое отношение к линии партии, к руководству партии и постепенно скатывается к тактике террора, к организации повстанчества в деревне, к организации забастовок и, наконец, к диверсии и вредительской деятельности в народном хозяйстве.

Разрешите мне на первых двух этапах не останавливаться, взяв здесь только два наиболее важных факта. Первый факт, имеющий отношение к первому этапу развития организации правых, следующий. Из всей своей многолетней борьбы против Ленина Бухарин, к сожалению, вынес один урок: он своей школке прямо говорил, что Ленин бил меня потому, что я не имел организованной группы своих единомышленников. Поэтому, после смерти Ленина он сразу же начинает сколачивать группу своих единомышленников (М и к о я н. Герой большой он.), которая впоследствии оформляется в известную всем школку Бухарина. Уже тогда эта школка представляла совершенно законченную фракционную группу со своей программой, со своей внутрифракционной дисциплиной. Вся эта школка воспитывалась на противопоставлении Бухарина Ленину. Вся школка считала, что Бухарин в своей борьбе и в своих взглядах по вопросам советской экономики, по вопросам учения о государстве, об империализме был прав, тогда как Ленин ошибался. Об этом говорят все участники бухаринской школки до единого. Причем Бухарин этого и не скрывал. Он прямо воспитывал их в этой школе на таком противопоставлении себя Ленину. Больше того, он себя воспитывал не только на противопоставлении Ленину, но и на противопоставлении Центральному Комитету партии, считая, что Центральный Комитет партии тоже проводит неправильную политику. От этой школки молодых бухаринцев никаких секретов буквально не существовало. Все секреты, все вопросы Политбюро, которые обсуждались, — а как известно Бухарин был членом Политбюро, — они обязательно обсуждались и в школке.

Второй факт, товарищи, имеющий отношение ко второму этапу. Всем известно, что лидеры правой оппозиции в 1928 году и позже доказывали, что у них никаких фракций не существует, тем более не существует никакой нелегальной организации. Они утверждали, что все дело сводится к тому, что правые по-своему честно, каждый в отдельности, не связанные фракционной дисциплиной, отстаивали и защищали свои неправильные взгляды. Факты говорят обратное. Уже к 1928 году вполне сложилась законченная фракция правых, которая противопоставляла свою линию линии ЦК ВКП(б). Сложилась она, как я уже говорил, с одной стороны, из школки Бухарина, из правооппортунистических тред-юнионистов профсоюзников, из некоторых работников-хозяйственников из хозяйственно-советского аппарата, и наконец, из некоторых руководящих партийных работников Московской партийной организации.

Факт третий, имеющий отношение к этому же периоду, — это тот, что уже в 1928 году правые для руководства всей фракционной деятельностью и борьбой своей против партии создали руководящий центр, в который вошли Рыков, Бухарин, Томский, Шмидт, Угланов и Угаров. Как сейчас установлено материалами следствия и документами, этот центр руководил всей фракционной борьбой правых. Все выступления правых на пленумах ЦК, на активах партийной организации

в течение 28—29 г.г. предварительно обязательно обсуждались в этом центре. Больше того, известная антипартийная вылазка правых на съезде профсоюзов, где они пробовали свои силы, руководилась целиком этим фракционным центром. Во время заседаний съезда центр почти непрерывно заседал на квартире у Томского, установив дежурства. Все время дежурили либо Рыков, либо Бухарин, либо Томский, либо другие. Такие выступления, например, как выступления Котова и Розита на апрельском пленуме Центрального Комитета в 1929 году, тезисы их утверждались, предварительно центром просматривались, и только после этого они выступали.

Вот таковы основные факты, которые я считал необходимым отметить из деятельности правых на первом этапе развития этой организации и на втором. Что касается третьего, основного и главного этапа, то он рисуется примерно в следующем виде. После поражения правых на ноябрьском пленуме ЦК в 1929 году центр правых приходит к убеждению, что открытая атака против партии безнадежна и обречена на провал. Продолжая стоять на своих правооппортунистических позициях, центр правых, в целях сохранения своих кадров от окончательного разгрома, встал на путь двурушнической капитуляции. В надежде, что удастся в ближайшее же время начать новую атаку против партии, центр обсуждает целый план, всю тактику двурушничества. Здесь учитываются ошибки троцкистов, ошибки зиновьевцев и разрабатывается буквально до деталей план двурушнической подачи заявлений. План этот заключается в следующем: первое — всем причастным к организации правых членам партии, которые не известны еще партийным организациям как активно связанные с правыми, дается директива конспирировать свои связи до поры до времени и никуда не вылезать, никаких заявлений не подавать. Особая тактика выработывается для москвичей, в особенности для членов Центрального Комитета от московской организации.

Во время ноябрьского пленума ЦК в 1929 г. заседает центр и в центре предлагают Угланову, Котову и Куликову на ноябрьском пленуме ЦК выступить с покаянными речами и подать заявление. Какая цель преследуется? Цель следующая: во что бы то ни стало сохранить московскую группу работников, сохранить Угланова, так как на ближайшее время намечалась, когда оправятся, новая драка, новая атака против ЦК партии. Как известно, Угланов, Котов и Куликов, тогдашние члены Центрального Комитета, выступили с таким заявлением и подали покаянное заявление с отказом от своих правооппортунистических взглядов и о разрыве с правой оппозицией. Известно также, товарищи, что Бухарин, Рыков и Томский подали эти заявления значительно позже. Сейчас вот этот факт и Рыков и Бухарин непрочь изобразить следующим образом: «Что же, де, вы нам приписываете существование какой-то фракции со своей дисциплиной и т. д., а я вот узнал относительно подачи заявления с капитуляцией, с отказом от правых взглядов только на самом пленуме ЦК. Даже больше того, я был настолько возмущен, считая это ударом в спину». На деле этот «удар в спину» был довольно мягким, потому что он обсуждался заранее, да и никакого удара здесь не было. Весь план строился только с расчетом сохранить во что бы то ни стало верхушку московской организации правых, упрочить их положение с тем, чтобы при первой возможности начать новую атаку против ЦК партии.

Дальше, товарищи, уже после подачи заявления Рыковым, Бухариным и Томским центр дает указание своим сторонникам на местах немедленно капитулировать. Кстати сказать, в то время проходили пленумы крайкомов, обкомов и ЦК нацкомпартий, собирались активы, где обсуждался вопрос, связанный с борьбой правой оппозиции против партии и с осуждением этой борьбы. На большинстве этих пленумов и активов активные правые, в особенности из числа бухаринских учеников, самым ярким образом выступали в защиту своих старых правых позиций, в защиту Бухарина, Рыкова и Томского. И для них «приказ», как его называет Слепков, приказ по фракции относительно немедленной подачи заявления с отказом был совершенно неожиданным. Не обошлось и без курьезов, например, такой курьез: Слепков, будучи на пленуме крайкома в Самаре... утром выступает с речью в защиту своих позиций, в защиту правых позиций, в защиту Бухарина, Рыкова и Томского; во время обеденного перерыва приходит к себе в гостиницу, или к себе на квартиру, получает директиву от Бухарина с нарочным немедленно капитулировать. На вечернем заседании он выступает с покаянной речью, отказывается от

всех своих убеждений, осуждает правых. И как он теперь говорит: «до того обидно было, что я всю ночь проплакал, потому что меня поставили в такое идиотское положение». Вот, товарищи, таким образом и в момент подачи покаянных заявлений никакого сомнения не было, что действовало централизованное руководство фракции правых, которое давало приказ капитулировать, разрабатывая в то же время план этой капитуляции во всех деталях.

Так, товарищи, обстоит дело с якобы искренним отказом Бухарина, Рыкова и Томского от отстаивания своих позиций в борьбе против партии. Они встают на путь двурушничества, переходят в подполье с тем, чтобы при первой возможности активизировать свою антисоветскую деятельность.

К этому времени, товарищи, т. е. к началу 1930 года, или к 1930 году, принимая во внимание все маневры правых, мы имели сложившуюся организацию правых, примерно в следующем виде. Правые имели свой центр в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Шмидта. Второе — для объединения руководства подпольной деятельностью правых, работающих в Москве, был образован так называемый московский центр, в состав которого входят: Угланов, Куликов, Котов, Матвеев, Запольский, Яковлев. В то же время на местах, на периферии складываются группы правых из числа активнейших участников организации и, главным образом, учеников школки Бухарина, которые решением ЦК были посланы для работы на местах. Такие группы складываются: в Самаре — группа Слепкова, в которую входят Левин, Арефьев, Жиров; в Саратове — группа Петрова [Петровского П. Г.] в составе Зайцева, Лапина [Лапкина В. С.]; в Казани — группа Васильева; в Иванове — группа Астрова; в Ленинграде — группа Марецкого в составе Чернова и др.; в Новосибирске — группа Яглома и Кузьмина; в Воронеже — группа Сапожникова и несколько позднее Нестерова; в Свердловске — группа Нестерова.

Вот эти группы к 1930 году более или менее оформились, организовались с своей фракционной дисциплиной и делали все попытки для того, чтобы вербовать себе сторонников. Они существовали вплоть до 1932 г. с небольшим изменением в своем составе, когда многие из этих участников были изобличены в антисоветской деятельности, подверглись репрессиям, значительная часть была арестована после известной всем конференции правых, состоявшейся в Москве в августе 1932 года. Часть была арестована в связи с разоблачением группы Рютина, и после 1932—33 г.г. члены организации уходят в еще более глубокое подполье. Члены центра и их сторонники на местах поддерживают связь друг с другом только по цепочке. Если в 1932—33 г.г. мы имели большое количество фактов совещаний, собраний и даже конференцию, то в последующие годы всякие совещания запрещаются и связь налаживается только на началах персональных встреч. Так, товарищи, обстоит дело с возникновением и развитием антисоветской организации правых, так, как она рисуется по материалам следствия и тем документам, которые имеются в нашем распоряжении.

Какова же политическая платформа организации правых на протяжении ее существования? Я, товарищи, здесь не стану касаться всем известных отдельных документов, которые подавали правые в свое время ЦК партии, а начну с характеристики тех документов, которые имеются, по крайней мере, в нашем распоряжении сейчас.

В 1929 году, мысли были такие и до 1929 года, правые считали нужным обобщить отдельные разрозненные свои записки, свои разногласия с партией в какой-то единый документ. Была попытка составить такой платформенный документ с тем, чтобы подать его в Центральный Комитет партии. Такой документ был составлен. Однако члены центра правых не решились его подать в ЦК партии, скрыли его от Центрального Комитета партии. Правда, они его не скрывали от троцкистов и зиновьевцев. Бухарин, например, показал этот документ Пятакову. Осведомлен был об этом документе и Каменев. Однако Центральному Комитету партии они не представили его. Достаточно осведомлены об этом документе, обобщающем, были и члены своей организации.

Я не стану в подробностях касаться этого документа. Скажу только, что он не имеет актуального значения для обсуждения сегодняшнего вопроса. Скажу только одно, что документ более или менее откровенно излагает предложения, которые по существу вели к капиталистической реставрации в СССР, обвиняя всякого рода совершенно нетерпимыми, гнусными выпадами Центральный Комитет партии. В

том числе сползая на троцкистские рельсы, правые излагают в нем несогласие по всем коренным вопросам нашего социалистического строительства и вносят свои предложения.

Этот документ не увидел свет. Правые его скрыли. Актуального значения, повторяю, для обсуждения сегодняшнего вопроса он не имеет. Я его коснулся только мельком и хочу перейти к более поздним документам. В первую очередь необходимо остановиться на так называемой рютинской платформе. Прежде всего она объединяет и таинственную рютинскую платформу. Появление этой платформы трактовалось по-разному. Основное, что было выявлено, это то, что существовала какая-то дикая группа, связанная с правыми, которая была более репрессивно настроена. Они решили обобщать все свои настроения и умонастроения в качестве платформы. Итак, эта дикая группа пускает в распространение эту платформу. Эту платформу распространили и правые, и сами рютинцы, и зиновьевцы, и троцкисты. Немножечко, так сказать, была диковина такова, что, например, Рыков давал такие указания своим ближайшим помощникам связаться с правой организацией. Бухарин говорит, что это документ не существующий, говорит, что его ГПУ выдумало.

А вот какова же картина появления этого документа, его природа, на самом деле как она рисуется на основании следственных материалов, которыми мы располагаем. Сейчас, товарищи, совершенно бесспорно доказано, что рютинская платформа была составлена по инициативе правых в лице Рыкова, Бухарина, Томского, Угланова и Шмидта. Вокруг этой платформы они предполагали объединить все несогласные с партией элементы: троцкистов, зиновьевцев, правых. По показаниям небезызвестного всем В. Шмидта, дело с ее появлением рисуется примерно следующим образом.

В связи с оживлением антисоветской деятельности различного рода группировок, правые весной 1932 года решили во что бы то ни стало составить политическую платформу, на основе которой можно было бы объединить всю свою организацию и привлечь к ней все группы.

С этой целью весной 1932 года на даче у Томского в Болшеве был собран центр правых в составе: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Шмидта. На этом совещании члены центра договорились по всем основным принципиальным вопросам платформы, набросали ее план. Шмидт рисует, что даже нечто вроде тезисов было набросано. Затем центр правых поручил Угланову связаться с Рютинным, привлечь кое-кого из грамотных людей, оформить эту платформу, составить и представить на рассмотрение центра. Платформа на основе вот этих предварительных записей, указаний центра, была составлена и осенью 1932 г. Угланов получает эту платформу, первоначальный набросок этой самой платформы уже в законченном виде и предлагает опять собраться центру. По предложению Угланова опять собираются в Болшеве на даче у Томского под видом вечеринки или выпивки какой-то и там подвергают этот документ самой тщательной переработке и чтению. Читали по пунктам, вносили поправки. На этом втором заседании центра присутствовали: Угланов, Рыков, Шмидт, Томский. Тогда Бухарина не было, он был то ли в отпуску, то ли в командировке. Так объясняет Шмидт.

Картину обсуждения этой платформы Василий Шмидт рисует следующим образом, поскольку он сам принимал участие в утверждении и рассмотрении этой платформы. При рассмотрении этой платформы Алексей Иванович Рыков выступил против первой части, которая дает экономическое обоснование, и сильно ее браковал. «Не годится, она уж слишком откровенно проповедывает, это уж прямо восстановление капитализма получается, слишком уж не прикрыта. Надо ее сгладить. Что касается практической части, там где говорится об активных методах борьбы против правительства, там, где говорится о переходе к действенным мероприятиям против партии, тут она написана хорошо и с ней надо согласиться».

Томский выступил: «Экономическая часть — это чепуха, будет она поправлена или нет, потом можно поправить. Главное не в ней (С м е х.), главная вот эта часть, которая говорит об активных действиях». Причем, как говорил Шмидт, назвал эту часть террористической частью. «Эта часть хорошо написана, а раз хорошо написана, давайте согласимся с ней и утвердим». Все согласились с Томским, платформа была утверждена и судя по примерным срокам, которые мы имеем сейчас возможность проверить по данным следствия, — Шмидт не помнит в какой именно

день это было, — но по сопоставлению следствия можно установить, что это совпадает как раз с моментом обсуждения этой платформы на даче в Болшеве у Томского.

Таким образом, товарищи, материалы следствия, по-нашему, бесспорно доказывают то, что фактическими авторами действительной рютинской платформы является не какая-то дикая группа Рютина, нечаянно свалившаяся с неба, а центр правых, в том числе Рыков, Бухарин, Томский, Угланов и Шмидт, они являются действительными авторами и то, что они передоверили свое авторство Рютину, это дело не меняет. На этом же совещании было решено, что ежели где обнаружится эта платформа и будут спрашивать на следствии, что Рютин должен обязательно скрыть и выдать за свою, объявив, что это дикая платформа и т. д. Вот, товарищи, истинное происхождение рютинской платформы.

Само собой разумеется, что Бухарин и Рыков отрицают это дело. Хотя вчера на очной ставке со Шмидтом Рыков вынужден был признать, что на даче Томского он действительно читал рютинскую платформу, правда, он это изображает невинно и говорит, что там были члены ЦК, видимо, члены ЦК получали рютинскую платформу. Я не знаю, рассылались ли членам ЦК рютинская платформа? (Г о л о с а с м е с т. Нет, нет.) Дальше он говорит, что читали под пьянку рютинскую платформу и характеризует ее шляпниковско-медведниковским документом. (Г о л о с а с м е с т. Сообщал ли он кому-нибудь об этом?) Он не сообщил. Он говорит, что члены ЦК имеют право читать любые документы. (Г о л о с с м е с т а. Вчера сообщил.) Да, вчера сообщил.

Я, товарищи, напому для того, чтобы увязать с последующим основные положения рютинской платформы. Рютинская платформа отрицает социалистический характер Советского государства, требует роспуска колхозов и отказа от коллективизации, отказа от линии ликвидации кулачества, от советской индустриализации, предлагает для борьбы против партии и советского правительства объединить все оппозиционные группы, в том числе троцкистов, зиновьевцев, шляпниковцев, правых, леваков и т. д. и в качестве практических мер откровенно формулирует и предлагает индивидуальный террор, требует также, как и троцкисты в известном своем письме — убрать Сталина, под этим подразумевают — убить Сталина, предлагает всем своим единомышленникам выпускать листовки, прокламации, организовывать забастовки на заводах и требует, наконец, свержения советского правительства путем вооруженного восстания.

Если внимательно вчитаться в отдельные предложения этой платформы, то там в такой завуалированной, туманной форме содержится призыв к вредительству и саботажу мероприятий партии и правительства. Эта платформа, товарищи, по существу представляла документ, выражающий собою чаяния, настроения, взгляды, которые требовали прямо капиталистической реставрации в СССР. Если приложите туда последние издания соглашения Троцкого с Гитлером... (Г о л о с с м е с т а. Одно и то же.) Это одно и то же. Так обстоит дело с рютинской платформой.

После рютинской платформы, после выпуска ее прошло, примерно, 5 лет. За эти годы, товарищи, страна гигантски ушла вперед. Для всех победа социализма стала совершенно очевидной. В условиях окончательной победы социализма продолжать активную борьбу с советским правительством, прикрываясь советской фразеологией, не выйдет дело. Дело безнадежно, разоблачить сумеет любой. Поэтому неизбежно должны были возникнуть в группе отдельных правых настроения сформулировать свои настроения более откровенно. Такую попытку составить платформу мы обнаружили сейчас при следствии. Она имеет отношение к 1936—37 г. Эта платформа сама по себе чрезвычайно характерна. Эта платформа имеет обращение ко всем народам Советского Союза и ко всей молодежи. Авторами платформы являются Слепков Александр, небезызвестный ученик Бухарина, Кузьмин, ученик Бухарина, наконец — Худяков. Сидя в тюрьме, в изоляторе они написали эту программу, эту платформу и при освобождении Худякова предложили ему, так как он выезжал в ссылку в Зап. Сибирь, в Бийск, предложили ему связаться, дали ему адреса, предложили связаться с организацией правых, обсудить эту платформу и высказать свои соображения.

Я, товарищи, зачитаю вам некоторые положения этой новой платформы. Прежде всего, ее философская часть. В ней говорится следующее: «Марксизм, как

цельное мировоззрение[...] и, наконец, учение о классовой борьбе». Все это по мнению авторов платформы жизнью опровергнуто, марксизм себя изжил окончательно. Дальше идут рассуждения о высказываниях Спенсера, Герцена и Бакунина и т. д., которые себя оправдали и жизнью перекрыты. Критикуя политическую часть нашего строя они в программе говорят следующее:

«Социалистическая система хозяйства оказалась на деле самой бюрократической... в своих кольцах удава задушила все живое». И дальше: «Диктатура пролетариата с его монопольным положением...» (Г о л о с с м е с т а. Сволочи.) «Философия марксизма превратилась в самую реакционную закостенелую догму... защиты и нападения». Исходя из этого, авторы платформы считают священным и неуклонным долгом свержение такой деспотической власти. И дальше они предлагают образовать новую партию под названием «Народная демократическая партия России». (В о з м у щ е н и е в з а л е.) Так бывший кадет Слепков формулирует сегодня свои взгляды, собака вернулась к своей блевотине.

Дальше, каковы же основные задачи на ближайший период они предлагают. Они считают первым и основным долгом свержение сталинского режима. Какими средствами? Предлагают они следующее: «Это уничтожение может произойти в результате различных причин и способов, из которых мы наиболее удачными и целесообразными считаем следующее: 1) В результате внешнего удара, т. е. в результате наступательной войны Германии и Японии на СССР. (А н т и п о в. Знакомое нам дело.) 2) В результате дворцового переворота или военного переворота, могущего быть совершенным одним из красных генералов. (М е ж л а у к. Тоже знакомое дело.) Дело с дворцовыми переворотами, оно вам достаточно известно из протоколов, которые вам переданы, и надо сказать, что Рыков, Бухарин и другие с этим делом очень долго носились. Таким образом, товарищи, эта программа на первое место выдвигает военное нападение фашистской Германии и Японии на Советский Союз. Они неприкрыто формулируют свое пораженческое отношение к этому.

Кроме того, программа не отказывается и от индивидуального террора. Правда, они называют, видимо, на опыте Кировских событий, это «террористической партизанщиной» и предлагают перейти к групповому террору. (Ш к и р я т о в. Это тоже нам знакомо.) Тоже довольно знакомо из рассуждений, которые были у Бухарина с Радеком и с другими. Но, правда, они не отвергают и отдельных убийств. Однако говорят, что самая последняя «современность», т. е. убийство Кирова — не свидетельствует в ее пользу. Но, однако, рассуждают они — «появление Цезаря всегда неизбежно влечет за собой и появление Брута». (Ш у м, д в и ж е н и е в з а л е.) Они говорят: «Мы — террористы к террору относимся совсем по-другому, чем так называемый официальный марксизм». Вот, товарищи, последнее откровение этой, дошедшей до конца, группы правых.

Кстати сказать, сегодня мы получили телеграмму из Новосибирска, где продолжается следствие, и оказывается, зам. пред. Западно-Сибирского Госплана, как его? (Э й х е. Эдельман.) Зам. пред. Госплана Эдельман принял эту платформу и проводил ее в своей группе правых. (В о р о ш и л о в. А где составлялась эта платформа?) В изоляторе. (С м е х.) (К о с и о р С. Интересный это изолятор.) (С м е х.) (Л о з о в с к и й. Это платформа школки Бухарина.) Да, ее составляли Слепков, известный вам Кузьмин и Худяков. Это очень близкие Слепкову люди, вовлеченные в организацию, его воспитанники. Вот, товарищи, таковы программные политические установки правых, которые нам рисуются на основании тех следственных и документальных материалов, которые мы сейчас имеем в нашем распоряжении.

Перехожу к фактической стороне антисоветской деятельности правых, которую они смогли развернуть в наших своеобразных тяжелых условиях, к их работе за эти годы. Поставив своей целью восстановление капитализма в СССР и захват власти, они по мере успехов нашего социалистического строительства с каждым днем падали все ниже и ниже и переходили к наиболее обостренным формам борьбы.

Прежде всего, товарищи, о террористической деятельности правых. На основании всех следственных материалов, которыми мы сейчас располагаем, не оставляет никакого сомнения, что правые уже давно стали признавать возможность террора в отношении вождей партии и правительства. В условиях полной политичес-

кой изоляции и невозможности как-либо активно другими способами проявить свое подлинное лицо, правые в конце-концов так же, как и троцкисты и зиновьевцы, перешли на позиции индивидуального террора. Тут товарищам известны некоторые факты по протоколам, но я хочу сказать, что террористические настроения у правых зародились значительно раньше. Первые террористические высказывания и разговоры довольно откровенного порядка, которые вскрывались в организации правых, мы имели уже в 1928 году. Небезызвестный вам этот же Кузьмин — автор этой платформы — еще в 1928 г. высказал прямо мысль о необходимости убийства т. Сталина. Он высказал вслух то, о чем тогда поговаривали, не желая сказать этого прямо, окружавшие его люди, в том числе Слепков и другие. Кузьмин еще в 1928 г. прямо поставил вопрос, он ставил этот вопрос, и это был не вообще выкрик взбесившегося молодого парня, вовлеченного в антисоветскую организацию, это — было убеждение человека. Он говорил это уже в 28 г., достаточно прочитать его дневник, чтобы представить себе все настроения его в те годы.

Могут сказать: Кузьмин — одиночка, по русской пословице — «в семье не без урода». К сожалению слишком много уродов в семье правых... (Э й х е. Сплошь одни уроды.) Слепков еще в 1927—28 г., Сапожников прямо поставили этот вопрос, а затем позже они перешли к организации террористических актов. Ну, товарищи, здесь могут поставить такой вопрос: а при чем здесь Бухарин и Рыков? (Г о л о с а с м е с т. О-о-о!) Может быть это настроения отдельных сторонников их? К сожалению, я должен сказать, что наиболее активно организовывались террористические группы там, где они организовывались по прямому указанию либо Бухарина, либо Рыкова, либо Томского. Все вы получили следственный материал по делу правых. Поэтому я ограничусь только тем, что укажу на наиболее характерные, с моей точки зрения, факты.

Что говорит Розит, небыизвестный вам Розит, один из ближайших учеников и друг Бухарина? Он показывает: «террор у нас явление не случайное. Бухарин воспитывал у нас и культивировал исключительную ненависть к Сталину и его соратникам. Я не помню ни одного совещания, ни одной встречи с Бухариным, где бы он не разжигал этой ненависти. В связи с этим мне припомнилось выражение Слепкова о том, что ненависть к Сталину — священная ненависть». Кстати сказать, что по этой ненависти к Сталину определялась преданность Рыкову, Бухарину и Томскому, — это был критерий.

В 1930 году на даче Слепкова в Покровско-Стрешневе Бухарин уже лично даст установку на террор и мотивирует это тем, что ставка правых на завоевание большинства в ВКП(б) бита. Тот же Розит дает следующее показание: «Бухарин прямо сказал, что необходимо приступить к подготовке террористической группы против Сталина и ближайших его соратников»... (ч и т а е т). То есть, у людей даже не вызывало это никакого сомнения потому, что уже до этого почва была уже вполне подготовлена. Почему я привожу это показание Розита? Мы имеем и Слепкова, и Марецкого, и всех остальных из школы Бухарина. Я привожу показания Розита потому, что он один из тех людей, которые ближе были связаны с Бухариным до последнего времени. Таков, товарищи, Бухарин.

Что касается Рыкова, то на первый взгляд вроде как он ни при чем. Правда, из последних показаний, которые вы читали, известно, что он тоже при чем, имеет прямую причастность к этому делу. Правда, Рыков, если взять в сумме членов этого центра, гораздо более осторожный, гораздо более конспиративный, не болтун, знает, где что можно делать, и умеет конспирировать, тогда как Бухарин иногда и взболтнуть любит. Томский дошел вплоть до того, что в своих записочках, довольно откровенных, записывал невероятную чепуху. Мы можем встретить в них антипохабные выражения (так в тесте. — Ред.), махровые выражения по адресу не только отдельных руководителей партии и правительства, но даже и по адресу нашей страны. Человек, который имел переписку до последнего времени с самыми махровыми белогвардейцами, которые ругали и калили советскую власть типично фашистскими выражениями, этот человек считал возможным получать эту переписку, читать ее и, больше того, хранить в квартире и подшивать.

Так вот, о Рыкове. Несмотря на всю его конспиративность и осторожность, я хочу привести следующие показания бывшего заведующего секретариатом Рыкова в Совнаркоме Нестерова, человека, лично очень близкого к Рыкову. Он дает следующие показания: «Вокруг Рыкова мы, правые, пытались создать такие настро-

ния»... (читает). В соответствии с этим Рыков, несмотря на свое особое положение, не стесняется давать прямые указания об организации террористических групп. Вот этот же Нестеров рассказывает, как он перед отъездом в Свердловск в мае 1931 г... (Молотов. Какой это Нестеров?) Заведующий Секретариатом Рыкова. Рыков обрадовался приходу Нестерова и сказал, что из пред. совнаркомов он попал в почтмейстеры. Вот, говорит, вам и Политбюро, вот, говорит, и линия на сработанность, попал в почтмейстеры. Рисовал он довольно в мрачных красках положение в стране и предложил ему организовать в Свердловске группу единомышленников, подобрать боевиков террористов с тем, чтобы при случае послать их в Москву. Нестеров показывает: «как партия училась организации вооруженных сил в эпоху... (читает). Нам нужно учиться стрелять по-новому». И далее, Рыков дал прямое указание организовать террористические группы. И далее: «в этой беседе Рыков дал мне прямую директиву...» (читает). Немало изобличающих показаний дает и другой бывший «ученый» секретарь Рыкова Радин. Он показывает, что «в одном из разговоров со мной Рыков мне сказал...» (читает).

В показаниях Радина, Котова и других вы найдете достаточно изобличающих материалов. Я хочу остановиться только на одном факте. При очных ставках чрезвычайно трудно отрицать все эти факты, которые прямо предъявляются Рыкову. Кстати сказать, он сам лично просил об очных ставках с определенными лицами. Радина он характеризовал мне предварительно, как человека чрезвычайно умного, спокойного и талантливого и просил раньше устроить очную ставку с ним. Когда устроили очную ставку с ним, после этого или предварительно он заявил, что действительно в 1932 г. Радин приходил к нему на квартиру и у Радина были такие настроения антипартийные, антисоветские. Он требовал от Рыкова, якобы: «Что же вы тут в центре сидите, ничего не делаете. Давайте вести борьбу, активизироваться» и т. д. Словом, нажимал на Рыкова Радин. Вообще Рыков жаловался, что Радин провоцировал его на такие резкие выступления. Но я, говорит, его отругал, выругал, выгнал и т. д. В частности, когда Радин хотел уходить из партии, я его обругал. Словом, Рыков хочет изобразить дело так, что не он влиял на Радина, а Радин влиял на Рыкова. Но при этом он ограничивался такими отеческими внушениями. А сказал ли он партии об этом? Не сказал. В этом, говорит, моя ошибка.

Несколько фактов, показывающих, что речь идет не только о разговорах по вопросам террора, а речь идет о практической деятельности. Из фактов этого порядка я привожу следующие. В 1931 году по директиве Рыкова Нестеров организовал в Свердловске террористическую группу в составе: Нестеров, Карболит (Кармалитов А. И. — *Ред.*), Александров. Нестеров, Карболит, Александров, все признали свое участие в террористической организации, все показали, что они дали свое согласие вступить в террористическую организацию, все признали, что по первому вызову они обязались прибыть в любое место Советского Союза для того, чтобы пожертвовать своей жизнью в пользу своей правой организации.

Второй факт. Член Московского центра правых Куликов, а также Котов по поручению Угланова создали в 1931 году террористическую группу в Москве в составе Котова, Афанасьева, Носова. Котов, Угланов, Афанасьев и Носов — все сознались в этом. Я не буду приводить конкретных показаний, они известны вам из разосланных протоколов. Далее установлено, что в начале 1933 г. Бухарин поручил бывшему троцкисту и бывшему эсеру Семенову подготовить террористический акт против т. Сталина. Об этом дает показания Цетлин — достаточно близкий Бухарину человек, который знал всю подноготную, что творится у Бухарина, самый преданный ему человек.

Наконец, по личному поручению Рыкова вела наблюдение, устанавливая наиболее легкие способы совершения террористического акта, некая Артеменко — близкий человек Рыкову, жена этого самого Нестерова. Далее, по личному поручению Рыкова активный участник организации правых Радин вместе со Слепковым вел тоже подготовку по вербовке членов для совершения террористического акта против тов. Сталина.

Я, товарищи, совершенно исключаю здесь четыре террористических группы, организованные Томским, ограничусь пока что теми показаниями, теми фактами, которые я здесь изложил. Такова, товарищи, документальная, фактическая сторона террористической деятельности организации правых. Мне кажется, что на основе показаний всех участников, на основе документов, которые мы имеем,

эта сторона подлой антисоветской деятельности правых и членов этого центра Бухарина, Рыкова и других совершенно доказана.

Далее, товарищи, я хочу в нескольких словах остановиться на идее так называемого «дворцового переворота». Наряду с идеями индивидуального террора в 1930-31 гг. правые усиленно поговаривали о возможности реального осуществления идеи так называемого «дворцового переворота». Мыслилась она в разных вариантах, но в основе своей она заключалась в том, что надо арестовать правительство, ввести какую-то воинскую часть, уничтожить правительство и назначить свое. Так они предполагали, что им удастся коротким таким ударом по руководству партии и правительства быстро приблизиться к власти. Эта идея, довольно распространенная одно время, широко обсуждалась в кругах правых. Я думаю, что, товарищи, мы до конца еще не докопались во всех фактах, сопутствующих обсуждению этих планов, но я не исключаю, что кое-какие реальные перспективы, они может быть маячили в те времена перед ними. Достаточно сказать, что мы сейчас арестовали одного бывшего работника ЧК в Ленинграде, который работал в нашем аппарате, он присутствовал на совещании в группе правых и усиленно поддерживал эту самую идею «дворцового переворота», как наиболее легко осуществимую. Причем предлагал им свои услуги в деле установления связи... (Г о л о с с м е с т а. Кто это?) Это — рядовой работник, бывший белорусский работник, сейчас в Ленинграде в пожарной команде работает.

Каковы же варианты этой идеи «дворцового переворота»? Я здесь не буду останавливаться на показаниях Сапожникова, они известны вам, я приведу только наиболее характерные показания Цетлина. Он дает следующие показания: «Инициатором идеи «дворцового переворота» был лично Бухарин и выдвинул ее с полного согласия Томского и Рыкова»... (ч и т а е т). «Выдвигался второй вариант для осуществления «дворцового переворота»: во-первых, — распространить наше влияние на охрану Кремля, сколотить там ударные кадры, преданные нашей организации, и совершить переворот путем ареста... (ч и т а е т, кончая словами: «используя служебное положение Рыкова, как председателя Совнаркома, ввести эту воинскую часть по приказу в Кремль»). В случае удавшегося переворота они распределяли посты. Предлагался на пост секретаря ЦК Томский, остальные посты в ЦК займут Слепков и вообще все другие участники правых. Таковы факты. Из тех идей, которые особенно характерны были в 1930—31 гг. для Бухарина, была идея «дворцового переворота».

Я, товарищи, затянул несколько доклад, разрешите мне дальше совершенно выпустить этот раздел, где говорится о блоке с троцкистами и зиновьевцами, ибо новых материалов в сравнении с теми, которые были на процессе и которые всем известны, я ничего прибавить не могу. Следует только сказать об этом самом блоке с троцкистами и зиновьевцами, о его некотором своеобразии, как оно рисуется по материалами следствия и как оно мне представляется.

Видите ли, то, что правые после поражения в 1929 г. сразу же встали на путь поисков связей с зиновьевцами и троцкистами, это показывают всем известная встреча Бухарина, его переговоры и т. д. и т. п. Сейчас мы располагаем еще одним новым фактом. Тот же Шмидт Василий сообщил нам следующую новость о том, что в конце 1930 г., насколько я помню по его показаниям, вызвал Шмидта к себе Томский и говорит ему: «Нужна дача мне твоя на вечер один». Тот его спросил: «Зачем?» Он говорит: «Не твое, — говорит, — дело». «Нет, скажи». «Для нашего собрания надо». Он членом центра был, спрашивает: «А я могу?» «Нет, — говорит, — нельзя. Дай дачу». Я вначале немножко поартачился, обиделся, говорит он. «Не хочешь дать? Найдем другую, другую квартиру найдем». Ну, потом, говорит, я предоставил, уехал сам. «Затем на второй день я насел на Томского, устроил ему истерику. Что же такое получается? Вы там, тройка, что-то такое решаете. Я сам член центра, что я идиот, дурак что ли, я вам только подчиняться должен. В чем дело, расскажи. Нажимал на Томского, и Томский проболтался, говорит: было свидание у нас, был Рыков, был Бухарин и был я, и был Каменев на даче. На все мои расспросы, о чем говорили, он сказал: я не скажу, не могу сказать».

Рыков, понятно, и Бухарин это отрицают, но у меня имеется один чрезвычайно любопытный объективный факт. На днях жена Томского, передавая некоторые документы из своего архива, говорит мне: «Я вот, Николай Иванович, хочу рассказать вам один любопытный факт, может быть он вам пригодится. Вот в конце

1930 г. Мишка — она называет своего мужа так — очень волновался. Я знаю, что что-то такое неладно было. Я увидела, что приезжали на дачу Васи Шмидта такие-то люди, он там не присутствовал. О чем говорили, не знаю, но сидели до поздней ночи. Я это дело, говорит, увидела случайно. Я почему это говорю, что могут теперь Васю Шмидта обвинить, но он ничего не знает». Я говорю: «А почему вы думаете, что он ничего не знает?» «Потому, что я на второй день напустилась на Томского и сказала: ты что же, сволочь такая, ты там опять встречаешься, засыпешься, попадешься, что тебе будет?» Он говорит: молчи, не твое дело. Я с ним поругалась и сказала, что я еще в ЦКК скажу. Потом пришел Вася Шмидт, я на него набросилась: ты почему даешь квартиру свою для таких встреч? Он страшно смутился и говорит: я ни о чем не знаю. Вот она какой факт рассказала. Таким образом это не только показание этого самого Шмидта, но это совпадает и с тем разговором, который у меня с ней был при встрече.

Таким образом, товарищи, уже в конце 1930 года, как видите, они считают возможным встретиться за городом, в конспиративной обстановке, поговорить. Я не думаю, чтобы это был душевный разговор и чаепитие. Если бы это было так, то вероятно, Василия Шмидта пригласили бы. Видимо, разговор был серьезный, о котором они даже не сочли возможным сообщить Шмидту. Тут Шмидт говорит: я им сказал — дураки, вас же Каменев выдаст. Они говорят — ничего, не выдаст. Ну, а если он выдаст, мы его уничтожим физически. Так Шмидт говорит. Это первое.

Связь правых с троцкистами и зиновьевцами отмечена и в 1932 году. Факты эти известны. Но вот настороженность, чем объясняется та известная осторожность или настороженность, когда люди не шли на прямое слияние? Мне кажется, что здесь наверху они не шли, они давали прямую директиву на блок с троцкистами внизу и фактически мы имели в Самаре, Саратове и Свердловске прямое объединение их с троцкистами. Они объединяются в блок, действуют и работают вместе, там их трудно разобрать кто правый, различия между ними никакого нет, они работают вместе. А здесь, наверху, они осторожничали. Почему осторожничали? Исходили из следующего: они считали, что Зиновьев, Каменев и другие троцкисты и зиновьевцы настолько дискредитированы, что связывать свою судьбу с ними небезопасно. Поэтому они установили взаимную информацию, взаимное осведомление, взаимный контакт. Но дальше этого они не шли для того, чтобы блокироваться прямо. Как некоторые правые поговаривают, в частности, из школки Бухарина, здесь имелась известная боязнь правых того, чтобы как-нибудь их не вышибли в случае захвата власти, как бы не слишком много мест досталось троцкистам и т. д. Хотя это второстепенное. Мне кажется, что главное в том, что они не шли на организационное слияние с троцкистами — это боязнь. Есть еще последний момент, когда установилась прямая связь. Хотя можно считать, что формально ни Бухарин, ни Рыков, ни другие не входили в параллельный или в объединенный троцкистско-зиновьевский центр, но то, что они были вполне осведомлены о всей их деятельности, то, что они были целиком информированы и согласны, это у меня не вызывает никакого сомнения.

Хочу остановиться, товарищи, на позиции правых, на деятельности правых в их отношении с эсерами и, в частности, хочу остановиться на их отношении к кулацким восстаниям. На основе материалов следствия, которыми мы сейчас располагаем, должен прямо сказать, что правые своим сторонникам на местах давали прямые указания относительно того, что в случае деревенских восстаний, которые, они предполагали, будут широко развернуты в 1930-31—32 г.г., чтобы не остаться в стороне от этих движений, мы должны возглавить эти движения. Из тех фактов, которые вам известны, я не буду их повторять, я только хочу сказать следующее, что в 1930—31 г.г. по показаниям арестованного ныне известного Яковенко, партизана... (Г о л о с с м е с т а. Наркомзем что ли? М о л о т о в. Не все вы знаете.) Да, совершенно верно. Так вот этот самый Яковенко в своих показаниях говорит о том, что в 1930—31 г.г. он имел неоднократные беседы с Бухариным, высказывал свое несогласие с политикой партии в деревне, считал, что в вопросе коллективизации партия особенно ошибается, считал неизбежным кулацкие восстания, считал нужным ввести эти кулацкие и иные восстания в какое-то организованное русло. Бухарин его усиленно поддерживал. Когда он сообщил Бухарину, что имеет связь, очень близкую связь с сибирскими партизанами. «Ко мне без конца наез-

жают люди, и что я имею возможность организовать их». Был образован партизанский центр.

Сам Яковенко более или менее регулярно осведомлял Бухарина, что он имеет возможность организовать восстание в некоторых районах Западной Сибири, Красноярского края, Восточной Сибири. Бухарин тогда высказал такую мысль: что если бы успешно удалось организовать восстание, то не исключена возможность, что можно было бы там организовать известную автономию — Сибирское государство, которое бы давило на сталинский режим (С м е х.), помогало бы нам в вопросах колхозной политики. (В о р о ш и л о в. Государство в государстве. К а г а н о в и ч. Вроде как у Колчака). Они ставили вопрос о создании этого государства. Дальше, я, товарищи, не буду зачитывать вам те показания, которые имеются у вас на руках. Я должен сказать, что самое горячее, активное участие во всех таких событиях — затруднение с хлебозаготовками на Кубани, во всех сибирских волынках, самое активное участие, где только можно приложить, правые обязательно принимали как директиву — вязаться в это дело.

Фактов с эсерами я не буду перечислять, здесь нового ничего нет. Кроме показания Цетлина мы ничего не имеем. Зачту только одно предварительное показание Яковенко. Он показывает: «Я рассказал Бухарину свою отрицательную точку зрения на политику ЦК ВКП(б). Информировал о своем впечатлении о моем приезде в Сибирь, откуда я недавно вернулся»... (ч и т а е т). Установка Бухарина, говорит, полностью совпадала с моими взглядами и я их принял.

Таковы факты, которыми мы располагаем в отношении правых к вопросам крестьянских восстаний, которые имели место в 1930—31 г.г., в ряде которых они участвовали. Также они принимали участие в организованных волынках на промышленных предприятиях. Мы сейчас находимся в стадии расследования чрезвычайно важных вичугских событий и вообще событий в Иваново. Они были по существу организованы правыми. (Г о л о с с м е с т а. В 1932 году?) Да, в 1932 году — вичугские события были организованы правыми. Об этом дают показания активнейшие участники правых, Башенков и другие. (С т а л и н. Какие события? Мы не знаем. В о р о ш и л о в. Не все знают.) События, о которых было решение ЦК партии, они всем известны. (К о с и о р. Они были опубликованы в печати.) Да, опубликованы в печати. Это событие в связи с некоторыми хлебными затруднениями, как сейчас выяснилось, начались искусственные забастовки. (Ш к и р я т о в. На текстильных предприятиях.) Волынки на текстильных предприятиях. Оказывается, как сейчас установлено, к этому прямую руку приложили правые, организовали вичугские волынки.

О вредительской деятельности правых. Наряду с линией на террор, правые считали возможным принять тоже линию на вредительство. Мы имеем десятки показаний сейчас, в том числе таких активнейших участников правых, как Яковлев, Кротов, Шмидт Василий, которые проводили активнейшую линию на вредительство. В частности, Шмидт Василий, будучи директором Трансугля на Дальнем Востоке, он вел этот развал, за который его снял Центральный Комитет с работы. Он говорил, что этот развал был произведен сознательно. «Развалил я трест сознательно по директиве правых, имел людей своих, вредителей, которые вредили каждый день».

Выводы какие? Таким образом, товарищи, мы на основании всех материалов следствия считаем установленным, во-первых, что центр антисоветской организации правых в лице Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Шмидта двурушнически отказался в конце 1929 года с маневренной целью от своих правых взглядов, обманывал партию, не выдавал своей подпольной организации, сохранил ее и продолжал борьбу с партией до самого последнего времени. Поставя своей основной целью добиться захвата власти насильственным путем, изложив свою открыто буржуазно-реставраторскую платформу, так называемую платформу Рютина, они вступили фактически в блок с троцкистами, антисоветскими партиями эсеров и меньшевиков и вместе с ними возглавляли антисоветские осколки разгромленных классов в нашей стране и превратились в конечном итоге в агентуру фашистской буржуазии.

Для осуществления своих буржуазно-реставраторских планов центр правых в лице Бухарина, Рыкова, Томского и других встал на путь организации террора в отношении партии и правительства, на путь вредительства, на путь блока с антисо-

ветскими партиями, на организацию кулацких восстаний и на организацию волынок на заводах.

Мне кажется, что все это ставит в отношении Бухарина и Рыкова, людей, которые целиком отвечают за всю деятельность правых организаций вообще и за свою антисоветскую деятельность в частности, — ставит вопрос о возможности пребывания их не только в составе Центрального Комитета партии (Голос с места. Правильно.), но и в составе членов партии. (Голос с места. Правильно. Голоса с мест. Этого мало.)

М о л о т о в. Товарищи, поступило предложение — сделать перерыв на 10 минут.

М о л о т о в (председательствующий). Слово имеет т. Микоян.

М и к о я н. Товарищи, дело Бухарина, Рыкова мы обсуждали еще на предыдущем пленуме ЦК, но обсуждение вопроса было прервано и отложено до этого пленума, и решение также было отложено до этого пленума по предложению т. Сталина, который в интересах того, чтобы еще более подробно разобраться и дать возможность Бухарину и Рыкову все силы мобилизовать, все факты собрать, и для того, чтобы проверить правильно ли обвинение на них возлагаемое, желая проявить большую осторожность, чем поспешность в этом деле, — этот вопрос был перенесен на этот пленум ЦК ВКП(б). Тогда, на том пленуме ЦК, Бухарин и Рыков держались тактики слез и мольбы, чтобы повлиять на чувства членов ЦК, выступая по адресу ЦК с некоторыми упреками, что не дали им возможности иметь очные ставки с троцкистами, что не дали им возможности во всех материалах разобраться и просили дать время разобраться в делах и проверить все факты. Теперь, когда за эти 2 месяца еще новое, большее количество неопровержимых доказательств найдено и имеются в руках у следствия, когда уже устроены очные ставки с обвиняемыми, когда на очных ставках троцкистов, правых вместе с Бухариным и Рыковым, на очных ставках участвовали члены Политбюро и сами проверяли и вопросы задавали, т. е. когда вопрос выяснен досконально, до такой степени объективности, до такой степени проверенности, что никто не может бросить хотя бы малейшего упрека в поспешности, наоборот, пожалуй, люди говорят, что зачем так долго возмемся, так долго тянем этот вопрос, не вредно ли это для партии, имея такие доказательства тянуть с решением такого важнейшего вопроса, не есть ли урон для нашей партии, что люди с таким грязным обвинением находятся в составе членов ЦК нашей партии.

Бухарин после этого пленума, увидав, что тактика слез не помогает запутать вопрос, он перешел к тактике угроз... (Голос с места. К тактике вымогательства. Петровский. Ультиматума.) к тактике угроз в отношении ЦК партии. Бухарин, идя по стопам врага народа Троцкого, направил против ЦК его оружие, это Троцкий всегда ставил ЦК ультиматумы, Троцкий всегда забрасывал нас записками, Троцкий старался путать всю обстановку, опорочивая аппарат ЦК и НКВД, теперь все оружие Троцкого против нас обратил Бухарин. Троцкий еще организовывал демонстрацию против партии на улице, но у Бухарина нет возможности устроить демонстрацию, теперь у него нет масс, времена другие, но вот такая демонстрация Бухарина в НКВД, когда он организовал политическую демонстрацию, как же иначе объяснить эту угрозу голодовки и угрозу неявки на пленум ЦК. Когда нет массы, нет других способов протеста, то Бухарин берется за голодовку в виде протеста.

А разве раньше голодовка не была в руках революционеров средством протеста против царского самодержавия? И Бухарин пишет в ЦК партии такие строки. Я не знаю, как может член партии, большевик такие слова направить по адресу ЦК? Он пишет: «В необычайнейшей обстановке я с завтрашнего дня буду голодать полной голодовкой, пока с меня не будет снято обвинение в измене, во вредительстве, в терроризме». Таким образом, Бухарин предъявил нам наглый ультиматум вместо просьбы обсудить все эти вопросы. Он говорит — нет, не хочу с вами обсуждать пока не снимете обвинения с меня. Разве может пленум ЦК под страхом угрозы, под давлением ультиматума разбирать какой-нибудь вопрос? Это разве не желание запутать вопрос? Вместо детального разбора дела, путем запугивания, путем угроз он пытается запутать все дело. Это ясно. Против него имеются теперь такие улики, что всякий разбор может Бухарина еще больше разоблачить и боясь этого он хочет Центральный Комитет брать страхом. Голодовка и новое оружие

борьбы — отказ от явки на Пленум ЦК. Он говорит: «Вот, я написал вам 100 страниц, прочтите». Разве обсуждение на Пленуме ЦК состоит в том, что один написал, другой ответил, и этим решается вопрос? А почему вас не интересовало и не интересует, что скажет докладчик, что скажут члены Центрального Комитета, которые выступят и обсудят вопрос? Разве это обсуждение заменят всякие ваши бумажки, которые вы стряпаете, разве на ваше поведение не повлияет обсуждение на Пленуме ЦК? Или то, что мы скажем здесь вас не интересует?

Это поведение Бухарина совершенно нетерпимо и в большевистской среде это не имело прецедента. Правда, Троцкий, будучи в составе ЦК пытался эти методы внедрять как средство борьбы. Это заброшенное, заржавевшее оружие Троцкого в его борьбе с партией поднято сейчас Бухариным. Это есть новое доказательство того, что он продолжает сейчас бороться против ЦК. Иначе, как же у него поднялась бы рука написать такие строки с угрозой, с ультиматумом, с требованием снять с него обвинение без обсуждения вопроса на пленуме, накануне созыва пленума ЦК, с требованием, чтобы политбюро накануне пленума ЦК сняло с него обвинение и этим самым предрешило бы обсуждение вопроса на пленуме ЦК. Это мог сделать лишь тот, кто совсем разоблачен до конца и никак не может прикрыть свои враждебные позиции. (Б у д е н н ы й. Наготу свою прикрывает.) Собственную наготу.

Он потом прислал другое письмо, сегодня. Вообще он забрасывает письмами, думает, что ЦК только и должен делать, что все время читать его письма. Это тоже из арсенала Троцкого. Троцкий ничего не делал и требовал, чтобы читали его бесконечные письма. Это тоже средство борьбы против партии. Он знал, что если много будет писать и рассылать, а при рассылке это пойдет кой-куда, кой-кому, просочится кое-где, — при отсутствии масс это тоже есть средство борьбы, испытанное врагами партии. Вообще, когда читаешь записки Бухарина, то страшно становится — за кого он принимает Центральный Комитет партии. Как будто у нас нет опыта борьбы с врагами партии, как будто мы не знаем, как раскусить врага. Нам трудно было разоблачить новый вид врага в нашей партии, двурушника, потому что мы привыкли бороться с людьми, высказывающими хотя и неправильные, но те взгляды, которые у них имеются. Когда же нам пришлось иметь дело со скрытыми врагами, которые защищали партийные взгляды и в то же самое время боролись против партии, мы были настолько неопытны против этих двурушников, что оказались разоруженными против озверелых врагов.

Как можно рассчитывать на успех таких заявлений против большевистской партии, которая имеет за своей спиной борьбу с меньшевиками, троцкистами, зиновьевцами и, наконец, Бухариным.

Сегодня он написал второе письмо. Это письмо есть попытка изобразить себя несколько наивным, а скорее он хитрит. Думает, что мы не понимаем его тактики. Вместо того, чтобы признать ошибки, он виляет все время неприлично, недостойно. Вот что он прислал в Политбюро ЦК ВКП(б). «Дорогие товарищи, я должен сообщить... (ч и т а е т)... в теперешнем состоянии». (М е ж л а у к. Вот тебе раз.) Решение ЦК членам ЦК разослано? (Г о л о с а с м е с т. Разослано.) «Первое, я никогда и нигде... (ч и т а е т)... да еще в состоянии крайне далеко от нормального (С м е х).... ибо можно человека принести!» Смотрите... (С м е х). (Б у д е н н ы й. Двучленное письмо.) потерял память, хотя когда ему нужно что-нибудь, так он все прекрасно вспоминает (ч и т а е т)... «иногда не находишь слов»... Не видно этого по его длинным запискам. ...«Поймите, что я не тактикой какой-то занимаюсь...» Он сам видит, что это тактика, глупая тактика... «Я очень прошу сообщить членам ЦК настоящее мое письмо». Я забыл прочитать примечание. Я его прочту: «Если только нервное возбуждение не превратится в последнюю вспышку энергии, а может быть наоборот».

Это попытка затушевывания своих ошибок, увиливания, жульничества, вместо того, чтобы притти и сказать, что я ошибся, это небольшевистский подход, прошу прощения. Это говорит о том, что оружия против нас он не сложил. Может быть он не умно борется, глупо, но оружие он держит против нас и силы у него для этого хватит.

Бухарин взял манеру Троцкого опорочивать все документы и факты. Он в своих документах делает выпады по адресу аппарата Наркомвнудела. Он имеет право критиковать Наркомвнудел. В розданных тезисах по докладу тов. Ежова

критика аппарата дана очень жесткая. Но мы критикуем для того, чтобы исправлять аппарат, а он всякими намеками, прямыми выпадами, гнусными, наглыми хочет опорочить весь аппарат, и в особенности обновленный аппарат. Тов. Ежов по-большевистски всю душу вложил в улучшение работы аппарата. Я должен прямо признать, что ошибки в аппарате были, но сейчас я был поражен точностью между показаниями письменными и теми показаниями, которые давались на очной ставке, во время которой я был. Я потом тов. Ежову сказал, что я должен признаться, что аппарат, который вел это следствие, выдержал большевистский экзамен правдивости и точности.

И вот Бухарин делает выпады против этого аппарата: «Ах, сами следователи дают показания», новые обвинения вроде того, что толкает, что ты должен сказать... Словом, вроде того, что это сочинено против него. Только враждебный человек может относиться так к нашему органу НКВД, который старается всемерно и успешно старается быть орудием партии, быть орудием защиты нашего советского государства. (К а г а н о в и ч. То, что фашисты пишут в газетах.) Это тоже Троцкий так делал, потом к этому прибегали Зиновьев и Каменев.

Он не щадит при этом и нашу партию. Он говорит о политической установке современности, намекает, что следователи наталкивают своими особыми допросами людей, что есть какая-то политическая установка и получается вроде того, что ЦК организует специально против него обвинение, что ЦК не хочет по-настоящему разобраться во всех материалах, что у него нет желания спасти человека, если есть хоть малейшая возможность его спасти, а наоборот, ЦК собирает против него материал. Это гнуснейший выпад против нашего Центрального Комитета. И это говорится после того, как Центральный Комитет нянчится с этими людьми черт знает сколько времени. Члены партии начинают заявлять, что нельзя столько времени нянчиться. (О б щ и й ш у м, в о з г л а с ы: Правильно! Довольно нянчиться!) И вот он делает такой выпад против ЦК.

Это именно троцкистский метод опорочивания аппарата, компрометация людей, опорочивание ЦК нашей партии. Он к этому прибегает потому, что бессилён опровергнуть факты и документы. И это бессилие он хочет чем-нибудь прикрыть и для того, чтобы попытаться запутать дело, и для того, чтобы продолжать борьбу против ЦК: а, вы меня обвиняете, я перехожу в контрнаступление против вас. Он путает с датами, хотя все это записано и проверено. Он хочет доказать, что врут, сочиняют и прочее. Он хочет сказать, что нельзя верить показаниям. Конечно, нужно относиться с величайшей осторожностью к показаниям уже разоблаченных врагов. Но, товарищи, у нас есть некоторая практика, некоторый опыт по части проверки подобных показаний. Центральный Комитет принял все меры для того, чтобы всесторонне проверить эти показания. Один показал, другой показал, третий, четвертый, десятки людей дали показания, которые совпадают. Это говорит об их правильности. Наконец, очные ставки, которые были проведены, также подтвердили показания. И после этого он пытается попросту отмести все эти показания.

Конечно, товарищи, врагу нельзя полностью верить, нельзя сказать, что враг полностью сказал всю правду. Они многое спрятали, чтобы не все концы выдавать, они признали только то, что уже было полностью доказано, чего не признать нельзя было (Г о л о с а с м е с т. Трудно отрицать.), но доказано, что подавляющее большинство сообщенных фактов и фамилий — это правда. Поэтому так просто бросаться обвинениями, что всем этим показаниям нельзя верить — в этом заинтересован только Бухарин, партия в этом не заинтересована. Много раз проверенные показания говорят о том, что в этой части они в большинстве своем — правда. Не все правда, но в этой части, к сожалению, правда. Это удар по нашей партии, по нашему Центральному Комитету, но нельзя отрицать фактов, которые признаны и никто не может их опровергнуть.

Бухарин требует, чтобы мы верили ему как члену Центрального Комитета. Можно было верить, если бы факты говорили за Бухарина. Но эти факты за него не говорят. Имело бы вес, если бы он мог сказать, что я никогда не врал партии... но ведь Бухарин прямо поразительно умеет врать, прямо мастер вранья. Я не буду удаляться в старые времена — в 1927, 28, 29 г.г., но могу простой факт привести — я приведу живой пример последнего пленума. Вы помните, он выступал со слезами на глазах, рыдая говорил, — я утверждаю (из речи его можно зачитать, чтобы не

было ошибок, по его исправленной стенограмме): «Я не видал Куликова с 1929 года». Тов. Сталин реплику дал: Как, верно ли относительно Куликова? В ответ на реплику т. Сталина Бухарин говорил: «Надо выяснить, где и когда Куликов меня видел, и выяснится, что с конца 1929 года он меня не видел». Эти слова из исправленной им стенограммы. А вот мы были на очной ставке, и Бухарин признал, что в 1932 году он Куликова видел, говорил с ним. Он сказал, где и когда. Они около Александровского сада ходили, говорили о политике, говорили о кадрах, твердые они или не твердые. Это он сказал. Я потом прочитаю. А помните на пленуме ЦК, — казалось, человек был в самом апогее откровенности, человек в слезах, рыдал, казалось бы, как можно врать? Наврал! Через день когда уже многое открылось, признал.

Против фактов трудно идти, когда они прут. Как же можно верить? Теперь Бухарин говорит, что виделись не в начале октября, а в середине октября. А ведь это такая вещь, встреча с Куликовым, которую нельзя забыть. Ведь был политический разговор. Это не обывательская встреча, которую легко забыть. Они говорили о кадрах, твердые они или не твердые, Куликов упрекал Бухарина, что, мол, мало сравнительно делается, надо быть активнее. Он его успокаивал. Но все-таки факт остается фактом — он наврал пленуму ЦК. И пожалуй я лично тогда поверил Бухарину — черт его знает, может быть Куликов и врет. Оказалось, что не врет. Выходит, то, что он сказал, подтвердилось, а то, что Бухарин сказал, не подтвердилось. Как же можно верить ему. Имеем ли мы право верить, если у нас душа такая — политиков и острая? Мы не имеем права верить. Мы — политики, мы несем ответственность перед ЦК, мы не имеем права идти против этих фактов, которые доказаны.

Наконец, Бухарин сказал (я зачитаю дословно, чтобы нельзя было сказать, что, мол, я сказал иначе и прочее и прочее). «До 1930 года я бузил против партии, а после честно работал вместе в партии, поэтому нечего на меня набрасываться. Я уже шесть лет работаю вместе с партией. Когда я сделал последнее мое заявление — по поводу «организованного капитализма» зимой 1930 года, я абсолютно всякую борьбу против партии прекратил. Я заверяю честным словом (вот его честное слово!), что все последние годы я не только просто формально выполнял работу, но с огромной душой, с огромным увлечением работал». Вот что он сказал. Казалось бы, слушайте, как не верить такому человеку, если не быть опытным, если не знать с кем дело имеешь. (Г о л о с с м е с т а. Клялся гробом Владимира Ильича.) Так много сволочи воспользовалось нашим человеческим доверием к ним, вроде Пятакова и других, что мы не имеем права просто верить.

Этот же Бухарин написал свое заявление к нам в ЦК, оно вам разослано. Он сказал — с 1930 года я всей душой работал. Я читал его слова. Теперь же, после того, как он приперт фактами, очными ставками, он говорит: «После самоликвидации оппозиции... до 1932 года... (не с 1930 года, а до 1932 года) был процесс изживания старых ошибок... (процесс изживания! значит, еще не изжит был тогда, узнаем мы сегодня этот процесс изживания) были элементы двойственности...» (двурушником он боится себя назвать, а какая между ними разница — двойственность в политике и двурушничество). Двойственность в политике это двурушничество. А он признает, была у него двойственность до 1932 г., в скобках групповщина. Значит, не только идейное двурушничество — высказать одно, а думать другое, но организационное двурушничество, групповщина. А тов. Бухарин, вы же знаете, что групповщина осуждена нашей партией, запрещена. Вы же в свое время обещали ликвидировать групповщину и вы же признаете в своем заявлении пленуму сейчас наличие элементов групповщины. Он добавляет: «Но вся динамика направлялась у меня, я думаю и у других, в сторону полного слияния с партией». Это для того, чтобы хвосты спрятать получше. Это же неважно. Ну, как же можно так врать и требовать, чтобы партия верила при наличии таких улики?

Наконец, на очной ставке с Куликовым он сам подробнее этот тезис развернул. Разрешите тоже прочитать, чтобы продемонстрировать, как Бухарин умеет врать пленуму ЦК в самые сокровенные моменты его жизни, в такой момент, когда члены пленума находятся в тяжелом настроении и не хотят поднять руку на Бухарина, чтобы считать его врагом. Но мы жалеем человека, хотя не имеем права этого делать. Вот что говорил он. Я сам присутствовал и считаю, что все это абсолютно правильно, он сказал следующее: Ежов его спросил: «Бухарин, нельзя ли конкрет-

нее о разговоре с Куликовым в 1932 г. рассказать». Бухарин сказал: «Я действительно встретил Куликова в переулке, где жил Угланов в 1932 г. Он взял меня под руку. Правильно и то, что я страшно субъективно эту историю переживал, даже плакал». (Г о л о с а с м е с т. Он и сейчас все плачется.) Когда потом заявлял, что после 1929 г. никогда не видел Куликова. Вы видите, как часто он плачет. (Г о л о с а с м е с т. Крокодиловы слезы.)

И какая цена этому плачу! «Я разводил руками, не знал, что делать». Он подавал заявление о верности партии и разводил руками — не знал что делать. (Б у х а р и н. Это же не про то совсем.) Подожди, ты потом можешь сказать, эти выкрутасы мы знаем, тут документ. Я до конца прочитаю, если хочешь. Прочитаю, сколько тебе надо. Дадим тебе полную возможность еще раз прочитать. Эти глухие намеки, якобы для того, чтобы опровергнуть все эти показания, надо еще месяц работать. Два месяца ему мало. Когда ты запутался здесь в контрреволюционных штуках, никакие месяцы тебя не спасут. Если ты, идя против партии, спутался с контрреволюцией и хочешь месяцем спастись, это не выйдет. Это тоже гнусный намек, что вы раньше, [чем] разберетесь, не можете судить. Мы знаем, что это тоже адвокатская попытка опорочения этого документа и материала. Это косвенно есть признание неудовлетворительности ответа. Чтобы дать удовлетворительный ответ, надо еще работать. Просит еще месяц для опровержения.

Разрешите дальше прочитать, что он говорит: «Куликов говорил, когда Бухарин спрашивает что делать, Куликов говорит, ничего, можно действовать. Я действительно спрашивал, говорит Бухарин, где же у вас крепкие люди». Для чего? «Мы никогда не произносили слово террор, а говорили о твердых людях». Я не утверждаю, что вы слово «террор» произносили. Вообще вы умеете со словами обращаться. Вам незачем говорить, когда вы можете понимать друг друга с полуслова. А зачем твердые люди, когда вы решили работать вместе с партией, зачем твердые люди, для чего. Смотри, много ли нашлось этих твердых людей? Здесь ты сколько хочешь можешь искать. Ты не нашел их, потому что наша партия сильна.

И много ли нашел, потому что наша партия сильна, для таких гнусных дел у нас в партии людей не ищи. И дальше он говорит несколько позже, когда Ежов стал его допрашивать вопросами. Бухарин говорит: «сейчас я ничего не скрываю, а тогда я считал возможным скрыть и я объясню почему». (Г о л о с с м е с т а. На пленуме считал возможным скрыть?) Видите, в 1930 году. (Г о л о с с м е с т а. Когда это было — после пленума ЦК?) После пленума ЦК и на пленуме скрывал. Я читаю точную цитату из его речи, его рукой правленной стенограммы. Бухарин говорит: «Сейчас я ничего не скрываю, а тогда я считал возможным скрыть и я объясню почему». Значит, тогда он скрыл. Но мы не уверены, что он и сегодня не скрывает. Нельзя скрывать, уже все открыто. А завеса у него большая и он все скрывал. «Это была может быть моя ошибка, которую я делал по отношению к своим ученикам, и углановских людей. Дело в том, что я надеялся на изживание у них этого самого процесса. Я старался подводить их к этому, агитировал. Тут был и личный мотив. До 1932 года у меня не было ясности в вопросе о стимулах в земледелии». Я повторяю, товарищи, еще раз: «До 1932 года у меня не было ясности в вопросе о стимулах в земледелии». Я еще вернусь к этому вопросу. «Я не понимал, как пойдет дело с коллективизацией с точки зрения товарооборота», и т. п. (Б е р и я. И поэтому крепких людей искал?)

Что же, товарищи, получилось? Главный камень преткновения — это вопрос коллективизации, наступление на кулака. Это — целая программа. Оказывается, заявивши в 1930 году о полной солидарности с линией партии, он до 1932 года признает, что в основном оставался на своих прежних позициях. Если не была ясна наша линия, значит, не была ясна ему его линия. Это есть двурушничество настоящее. Это не ученик двурушник, а учитель двурушник. Он говорит: «У меня не хватило присутствия духа сказать своим людям, что все, что я говорил раньше, это абсолютная чепуха». А у него хватило присутствия духа наврать всей нашей партии, сказать, что он порвал с оппозицией. А здесь у него не хватило духа сказать своим отщепенцам, что он стоит на неправильной позиции. (Г о л о с с м е с т а. А врать ЦК хватило духа?)

Да, в этом-то и есть гвоздь. «Это был у меня ложный педагогический метод». (С м е х.) Он любит словечки вообще. Выпустит одно словечко, дураки за ним

погонятся, а нам нечего обращать внимание на эти слова. И говорит, что это был ложный педагогический метод. «Они сразу могли сказать — это есть измена, ты переходишь на сторону противника». Я спрашиваю Бухарина: а партия — это противник? Бухарин говорит: «Я боялся, что мне так скажут». Значит, подавая в 1932 году заявление в уверении партии, он боялся, что его назовут изменником, который изменил нашей позиции и перешел на сторону партии. Это значит, что Бухарин сам признает без всяких показаний, самолично признает, что до конца 1932 года, до 1933 года он пишет в другом месте, он стоял не на линии партии, а на старых своих позициях. Второе — он не порвал со своими сторонниками. Третье — не говорил, что согласен со старыми позициями, а говорил, что согласен с нашей партийной позицией. Теперь он клеветает на аппарат НКВД, что там подсказали так-то, написали так-то. А это кто подсказал? Вы сами рассказали. Предположим, будто ничего нет. А это что, разве может член ЦК говорить такие вещи. (К о с и о р. И член партии.) За такие вещи в партии нельзя держать ни часу. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Вот видите, товарищи, я и хотел иллюстрировать только одно, что Бухарин не имеет права требовать от нас, чтобы мы ему поверили. Мы должны проверять во сто крат больше, именно его больше всего проверять.

Я не говорю о том случае, когда Бухарин был пойман с поличным, когда он организовал блок с Каменевым, когда обнаружилась запись беседы. (Г о л о с с м е с т а. Он говорил, что это не так.) Вы помните, как он тогда плакался, как он это отрицал, а потом оказалось, что это была настоящая беседа, запись стенограммы. Вы видите три важнейших факта, которые совершенно ясно говорят о том, что Бухарин врет без стеснения, врет в лицо партии. У него не хватает духа сказать своим сторонникам, что он бросает оппозицию, встает на позицию партии. Но зато у него хватает духу врать партии, обманывать партию. Вот почему он не имеет права от нас требовать абсолютного доверия. Он никакого доверия не заслуживает. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Я должен прямо сказать, что и троцкистские и зиновьевские и правые контрреволюционные деятели, которые нанесли нашей партии большой ущерб, которые нанесли большой ущерб нашей власти, они нанесли тяжелейший удар нашей партии. Правильно, как мы считали, что если человек член партии, имеет партийный билет, а если он член партии, значит, он имеет какие-то политические взгляды, он их высказывает, значит он за них стоит. Бухарин все время обманывал партию.

Тут, товарищи, самая большая беда заключается в том, что Троцкий, Зиновьев, Каменев и Бухарин, они получили от нашей партии партийный билет и этот билет они опорочили. Партия им дала партийный билет, они этот партийный билет опорочили. Они недовольны линией партии, нанесли партии большой удар. Нам придется многое исправлять, очиститься от этих сволочных элементов. Партия, это есть доверие, это есть добровольный союз единомышленников. Они это доверие потеряли. Бухарин не имеет сейчас права рассчитывать на доверие к нему. Они нанесли немалый ущерб нашей партии.

Вот Бухарин, он был одним из учителей этого двурушничества. Троцкий, Зиновьев и Бухарин, они этот яд внедрили в нашу партию. Они создали новый тип людей, извергов, а не людей, зверей, которые выступают открыто за линию партии, на деле проводят другое, которые высказывают принципиальное согласие за линию партии, а на деле ведут беспринципную подрывную работу против партии.

Ведь бухаринская школа когда-то была партийной школой вначале, там были некоторые товарищи, которые ни в какой оппозиции не были, которые раньше ушли. Тогда эта школа из партийной превратилась в антипартийную. Бухарин там внедрял идеологию антипартийную, антиленинскую, правый уклон, реставрация капитализма, фашизм. Этого мало, это мы знали раньше. Мы раньше знали, что Бухарин учит не ленинской теории в этой школе, поэтому его своевременно одернули. Теперь стало ясно, что Бухарин учил искусству двурушничества. Он учил людей так, как и Зиновьев, и в результате не случайно то, что вся бухаринская школа сидит в тюрьме, почти все признались, что они были двурушниками, врагами, потому что они учились у Бухарина. Бухарин сумел разложить многих людей в нашей партии.

Партия не видела еще такого типа врагов — двурушников, которые говорят одно, а делают другое. Партия их кадры разоружила для того, чтобы быстрее их

поймать, не дать им разрастись. И вот мы имеем такой удар, нанесенный нашей партии Бухариным. Он есть учитель искусства двурушничества, его школа есть двурушническая. Он считает, что не отвечает за учеников, он говорит, что он порвал с ними, с 1932 г. их не видел, значит, за них не отвечает. Как это не отвечает?!

Вот, товарищи, когда мы подходим к делам и документам, я уже сказал, что данные все проверены, пленум ЦК со спокойной совестью, без сомнения, хотя всякие случаи сомнения всегда были законными, как товарищ Сталин на пленуме сказал — проверим еще. Теперь нет сомнений. Тов. Ежов сделал доклад с фактами, даже привел не все факты, потому что фактов уйма, много показаний. Это ясно показано, это минимум. Но если взять этот минимум, то даже слепому должно быть ясно. Это минимум, но я считаю на деле есть не минимум, а может быть максимум, потому что не все доказано, враг не все говорит, Бухарин и Рыков не все открывают, они открывают только там, где их прижмут или поймают. Поэтому трудно судить, отдельные сомнения может быть остаются насчет организации террора, насчет вредительства, может быть не все доказано, но, товарищи, то, что доказано, для слепого ясно, что Бухарин знал, был в курсе дела, держал контакт с троцкистскими, зиновьевскими, контрреволюционными, террористическими, диверсионно-вредительскими группами, знал их деятельность и об этом не сообщил ни слова ЦК партии.

Это такой факт, который никто не может оспаривать. Знать о терроре против руководства партии, о вредительской деятельности на наших заводах, о шпионаже, об агентуре гестапо и ничего не говорить партии — это что такое?! Это член ЦК и член партии. Это доказано бесспорно, это доказано очной ставкой и материалами, в присутствии членов Политбюро доказано, что правым террористическая деятельность была известна, это было известно ученикам Бухарина, сторонникам Бухарина. Это было известно Бухарину, он знал, что готовится террористический акт против руководства партии, он знал и не сообщил об этом ЦК партии. Разве это можно допустить для члена ЦК и члена партии?! Это уже доказано и это ясно для слепого. Если отбросить все остальное, хотя мы не имеем право отбрасывать, но если взять минимум того, что уже доказано на 100%, я уже не говорю о том, что Бухарин подготовлял террористические антисоветские группы, их воспитывал, это тоже доказано, но можно это не предъявлять. (Г о л о с с м е с т а. Как не предъявлять?)

Но то, что я сказал, это не может его очистить, так, чтобы никто палец не мог приткнуть. Он написал записку в 100 страниц, эта записка совершенно несостоятельная, вот почему эта записка никакого доверия не заслуживает с нашей стороны. Бухарин ведет себя очень нехорошо. Вы знаете, что позавчера мы похоронили товарища Серго Орджоникидзе, и Бухарин хочет спекулировать на имени Орджоникидзе, объясняется в любви. (Ш к и р я т о в. Он на это не имеет право.) Он на это не имеет право. Он этого права не имеет. Бухарин называл когда-то Серго Орджоникидзе «византийским князьком». Как будто он не знает, что все скажут, что любой из нас скажет, что если бы был бы среди нас Орджоникидзе, то он бы яростным большевистским огнем обрушился на него, — и нечего спекулировать свежей могилой Серго Орджоникидзе. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Он облыжно ссылается на Ленина, что Ленин умер у него на руках.

Какое Бухарин имеет право ссылаться на Ленина. Он, видимо, рассчитывает на отсутствие памяти у нас, что мы истории партии не знаем. Он говорит, что на его руках умер Ленин, — мы знаем, кто были самыми близкими к Ленину. Он не может отрицать, что он при жизни Ленина боролся больше всех против него. Некоторые стараются сказать, что если бы был жив Ленин, то не было бы борьбы в партии. (Ш к и р я т о в. Есть такие.)

И это мы считаем большим острием борьбы, направленной против Ленина, против нашей партии. Возьмите Бухарина. Бухарин был против Ленина еще при жизни Ленина. Бухарин был против ленинской теории, ленинско-марксистской теории до революции, еще до Октябрьской революции. Наконец, после Октябрьской революции (Г о л о с с м е с т а. Даже арестовать хотели.) во время Брестского мира он пошел с левыми коммунистами. Он организовал блок с эсерами против Ленина. Какое же право имеет Бухарин после этого говорить, что у него Ленин умер на руках. Он облыжно это заявляет. Наконец, при разработке партийной программы Бухарин был против Ленина, у него своя программа была.

По национальному вопросу, коренному вопросу диктатуры пролетариата, также по крестьянскому вопросу он был против Ленина. (Ш к и р я т о в. В 1921 г.) Это была не дискуссия о профсоюзах, а дискуссия о диктатуре пролетариата. В вопросе о судьбах революции он был против Ленина, против партии. И это не случайно было. А теперь он облыжно заявляет, что Ленин умер на его руках. Это спекуляция именем Ленина. Кто такое право дал Бухарину. Как бы ни плохи его дела, ему не надо было бы это делать, если он не хотел, чтобы его сразу не обвинили в этом нечестном поступке.

Я говорю, что и по крестьянскому вопросу Бухарин встал против линии партии, против коллективизации. Против индустриализации. Он пошел на блок с эсерами, он пошел на блок с Каменевым, с Зиновьевым. Если раньше он пошел с эсерами, то нечего удивляться, что и теперь в 1932 году, когда в деревне были нехорошие настроения в связи с коллективизацией, когда после первой успешной борьбы за коллективизацию, появились трудности, был некоторый отрыв от этого движения в деревне, мы не справлялись как следует, вот тогда Бухарин, ожидая крестьянских восстаний, направлял своих учеников на сговор с эсерами. Он это отрицает. Но это очень правдоподобно. Если при жизни Ленина он имел блок с эсерами, то почему бы ему теперь при нас не иметь блока с эсерами — привык. Это более вероятно, хотя он отрицает. (Г о л о с с м е с т а. Слепков не хуже эсеров.) Очень трудно грань между ними проводить, но все же грань есть. Нельзя все смешивать. Это враг один, а это враг другой. Нужно против каждого врага иметь оружие. Нужно разное оружие направить.

Надо оттенки, подход в какой угол нужно ударить и в какую сторону бить, — это надо знать. Надо применять оружие, считаясь с особенностями, с оттенками, исходными позициями и проч. Поэтому, товарищи, падение Бухарина вовсе не случайно, не то что неожиданно человек свалился с высоты партийной. Бухарин член ЦК — и то, что он свалился в контрреволюционное болото, — это не случайно. И все его попытки сказать, что он ни в чем не виноват (Ш к и р я т о в. Он так и пишет.) ни к чему не приводят. Он пытается сослаться на Ленина, на Серго. Это, товарищи, говорит о том факте, что Бухарин не случайно так низко пал. Его падение не случайно и не является неожиданностью.

Насчет Рыкова, товарищи. Рыков тоже сам знал, имел контакт, знал, что троцкисты готовят диверсию, террор, вредительство против нашей партии, знал и нам не сообщил. (К а л и н и н. И даже больше того.) Это я с тобой согласен, т. Калинин, но я хочу привести самый минимум-минимум того, что уже доказано и того, что не может слепой отрицать. Наконец, он не мог не знать того, что правые террористы — Угланов, Котов и другие, Нестеров и его сторонники, что они готовили террор против нашего партийного руководства, он знал это хорошо, это доказано бесспорно, но он партии ничего не сказал. Разве это, товарищи, допустимо в рядах партии. Рыков даже на том пленуме что заявлял? Я, говорит, три раза виделся с Томским, но ни разу с ним не говорил о политике. Правда, он потом признался, что по телефону Томский с ним советовался о том, что идти или не идти к Зиновьеву на свидание, но правда, это у него неожиданно выскочило, бывает, что не выдержит человек.

Но разве не странно, что члены ЦК, друзья встречаются в течение 2-х лет 3 раза и ни слова о политике не говорят, что за члены ЦК странные. (С м е х.) Этого не бывает, чтобы ни с того ни с сего друзья, члены ЦК встречались и не говорили о политике. Или, видимо, они друг друга понимают с пол слова, или может быть потому мало разговаривают, что все им понятно, зачем, мол, болтать зря, тем более, что опасно, могут услышать. Рыков конспиратор более опытный, чем Бухарин, но все же, несмотря на всю свою конспирацию, он пойман с поличным. Что Томский унес с собой в могилу много тайн, тайн о штаб-квартире правых, это несомненно. (Л о з о в с к и й. Это безусловно.) Рыков этим пользуется и говорит, что он виделся с ним только три раза и ни слова о политике не говорил.

Наконец, ошибка Рыкова не случайна, что он борется с партией. Что это, случайно? Нет, не случайно, он не только в вопросе коллективизации свихнулся. Он и раньше так же работал и в 28 и в 30 году, разве у него только эта связь с террористами? Нет. И при Ленине и против Ленина он боролся, он боролся с партией и до Октябрьской революции и после Октябрьской революции. Он по коренным вопросам революции боролся против нее. Наконец, когда власть захватили, когда власть

была уже в наших руках, когда нельзя было обратно восстание отдавать другим, он стал по-своему требовать, он снова стал срывать нашу работу, и требовал, чтобы правительство организовало «однородное социалистическое правительство» вместе с предателями меньшевиками. Правда, это правительство не было бы однородным, так как там большевики были. И Ленин так и говорил, что оно было бы не однородным. Он тогда требовал привлечения к коалиции эсеров и меньшевиков, агентуры капитала, империалистической буржуазии. А что, это случайно? Нет, это не случайно. (Буденный. Штрейкбрехеры они.) Правильно, т. Буденный. Поэтому нечего им теперь на Ленина ссылаться и против Ленина идти, он против Ленина боролся самыми недопустимыми мерами и в самые острые моменты партийной жизни.

Теперь, товарищи, возникает вопрос после всего того, что доказано бесспорно — какие же это кандидаты в члены ЦК? Какие же они члены партии? (Петровский. Какие граждане?) Да, какие они кандидаты в члены ЦК и какие члены партии?

Стеногр. мною поправлена. Н. Бух. (Автограф. — Ред.)

Молотов. Слово имеет тов. Бухарин.

Бухарин. Товарищи, я хочу сперва сказать несколько слов относительно речи, которую здесь произнес товарищ Микоян. Товарищ Микоян, так сказать, изобразил здесь мои письма членам Политбюро ЦК ВКП(б) — первое и [другое] второе, как письма, которые содержат в себе аналогичные троцкистским методы запугивания Центрального Комитета.

Я прежде всего должен сказать, что я достаточно знаю Центральный Комитет, чтобы просто заранее отрицать, что ЦК вообще можно чем-либо запугать [ничем запугать нельзя]. (Хлопьянкин. А почему писал, что пока не снимут с тебя обвинения, ты не кончишь голодовку?) Товарищи, я очень прошу вас не перебивать, потому что мне очень трудно, просто физически тяжело, говорить; я отвечаю на любой вопрос, который вы мне зададите, но не перебивайте меня сейчас. В письмах я изображал свое личное психологическое состояние. (Голос места. Зачем писал, что пока не снимут обвинения?)

Я не говорил этого по отношению к ЦК. Я [обращался] говорил здесь не по отношению к ЦК, потому что ЦК, как ЦК, меня в этих вещах официально еще не обвинил. Я был обвинен различными органами печати, но Центральным Комитетом в таких вещах нигде обвинен не был. Я изображал свое состояние, которое нужно просто по-человечески понять. Если, конечно, я не человек, то тогда нечего понимать. Но я считаю, что я человек, и я считаю, что я имею право на то, чтобы мое психологическое состояние в чрезвычайно трудный, тяжелый для меня жизненный момент (Голоса места. Ну, еще бы!), в чрезвычайно, исключительно трудное, время, я о нем и писал. И поэтому здесь не было никакого элемента ни запугивания, ни ультиматума. (Сталин. А голодовка?) А голодовка, я и сейчас ее не отменил [я четыре дня ничего не ел]; я вам сказал, написал, почему я в отчаянии за нее схватился, написал узкому кругу, потому что с такими обвинениями, какие на меня вешают, жить для меня невозможно.

Я не могу выстрелить из револьвера, потому что тогда скажут, что я-де самоубился, чтобы навредить партии; а если я умру, как от болезни, то что вы от этого теряете? (Смех. Голоса мест. Шантаж! Ворошилов. Подлость! Типун тебе на язык. Подло. Ты подумай, что ты говоришь.) Но поймите, что мне тяжело жить. (Сталин. А нам легко? Ворошилов. Вы только подумайте: «Не стреляюсь, а умру».)

Вам легко говорить насчет меня. Что же вы теряете? Ведь, если я вредитель, сукин сын и т. д., чего меня жалеть? Я ведь ни на что не претендую, изображаю то, что я думаю, и то, что я переживаю. Если это связано с каким-нибудь хотя бы малюсеньким политическим ущербом, я безусловно, все что вы скажете, приму к исполнению. (Смех.) Что вы смеетесь? Здесь смешного абсолютно ничего нет.

То же самое относительно «отказа» прихода на Пленум. Я все время выступал со своими ответами и все время посылал даже весьма многочисленные письма, которые так надоели т. Микояну; но последнее время я действительно

чувствовал себя физически так, что я едва-едва мог сюда приволочиться. Когда мне сказали: ты обязан сюда придти, пришел. Какое же тут увиливание? Какое тут настаивание на ошибках?

Третье. «Спекуляция» именем Ленина и именем Орджоникидзе. При смерти Ильича я действительно присутствовал, при его последнем вздохе, и бесконечно его любил, в чем же тут «спекуляция»? Вы, может быть, думаете, что для меня смерть Орджоникидзе ничего? Что я просто мимо нее прохожу и только? Пожалуйста, не верьте, если не хотите. Но я вам говорю, что я Серго глубоко и горячо любил. Мало ли между кем и у кого бывали какие конфликты [и у вас можно найти много конфликтов] на протяжении истории партии. Смерть его произвела на меня тяжелое впечатление, я его всей душой любил (тов. Микоян это отлично знает) и спекулировать его именем я не намерен. (К а л ы г и н а. Р е п л и к а н е у л о в л е н а.)

[Я это потом скажу] Мне хочется, говорит Микоян, опорочить органы Наркомвнудела целиком. Абсолютно нет. Я абсолютно не собирался это делать. Место, о котором говорит т. Микоян, касается [того, что я говорил вообще] некоторых вопросов, которые задаются следователями. Что же я говорю о них? Я говорю: такого рода вопросы вполне допустимы и необходимы, но в теперешней конкретной обстановке они приводят к тому-то и к тому-то.

Относительно политической установки. Тов. Микоян говорит, что я хотел дискредитировать Центральный Комитет. Я говорил не насчет Центрального Комитета. Но если публика все время читает в резолюциях, которые печатают в газетах и в передовицах «Большевика», о том, что еще должно быть доказано, как об уже доказанном, то совершенно естественно, что эта определенная струя, как директивная, просасывается повсюду. Неужели это трудно понять? Это же не просто случайные фельетончики. (П е т е р с. Р е п л и к а н е у л о в л е н а.) Я скажу все, не кричите пожалуйста. (М о л о т о в. Прошу без реплик. Мешаете.)

Товарищ Микоян сказал, что я целый ряд вещей наврал Центральному Комитету, что с Куликовым я 29 год смешал с 32 годом. Что я ошибся — это верно, но такие частные ошибки возможны. (Г а м а р н и к. Прошибся.) Я сказал на очной ставке с Куликовым: «Я не помню детально, но это могло быть в 32 г., не могло быть позже, но это могло быть раньше». Я ни капельки не настаивал на маленькой частной ошибке памяти. (М и к о я н. Не мог отрицать.)

Почему не мог? Если бы я хотел отрицать, то я бы отрицал, но я не отрицал, так как это была правда. То же самое я ошибся, когда хотел уличить Радека с Николаевым; я тогда же ссылался на то, что можно забыть целый ряд фактов. Я ссылался также на то, что т. Молотов позабыл, что я под его председательством делал доклад в Большом театре о политическом завещании Ленина, а он говорит, что не помнит. И это вовсе не мудрено, за 10 лет разбирается дело, и отдельные факты можно забыть. Но не это существенно. У тов. Микояна существенно другое. Это относительно того, как он издевался, что я [здесь] признал в определенном году известную двойственность [признал], по его мнению двурушничество, тогда, как в 30 г. подал заявление. Я очень подробно рассказал об этом. Когда человек подает заявление, скажите пожалуйста, он в 24 часа внутренне переделывается? Бывают такие случаи, бывают такие люди, что сегодня говорят одно, завтра их прижимают, они подают заявления и говорят совсем противоположное. Предшествующее не связывает такого человека и последующее его не связывает: он просто беспринципен. (Г а м а р н и к. Это продолжалось 2 года после заявления.)

Позвольте я вам расскажу, как я объяснил это дело. Тов. Микоян говорит так: по самому основному вопросу у него, у Бухарина, остались разногласия с партией: он остался по существу на прежних позициях. Это не верно. Я вовсе не оставался на прежних позициях ни насчет индустриализации, ни насчет коллективизации, ни насчет переделки деревни вообще. А вот насчет стимулов в сельском хозяйстве для меня вопрос был не ясен до того, как дело стало приходиться к [был издан] законодательству о советской торговле. Я считаю, что проблема вся, в целом, была разрешена после того, как появились законы о советской торговле. До этого для меня этот вопрос, очень важный, но не всеобъемлющий, был не ясен. Когда дело стало

подходить к товарообороту на новой основе, к советской торговле, для меня весь рисунок экономических отношений стал ясен. Разве это большое преступление? Разве можно сказать, что это есть старая позиция? Это — минимум миниморум — тов. Микоян, есть с твоей стороны крайнее преувеличение, чтобы не говорить ничего другого.

Я говорил также, чем объясняется целый ряд явлений, который шел по линии групповщины. Я не оправдываю себя, что я не сразу понял, как у нас будут развиваться отношения между городом и деревней по линии советской торговли. Но я думаю, что этот факт нужно отмерить тем масштабом, который соответствует действительности, удельному весу этого вопроса во всем комплексе хозяйственных проблем. Я также ни капельки не оправдываю себя, что я терпел и тем самым способствовал сохранению известных элементов групповщины. Но я хочу объяснить, как было дело, и это я уже объяснял на очной ставке. Дело было так, что я с группой молодежи был связан и персонально. Они часто за меня заступались, когда на меня были нападения, которые я считал несправедливыми. Был такой случай, когда требовалось в резолюции, чтобы меня называли контрреволюционером. Тогда некоторые из молодежи за меня заступились, не соглашались, не соглашались принять такую резолюцию. Я им говорил, чтоб они из-за меня не артачились. Но в то же время я считал себя им обязанным. Была такая сверхкомплектная связь.

Плохо это? Плохо. Но я надеялся, что логика развития, как меня уже привела, так и всех других приведет в «христианскую веру». Я старался не отпугивать их излишней резкостью. Это было глупо, неправильно с моей стороны, но объяснение здесь именно таково, а не какое-нибудь иное. Даже больше того — это могут засвидетельствовать очень компетентные товарищи, — даже позже я всегда за них заступался, потому что у меня было дурацкое смешение личных отношений с политическими. Я считал, что в личных отношениях нужно их привести целиком, пожалуй, кое-что простить. Это было неправильно, но это было именно так. Потом, что получилось? Сказалось [получилось] то, что политически я тут был глубоко не прав. Это моя вина. Я этого не отрицаю, но я категорически отрицаю, когда этому придается злостный характер, о котором здесь говорил тов. Микоян.

Я еще одно замечание хочу сделать. Кажется, Микоян говорил: как же ты, мол, не отвечаешь за людей, ведь, вся эта школка сидит? Я отвечаю за это. Но вопрос заключается в мере ответственности, в том, какова качественная характеристика этой ответственности. Я на очной ставке говорил т. Кагановичу: я отвечаю и за смерть Томского, потому что, если бы я не возглавлял в 1928—29 гг. группы правых, может быть судьба Томского была бы тоже иной. Я и за этот факт несу ответственность. Но дело в том, что нужно установить меру и характер этой ответственности. Ответственность за то, что произошло с этой молодежью через энное количество лет, качественно и количественно отлична, скажем, от той ответственности, когда человек поручает другому человеку что-то сделать, и тот это поручение выполняет. Ответственности я с себя не снимаю, больше чем кто-либо другой тяжесть этой ответственности признаю за собой. Но я хочу сказать, что доза ответственности, и характеристика этой ответственности совершенно специфична, она должна быть изложена так, как я ее здесь излагаю.

Микоян дальше говорит, что я стремлюсь опорочить показания. Но, товарищ Микоян, все же, как же быть? Если я хочу что-нибудь опровергнуть, я тем самым опорочиваю: опровержение есть своеобразное опорочение. Опровергать какие-либо аргументы, значит не улучшить их, а их разрушить [Не опорочиваю с каких-нибудь других сторон документ, я не опорочиваю их по определенным аргументам]. Мне кажется, что высказанное тов. Микояном пренебрежение к сличению различных дат и фактов — в корне неправильно. Сам же Микоян при очной ставке моей с Куликовым в качестве моей якобы лживости привел пример с датами. Он аргументирует датами. Разрешите и мне известную критику в этом вопросе, критику на материалы, которые здесь представлены. Иначе всякая самозащита становится бессмысленной: ибо защищаться значит разрушать обвинения. (М и к о я н. Я сказал, что имеешь право критиковать, но по-большевистски, а не по-антипартийному.) Я критикую не по-антипартийному. Тут говорят, что употребляют какие-то адвокатские словечки. Но адвокат это есть человек, который опровергает что-то и защищает что-то. (О б щ и й с д е р ж а н н ы й с м е х, в о з г л а с: адвокат все защищает.) Бывает «адвокат дьявола», но бывают и другие адвокаты.

Тов. Микоян выдвинул еще один тезис, который я слышал несколько раз. Этот тезис гласит: может быть враги, которые показывают, чего-нибудь и не договаривают и даже наверное не договаривают, но зато то, что они говорят — это правда. Я с этим тезисом абсолютно не согласен. Я хочу привести несколько примеров из следствия, примеров, которые были представлены каждому из вас для суждения в разосланных показаниях и других материалах.

Я прежде всего хочу сказать относительно показаний Сокольников. Первый этап развития всех показаний — это были показания, которые Сокольников дал на очной ставке со мной. На этой очной ставке одним из важнейших тезисов Сокольников, который он выставил, был тезис, что была полная согласованность в действиях между так называемыми правыми и троцкистами, и что Томский входил в качестве представителя правых в троцкистский верхушечный центр. Тов. Каганович на очной ставке его несколько раз спрашивал: скажите, пожалуйста, Томский входил от своего имени, или как представитель группы? На что Сокольников ответил: как представитель группы. Каганович спрашивал: может быть, об этом не знали Бухарин и Рыков, не знали о том, что Томский входил в качестве представителя группы? На это Сокольников говорил: нет, я сам от самого Томского слышал, что Томский входил в качестве представителя от тройки — Томского, Рыкова и Бухарина. (Каганович. Не так он ответил!) Как? (Каганович. Я скажу.) Примерно так: в качестве представителя от правых. (Каганович. Я так понял, что Томский представлял правых, иначе это для нас интереса не представляет. Голос с места. А в стенограмме?)

Я слышал, как я слышал, и настаиваю на полной правильности своей передачи. Но это в конце концов подробность: существенно, что, по Сокольникову, Томский вошел как представитель правых в троцкистский центр. На основе этого самого показания на очной ставке с Сокольниковым было вынесено предварительное заключение, что я и Рыков что-то знали и не могли не знать. (Каганович. Сокольников говорил — он от Куликова знает, что у вас был с ними контакт, а потом Томский вошел в центр Пятакова. Это разные периоды.) При мне о Куликове Сокольников не говорил. Но факт тот, что Томский, по Сокольникову, вошел в качестве представителя от правых. (Каганович. Когда Томский вошел?) Этого я не знаю. (Каганович. В 1935 году.) Таково было показание Сокольников на очной ставке. На суде Сокольников говорил совершенно противоположное. На суде Сокольников говорил, что правые заявили, что они не желают войти ни в какие центральные организации, что они желают иметь только контакт и разводил по этому поводу бобы.

Ну, скажите, пожалуйста, как все это одно с другим примирить? Сперва человек выдвигает в качестве основного одну версию, на суде же он выдвигает совершенно другую версию, и никто на это не делает никаких замечаний, и это считается как будто в порядке вещей! Как же можно этим оперировать? Или это, может быть, тоже придирка, опорочивание, когда речь идет о самом существенном и основном показании, крупнейшем показании, которое дается?

Второе показание — показание Куликова, насчет того, как я ему якобы давал террористическую директиву. На очной ставке он показывает, что я ему давал террористическую директиву против Кагановича, причем рассказывал, что он знал Кагановича, — со всяким таким обыгрыванием этого предмета; а в показаниях своих он утверждает, что я дал террористическую директиву против Сталина. Ну, скажите, пожалуйста, товарищи [причем все это с большими подробностями, с большими украшениями, с большими инкрустациями и прочее, — когда же], если бы даже в стариннейшие времена кто-нибудь обвинял человека в покушении на одно лицо, а через день того же самого человека — в покушении на другое лицо — как это бы квалифицировали? (Ежов. Это адвокатский пример передергивания. Зачем тебе это нужно?) Как же, когда я сам это слышал? Я еще сам не оглох и не умер. Я сам собственными ушами слышал. (Каганович. Шесть членов Политбюро слышали, что основное показание Куликова касается т. Сталина, а обо мне мимоходом.) Он прямо говорил только о вас, на очной ставке говорил исключительно о вас. Он даже приводил пример, что он с вами знаком, что вы тоже [он тоже сапожником был] были кожевником, что вы-де были особенно ненавистны правым и т. д.

(Голос с места. Главное тоже. Смех.) Это совершенно недопустимая и

возмутительная вещь. Нельзя здесь в таких важных вопросах, когда речь идет о совершенно неслыханном, совершенно ужасающем обвинении [совершенно менять позицию] так не видеть лживости обоих утверждений, разделенных друг от друга одними лишь сутками. А тов. Микоян говорит, что все, что утверждают эти люди — правда, что они, очевидно, не способны на ложь, а только на умолчание. Я никак не мог бы ни на йоту верить подобного рода показаниям.

После Сокольников и Куликова с их вопиющими противоречиями, я беру показания Зайцева, касающиеся так называемой конференции слепковцев. Зайцев показывает от 24—27 сентября. Он говорит, прежде всего, что эта конференция была сборищем вполне законченных буржуазных реставраторов, террористов и т. д. Вопрос ему товарищ следователь задает: какова была роль Бухарина в этой конференции слепковцев? Он отвечает: «Слепков мне говорил, что этой конференцией руководил Бухарин. Впрочем, до этого Петровский мне также говорил, что Бухарин виделся с участниками этой конференции и был им очень рад». Вопрос: «Выступал ли Бухарин на этой конференции?» «Этого я точно не знаю». Выходит, что он знал, что я где-то крутился около этой конференции, что я ею руководил, что я виделся с ее участниками, что я был страшно рад участникам этой конференции, и что он слышал это от двух человек — от Слепкова и Петровского. А меня в это время совершенно в Москве не было. Я был в это время в Северной Киргизии. (Г о л о с с м е с т а. Подготовил и уехал.) Не о подготовке речь идет, потому что говорят о том, что я встречался и был рад участникам конференции. (Г о л о с с м е с т а. А если бы был в Москве, был бы на конференции.)

[Простите, а почему же здесь не говорится, выступал я или не выступал.] Я говорю здесь о ложности данных показаний. Здесь вранье совершенно ясное. Оно просто лежит на ладони, причем распространяется вранье по цепочке: с одной стороны Зайцев — с другой стороны Зайцев говорит, что это говорил Слепков. С третьей стороны говорится — Петровский — минимум три человека запутаны и запутаны на совершенно ясной белиберде.

Т.т. Микоян и Ежов ссылались на показания Цетлина, в особенности по вопросу относительно блока с эсерами. И там выходит, что я давал поручения Слепкову по этому поводу в октябре м-це. А он был арестован не то в августе, не то в сентябре. Все это идет дальше и дальше. Скажите, имею ли я право рассматривать этот ряд фактов или это тоже адвокатство или передержка? Я считаю, что имею это право. Если здесь говорят, что я будто бы давал террористические директивы, одному давал на улице — Куликову, другому давал — один на один во время охоты, третьему еще где-то болтал случайно, тогда я могу только отрицать эти якобы факты. Подумайте, пожалуйста, в чем может состоять моя самозащита, если речь идет о такого рода «фактах», где что якобы было сказано с кем-то наедине. Я могу только сказать — нет, этого не было и больше ничего. (К а г а н о в и ч. Десятки людей это говорят.)

Об этих десятках людей я тоже скажу. Является ли порочным, является ли недопустимым, что я конфронтирую различных людей и стараюсь показать [несогласованность] противоречивость их показаний, чтобы доказать их неправильность? Это есть единственный метод, это единственный способ самозащиты. Что я могу доказывать? (М и к о я н. Этого у тебя никто не отнимает.) Нет, ты сказал, что тебя страшно поразило показание Куликова, которое совсем совпало с очной ставкой. Я указываю, что у Куликова насчет Сталина и Кагановича полностью далеко не «совпало». (К а г а н о в и ч. Нет.) Как же нет, это абсолютно так. (К а г а н о в и ч. Нет, это документ есть.) Хорошо, если бы был документ моих показаний, подписанный мною. [Вот, например, здесь цитировался, я же сам слышал] (К а г а н о в и ч. Мы слышали, шесть членов Политбюро слышали.) Не знаю, что вы слышали, может быть, у меня по другому совершенно уши устроены, я абсолютно отчетливо помню. (К а г а н о в и ч. Стенограмма есть.) Я отлично помню. Я знаю, что он целый ряд аксессуаров приводил. Он даже говорил о том, что Каганович был особенно ненавистен московским правым, и целый ряд других вещей. Не могло это все мне послышаться. Извините, как вам угодно, но то, что я слышал своими собственными ушами, то я слышал своими собственными ушами.

Показания Радека. Я на них останавливаться не буду. Я подробно обо всем этом написал, но ведь я же там убедительно доказал, каким образом Радек выдумал целый разговор, якобы бывший со мной. Я показал, что он его действительно

выдумал, потому что весь этот разговор построен на предпосылках, что против меня говорил один только Каменев, потому что Радек не знал, что у меня была очная ставка с Сокольниковым. Он этого не знал и исходя из этой предпосылки, построил [целую платформу] целую сеть вложенных в мои уста положений, где был и Рютин и ряд других вещей. В конце концов и следовательно должен был сказать: что же это такое, это неправдоподобно, вы взаимно информировали друг друга, вы советовались друг с другом, как же мог Бухарин вас не поставить в известность, что его изобличал на очной ставке Сокольников? Радек на это ничего не сказал. Но я должен сделать заключение, что если я действительно об этой очной ставке не говорил, то все, что Радек наговаривает, именно оно становится неправдоподобным. И таких вещей здесь сколько угодно.

Я не могу здесь [и это совершенно не входит в мою обязанность] перечитывать все эти случаи [документы], но я взял наиболее кричащие. И эти кричащие случаи все говорят об одном и том же. Они говорят, не знаю как это назвать, о легкомыслии или [еще о чем-нибудь] лживости в даче этих самых показаний. Как может Зайцев говорить, ссылаясь на два лица? Это явная [неправдоподобность] ложь. Каким образом мог Куликов выставлять два варианта по совершенно исключительно ужасному вопросу? Каким образом Сокольников мог выдвигать сразу две концепции? (Г о л о с с м е с т а. Об этом говорят и Розит, и Слепков, и другие.) О чем об этом? Если так «вообще» говорить, то это все равно что, когда ученика спрашивают, где на карте Москва, он сразу закрывает ладонью всю карту. Это значит ничего не говорить.

Относительно рютинской платформы. Она и Ежовым ставилась в качестве одного из крупнейших вопросов, который подлежит обсуждению. Это очень понятно с точки зрения построения обвинения. Рютинская платформа (если бы вы доказали, что я имел к ней какое-нибудь [соприкосновение] отношение) это сущий клад, потому что там есть и относительно самых острых моментов борьбы с советской властью, есть и относительно террора, и [социализма] цезаризма и т. д. и т. п. Я специально, под углом зрения рютинской платформы изучил огромное количество страниц [этих материалов] показаний. И я все-таки считаю, что тут нужно присмотреться к этому делу, что же в конце концов есть в показаниях?

Астров показывает, что авторами являются Рыков, Бухарин, Томский, Угланов. Должен вам сказать, что если бы, вообще говоря, эта четверка занималась сочинением платформы, то как все вы должны отлично понимать, вероятно, писал бы это я. (С т а л и н. Почему? Обсуждали вы, писал другой.) Я хочу выяснить одно: он заявляет [пишет], что главными авторами; я же расчлению, я хочу взять одно за другим. Астров утверждает, что мы были главными авторами. Если эта четверка была главными авторами, то наверняка должен был писать я, не Угланов же стал бы писать. (С т а л и н. Кто-то был один.) Я говорю про вариант Астрова, это можно литературной экспертизой подтвердить, что составлял ее не я, чтобы доказать, что я ее не мог писать. (Е ж о в. А разве Слепков не составлял документ, который подписал?) Я рютинской платформы не подписывал. Я говорю о рютинской платформе, говорю о стиле. Можно доказать по стилю, что я ни в коем случае ее не писал. (М о л о т о в. Нас не стиль интересует, а террор интересует.) Я совершенно не участвовал в этом деле. (М о л о т о в. Вы лучше расскажите.)

[Это есть платформа обоснованная.] Угланов что показывает? Угланов показывает, что непосредственными авторами платформы были Рютин, Галкин и Каюров. Цетлин показывает, что Рютин составлял платформу после одобрения Бухарина и др. Куликов говорит, что составлял целый блок антипартийных течений [людей]. Зайцев говорит, что в этом принимали участие Марецкий и Слепков. Как же можно говорить, что это все правильные показания? Кто же в конце концов составлял? (Ш в е р н и к. Когда вы публично возражали против этой платформы?) Я сделал совершенно открытое по этому поводу заявление. Я платформу увидел только первый раз в ЦК. (Ш в е р н и к. Она по душе вам была?) Я ее не читал, по душе она мне не была, я ее осудил на основании материалов ЦК. (Г о л о с с м е с т а. А откуда вы знаете ее стиль?) Я знаю, что я ее не писал (С м е х.) и поэтому могу сказать, что это стиль не мой. (Г о л о с с м е с т а. Содержание ваше.)

Какие же есть показания насчет происхождения этой платформы? Я слышал, что говорил т. Ежов, будто есть ряд других показаний. Я хотел сказать, что Афа-

насьев говорил в показании, что впервые принес рютинскую платформу Угланову для согласования Галкин. Причем он даже говорил, что эту платформу он прятал под жилет. С другой стороны, Угланов говорит по этому поводу, что в сентябре 1932 года они собирались у Томского и Болшеве. Меня в это время не было — я отсутствовал. (Ежов. Шмидт говорит, что ты первый формулировал платформу.) Когда? (Молотов. В апреле.)

[Я в это время отдыхал.] Ничего подобного не было. (Молотов. Сформулировал и поехал отдыхать.) Простите, я уехал чуть ли не в июле [в июне] месяце. (Молотов. Устал, вот и уехал в отпуск.) Если тебе хочется шутить, твое дело: я не особенно в веселом настроении. Я хотел бы только сказать, что если бы я или кто-либо из «тройки» был автором этой платформы, то Угланову нечего было бы излагать ее содержание, потому что Угланов говорит, что [что я сообщил] он в Болшеве сообщил о платформе и изложил ее содержание. (Сталин. Коллективный труд.) Я не читал этого коллективного труда. (Ежов. А Рыков говорит, что читали вместе. Шмидт говорит.) Я не был в Болшеве. Меня не было тогда в Москве. Я говорю, что Угланов сказал, что изложил [изложил мне] бывшим в Болшеве ее содержание. Единственно, что я знаю относительно этого, я об этом подробно пишу. (Калнин. А Шмидт говорит, как намечалось первое заседание.) Я этого абсолютно не [припоминаю] знаю: никаких тезисов для рютинской платформы не делал и не мог делать.

Единственный раз шла речь о составлении платформы в 1928 году, были товарищи у меня на квартире, тогда речь шла о выработке тезисов. Я написал платформу; ее судьба известна и больше никакой платформы не обсуждал. (Сталин. Между прочим она найдена у Томского.) Возможно. Вот, больше ничего. Николай Иванович (Ежов. — *Ред.*), можно все, что угодно, относительно человека наговорить, но я рютинской платформы не знал [абсолютно] (кроме беглого знакомства с нею в ЦК). (Голос с места. А какую платформу вы читали у Пятакова?) У Пятакова я читал не рютинскую платформу, а платформу 1928 года, ту самую, о которой говорил товарищ Сталин, что она найдена и получена от Томского. Если она найдена, ее можно прочесть. (Сталин. Очень плохая платформа.) Наверное плохая. (Смех. Косиор. Стоять на этой платформе сейчас нельзя.)

Я прежде всего должен сделать некоторые суммарные заявления. Вот те самые пункты, о которых Николай Иванович Ежов говорил в самом начале, т. е., что я знал о существовании троцкистско-зиновьевского блока, что я знал о существовании террористического параллельного центра, что я знал об установках на террор, диверсию и вредительство, что я знал тоже об этих самых установках и стоял на этой же самой платформе. Вот в этом утверждении нет ни единого слова правды. Я не знал ни о троцкистско-зиновьевском блоке, ни о параллельном центре, ни об установках на террор, ни об установках на вредительство, никаких таких вещей, и не мог быть причастным каким бы то ни было образом к этим подлым делам. Я протестую против этого самым решительным образом. Тут может быть миллионы разносторонних показаний и все-таки я не могу этого признать. Этого не было. (Сталин. О террористических настроениях правых молодых не слышали? Ворошилов. При тебе никогда не разговаривали?) При мне никогда не разговаривали. Я узнал о террористических настроениях из одной вещи, из одной большой кипы материалов, которые были связаны с этой конференцией, о которой показывал Астров, где шла речь о дневнике [данных] Кузьмина и, м. б., еще о чем-то; и из записки о допросе Сапожникова, показанной мне в ПБ.

(Сталин. А о террористических настроениях правых молодых не слышали?) Я о террористических настроениях не слышал. (Сталин. И не договаривались?) И не договаривался. (Смех.) Товарищи, вы можете смеяться сколько угодно, но я в 1932 году со спокойной душой уехал в отпуск. (Каганович. На очной ставке с Куликовым Бухарин сказал, что в 1932 году он узнал о тяжелых решительных настроениях Угланова, испугался, что они могут пойти на острое, что он пошел к Угланову на квартиру.) Нет, товарищи, нельзя же так! Тут нужно как-то уточнить: [Решился на острое. Я об этом показывал и тут об этом есть. Я ссылался на определенный дневник. Я говорил о дневнике 1932 года, что были некоторые волюнки и я боюсь настроения Угланова] я говорил не о решительных настроениях Угланова, а о его болезненной неустойчивости. Я говорил о волюнках и о боязни, что Угланов сорвется. (Ежов. Ты давал директиву Угланову возглавлять.) Ну,

возглавлять? Наоборот. Я сказал, что нужно дружно работать с партией, нужно не заниматься никакой оппозиционностью, чтобы не сорваться, и он согласился. Вот как было дело. Это просто черт знает что! Есть по этому поводу показания Угланова 1933 года, потому что это дело разбиралось. Но скажите, пожалуйста, как он мог врать, если он со мной не виделся? (Г о л о с с м е с т а. Угланов может врать.)

Может врать. Итак, говорят, что я ходил к нему и говорил, чтобы он согласился «возглавить». Я категорически это отрицаю. Я говорил ему совершенно обратное, чтобы он отказался от оппозиционности. Он со мной согласился. После моего отъезда произошел какой-то сдвиг. Я сам не понимаю: схлестнулся ли он с Невским или с Куликовым, но здесь произошло перемещение сил. (Г о л о с с м е с т а. А куликовские кадры?) Я на очной ставке с Куликовым очень [просто] подробно говорил об этом. Я говорил такую вещь. У меня сохранились некоторые элементы групповщины. Я пытался разложить Куликова скептическими замечаниями: спрашивал, какие у вас данные есть? Он же мне говорил, что я не прав. (Г о л о с с м е с т а. Ай, яй, яй! С м е х. Г о л о с с м е с т а. Разложил называется. М о л о т о в. Товарищ, не мешайте говорить. К а л и н и н. Не мешайте говорить, товарищи.) Я отвечаю за то, что я занимал неправильную позицию, что я не отталкивал людей резкой постановкой вопросов, разлагал их только скептицизмом. Я думал, что они пойдут все целиком. (Г о л о с с м е с т а. К построению социализма.) Здесь говорилось относительно того (Николай Иванович говорил здесь об этом, если не ошибаюсь) про какую-то платформу Слепкова, Худякова и проч. Против этой платформы, о которой он нам сообщил, я буду возражать с такой же энергией, как любой из вас [я ни в коем случае не могу с этим согласиться]. Я самым бешеным образом боролся бы с такой платформой, если бы она ко мне попала, — как иронически ни смотрит Николай Иванович.

Я должен сказать, что в показаниях сгреблено в одну кучу все что угодно, все мыслимое и немыслимое. Тут есть и то, что я разговорился с Эррио (это на предмет буржуазной демократии), в то время, как я и в глаза Эррио не видел: тут есть даже, что я имел связь со Скрыпником (на правом уклоне я не должен был бы быть связан и со Скрыпником), установлено де, что я стою на позициях демократической республики (в то же самое время известно, что я говорил о ней, скажем, на Учредительном собрании) — и целый ряд других вещей; я по отдельности не могу ответить на все эти вопросы, потому что для этого требуется очень много времени, я беру только основные.

Хочу сказать несколько слов о терроре. Товарищи, мне кажется просто наивным вопрос о членстве в партии; если человек стоит на террористической точке зрения против руководства партии, то вопрос, может ли он быть членом партии, это наивный вопрос. Я абсолютно никакого отношения к террору ни одним словом, ни помышлением — не имею. Когда я слышу эти вещи, мне кажется, что идет разговор о других людях, может быть, что я присутствую и слышу о другом человеке. Я не понимаю, каким образом может быть предъявлено ко мне такое обвинение, мне это абсолютно не понятно, я смотрю на все это как «баран на новые ворота». (П о з е р н. Не новые ворота — вот в чем дело.) Тебе виднее, может быть не новые ворота, но я все-таки не баран. Теперь я должен сказать, что серьезные показания как будто бы заключаются в том, что как будто бы я дал целый ряд террористических директив. (М о л о т о в. А ты не знал и не давал.)

Да, не знал и не давал. Но нельзя же мне всерьез приписывать всю эту эпопею с «эсером» Семеновым о том, что у меня был блок с ними. Это просто смешотворная вещь. Говорят, что Семенова через Слепкова я [науськивал, когда] посылал для связи с эсерами, и это в то время, когда Слепков давным-давно сидел. Здесь надо сказать, что у Цетлина ни одна почти дата не связана с другой и черт знает, что получается. Это я доказал убедительнейшим образом; а что сейчас говорит человек, которого я когда-то защищал на эсеровском процессе, что он говорит теперь — мне это все равно. Надо сказать, что теперь народ очень наостренный, и они носом чувствуют, что им надо говорить. (Ш у м в з а л е, с м е х.) Насчет Зайцева это все доказано. (Г о л о с с м е с т а. Ничего не доказано.) То есть, как же не доказано? (Л о з о в с к и й. Это же все твои ученики и друзья.) Ах, боже мой, ученики и друзья... Ведь я же их несколько лет не видел, я их клеймил как контрреволюционеров устно и печатно. (Е ж о в. Ты пишешь личные письма твоим друзьям,

которых ты клеймишь в 34, 35 году.) Когда? (Ежов. В 34, 35 году.) Кому? (Ежов. Твоим друзьям. Клеймишь их контрреволюционерами, а пишешь им личные письма. Вот я тебе приведу их.)

Пожалуйста, приведи. Но я могу на одном примере доказать, на примере, можно сказать, самом убедительном — это на Ефиме Цетлине. Он был мне самым близким человеком, а он меня буквально возненавидел бешеной ненавистью. Это можно доказать? Можно доказать, вам желательно, чтобы я покопался в письмах его. Это известно и многим членам Политбюро. (Сталин. Откуда у него ненависть такая?) Вот почему. Это появилось когда он был арестован. После этого он стал говорить, что я за него не заступался, он мне прямо говорил, что я должен был сам арестоваться из протеста для того, чтобы доказать его невиновность. (Смех.) Я не знаю, почему это, вы его спросите. Но, говорил он, я за него ни капли не заступался и не помогал ему и на январском пленуме, когда т. Ворошилов подал реплику насчет Цетлина, я не отгородил его от Слепкова. После этого он ко мне воспылал бешеной ненавистью и писал много писем. Вот вам один пример.

(Петровский. Что же он будет выдумывать про террор и другие вещи?) Насчет Цетлина я вам на [цифрах] датах доказал, что не может быть того, что он говорил. (Петровский. А 25, 30 допросов то же самое ведь говорят. Ну, я понимаю один, два.) Очень просто. Хорошо, если вас интересует этот вопрос, то это очень просто [потому что] объяснить, дело бывает обычно так; им показывают [они указывают прежде всего] показания других, потому что при допросах прямо говорится: «Вы изблечены в террористической, скажем, деятельности, против вас имеются такие-то и такие-то показания». (Ежов. Не ври по крайней мере, если не знаешь. Вот Рыков вчера убедился. Петровский. Бухарин опять переходит к опорочиванию.) Я же вам цитирую эти вопросы, я же их выписал из протокола, я же не выдумал. (Сталин. После того, как признал.) Да нет же. Да неверно это. Я же выписал целый ряд таких вещей из протоколов показаний. Для того, чтобы понудить, чтобы они признались, задаются такие вопросы. И я тут пишу, что, вообще говоря, такого рода вопросы совершенно допустимы и даже необходимы для того, чтобы ловить. Разве нельзя? (Сталин. Не всегда. В редких случаях.)

Но я говорю, что при таком положении вещей, когда есть определенная политическая атмосфера, когда все глаза и пальцы на меня направлены (ведь когда Радек говорил, что я такой-то и такой-то, этот указательный палец Радека, направленный на меня, он перед всем миром висит); когда речь идет о каком-нибудь из подследственных, в особенности о правом, тогда задают ему вопрос — «кто вами руководил?», то перст указующий, перст двух процессов, перст Радека показывает на меня. (Рудзутак. Называют адреса собраний, называют числа. Почему?) Там, где называют собрания и там, где называют различные числа и прочее, это в значительной степени относится к периоду 1928—29 гг. (Шум в зале.) Да, да. Я вовсе этого совершенно не отрицаю. (Сталин. Это относится и к 1932 году. Вышинский. А Радек указывал на 1934—35 и 1936 гг. Чубарь. А Сосновский?)

Я беру два показания. Это показания Грольмана и Розита. Я о них подробно пишу, насчет Грольмана я показываю вздорность его клеветы и думаю, что это можно проверить; потому что в вагоне, когда я с ним говорил, присутствовали другие люди, в том числе один или два чекиста, которые постоянно со мной ездили, которые меня сопровождали, ни на минуту от меня не отходили. Относительно Розита. Я с Розитом вел разговор в присутствии т. Цехера и Файзуллы. [Розит, в отношении его.] Мы говорили м. п. и о Чирчике, и в связи с этим я написал письмо Серго и товарищу Сталину, письмо относительно Чирчикстроя. Вот какие у нас были разговоры. [Так что я не могу опровергнуть.] Если кто-нибудь повторит, что я говорил с ним наедине на охоте, как я могу опровергнуть это? Я могу только отрицать. Я могу только сказать: нет, этого не было.

Сталин. Почему должен врать Астров?

Бухарин. Астров почему должен врать? Я думаю...

Сталин. Слепков почему должен врать? Ведь это никакого облегчения им не дает.

Бухарин. Я не знаю.

С т а л и н. Никакого.

Б у х а р и н. После того, как Астров показывал, вы же сами говорили, что его можно выпустить.

С т а л и н. Его же жуликом нельзя назвать?

Б у х а р и н. Не знаю. (С м е х.) Вы поймите, пожалуйста, сейчас психологию людей. Вы объявляете сейчас меня уже террористом, вредителем вместе с Радеком и все прочее...

С т а л и н. Нет, нет, нет. Я извиняюсь, но можно ли восстановить факты? На очной ставке в помещении Оргбюро, где вы присутствовали, были мы — члены Политбюро, Астров был там и другие из арестованных: там Пятаков был, Радек, Сосновский, Куликов и т. д. Причем, когда к каждому из арестованных я или кто-нибудь обращался: «По-честному скажите, добровольно вы даете показания или на вас надавили?» Радек даже расплакался по поводу этого вопроса — «как надавили? Добровольно, совершенно добровольно». Астров на всех нас произвел впечатление человека честного, ну, мы его пожалели: Астров честный человек, который не хочет врать. Он возмущался, он обращался к тебе несколько раз: «ты нас организовал, ты нас враждебно наставлял против партии и ты теперь хочешь увилить от ответа. Как тебе не стыдно?»

Б у х а р и н. К кому он обращался?

С т а л и н. К тебе.

Б у х а р и н. А что я ответил, т. Сталин?

С т а л и н. Ты что ответил? У тебя ответы были двух родов: первые ответы ты вел в отношении троцкистов: «врите, мерзавцы»; то же и по другим.

Б у х а р и н. Совсем нет.

С т а л и н. Наша попытка что показала? Когда мы устроили очную ставку вашу с Астровым и Куликовым, то, я думаю, что даже на вас подействовали показания Астрова и Куликова.

Б у х а р и н. Ничего подобного, абсолютно нет. Радек прожженный мерзавец.

С т а л и н. Я Радека не беру.

Б у х а р и н. Ты делишь всех на троцкистов и правых.

С т а л и н. Я не касаюсь троцкистов.

Б у х а р и н. Это все врожденные негодяи. Куликов прежде всего рабочий. Вот почему я к нему относился иначе.

С т а л и н. Астров не рабочий.

Б у х а р и н. Астров не рабочий, но когда на очной ставке говорили троцкисты, я с ними ругался, и когда они нагло ввали, я их прерывал. Наоборот, я мягко говорил с Куликовым, хотя тоже несколько раз выкрикивал: «бессовестно врите». Так что градация, оттенки были и в моих ругательствах по отношению к их показаниям, как против врожденных протобестий. Наиболее мягко я держался в отношении Куликова и Астрова. Астрову же я сказал, что перед ними виноват, что когда-то сбил их с истинного пути.

С т а л и н. Очень мягко против Астрова, хотя Астров вас топил.

Б у х а р и н. Не знаю почему он меня топил, но он топил, они все меня топят и, возможно, потопят.

Ш к и р я т о в. Правду говорят.

Б у х а р и н. Правду, тебе Шкирятов лучше знать, правду или нет.

С т а л и н. Я не понимаю, почему Астров должен врать на вас. Почему Слепков должен врать на вас, ведь это никакого облегчения не дает. Цетлина нет, вы его не защищайте и не выгораживайте, но Астров более честный человек, его лжецом нельзя назвать. Слепков был вам самый близкий человек, почему он должен врать на вас? Моральная физиономия Слепкова мне известна, она оставляет желать очень много лучшего. Что касается Астрова, то у меня впечатление такое, что он человек искренний и мы с Ворошиловым его пожалели — как этот человек загублен, из него мог выйти настоящий марксист.

Б у х а р и н. Я считаю, что из этой молодежи все врут на меня по очень простой причине.

Е ж о в. Почему они гробят?

Б у х а р и н. Во-первых, кто вновь арестован, они считают, что я причина их ареста.

Шкирятов. Так они же на себя сами все говорят.

Бухарин. Не то что я на них донес, а то, что я нахожусь под следствием и поэтому их притянули.

Ворошилов. Они были раньше арестованы.

Сталин. Наоборот, на последней очной ставке мы не только Бухарина привлекли, но и известного военного работника Пугачева проверили. Ведь очная ставка отличается тем, что обвиняемые, когда приходят на очную ставку, то у них у всех появляется чувство: вот пришли члены Политбюро, и я могу здесь рассказать все в свое оправдание. Вот та психологическая атмосфера, которая создается в головах арестованных при очной ставке. Если я мог допустить, что чекисты кое-что преувеличивают, — таков род их работы, что они могут допустить некоторые преувеличения, я в искренности их работы не сомневаюсь, но они могут увлечься, но на последней очной ставке, где было полное совпадение старых протоколов с показаниями в нашем присутствии, я убедился, что очень аккуратно и честно работают чекисты.

Петровский. Честно?

Сталин. Честно. Вот здесь для Радека и для всех была возможность сказать правду. Мы же просили — скажите правду по чести. Я говорю правду, и глаза его, тон его рассказа, — человек я старый, людей знаю, видал, ошибаться я могу, но здесь впечатление — искренний человек.

Бухарин. Я не могу тебя переубедить, если ты думаешь, что он говорил правду, что я на охоте давал террористические директивы, а я считаю, что это чудовищная ложь, к которой я серьезно относиться не могу.

Сталин. Была у тебя с ним болтовня, а потом забыл.

Бухарин. Да ей-богу не говорил.

Сталин. Много болтаешь.

Бухарин. То, что я много болтаю, я согласен, но то, что я болтал о терроре, это абсолютная чепуха. Вы подумайте, товарищи, если мне приписывают план дворцового переворота, в результате которого Томский становится секретарем Центрального Комитета и весь аппарат ЦК занимается слепковцами! Бухарин был всегда против Ленина, он оппортунист и все прочее, но весь аппарат ЦК занимается слепковцами...

Каганович. На очной ставке вы не отрицали, что свою школку воспитывали так, что вы все должны расти, как руководители партии, как члены Политбюро. И Астров тут правду говорил.

Бухарин. Я об этом не говорил, но я напоминаю факт, что я высказался в таком духе, когда товарищи выставили в Центральный Комитет двух или трех, я высказался против этого.

Стецкий. Томский подготовлялся в секретари ЦК. Я об этом говорил еще в 28 году, вы тогда не посмели отрицать.

Бухарин. А вы какую должность должны были занимать?

Стецкий. Я не знаю, какой пост я должен был занимать, но что Томский подготовлялся в секретари ЦК, я говорил в 28 году на июльском пленуме.

Бухарин. В том, что Томского готовили в секретари ЦК, комичного ничего нет, а комичное то, что весь аппарат занимается слепковцами. Речь шла о дворцовом перевороте в 1929—30 г. ...Речь шла о «дворцовом перевороте» в 1930 или 1929 г.

Молотов. А как вы расцениваете все показания бывших ваших друзей из школки — показания Астрова, Зайцева, Цетлина и других о самих себе, об их участии в террористической деятельности?

Ворошилов. Для какой цели им на себя наговаривать?

Бухарин. Моя оценка? Я насчет Цетлина, что он занимался террором, не верю.

Молотов. Значит он неправду говорил про себя? А Астров почему?

Сталин. Розит стоял во главе комбината, зачем человек станет клепать на себя?

Бухарин. Если бы я знал, у кого какие соображения в связи с этим, почему они на себя показывали, я бы сказал об этом. Но я не знаю.

Молотов. У вас нет мнения — правда это или неправда?

Бухарин. Теоретически можно предположить, что люди могли докатиться

до этого по той простой причине, что кто продолжает борьбу дальше, тот имеет гораздо больше шансов к такого рода выводам.

С т а л и н. Вот если бы в свое время вы предупредили нас, хорошо было бы, услуга была бы хорошая.

В о р о ш и л о в. Их спасли бы.

Б у х а р и н. Вот когда был арестован Слепков и другие в связи с этой конференцией, то так как до этого я со Слепковым говорил относительно того, что вся эта борьба с партией — чепуха и он сказал, что согласен со мной, что надо с партией [действовать] идти, то я не верил, что они могли что-нибудь скверное устроить. Я продолжал заступаться за них вплоть до того, когда в 1933 г. мне показали их показания по этой конференции. Я сам тогда не верил.

М о л о т о в. А вот теперь, после многочисленных показаний, как это оценивать, что на себя они говорят?

Б у х а р и н. Я не знаю.

С т а л и н. Нейтралитет?

Б у х а р и н. Я вам говорю: я могу выставить несколько гипотез, какие могут быть здесь причины. Первая. Я считаю, что в глазах их я был погибшим человеком, человека растрезвонили по всем газетам, хуже ему не могло быть. Вторая. Здесь могли быть элементы мести.

Г а м а р н и к. А о себе скажите.

М и к о я н. Почему это люди говорят на себя?

Б у х а р и н. Я не знаю. Часть занималась разговорами — это может быть. При этом они боятся быть неискренними, преувеличивают, возможно, кое-что. Я же не знаю, не могу влезть в их душу. А насчет некоторых я просто не верю. Я не думал, чтобы Розит занимался этим.

Ч у б а р ь. Почему вы все время психологическими вопросами здесь занимаетесь, а не говорите о себе?

М о л о т о в. Еще один вопрос: помните ли вы, что после очной ставки на Оргбюро ЦК, где мы все присутствовали, Рыков заявил, что теперь он думает, что Томский знал о терроре и о прочем? Было это дело? Рыков знал об этом?

Б у х а р и н. А скажите, пожалуйста: любой человек, который прочтет 400 страниц показаний против меня без моих контраргументов, скажет: Бухарин — сукин сын. Относительно этого вопроса — о Томском, вы меня также расспрашивали. Я сказал, что я ни за кого другого ручаться не могу, но это мне кажется очень мало вероятным. Я одно время колебнулся. Вдруг мне пришла такая мысль... Товарищи, человек имеет право в таких вещах колебаться?

С т а л и н. Конечно, имеет право.

Б у х а р и н. Я говорил не на улице, а с членами Политбюро. У меня были [большие] колебания, но когда я вижу, какое большое количество лжи накапливается, и после того, когда Сокольников отказался от своего показания...

С т а л и н. Но ведь от этого не легче.

Б у х а р и н. Но Сокольников сперва сказал, что он член...

С т а л и н. Потом сказал, что был контакт.

Б у х а р и н. Значит, он первый раз врал, он же был членом этого центра.

С т а л и н. Он контакта не отрицает, разве от этого легче?

Б у х а р и н. Я не то говорю. Могут быть две версии в равной степени одиозные, в равной степени контрреволюционные, но все-таки, если одна из них противоречит другой, это противоречие подрывает доверие к тому человеку, который это говорит. А как же нет? То же самое относительно Яковенко. Это действительно что-то вроде слепковского ЦК, что я выдвинул план отложения самостийной Сибири.

Г а м а р н и к. А разговор был такой с Яковенко?

Б у х а р и н. Не было такого разговора.

Г а м а р н и к. Вообще не было?

Б у х а р и н. Вы за десять лет по памяти историю партии делаете. Мне пришлось видеть тысячи людей, скажите, пожалуйста, как я могу сказать, видел я того или другого человека в течение этих десяти лет? Это просто немыслимо. И никто из вас не может сказать, что он помнит.

Б ы к и н. Такие вещи не забываются.

Б у х а р и н. Такой вещи не было. Это дурацкая совершенно вещь. Нельзя же мне приписывать совершенно идиотские вещи.

Г о л о с с м е с т а. Теперь дурацкие, а шесть лет назад были не совсем дурацкие.

Б у х а р и н. Что я ориентировался шесть лет тому назад на отложение самостоятельной Сибири для давления на РСФСР?

Г о л о с с м е с т а. С мужиками разговаривали?

К а г а н о в и ч. Кабардинское восстание вы использовали?

Г о л о с с м е с т а. Сколько угодно!

Б у х а р и н. Это Стецкий говорил, что это аплодисменты.

К а г а н о в и ч. И вы говорили.

Б у х а р и н. Я не о кабардинском восстании говорил, а я говорил о грузинском восстании, и не с точки зрения, что его нужно возглавить, а совершенно с другой точки зрения...

Ш к и р я т о в. Надо сказать правду.

Б у х а р и н. Кончать надо?

С т а л и н. Как хотите.

Ж д а н о в. Потом еще можете.

С т а л и н. Речей можешь наговорить, сколько хочешь.

Ш к и р я т о в. Правду надо сказать, а ты не говоришь ее.

Б у х а р и н. Я говорю здесь правду, но никто меня не заставит говорить на себя чудовищные вещи, которые обо мне говорят, и никто от меня этого не добьется ни при каких условиях. Какими бы эпитетами меня ни называли, я изображать из себя вредителя, изображать из себя террориста, изображать из себя изменника, изображать из себя предателя социалистической родины не буду.

С т а л и н. Ты не должен и не имеешь права клепать на себя. Это самая преступная вещь.

М о л о т о в. То, что ты говорил о голодовке, это просто антисоветская вещь.

Г о л о с а с м е с т. Контрреволюционная вещь!

С т а л и н. Ты должен войти в наше положение. Троцкий со своими учениками Зиновьевым и Каменевым когда-то работали с Лениным, а теперь эти люди договорились до соглашения с Гитлером. Можно ли после этого называть чудовищными какие-либо вещи? Нельзя. После всего того, что произошло с этими господами, бывшими товарищами, которые договорились до соглашения с Гитлером, до распродажи СССР, ничего удивительного нет в человеческой жизни. Все надо доказать, а не отписываться восклицательными и вопросительными знаками.

М о л о т о в. А антисоветскими вещами заниматься не следует. Разрешите объявить перерыв, товарищи. Следующее заседание завтра в 6 часов вечера.

Р ы к о в. Я прошу слово.

М о л о т о в. Вы не записались.

Р ы к о в. Я извиняюсь, это еще одна моя ошибка. (О ж и в л е н и е в з а л е.)

М о л о т о в. Это не самая главная.

С т а л и н. А записаться нужно обязательно.

Р ы к о в. Я коротко буду говорить.

Г о л о с а с м е с т. Отложить на завтра.

М о л о т о в. Заседание на этом закрывается.

(Продолжение следует)

Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса

Л. В. Милов

Историками уже немало сделано для изучения истории сельского хозяйства и крестьянства. Однако на ряд существенных ее особенностей практически обращалось мало внимания. Прежде всего это касается процессов, характерных для территорий, составивших историческое ядро Русского государства, ставшего единым с конца XV — начала XVI века.

Хорошо известно, что на всем пространстве этой территории были малопродуктивные, главным образом дерново-подзолистые, подзолистые и подзолисто-болотные почвы. Лишь изредка в долинах пойменных рек встречаются сравнительно небольшие площади аллювиальных, да к югу от Белого озера есть небольшой массив дерново-перегнойных почв. Большинство же почв — это суглинки, тяжелые в обработке глинистые, отчасти иловатые грунты, перемежающиеся с супесями. Встречаются и песчаные почвы. К югу от Оки, в непосредственной близости от нее преобладали серые лесные почвы и отчасти деградированные и оподзоленные черноземы.

Мы не касаемся того периода, когда господствовала подсечная система земледелия и урожай доходил до сам-10, то есть около 15 ц с га и даже больше. Но такой крайне экстенсивный способ земледелия помимо затрат труда на обработку почвы требовал постоянных и громадных усилий целого коллектива людей (общины) для рубки больших массивов леса при почти ежегодной смене участков обрабатываемой земли. Регулярное паровое трехполье явилось переворотом в земледелии, оно дало крестьянину огромную экономию труда, изменив весь уклад его жизни, оно сделало возможным перенесение центра тяжести хозяйственной деятельности с общины на индивидуальное крестьянское хозяйство. Правда, переворот этот имел существенные издержки, ибо он повлек за собой снижение урожайности, изменение структуры посевов (стали преобладать так называемые серые хлеба).

Поскольку индивидуальное хозяйство стало на ноги лишь ценою потерь в уровне производства, то сама самостоятельность этого хозяйства не стала подлинной самостоятельностью. Дело в том, что при паровом трехполье скудные почвы стремительно «выпахивались» и теряли плодородие. Практика же восстановления его связана была исключительно со старой архаической традицией — применением подсеки и перелога. А это вновь требовало больших затрат труда и помощи общи-

---

Милов Леонид Васильевич — член-корреспондент Российской АН, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного университета. В основу статьи положен доклад автора на Отделении истории АН СССР 17 мая 1990 года.

ны, которая, потеряв свое абсолютное господство, все-таки продолжала оставаться важным элементом не только быта и жизнеустройства крестьян, но и его земледельческого производства.

Только прибегая периодически к дополнительному возделыванию земли с помощью перелога или подсеки, то есть к коллективной расчистке леса, подъему целины, создавая «излишние» временные пашни, русский крестьянин более или менее сводил концы с концами. Периодически обновлялась и сама регулярная пашня, так как через 20—30 лет, как правило, и она теряла свое плодородие («у нас земли старые и почти везде выпахались, отчего и хлеб родится худо», — отмечает, например, в инструкции управляющему имением В. А. Волынского, составленной в 1724 г.)¹. Все эти меры в конечном счете лишь поддерживали плодородие, хотя и на весьма низком уровне.

Вот ряд фактов, наиболее надежно отражающих основную тенденцию в динамике урожайности. Первые такие сведения изредка встречаются в корпусе новгородских писцовых книг конца XV века. В Вотской и Шелонской пятинах нам известны лишь примеры очень низкой урожайности ржи (от сам-1,7 до сам-2,3)². Порайонные ориентировочные оценки по Обонежской пятине достигают уровня сам-3, по Деревской — сам-2 и сам-3, по Новгородскому уезду — сам-2 и сам-3 и т. д.³ Разумеется, в пределах этой территории иногда встречались и земли, дающие урожай в сам-4 и сам-5, но этот уровень не типичен.

Следующий пласт данных относится к концу XVI века. Это, в частности, сведения о полях Иосифо-Волоколамского монастыря. В его селах во Владимирском, Суздальском, Тверском, Старицком, Рузском, Волоцком и Дмитровском уездах за отдельные годы (с 1592 по 1604) урожайность ржи была в пределах от сам-2,45 до сам-3,3, овса — от сам-1,8 до сам-2,56, пшеницы — от сам-1,6 до сам-2,0, ячменя — от сам-3,7 до сам-4,2 и т. д.⁴

В наиболее плодородном, в пределах Нечерноземья, Белозерском районе в 1604—1608 гг. урожайность ржи колебалась от сам-2,3 до сам-4,5, овса — от сам-1,6 до сам-2,6, ячменя — от сам-4 до сам-4,3⁵. Причем на тех же полях спустя почти полтора века (в 1743—1750 гг.) урожайность в среднем стала даже ниже (по ржи от сам-2,7 до сам-3,7, по овсу — от сам-2 до сам-3, по ячменю — от сам-3 до сам-4,25)⁶.

За счет вовлечения новых участков подсечной пашни урожайность на ряд лет могла резко повышаться. Так, в селениях Кирилло-Белозерского монастыря в 70—80-е годы XVII в. урожай ржи доходил до сам-10, овса — сам-5, ячменя — сам-6 и более⁷. Но преобладающим в XVII в. был все же низкий уровень урожайности (в Ярославском уезде рожь от сам-1 до сам-2,2, овес — от сам-1 до сам-2,7, ячмень — от сам-1,6 до сам-4,4; в Костромском уезде — рожь от сам-1 до сам-2,5 и т. д.). В плодородных земледельческих вкраплениях таежного Севера рожь имела урожай до сам-3,6, а овес — до сам-2,7. В Новгородской и Псковской землях урожай ржи колебался от сам-2,4 до сам-5,3, овса — от сам-1,8 до сам-8,2 и т. д.⁸

В XVIII в. общая картина практически не меняется. По вологодскому Северу рожь давала от сам-2 до сам-2,7, иногда до сам-4,2, овес — от сам-1,5 до сам-2,8, ячмень — от сам-1,3 до сам-6, иногда до сам-10⁹. Со второй половины XVIII в. появляются сводные данные по урожайности на больших территориях — в масштабах губернии. Так, по Тверской губ. в 1788—1791 гг. урожайность ржи и овса в среднем колебалась от сам-1,9 до сам-2,8, по пшенице — от сам-1,9 до сам-2,7. В те же годы в Новгородской губ. рожь и овес давали от сам-2,1 до сам-3,2, ячмень и пшеница — от сам-2,4 до сам-3,1. В Московской губ. в 1782 г. и 1795 г. урожайность овса была на уровне от сам-2 до сам-2,5, ячменя — около сам-2,3, пшеницы — от сам-1,8 до сам-2,6. В Ярославской губ. 1796 год дал очень низкий урожай (рожь — сам-1,4, овес — сам-2,2). В Костромской губ. в 1788 г. рожь дала сам-2,3, а овес, ячмень и пшеница — по сам-2,1. Наконец, в Нижегородской губ. в 1792—1794 гг. рожь имела урожай от сам-2,1 до сам-3,1, овес — от сам-2,3 до сам-4,6, ячмень — от сам-1,9 до сам-3,1. К югу от Оки, там, где преобладали деградированные и оподзоленные черноземы (Калужская, Рязанская, частично Орловская, Тамбовская и др. губернии), в 80—90-х годах XVIII в. урожайность была немногим выше, чем в Нечерноземье (рожь от сам-1,9 до сам-4,4, овес — от сам-0,9 до сам-5,4, ячмень — от сам-1,5 до сам-5,3 и т. д.)¹⁰.

Мало что изменилось и в XIX веке. В 1802—1811 гг. средняя урожайность зерновых культур достигала в Северном регионе — сам-3,4, Северо-Западном — сам-

2,7, Западном — сам-3,6, в Смоленской губ. — сам-2,6, Центрально-Нечерноземном регионе — сам-2,6, Средне-Волжском — сам-3, Приуральском — сам-3. За 50 лет урожайность этих культур практически не изменилась и в 1851—1860 гг. в Северном регионе она составляла сам-3,4, Северо-Западном — сам-2,7, Западном — сам-2,7, в Смоленской губ. — сам-2,3, Центрально-Нечерноземном — сам-2,7, Средне-Волжском — сам-3,6, Приуральском — сам-3,4¹¹. В конце XIX в. в 13 губерниях Нечерноземной зоны чистый душевой сбор составил всего 14 пудов (224 кг)¹².

Таким образом, в историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был необычайно низок. Хотя не следует забывать, что и он был достигаем путем громадных затрат труда.

Первой причиной стабильно низкой урожайности в основных регионах России была худородность почв. Однако низкое их плодородие объясняет далеко не все. Ведь во многих странах Европы почвы были отнюдь не самые лучшие, но благодаря тщательной обработке и обильным удобрениям урожайность там, особенно в Новое время, постоянно росла. Почему же иначе было в России? Почему повышение плодородия здесь связывали только с обновлением пахоты за счет залежи или рощистей, а не прибегали к обильному удобрению?

Одной из причин такого положения, особенно для второй половины XVIII в. и более позднего времени, казалось бы, могла быть возрастающая плотность населения и в связи с этим нехватка пашенной земли и распашка лугов, а следствием этого — сокращение скотоводства и в конечном счете дефицит удобрений. Но это не совсем так. Ведь урожайность была низкой и в более ранние времена. Кроме того, во второй половине XVIII в. в центральных районах России еще оставались пространства с хорошей базой для скотоводства. Тем не менее и там урожайность держалась на уровне сам-3. В чем же дело?

Основная причина кроется в специфике природно-климатических условий исторического центра России. Ведь здесь, при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ был необычайно коротким, занимая всего 125—130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины сентября по старому стилю). В течение, по крайней мере, четырех столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на нее у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота.

Для подтверждения этого положения используем уникальные сведения так называемых офицерских описей конца 50-х годов XVIII века. Их материал дает нам близкое к реальности представление об уровне затрат труда в земледелии крупного господского (монастырского) хозяйства. Поскольку монастырская барщина была в то время невелика и вполне обеспечена рабочей силой, здесь имелись условия для более или менее тщательной обработки земли, реального выполнения минимально необходимых требований агрикультуры. В нашем распоряжении есть выборочные данные по 100 монастырским владениям, сравнительно равномерно расположенным в разных зонах Нечерноземья, а также зоне деградированных черноземов¹³. При условии нормальности статистического распределения наших выборок (а исследуемые материалы, с точки зрения статистики, случайная, суть бесповторная выборка) их данные могут быть подвергнуты интервальной оценке параметра μ с использованием распределения Стьюдента¹⁴.

В итоге можно констатировать, что средняя наших выборок отклоняется (с вероятностью 90%) от средней генеральной совокупности в следующих пределах:

1) по нечерноземным губерниям (кроме района опольев) 72,6—73,6 человеко-дней при 33,0—34,4 коне-днях; 2) по Владимиро-Суздальскому ополью 45,3—46,7 человеко-дней при 18,9—20,7 коне-днях; 3) по черноземным регионам 41,3—43,4 человеко-дней при 21,9—22,5 коне-днях. Приведенные выше интервальные оценки затрат труда резко выделяют небольшой район Владимиро-Суздальского ополья, где было много песчаных и супесчаных почв, дававших при условии унавоживания вполне сносные урожаи. Однако весь остальной гигантский комплекс земель Нечерноземья был с точки зрения плодородия гораздо менее благоприятным и здесь затраты труда были очень высоки.

Для упрощения дальнейших расчетов примем за основу по Нечерноземью единую среднюю характеристику затрат труда — она составит около 60 человеко-дней при 26,7 коне-днях на десятину в двух полях посева. Таким был уровень трудозатрат в господском хозяйстве, где существовала реальная возможность концентрации на

полях массы рабочих рук (иногда даже с излишком) и где применялось и «двоение» озимых, и «троение» некоторых яровых культур, и многократное боронование и т. п. Для оценки же производственных возможностей собственно индивидуального крестьянского хозяйства, где был минимум рабочих рук (семья из четырех человек, из них двое детей), за неимением прямых данных необходим расчет потенциального времени для земледельческих работ. Из 130 рабочих дней приблизительно 30 дней идет на сенокос. Таким образом, крестьянин от посева до жатвы включительно имел лишь примерно 100 рабочих дней.

По данным Генерального межевания и губернских отчетов второй половины XVIII в., средняя обеспеченность пашней в Нечерноземье достигала 3—3,5 дес. во всех трех полях на мужскую ревизскую душу (в средней крестьянской семье из четырех человек таких ревизских душ было приблизительно две)¹⁵. Таким образом, на «тягло» (взрослые мужчина и женщина) приходилось 6—7 дес. пашни. Из них под ежегодный яровой и озимый посевы шло 4—4,7 десятины. Практически в семье из четырех человек пашню пахал один работник. Имея 100 рабочих дней, он мог на вспашку, боронование и сев потратить в расчете на одну десятину (без жатвы и обмолота) 21,3—25 рабочих дней. Что же касается аналогичных затрат в господском (монастырском) хозяйстве, то факты свидетельствуют, что при общей трате труда на десятину в 59,5 человеко-дней без учета обмолота (минимум 12 дней) и жатвы (минимум 8 дней) это составит 39,5 человеко-дней. Разница с возможностями крестьянина, как видим, огромная (в 1,58—1,85 раза).

Находясь в столь жестоком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном бюджете рабочего времени качество его земледелия было таким, что он не всегда мог вернуть в урожай даже семена. Выход из этой по-настоящему драматической ситуации был один. Русский земледелец должен был в 21—25 рабочих дней реально вложить в землю такой объем труда, который в более благоприятных условиях господского хозяйства на барщине занимал около 40 рабочих дней. Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда и днем и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, на мужских работах женщин и т. д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь—январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда. Да и пашня могла обрабатываться гораздо тщательнее (4—6 раз).

В этом заключается фундаментальное различие между Россией и Западом, прослеживаемое на протяжении столетий. Еще в XVIII в. агроном И. И. Комов писал: «У нас... лето бывает короткое и вся работа в поле летом отправляется... В южных странах Европы, например, в Англии (!) под ярь и зимою пахать могут, а озимь осенью в октябре, в ноябре сеять... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно»¹⁶. За этими скупыми, сдержанными оценками скрывается колоссальное различие с Западом не только в возможностях земледелия, но и в укладе жизни крестьянина, во всей его культуре в целом и т. п.

Разумеется, указанный путь резкого увеличения затрат труда в ограниченный отрезок времени был реальным далеко не для всех крестьян. Только зная это, можно понять, например, почему даже в XVIII в. при земельном просторе, отсутствии скученности населения в Нечерноземье и заокских землях обеспеченность пашней достигала всего-навсего трех десятин на мужскую душу, а фактически обрабатывал русский крестьянин и того меньше. Еще в конце 50-х годов Н. Л. Рубинштейн выяснил на основе статистики Генерального межевания и губернских отчетов, что во второй половине XVIII в. при среднем наделе пашни в Нечерноземье в 3—3,5 дес. на душу мужского пола фактический посев и пар составляли всего 53,1% от этого не слишком большого надела. Остальная пашня просто не использовалась. Это означает, что реальный посев в двух полях на мужскую душу был равен 1,24 дес., а на семью из четырех человек — 2,48 десятины¹⁷. В. И. Крутиковым убедительно доказано, что начиная, по крайней мере, со второй половины XVIII в. и вплоть до середины XIX в. посев не занимал всей пашни. В 1788 г. доля посева в Тульской губ. составляла ко всей пашне всего 46,7%¹⁸.

В четком соответствии с этими выводами находятся и данные так называемых хлебных бюджетов крестьянского хозяйства.

Примерный расчет хлебного бюджета сделан Л. С. Прокофьевой по вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря для 30-х годов XVIII века¹⁹. Исходные данные здесь весьма добротны (книги «пятинного сбора» 1730 г.). По каждому из 232 крестьянских дворов зафиксирован высев по каждой культуре и валовой сбор. Подсчитав средний высев на двор (1 четверть ржи, 3 чтв. овса, 0,14 чтв. ячменя и 0,13 чтв. пшеницы) и среднюю реальную урожайность (рожь сам-6,1, овес сам-2,4, ячмень сам-4,1 и пшеница сам-4,2), Прокофьева получила реконструкцию усредненного валового урожая на крестьянское хозяйство: 54,9 пуда ржи (6,1 чтв.), 50,4 пуда овса (7,2 чтв.), 4,8 пуда ячменя (0,6 чтв.) и 5,4 пуда пшеницы (0,6 чтв.). Зная нормы высева и натурального оброка, она восстанавливает и площадь посевов (ок. 2,5 дес.), и полные хлебные расходы двора при среднем составе семьи — 6 человек обою пола. За норму потребления зерновых берется 12 пудов на человека. Таким образом, итоговая сумма — 72 пуда на семью, и, оценивая общий расход на семью (с учетом семян и уплаты оброка) в 125,4 пуда (69,5 пудов ржи, 49,4 пуда овса, 2,1 пуда ячменя и 4,4 пуда пшеницы), Прокофьева констатирует дефицит хлебного бюджета в 10 пудов.

Обычная для XVIII в. норма находит свое обоснование в обеспеченности питанием дворового человека. В «Учреждении» графа П. А. Румянцева есть указание расходовать «на всякого человека в году: муки ржаной по 3 черверти, крупы по 1 четверику с половиною, толокна и гороху на посты по 1 четверику» (четверик равен в XVIII в. пуду)²⁰. Такая же месячина была и в имении П. П. Львова²¹. В XIX в. именно эта норма в 3 четверти стала нормой годового армейского содержания солдата. В основу расчетов кладут эту цифру и историки. Так, Т. И. Осьминский, опираясь на данные А. В. Чайнова, а также нормы месячины в имении П. М. Бестужева-Рюмина и другие материалы, берет расход зерновых на взрослого человека в 25 пудов в год²². Та же цифра фигурирует и у П. И. Кеппена²³.

Исходя из этих расчетов, результаты Прокофьевой могут быть скорректированы: на 4,2 полных едока потребуется уже 100,8 пуда. С учетом расхода зерна на корм скоту дефицит хлебного бюджета среднего крестьянского хозяйства (6 душ) возрастает до 60,3 пуда. К тому же и сама Прокофьева, опираясь на свои расчеты, замечает, что дополнительный учет расхода зерна на одну лишь лошадь так влияет на уровень состоятельности крестьянских хозяйств, что 70% дворов оказываются не обеспеченными зерном²⁴.

Обрабатывая данные хлебного бюджета середины XVIII в., исследованные А. М. Шабановой по вотчинам Александро-Свирского монастыря²⁵, можно прийти к следующим итогам. По Кондужской волости беднейшая группа дворов (74% хозяйств волости) сводила хлебный бюджет с дефицитом в 74,3 четверика (пуда). Во второй группе дворов (17% хозяйств) средний излишек составлял всего 14 четвериков. Лишь третья группа, к которой относились самые зажиточные крестьяне, имела значительный излишек хлеба — до 214 четвериков (но они составляли всего лишь 9% хозяйств). Однако, приведя все подворные доходы в соответствие с удельным весом той или иной группы дворов, мы получим в итоге в среднем по волости дефицит хлебного бюджета в 33,4 четверика. По другой волости, Лоянской, где земледелие было основой существования крестьян Приладожья, беднейшая группа (47,5% дворов) имела дефицит в среднем на двор 29 четвериков (пудов). Во второй группе (33% дворов) излишки достигали всего 12,2 четверика. И только в третьей, зажиточной группе (19,5% дворов) излишки были солидны — 124 четверика. Общий баланс (взвешенный по каждой группе) дает всего 14,4 четверика хлебных излишков. В целом же по всем свирским владениям Александрова монастыря хлебный баланс был дефицитным.

Напомним, что в основе общего низкого процента товарных излишков или их отсутствия были малые посевные площади и низкая урожайность. В частности, в большинстве уездов Тверской губ. во второй половине XVIII в. «на соху» приходилось не более десятины земли в поле, то есть на тягло 3 дес. пашни; в ряде же уездов — чуть более десятины, следовательно, на тягло 4—4,5 дес. пашни. Данные такого рода по уездам Тверской губ. позволяют сделать некоторые расчеты²⁶.

Берем максимальный вариант — на «венец» (тягло) в поле по 1,5 десятины. При высева 1 чтв. ржи и 3 чтв. овса (в обоих полях по 2400 кв. саж.), урожайности

ржи сам-4, а овса сам-2,5 валовой сбор равен примерно 17,25 чत्व., а с учетом посева ячменя, пшеницы и т. п. — примерно 19 чत्व. (чистый сбор — 12,5 чत्व.). На семью из четырех человек, то есть 2,8 полных едока, расход зерна достигает 8,5 чत्व., а излишек — около 4 четвертей. Если же урожай ржи и овса сам-3, а полных едоков 3,3 (трое взрослых и один ребенок), то и тогда остаток для рынка равен примерно 3 четвертям.

Но такая площадь посева встречалась не часто. При более распространенном варианте, когда крестьянин имел (как, в частности, в Ржевском уезде) «на соху не более десятины в поле», а урожайность сам-3, ситуация складывалась иная. При посеве четверти ржи и 2,5 чत्व. овса чистый сбор составлял всего 7,7 четверти. При 2,8 полных едока излишков хлеба совсем нет (на едока приходится всего 2,96 четверти). Расчет наш подтверждается свидетельством источника. В Ржевском уезде в XVIII в. крестьяне хлеб «продают лишь в лучшие годы»²⁷. При увеличении густоты высева (ржи — до 10 четвериков, а овса — 3 чत्व.) и хорошем урожае (сам-4) чистый сбор увеличится до 13,45 четверти. Товарный излишек достигнет в этом случае 3—5 четвертей. Но при урожае сам-3 он сократится до 0,45 четверти.

Таким образом, для крестьянина разница урожая всего лишь в один «сам» имела в России громадное значение, ибо давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна. Однако достигнуть урожая в сам-4 в целом по Нечерноземью не удавалось на протяжении многих веков. Крестьянину оставался один выход — резко снижать свое потребление и таким образом «получать» товарный хлеб, но такой выход был, конечно, иллюзорным, так как не мог создать серьезных товарных запасов.

Иллюстрируя эти рассуждения, приведем расчет крестьянского бюджета, сделанный современником, описавшим типичное хозяйство Новоторжского уезда Тверской губ. в 80-х годах XVIII в.: «Примерно полагая на каждую долю (то есть 2 тягла или венца. — Л. М.), высевается здесь ржаного и ярового хлеба до 10 четвертей. С того в средний год урожается 26 четвертей. На расходы употребляется до 12-ти. К предбудущему году оставляется на семена 10. Остальные 4 четверти — продаются»²⁸. В данном случае густота высева оценена несколько выше, чем в данных нами расчетах, и весь посев на тягло составит 1,5 чत्व. ржи, 3 чत्व. овса и 0,5 чत्व. ячменя и пшеницы. А вот урожайность реальная, на круг, гораздо ниже, чем в наших расчетах (сам-2,6!), и дана она, видимо, с учетом потерь от погоды, перевозки и т. п. Это очень важное свидетельство!

За вычетом семян на два венца (4 работника, или 8 человек обоего пола) чистый сбор составит 16 четвертей. Если считать в венце 2,8 полного едока, то на каждого из них придется по 2,86 четверти. Это практически почти совпадает с нормой потребления, и товарного излишка нет! Однако современник «оставляет» крестьянам на питание и корм скоту... по 1,5 чत्व. (!) на душу (12 пудов). И только за счет этого появляется товарный «излишек»; по 2 чत्व. на венец. Естественно, в реальной жизни были отклонения от этой «модели», но отклонения и вправо и влево, а общая тенденция показывает крайне незначительные возможности получения товарного зерна при сохранении «средственного» (нормального) уровня жизни. Заметим, что в случае с типичным хозяйством Новоторжского уезда примерная площадь посева на тягло (или венец) составляет около 2,4 дес., а в расчете на душу мужского пола — 1,2 десятины. Это полностью совпадает с данными Рубинштейна.

Отсюда правомерен главный вывод: крестьянское хозяйство коренной территории России обладало крайне ограниченными возможностями для производства товарной земледельческой продукции, и эти ограничения обусловлены именно неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Кроме того, как уже говорилось, стабильная низкая урожайность была в прямой зависимости от плохого качества удобрения полей. Норма вывоза навоза на десятину (га) — примерно 1500 пудов (24 т)²⁹ — практически никогда не соблюдалась. В Центрально-промышленных районах в середине XVIII в. на монастырские поля вывозили в 60% случаев лишь половину этой нормы, то есть полному удобрению земля подвергалась один раз в 6 лет³⁰. В Звенигородском уезде Московской губ. «не токмо, чтобы вся земля в поле (паровом. — Л. М.) каждый раз была унавожена, но у редкого земледельца и половина унавоживается», то есть редко и один раз в 6 лет земля получает удобрение³¹. Чаще этот срок гораздо больше.

По свидетельству А. Т. Болотова, в Каширском уезде Тульской губ. удобряли

пашню один раз в 9 и даже в 12 лет³². И это при том, что в XVIII в. хорошо знали, сколько надо было иметь навоза для регулярного, раз в 3 года, удобрения пара. И. Елагин, в частности, считал, что на десятину пара (или 3 дес. пашни) следует иметь 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы и 2 свиньи, то есть примерно 6 голов крупного скота³³. Но реально подходя к делу, тот же граф П. А. Румянцев соглашался, что в его имениях «на десятину посева [следует] держать одну корову и две молодых от приплода», то есть около 3—4 голов крупного скота на десятину пара³⁴.

Еще хуже было в XIX веке. По расчетам В. И. Крутикова, в Тульской губ. в первой половине XIX в. посевная площадь удобрялась раз в 15 лет. Этот расчет основан на оценке количества скота, потребного для нормального удобрения (по данным В. И. Вильсона, для этого нужно было иметь на десятину пара, по крайней мере, 6 голов крупного рогатого скота)³⁵. В Тульской губ. на десятину пара было 1,2 головы крупного скота³⁶. Во второй половине XIX в. во многих уездах Московской губ. на десятину пара приходилось 1—1,5 головы крупного скота, то есть пашню удобряли (по норме) раз в 12—18 лет. В Орловском уезде Вятской губ. пар унавоживали раз в 12 лет, а всю землю раз в 36 лет(!)³⁷.

Практика XVIII в. и первой половины XIX в. продолжала давнюю традицию, ибо столь же мало удобрялись, например, монастырские поля в конце XVI — начале XVII века. Так, в Иосифо-Волоколамском монастыре, по данным Н. А. Горской, пашня удобрялась примерно один раз в 24 года (данные 1592 и 1594 гг.), а земли Кирилло-Белозерского монастыря — один раз в 9 лет (данные 1604—1605 гг.)³⁸.

Острый дефицит удобрений на крестьянских и даже на господских полях имеет свое объяснение. При необычайно длительном стойловом содержании скота, равном примерно 200 суткам и усугубленном суровым режимом зимы, срок заготовки кормов в Нечерноземье был очень ограниченным. Обычно сенокос продолжался 20—30 дней и за это время нужно было запасти огромное количество сена.

В 60-х годах XVIII в. Елагин полагал нормальными следующие рационы кормления скота сеном. На 7 месяцев стойлового содержания для лошади — 160, для коровы — около 107, для овцы — около 54 пудов. Следовательно, на 2,25 головы крупного скота (лошадь, корова и овца) нужно было около 323 пудов сена. А среднее одנותягловое хозяйство, имея примерно 2 лошади, 2 коровы и 2—4 овцы, накашивало обычно около 300 пудов сена³⁹.

Чтобы получить даже такой запас корма, косец-мужчина должен был иметь 18—20 дней для чистой косьбы, скашивая ежедневно по 0,2 десятины. При этом мы исходим из среднего урожая трав примерно в 80 пудов с десятины, поскольку суходольные луга нередко давали лишь по 30—40 пудов, а заливные — до 150 пудов. Укосы в 200—400 пудов были редкостью (такие бывали лишь по рекам Оке, Лопасне, Наре и др.)⁴⁰. Если считать расход времени на сушку сена равным, как минимум, неделе, а время на стогование и возку в 3—4 дня, то весь сенокос как раз и составит 29—30 дней. Итог такого сенокоса неутешителен — в среднем на голову крупного скота он давал 66,7 пуда.

Реально на лошадь, видимо, шло около 75 пудов, на корову и овцу — каждой около 37—38 пудов. При минимуме запасов корма корове и овце сена давали практически одинаково, поскольку овца питалась только сеном (не считая веников), а корова вполне могла есть и солому. Именно с этим связан, между прочим, обычай крестьян основной территории России держать минимум овец: «Многие люди рассуждают чтоб овец меньше иметь, будто оне весьма безприбыльны, потому что оне содержатся на сене»⁴¹. Таким образом, нормальных запасов сена (ориентируясь на нормы Елагина, на 2 лошадей, 2 коров и 2 овец нужно было 622 пуда) практически никто не имел, ибо для этого одנותягловое хозяйство должно было иметь около 50 дней сенокоса и примерно 8 десятин лугов. Об этом в течение всей многовековой истории русский крестьянин мог лишь мечтать.

Правда, в XIX в. он скашивал больше (около 0,3 дес., иногда 0,4 дес. в день), но в эту пору в России настало малоземелье и не хватало уже самих сенокосов. В конце XVIII в. в таких губерниях, как Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, Нижегородская и Калужская, в расчете на душу мужского пола приходилось всего 0,4—0,7 дес. сенокоса, что на крестьянское одנותягловое хозяйство (4 души обоего пола) составит примерно 0,8—1,5 дес. сенокоса⁴². При укосе в 100 пудов это даст лишь 100—150 пудов сена, а даже при голодной норме

60—70 пудов на голову для 4,5—5 голов крупного скота необходимо 280—350 пудов сена. Значит, нужно либо докашивать его вплоть до сентября по лесам, оврагам и т. д., либо изыскивать иные корма.

Конечно, такой наименее благоприятный режим кормления был более характерен для крестьян (прежде всего помещичьих). В дворцовом ведомстве государев скот кормили лучше. Так, в 1763 г. документы зафиксировали полную норму сена в расчете на одну лошадь (примерно 180 пудов на голову или по 14,4 кг в сутки). Но и в этом ведомстве бывали худые времена, когда даже племенные жеребцы имели в достатке лишь солому. На «стоялого», «караванного» жеребца по инструкции 1731 г. шло 18 возов соломы. Считая на воз по 100 снопов, а сотня их весила в пересчете на овсяную 5,8 пуда, на 18 возов приходилось 104,4 пуда. Это заменяло примерно 62,6 пуда сена. Самого же сена (считая в мерной копне 15 пудов) было лишь 40,5 пуда. В итоге в пересчете на сено племенной жеребец получал на 9 месяцев 103,1 пуда, или около 6 кг в сутки. Обычные же лошади и 2- и 3-летние жеребята получали в пересчете на сено всего 37,4—38,6 пуда на 7 месяцев (по 2,9 кг и по 2,8 кг в сутки)⁴³. Норма, пожалуй, рассчитанная только на выживание животного да и то с большим риском!

В крупных барских имениях сенной корм лошадям, которые были в работе в период стойлового содержания, давали по полпуда на сутки, или на 7 месяцев (212 суток) по 106 пудов на голову. Это в 1,5 раза лучше крестьянских нормативов. Однако неработающие лошади получали вдвое меньше — от 45 до 50 пудов на 7 месяцев. Чаше режим кормления был неоднозначным: во время работы — по полпуда на сутки, нет работы — и лошадь переводилась на голодный режим — по 10 фунтов сена на ночь. В среднем при таком режиме за 7 месяцев уходило около 80 пудов сена на голову, что очень близко к крестьянской норме. Лишь жеребят кормили щедро — 148,5 пуда на 198 суток (данные имений Львова за 1755—1757 гг.)⁴⁴.

Сверхэкономный режим кормления скота сеном к XVIII в. уже имел давние корни и был традицией. Больше того, этот обычай стал характерным для материальной культуры сельского жителя России.

Весьма красноречивыми на этот счет являются подробнейшие сведения о содержании скота в хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря за 1592—1594 годы. С момента уточнения Г. В. Абрамовичем размера «двусаженной» веревки для обмера запасов сена (4,79 м) стало возможным точно фиксировать нормы кормления сеном. В 1592 г. полагалось «на корову на одну копну сена мерная на 12 недель» (а на овцу — на 10 недель). Считая в мерной двухсаженной копне 15 пудов, получим расход сена на корову на 28 недель (196 суток) 34,5 пуда (по 2,9 кг в сутки), на овцу — 42 пуда. Что касается монастырских лошадей, то на 385 голов в 1592 г. выделили 2 тыс. мерных копен, то есть на лошадь в среднем 5,2 копны, или 77,9 пуда сена⁴⁵. Как видим, нормы расхода сена очень близки к крестьянским и даже барским XVIII века. Больше того, рацион сенного кормления 1592 г. отнюдь не худший.

В том же Иосифовом монастыре в 1594 г. скот кормили сеном буквально в мизерных дозах. Как зафиксировано в монастырской росписи, полагалось «на корову на одну копна сена мерная на двадцать на восемь недель» (!), а «на овцу на одну копна сена мерная на двадцать недель». На 541 корову, быка и теленка, а также на 936 овец было выделено всего лишь 1878 мерных копен «двусаженных», что в среднем составило по 1,24 копны, или по 19 пудов (!) сена на голову. Следовательно, в 1594 г. и без того голодная норма была снижена почти вдвое. Если в 1592 г. корова получала в сутки вместо полной нормы в 12 кг — 2,9 кг сена, то в 1594 г. она довольствовалась охачкой в 1,2 кг (!). Для овцы норма с 3,4 кг снизилась до 1,7 кг в сутки. Невероятно!? Но это так. В росписи 1594 г. монастырские власти неукоснительно подчеркивали: «Беречи того накрепко: тем свое приказное стадо кормити, что ему написана в сей росписи. А лишняго ему сена мимо сей росписи отнюдь не довати». Конечно же, скотники нарушали этот запрет, но если и прибавляли скотине сена, то увеличивая указанную дозу не более чем в 1,5 раза, что в итоге почти всемерно меньше нормы. На солому же особой надежды не было, так как ее также не хватало.

С содержанием лошадей в монастыре в 1594 г. было немногим лучше. На самый скудный рацион в 3 мерных копны на 7 месяцев были посажены «служные», то есть привилегированные лошади (видимо, возившие седоков из монастырской

братии и управленцев). Это 45 пудов на сезон, или по 3,4 кг на сутки (эта голодная норма компенсировалась очень приличной дозой овса). Остальным 304 лошадям полагалось 60 пудов каждой на 7 месяцев, или по 4,5 кг в сутки⁴⁶. Таким образом, рабочий скот монастыря был в 1594 г. на том же положении, что и «неработные» кони барских усадеб XVIII в., то есть имел сена в 2,7—3,5 раза меньше полной нормы. Итак, мало сена скоту на зимний корм выделялось отнюдь не потому, что скудны были заготовки. И в 1592 г., и в 1594 г. ежегодно заготавливалось свыше 9 тыс. мерных копен. Сено шло на самые разные нужды обширного хозяйства монастыря, часть его даже продавалась (!). Стало быть, дело не в каких-то экстраординарных обстоятельствах. Так было принято!

И как это похоже на ситуацию с крестьянской лошадей, фиксированную украинским наблюдателем в 70-х годах XIX в. в Подолии: «Ест эта лошада при... тяжелой работе очень мало: две горсти овса, несколько гарнцев резаной соломы и всякий сор (остатки после очистки ржи, ячменя и т. п.) составляют обыкновенную ежедневную порцию этой труженицы. В свободное же время крестьянская лошадь пасется на выгоне, то есть ходит по улице и объедает крыши, грызет плетни и т. п., так как хозяин считает непроизводительным расходом кормить лошадь, когда она не работает»⁴⁷.

Заготовка сена на корм скоту во все времена была для российского крестьянина практически неразрешимой проблемой. Сено было крайне дефицитным кормом, и малоземелье XVIII—XX вв. лишь усугубило эту проблему. Это один из величайших экономических парадоксов для страны со столь огромными пространствами. Острый дефицит сена приводил к тому, что основой кормовой базы скота у крестьянина и у барина была солома. Практически урожай зерновых культур испокон века оценивался двояко: какова солома и каково зерно? В хозяйственной терминологии документов бытовали термины «ужин» и «умолот». Первый относился к соломе, а второй к зерну (например, «хлеб ужинист, но мелкоколосен» и т. д.). Но солома была кормом, лишенным витаминов, имеющим умеренную калорийность, кормом вредным для животных (особенно, если солома прокоптилась в дыму овинов). Наиболее грубая и тяжелая пища — ржаная солома. Средневековые животноводы предпочитали ячменную солому («а овсяной и гороховой, что у них зубы крошатся и животныя болезни бывают — не давать»)⁴⁸. Но ведь ячменной соломы у крестьянина было очень мало и в ход шел весь «гуменный корм» — солома яровая и озимая, пустой колос, мука из «охвостного семени», т. е. бросового легкого зерна и т. д.

В Олонецком крае сено и мелкую солому (сечку) давали коровам лишь только для «поманки», главным же кормом была солома. В Переяславль-Залесском уезде Ярославской губ. рогатый скот получал лишь яровую солому, мелкий скот и лошади — смесь соломы и сена. В Каширском уезде Тверской губ. на корм коровам шла яровая солома, отчасти сено, ячменная мякина, обваренная кипятком. А в Новоторжском уезде мякину для лошадей берегли «к тому времени, когда пахать начинают», чтобы ее давать, облитуую водой. В Калужском уезде коровам давали обваренную ячменную солому, ржаной и ячменный колос, ржаную сечку с «осыпкой», то есть обсыпали мукой и заливали кипятком. Овцам же давали сено и солому (!), а лошадям — сено, ячневую и овсяную солому. Овсом лошадей кормили лишь перед дорогой. В Каширском уезде основным кормом коров была яровая солома. Сеном же кормили лишь в большие морозы⁴⁹. И так практически было повсюду.

Кормление скота соломой крестьянин считал нормой, мало того, заготавливая на одно тягло более 300 пудов сена, мог «излишки» его и продать(!). Особенно часто продавали сено там, где было много поемных, заливных лугов и укусы на них достигали 200—250 пудов с десятины (например, в Воскресенском, Бронницком, Подольском, Клинском уездах Московской губ.)⁵⁰. Но мест, где обилие сена вело к товарному животноводству, почти не было. Скотину продавали и там, где кормов было в обрез. Например, в Корчевском, Зубцовском уездах Тверской губ. и др.⁵¹

Отношение к селу как к роскоши, без которой можно и обойтись, весьма глубоко укоренилось в сознании русского человека. Например, виднейший хозяйственный деятель России XVIII в., европейски образованный В. Н. Татищев искренне полагал, что «скотина ж без всякой нужды без лугов продовольствоваться может одним полевым кормом», то есть соломой, ухвостьем, мякиной и т. п. Татищев считал возможным рекомендовать на корм коровам (правда, «по нужде»!)

даже лошадиный кал, то есть так же, как племенным хрякам, которых всегда кормили кое-как⁵².

В России, однако, не всегда хватало и соломы. В тяжелые годы даже в дворцовом хозяйстве обычной рабочей лошади давали лишь 46,5—49% полагающегося рациона соломой, хотя основной корм (сено) был в величайшем дефиците (20 пудов на голову на 7 месяцев)⁵³.

Для того чтобы отчасти прояснить эту ситуацию, проведем небольшой расчет. По Чайнову, с десятины ярового посева (овса) в России получали в среднем около 70 пудов соломы. Каждые 100 снопов весили 5,8 пуда. На каждые 6 пудов сена замена соломой (по калорийности) должна составить 10 пудов⁵⁴. В типичной среднерусской губернии (данные по 7 уездам Тверской губ.) на десятину ярового посева (в пересчете на овес) получали в среднем 1214 снопов соломы, то есть те же 70 пудов⁵⁵. Если в однопольном хозяйстве яровые посевы в среднем составляли бы 2—2,5 дес., то в пересчете на овес можно было получить чуть более 180 пудов яровой соломы. А сколько ее было нужно? Если практическая норма на корову составляла примерно 40 пудов, то до полной нормы (107 пудов) его не хватало около 67 пудов. Эквивалент в соломе составил бы 111,7 пуда. При практической норме сена для лошади в 75 пудов до полноценной нормы не хватало 85 пудов сена. Эквивалент в соломе должен быть равен 141,7 пуда. Итак, для лошади и коровы нормальная добавка к селу составила бы 253,4 пуда соломы. Но, как мы видели, в среднем на однопольное хозяйство яровой соломы могло быть примерно 180 пудов. Дефицит существен — 30%. Но ведь и это лишь расчет, ибо реальный посев был намного меньше. А как быть, если в среднем хозяйстве умудрялись держать 2 коровы и 2 лошади? В этих ситуациях на корм шла (прежде всего лошадям) наиболее грубая, тяжелая для скота ржаная солома, но ведь ее надо было беречь на подстилку скоту, на крыши изб и сараев и т. д. В итоге скот держали впроголодь — лишь бы давал навоз, реально же не хватало и навоза.

И как бы ни сдобривали крестьяне грубую, прокопченную в овине солому (мелкой и мельчайшей сечкой, обвариванием, посыпкой муки и т. п.) — это был малопитательный, тяжелый, почти лишенный витаминов корм. В итоге столетиями крестьянин имел малорослый, слабый, малопродуктивный скот. Падеж его был очень высоким. К весне при таком уровне кормовой базы «без жалости, — как писал Болотов, — на скотину взглянуть не можно. Тут она обыкновенно и мрет»⁵⁶. Бескормица особенно тяжело отражалась на состоянии рабочего скота. Российские лошади по существу были лишены такого корма, как овес. Если, по свидетельству М. Ливанова, изучившего в конце XVIII в. земледелие и скотоводство в Англии, рабочая лошадь обычно получала там в год от 22 до 25 чत्व. овса (примерно 120—130 пудов, в день по 5,7 кг)⁵⁷, то рацион лошадей даже в господском хозяйстве России не шел с этим ни в какое сравнение.

К подобным нормам кормления в России прибегали лишь в редких случаях. Например, по росписи 1592 г., в Иосифо-Волоколамском монастыре по близким к уровню Англии нормам кормили лишь «иноходцев», «санников», то есть, вероятно, породистых рысаков. Они получали в течение всего года по 4,3 кг в сутки, а за год 98,2 пуда на голову. Еще одна группа лошадей (кошковые, жеребцы-четырёхлетки и др.) имели по 4,3 кг в сутки лишь на период стойлового содержания (212 суток). Правда, им давали мало сена. Остальные же получали на 7 месяцев в среднем на лошадь всего лишь по 28,6 пуда (по 2,16 кг в сутки). Интересно отметить, что лошади для пахоты «перед сохой и в сошную пору» (а это 56 суток) получали почти английскую норму (по 4,3—4,7 кг)⁵⁸. В остальное же время рацион овса для них был, видимо, минимальным.

Очень близки к нормативам конца XVI в. рационы кормления овсом рабочих лошадей в крупных и средних поместьях середины XVIII века. В пошехонском имении канцлера П. М. Бестужева-Рюмина (1733 г.), в кашинском имении П. П. Львова (1755—1757 гг.) и в имениях графа П. А. Румянцева (1751 г.) нормы овса поразительно точно совпадают — 2,66 кг в сутки стойлового содержания (198—212 суток)⁵⁹. Иначе говоря, на каждую голову по 35,2 пуда. Это, конечно, не жесточайшие нормы Иосифова монастыря, но тоже норма, по сути, голодная.

Столь точно совпадающие или очень близкие рационы скорее всего отражают вполне четкие прочные традиции, которые нарушались в годы бескормиц. В частности, уже упоминавшаяся инструкция управителям дворцовых волостей, видимо,

созданная в тяжелые времена (1731 г.), еще жестче уменьшает расход овса. «Развозным» лошадям, «большим кобылам» и двухлеткам, и трехлеткам давали в сутки стойлового содержания всего по 1,38—1,65 кг овса⁶⁰. Наконец, о неработающих животных. В имении П. П. Львова «неработным» лошадям давали овса через сутки (!) по 1,3 кг. За 198 суток каждая из них съедала всего 8,2 пуда⁶¹. Если лошадь брали в работу — режим кормления менялся.

Из ряда работ можно составить представление и о рационе овса у крестьянских лошадей. В частности, по сведениям Т. И. Осьминского, на рабочую крестьянскую лошадь в среднем шло не более 15—20 пудов овса⁶².

Естественно, что крестьянские лошади были мелкими, слабосильными, а весной буквально падали от бескормицы. В помещичьих инструкциях XVIII в. это находит прямое отражение (лошади «весною от бескормицы тощи и малосильны») ⁶³. Для русского крестьянина ранний весенний сев всегда составлял трудную проблему: надо сеять, а лошадь еле стоит на ногах. Только побыв на подножном корму, животное становилось пригодным к пахоте. А время упущено: поздний сев ставил урожай (особенно овса) под угрозу от ранних осенних заморозков. Кроме того, резкий переход к зеленому корму нередко вызывал у лошадей болезни. Глубокий знаток современного ему сельского хозяйства Болотов писал, что многие крестьяне, «имея одну негодную или две лошади, с нуждою землю свою вспахать могут»⁶⁴. Причина все та же: полуголодная норма кормления, болезни скота и т. д. Подобная ситуация сохранилась и в XIX в., и в начале XX века. Недаром уже в пору развития капитализма в России в 70—80-х годах XIX в. в центральных ее районах число безлошадных хозяйств достигало четверти всех крестьянских дворов, а к 1912 г. в 50 губерниях страны насчитывалось уже до 31% безлошадных хозяйств. Число же безлошадных и однолошадных достигало в конце XIX — начале XX в. 55—64% всех дворов⁶⁵.

В силу тех же обстоятельств на протяжении примерно четырех столетий в Нечерноземье практически не было товарного скотоводства. Оно было «навозным», ибо основное назначение его — удобрение полей. Как сказано в одной из инструкций помещика приказчику: «У нас не столько масло, сколько скотина нужна»⁶⁶. Положение со скотоводством не менялось буквально веками. Даже в начале XX в. Чаянов, характеризуя современную ему деревню, писал: «В большинстве русских губерний мы встречаемся с... наличием кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормовыми ресурсами хозяйства»⁶⁷.

Итак, необычайно низкая урожайность, ограниченность размеров крестьянской запашки, слабая база скотоводства на основной исторической территории России вели к тому, что российскому обществу был присущ относительно низкий объем совокупного прибавочного продукта. А это имело громадное значение для формирования определенного типа государственности на территории исторического ядра России, вынуждая господствующий класс создавать жесткие рычаги государственного механизма, направленного на изъятие той доли совокупного прибавочного продукта, которая шла на потребности развития самого государства, господствующего класса, общества в целом. Именно отсюда идет многовековая традиция деспотической власти российского самодержца, отсюда идут в конечном счете и истоки режима крепостного права в России, суровость которого не имела аналогии в мире.

Речь тут не идет о возникновении крепостничества в силу развития барщинного производства товарного зерна, как полагали раньше. В формирующемся господском хозяйстве XIV—XV вв. весьма проблематичной была сама возможность появления полевой барщины просто как элемента натурального хозяйства, где в равной мере функционировали бы все формы феодальной ренты (в том числе продуктовая и денежная). В крестьянском хозяйстве, которое в силу развития парового трехполья смогло стать, хотя и не полностью, ведущей формой земледельческого производства, уровень агрикультуры был очень низок, что сказывалось и на качестве продуктов, собираемых в пользу феодала в виде натурального оброка. Это стимулировало возникновение полевой барщины и обособление господских полей даже в натуральном хозяйстве. В период феодальной раздробленности господское хозяйство, еще сравнительно редко встречающееся, опиралось главным образом на холопский труд. Однако с момента формирования единого Русского государства

таким работником мог быть только крестьянин. История закрепощения свидетельствует о том, что полевая барщина в России прошла очень долгий и сложный путь эволюции. В условиях, когда русскому крестьянину едва хватало времени, чтобы обеспечить семью, заставить его еще дополнительно работать на поле помещика было задачей почти невыполнимой.

При неизбежности существования и большом хозяйственном значении русской общины решить проблему путем простого усиления эксплуатации оказалось невозможным. Нейтрализовать влияние общины и ослабить ее защитную функцию можно было только введением режима жесткой личной зависимости путем навечного прикрепления крестьянина к земле, путем создания машины насильственного принуждения. В итоге прибавочный продукт в России из хозяйства русского крестьянина буквально «выдирали».

Конечно же, господские поля, обрабатываемые крестьянином, могли появиться только там, где естественное плодородие земель позволяло резко снизить интенсивность обработки полей. Расширение пахотного клина добавлением барщинного поля в свою очередь вело к дальнейшему неизбежному снижению качества обработки земли. А в итоге урожай типа сам-2 и т. д.

Резкое увеличение объема земледельческих работ путем введения полевой барщины, создавая для крестьянина воистину невыносимые условия жизни, обуславливало вместе с тем и усиление жизнедеятельности общины как защитного механизма, действующего в интересах крестьян уже в условиях крепостничества. С этого момента община развивается как бы вспять. Вместо постепенного ее разложения примерно с конца XVI в. возрастает демократизм приспособленной к крепостничеству общины, развиваются уравнивательные тенденции, направленные прежде всего на защиту бедных, на помощь им за счет зажиточных крестьян. Защита крестьян от чрезмерной эксплуатации — это не только реакция на крепостничество. Эволюционируя как чисто земледельческое, при слабом развитии городов и промышленности вообще российское общество было крайне заинтересовано в сохранении жизнедеятельности буквально каждого крестьянского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на общество.

Многовековой опыт общинного сожительства крестьян-земледельцев помимо чисто производственных функций выработал целый комплекс мер для подъема хозяйств, по тем или иным причинам впавших в разорение. Земельные переделы и поравнения, различного рода крестьянские «помочи» сохранились в России вплоть до 1917 года. Причем они уцелели, несмотря на энергичное втягивание крестьянского хозяйства, начиная со второй половины XIX в., в систему капиталистических отношений.

И не только в этом проявились громадное влияние и сила крестьянского общинного землепользования. Эта сила веками стояла прочным заслоном на пути зарождения частной собственности крестьян на землю. Ведь в XVII—XIX вв. sporadическое развитие элементов частной собственности на землю имело место лишь на окраинах государства. В центре же максимум его развития — это лишь частичная практика наследственного закрепления наделных участков за крестьянским двором.

Общинные принципы землепользования стояли камнем преткновения даже на пути развития частной феодальной собственности. Огромное количество помещиков вплоть до реформы 1861 г. владели землей совместно, имея общую документацию на «дачу» Генерального межевания. Лишь с 30-х годов XIX в. началось «специальное межевание», целью которого было устройство и оформление единоличных владений на месте «совместных дач». Этот процесс шел очень медленно и не закончившись слился со столыпинскими земельными преобразованиями.

Земельный рынок в России стал зарождаться лишь после реформы, а в канун первой мировой войны его развитие было лишь в начальной стадии.

Общинные уравнивательные традиции сохранились и после первой мировой войны, они существовали и в 20-е годы вплоть до коллективизации. Причиной этому были отнюдь не только сложившиеся за многие столетия социально-психологические стереотипы, хотя они, разумеется, сыграли важнейшую роль в формировании основ российской цивилизации, в формировании национального характера и т. п. Более чем тысячелетнее существование общины в России является фактором, кар-

динально отличающим способ ведения сельского хозяйства от западной традиции. И решающим обстоятельством, объясняющим необыкновенную живучесть в России этого древнейшего института, является — извечный для крестьянина дефицит рабочего времени. Ведь в Прибалтике, где сезон сельскохозяйственных работ больше чем в России всего лишь на 4—5 недель, общинный фактор давным-давно утратил свое значение.

Существование крестьянской общины в России отнюдь не делало производство коллективным, хотя оно было таковым в кризисные моменты, которых было немало. Нестабильность существования индивидуального крестьянского хозяйства в России хорошо понимали и помещики, которые, руководствуясь также интересами фиска, периодически помогали крестьянину ссудами, всячески стимулировали уравнительно-демократические функции общины.

А. Волынский приказывал своим управленцам (1735 г.), чтобы они всячески сдерживали процесс расслоения крестьянства («чтоб... была всем в равенстве пашня моя и их собственная крестьянская, и чтоб подати и доходы с них могли уравнительно плачены быть, дабы от неуравнения некоторые не приходили в скудость») ⁶⁸. Граф И. И. Шувалов приказывает управителю своего владимирского имения, села Мыт (1795 г.), «землю уравнивать так, чтобы одна деревня против другой не имела в излишестве» ⁶⁹. В инструкции П. П. Львова, пожалуй, самая выразительная запись: «И смотреть накрепко, чтоб все в земле, в работе, в житье, достатке и исправности были равны, друг от друга безобидны» ⁷⁰. В начале XVIII в. кн. А. М. Черкасский предписывает крестьянам своих деревень помогать соседям, попавшим в беду и лишившимся скота или лошадей («велено... всеми крестьяны вспахать и собрать... на семена и посеять тех скудных [крестьян] землю») ⁷¹. Ту же практику поддерживал и во второй половине XVIII в. его преемник по имениям граф П. Б. Шереметев ⁷². Граф П. А. Румянцев предписывает оказывать крестьянам-погорельцам коллективную помощь, поясняя, что ее «всякому взаимно ожидать надлежит» ⁷³.

Важно то, что помещики, понимая неустойчивость индивидуального хозяйства в России, всегда стремились укрупнить крестьянское хозяйство, свести число мало-семейных дворов к минимуму. В XVIII в. помещичьи инструкции, указы, уставы и т. п. полны постоянных запрещений хозяйственных семейных разделов («крестьянам сыну от отца и брату родному от брата делиться не велеть», «от раздела семей крестьяне приходят часто в упадок и разорение»). «Крестьянин, не имеющий в своей семье работников, никогда не мог засеять свою пашню в способное время и для этого у него всегда был недород», «незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле» — так высказывались современники о крестьянах XVIII века ⁷⁴.

Постоянный дефицит рабочего времени, до крайности обостривший спрос на рабочие руки, приводил подчас к весьма уродливым явлениям крестьянской жизни. И дело не только в том, что за соху бралась женщина и доля женского труда была в России необычайно велика. Тягло, хотя и в половинном размере, подростки тянули уже с 15 лет. Голод на трудовые руки проникал и в сам уклад крестьянской семьи. Ради лишних рук крестьяне нередко женили сыновей в возрасте 8—9 лет, дабы в семье был лишний работник. Это уродовало семьи, способствовало таким явлениям, как снохачество и т. п.

Оценивая в целом возможности крестьянского хозяйства к концу XVIII в., Болотов писал: «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием» ⁷⁵.

Некоторые помещики даже держали под постоянным контролем режим питания крестьян. Их приказчики следили, чтобы беспечные крестьяне («лакомцы», «моты» и «плуты») не съели за зиму семенной фонд (именно они «не рассудные» и «дают волю бабам брать и стряпать без разбор») ⁷⁶. Ведь общепринятая и утвердившаяся, как уже говорилось, на столетия норма расходов зерна и круп в 3 чтв. (24 пуда) в год на взрослого человека по калорийности не превышала 3 тыс. килокалорий в день, а норма в 1,5 чтв. — всего лишь 1500 килокалорий. Причем последняя, буквально полуголодная норма питания едва ли могла быть существенно дополнена овощами.

В первой половине XIX в., благодаря совершенствованию агротехники,

затраты труда на сельскохозяйственных работах постепенно сокращались (по Северу России на 25—30%, по Центру — на 20—25% и т. д.)⁷⁷. Появившийся ресурс времени сразу же использовался. Если, например, в Тульской губ. в конце XVIII в. озимое, яровое и пар составляли лишь 47% всей пашни, то к концу первой четверти XIX в. эта доля возросла до 77%, а к 60-м годам XIX в. — до 99% всей пашни⁷⁸. Иначе говоря, к реформе 1861 г. крестьянин уже справлялся на уровне традиционной агрокультуры с пашней, равной в среднем 3 дес. на муж. душу (около 6 дес. на семью из четырех человек). Но не более того! Поэтому объем товарной продукции в рамках территории исторического ядра России был по-прежнему невелик.

Если в 50-х годах XIX в. расчетная потребность в продовольственном зерне достигала 138 млн. чтв. (15,456 тыс. т), то реальный сбор в среднем за 10 лет достигал всего 141 млн. чтв. (15,792 тыс. т). Причем этот расчет основан был на заниженной норме потребления зерна и круп (около 17,4 пудов на взрослого едока, или 278,4 кг), составляющей без расхода на корм скоту чуть более 2 тыс. килокалорий. И этот хлебный баланс страны не включал в себя расходы на винокурение и экспорт зерна. С учетом их общий баланс был с большим дефицитом⁷⁹. Разумеется, это не означало, что в стране не было винокурения или товарного зерна⁸⁰. То и другое имело место, но за счет дальнейшего снижения нормы питания. Крестьянин шел на рынок из нужды и экономил на питании. Так было и во второй половине XIX — начале XX века.

Расчеты С. Г. Струмилина показывают, что даже в конце XIX — начале XX в. затраты труда на десятину озимого достигали по Северному, Приозерному и Центрально-Промышленному регионам примерно 30—44 человеко-дней (без жатвы и обмолота), то есть практически мало изменились по сравнению с первой половиной века⁸¹. Правда, прогресс в технике позволил делать это уже на более высоком агротехническом уровне, и благодаря интенсификации труда стала расти, хотя и немного, урожайность. Это вело к некоторому росту объема зерновой продукции, хотя кардинальных изменений по-прежнему не было. Сборы хлебов на душу сельского населения с 70-х по 90-е годы XIX в. выросли: по Северному региону с 9,5 пуд. (152 кг) до 13 пуд. (208 кг); по Северо-Западу с 13 пуд. (208 кг) до 14 пуд. (224 кг); по Центрально-Промышленному региону с 13 пуд. (208 кг) до 15 пуд. (240 кг); по Приуралью — с 21 пуд. (336 кг) до 28 пуд. (448 кг); а всего по Нечерноземью — с 16 пуд. (256 кг) до 18 пуд. (288 кг). Лишь по Западному региону сборы не увеличились. С учетом же дохода от картофеля (в переводе на зерно) душевой сбор в Нечерноземье вырос с 17 пуд. (272 кг) до 20,4 пуд. (326,4 кг), а в целом по Европейской России — с 21 пуд. (336 кг) до 25 пуд. (400 кг). Душевой сбор для всего населения Европейской России вырос с 19 (304 кг) до 21, 5 пуд. (344 кг)⁸².

При таких сборах Россия тем не менее имела товарное зерно внутри страны и вывозила хлеб за рубеж, но вывозила лишь за счет суровой экономии потребления. На рынок — как продавца хлеба — крестьянина гнала нужда. Правительственная комиссия 1888 г. фиксировала, что и крупные, и мелкие хозяйства «вынуждены продавать свои продукты в искусственно больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей»⁸³.

Такова была общая тенденция развития сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне России. Современный кризис сельскохозяйственного производства Нечерноземья имеет глубокие исторические корни. Дефицит зернового производства уже четко наметился в ряде районов с конца XVIII века. В это время во Владимирской губ. лишь один уезд (Покровский) давал излишки зерна (по сравнению с расчетом нужд на собственное потребление). В четырех уездах зерна хватало лишь на 6—8 месяцев. В Ярославской губ. лишь три уезда обходились «своим хлебом» и в случае хорошего урожая могли иметь некоторый товарный излишек. Средний крестьянский двор в случае урожая давал на рынок примерно от одной до трех четвертей зерна (8—24 пуда).

Прибыль от такой продажи не покрывала даже расходов на хозяйство. Так, в Тверской губ. в 80-х годах XVIII в. при минимуме годового расхода на нужды хозяйства среднего крестьянина в 25—27 руб. от самого хозяйства получали от 5 до 10 руб., включая продажу не только зерна, но и скота, холста, масла, творога, грибов, ягод и т. д. Та же картина характерна и для 70-х годов XIX века. В Тверской губ. не хватало собственного хлеба на 7 месяцев и 2 дня, в Московской — на 9 месяцев и 16 дней, а во Владимирской — на 5 месяцев и 7 дней⁸⁴.

Итак, российское общество на протяжении многих столетий развивалось главным образом как земледельческое. Пауперизация была губительна для такого общества. Вместе с тем зерновое производство даже на самых худших землях являлось производством общественно-необходимым. Совокупный прибавочный продукт, хотя и медленно, увеличивался практически почти целиком за счет роста численности рабочих рук, то есть за счет прироста земледельческого населения и освоения новых пространств при экстенсивном характере земледелия. Отсюда — вызванный жестокой необходимостью постоянный процесс колонизации все новых и новых территорий, миграция населения на юг, восток и юго-восток страны.

Будучи изначально (в силу географических условий) малоземельным, российское общество в XVIII — начале XX в. испытывает зловещее нарастание этого малоземелья, развивающегося в силу тех же природных условий и при слабом оттоке населения в города и сферы промышленного производства. В XVI—XVII вв. продвижение на юг и юго-восток было крайне опасно из-за реальной угрозы со стороны Казанского и Крымского ханств. Кроме того перманентная опасность исходила и с Запада от сопредельных европейских государств. Полная драматизма политика русских государей по отношению к своим соседям отнюдь не была вызвана какой-то изначально свойственной России особой агрессивностью, а диктовалась неумолимыми тенденциями внутреннего развития, стремлением увеличить и площадь пашен, и людские ресурсы. Этим, между прочим, объясняется и отсутствие в российской политике тенденций геноцида в отношении присоединяемых народов, что объясняет длительность их совместной с русским народом жизнедеятельности в рамках единого государства. Больше того, далекий от оптимума совокупный прибавочный продукт — явление, свойственное в Восточной Европе отнюдь не только русскому обществу. В таких условиях находились и многие другие народы. Это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль в становлении единой российской государственности.

Нетрудно заметить, что построение в XVI в. первых русских крепостей и городов к югу от Оки тесно взаимосвязано с активной внешней политикой в Среднем и Нижнем Поволжье. Присоединение Казанского и Астраханского ханств к России открыло также и возможность развития народной колонизации Урала, Сибири и т. д. Освоение же южнорусских степей и Украины неразрывно связано с активной политикой XVI—XVIII вв. по отношению к Ливонии, Речи Посполитой, Турции и Крыму.

Плодородие черноземов давало возможность резкого упрощения приемов обработки земли, сокращения трудозатрат и тем самым — существенного увеличения площади пашни, обрабатываемой одним человеком. Урожайность же при этом могла быть значительно выше, чем в Нечерноземье. Правда, все вновь осваиваемые регионы очень часто подвергались жесточайшим засухам, а это приводило к резким колебаниям объема товарной зерновой продукции. Итогом этого была относительно скромная по своим размерам средняя многолетняя урожайность и средний многолетний объем товарной продукции.

Всероссийский зерновой рынок имел чрезвычайно долгий путь развития — около двух столетий⁸⁵. Развитие экономики России как по преимуществу земледельческой обусловило замедление здесь отделения промышленности от земледелия, что непосредственно отразилось и на специфике процесса горообразования. Конечно, отсутствие интенсивных процессов горообразования связано было еще и с континентальным, вялым характером торговли (морская крупномасштабная торговля на Западе Европы способствовала развитию городов).

Типичные российские города XVI—XVIII вв. практически не имели улиц со сплошной застройкой городскими домами. Наши города всегда были раскидистыми, они включали в себя большие пространства «аграрного назначения». За всем этим в конечном счете стояло и специфичное развитие ремесла. Русский ремесленник XVI—XVIII вв. весной часто мог быть рыболовом или огородником, летом косил сено, осенью собирал урожай и лишь зимой, да в интервалах сезонных занятий был непосредственно ремесленником.

Не случайно те виды аграрной деятельности, которые не могла на себя взять деревня русского Нечерноземья, спокойно и безболезненно нашли свое место в городе. В частности, острый дефицит времени, предназначенного на паровое трех-

полье, обусловил полное прозябание в деревне такой отрасли, как огородничество. Его продукции крестьянину едва хватало на пропитание своей семьи. Поэтому издавна в Нечерноземье и заокских землях данную хозяйственную отрасль взяли на себя города. Уже во второй половине XVIII в. здесь имелось уже довольно мощное торговое огородничество и садоводство, корнями уходящее в глубь веков⁸⁶. А продукты огородничества шли в деревню. Столь необычное развитие русского города в свою очередь отвлекало ресурсы рабочей силы от промышленной специализации, что в конечном счете сдерживало процессы урбанизации в России.

Слабость развития города, низкий уровень отделения промышленности от земледелия способствовали сохранению ряда звеньев государственной структуры, глубоко архаичных по своему характеру. У некоторых народов (Польша, Чехия, Русь, а также Венгрия) на заре государственности низкий уровень производительных сил общества заставил нарождающуюся государственную надстройку создавать «служебные организации», предназначенные снабжать не только княжескую верхушку, но и господствующий класс в целом всем необходимым (оружие, одежда, предметы быта, питание и т. п.)⁸⁷. Занимались этим специальные группы людей, организованные тем или иным путем (рабство, наследственные формы службы и ремесла, находящиеся под прямой властью государства и т. д.)⁸⁸. Однако если с развитием экономики и хозяйства такие «служебные организации» в Польше, Чехии, Венгрии стали исчезать уже в XIII в., то на Руси они, трансформируясь и деформируясь, существовали еще долгие столетия.

Именно таковы корни традиционного вмешательства русской государственной машины в сферу организации экономики⁸⁹. Это не только царские производства в виде Пушечного двора, Оружейной палаты, Царицыной палаты, Хамовной, Кадашевской, Тверской-Константиновой слобод и т. д. Это и развитие казенных производств XVIII—XIX веков. Это, наконец, необычайно мощная, широкая и активная (по сравнению с европейской в целом) деятельность государства по созданию так называемых всеобщих условий производства.

Наконец, сравнительно низкий объем совокупного прибавочного продукта повлиял в России и на характер, и на пути становления капитализма. Упомянем здесь лишь одно обстоятельство. Необходимость постоянного участия в земледельческом производстве практически всех рабочих рук крестьянской семьи обусловила еще с петровских времен узость рынка рабочей силы, определила в конечном итоге сезонный характер деятельности многочисленных промышленных заведений. Многие мануфактуры основывались в сельской местности, ближе к ресурсам рабочей силы. Узость рынка наемной рабочей силы обусловила более чем полтора вековое существование крепостного труда в промышленности. Сезонный, краткосрочный наем создавал крайне неблагоприятные условия для капиталистического накопления. Этим объясняется обилие так называемых неадекватных форм капитала, то есть таких форм производства, где капитал не противостоял труду. С этим связаны общий крайне замедленный, растянутый на столетия генезис промышленного капитализма и длительное господство в России торгового капитала, ибо торговая прибыль веками была выше промышленной. Поэтому у нас чаще, чем где-либо, торговец и промышленник выступали в одном лице.

Не следует забывать и историко-культурного аспекта развития России. Ведь низкий объем совокупного прибавочного продукта определил упрощенную структуру не только государственного механизма. Он обусловил и общую малочисленность и поздний генезис светской культуры, класса «слуг общества» (А. Смит, К. Маркс), живущих за счет общества (в частности, художники, актеры, ученые и т. п.). Многие века функции этих «слуг» выполняла церковь, поскольку в обществах с низким уровнем совокупного прибавочного продукта именно церкви свойствен синкретизм социокультурных, религиозных и даже идеологических функций. И только в ту пору, когда на более зрелой стадии государство преодолело гипертрофию церковно-монастырского земле- и душевладения, мощное влияние церкви пошло на убыль (примерно с петровских времен), светский аспект культуры стал развиваться гораздо интенсивнее. И тем не менее резкий контраст уровня развития культуры по сравнению с Западом все еще оставался. Ведь первые университеты появились там в XII—XIII вв., а у нас лишь в середине XVIII века.

Фундаментальные особенности ведения крестьянского хозяйства в конечном счете наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер. Пре-

жде всего речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно протяженный период времени всей своей физической и духовной потенции. Вместе с тем вечный дефицит времени, веками отсутствующая корреляция между качеством земледельческих работ и урожайностью хлеба не выработали в нем ярко выраженную привычку к тщательности, аккуратности в работе и т. п. Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке легкости к перемене мест, извечной тяге к «подрайской земле», к «беловодью» и т. п., чему не в последнюю очередь обязана Россия ее огромной территорией, и в то же время умножили в нем тягу к традиционализму, укоренению привычек («хлебопашец есть раб навычки»). С другой стороны, тяжкие условия труда, сила общинных традиций, внутреннее ощущение грозной для общества опасности пауперизации дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования. Именно эта ситуация во многом способствовала становлению в среде «слуг общества» того типа работника умственного труда, который известен как тип «русского интеллигента». В целом можно даже сказать, что русское патриархальное, не по экономике, а по своему менталитету, крестьянство капитализма не приняло.

Такова краткая характеристика парадоксов русской истории. Вывод здесь однозначен. Природно-климатический фактор имеет огромное влияние на формирование типа общества. Причем разницу в проявлении роли этого фактора можно выявить не только в случае наиболее ярких природных различий (например, условия Средиземноморья и севера Европы), но и при не столь заметных и очевидных (центр и восток Европы).

В силу различия природно-географических условий одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда удовлетворяет отнюдь не одно и то же количество «естественных потребностей» индивида. В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность самых «естественных потребностей» индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения хуже. Следовательно, меньшим оказывается тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя». Иначе говоря, объем совокупного прибавочного продукта обществ Восточной Европы был значительно меньше, а условия его создания хуже, чем в Западной Европе.

Отсюда и резкие конкретно-исторические различия между Западом и Востоком Европы в типе собственности, в форме хозяйствования, в типе государственности и в характере развития капитализма. Наиболее же ярко контрастируют между собой политические структуры запада и востока Европы. Думается, что и ныне, на исходе XX в. необходимо учитывать роль географического фактора и его многообразных влияний на жизнь общества.

Примечания

1. Москвитянин, 1854, № 3—4, кн. 1, отд. IV, с. 21.
2. См. КОЧИН Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.—Л. 1965, с. 185.
3. ГОРСКАЯ Н. А., МИЛОВ Л. В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России. — История СССР, 1982, № 2, с. 75—76, 71, 74.
4. ГОРСКАЯ Н. А. Урожайность зерновых культур в Центральной части Русского государства в конце XVI — начале XVII в. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее — Ежегодник), 1961 г. Рига. 1963, с. 161—163, прил.
5. Там же, с. 154—157, 158.
6. ПРОКОФЬЕВА Л. С. Урожайность зерновых культур Белозерского края в первой половине XVIII в. В кн.: Ежегодник, 1968 г. Л. 1972, с. 129.
7. Там же, с. 130; ЛОХТЕВА Г. Н. Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве Троицкого Гledenского монастыря Поморья XVII в. В кн.: Ежегодник, 1962 г. Минск. 1964, с. 198—199.
8. Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М. 1979, с. 44—45.
9. ПРОКОФЬЕВА Л. С. Ук. соч., с. 131.

10. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, прил. II, с. 444—449.
11. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М. 1967, с. 77.
12. НИФОНТОВ А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. М. 1974, с. 290.
13. МИЛОВ Л. В. О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. — Исторические записки. Т. 85.
14. ЯНКО Я. Математико-статистические таблицы. М. 1960, с. 30.
15. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Ук. соч., с. 209—210.
16. КОМОВ И. О земледелии. М. 1788, с. 1—2.
17. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Ук. соч., с. 209.
18. КРУТИКОВ В. И. Посевы и урожаи на землях Тульской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. В кн.: Ежегодник, 1968 г., с. 164.
19. ПРОКОФЬЕВА Л. С. Хлебный бюджет крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. В кн.: Вопросы аграрной истории (материалы научной конференции). Вологда. 1968.
20. Университетские известия, Киев, 1904, №7, прибавления, с. 68; см. также с. 3—4.
21. Инструкции об управлении помещичьим хозяйством. 1755—1757 гг. (далее — Инструкции 1755—1757 гг.). Научная библиотека МГУ. Отдел редких книг и рукописей, № 279—6—90, л. 17. Автор выражает глубокую признательность Е. Б. Смелянской, ознакомившей его с рукописью, обнаруженной ею в одной из археографических экспедиций.
22. ОСЬМИНСКИЙ Т. И. Бюджет крестьян пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 г.). В кн.: Вопросы аграрной истории, с. 214.
23. КЕППЕН П. И. О потреблении хлеба в России. СПб. 1839, с. 3; см. также: ЯНСОН Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. 1877, с. 292.
24. ПРОКОФЬЕВА Л. С. Хлебный бюджет крестьянского хозяйства, с. 352—353.
25. ШАБАНОВА А. М. Бюджеты крестьянских хозяйств Александрово-Свирской вотчины в середине XVIII века. В кн.: Ежегодник, 1970 г. Рига. 1977, с. 104—113.
26. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. (далее — Генеральное соображение). Тверь. 1875, с. 40, 97, 131, 143, 151, 160 и др.; см. также: Государственный исторический музей, Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. 445, д. 128, лл. 58, 181, 305.
27. Генеральное соображение, с. 119.
28. Там же, с. 160.
29. См. ГОРСКАЯ Н. А., МИЛОВ Л. В. Ук. соч., с. 176.
30. Там же, с. 187—189.
31. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М. 1787, с. 190.
32. ГОРСКАЯ Н. А., МИЛОВ Л. В. Ук. соч., с. 190.
33. Журнал земледельцев, М., 1859, № 21, с. 142—143.
34. Университетские известия, Киев, 1904, № 6, прибавления, с. 53.
35. ВИЛЬСОН В. И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб. 1869, с. 70.
36. КРУТИКОВ В. И. Ук. соч., с. 164—165.
37. Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. М. 1966, с. 49.
38. ГОРСКАЯ Н. А., МИЛОВ Л. В. Ук. соч., с. 177.
39. Журнал земледельцев, 1859, № 21, с. 142—143, 144—145; Труды Вольного Экономического общества (ВЭО), 1767, ч. VII, с. 85; 1769, ч. XII, с. 97—101; 1770, ч. XIII, с. 12—13; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, с. 301, 325; Генеральное соображение, с. 28, 40, 48, 59, 78, 131, 132, 144, 161; РУБИНШТЕЙН Н. Л. Ук. соч., с. 282 и др.
40. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVI wieku. Т. 1. Kraków. 1915, s. 106, 190; см. также: СКРЕБИЦКИЙ А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. В кн.: Материалы для истории освобождения крестьян. Т. III. Бонн. 1855—1866, с. 366—367. Данные об укосах см., напр., Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, с. 84, 278—279, 301, 319, 347, 360 и др.; Генеральное соображение, с. 83—85, 94, 120, 140, 144, 157, 194, 215, 233, 252 и др., а также: Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. М. 1985, с. 107. Абрамович, делая расчеты объема «мерной кошны» сена в XVI—XVII вв., использует цифру среднего укоса в 60 пудов с десятины, опираясь на сведения середины XX века.
41. ТАТИЩЕВ В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки. В кн.: Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. М. 1852, с. 12—13.

42. См. СКРЕБИЦКИЙ А. Ук. соч., с. 366—367; ФЕДОРОВ В. А. Крестьянские наделы в Центрально-Промышленных губерниях дореформенной России. В кн.: Ежегодник, 1968 г., с. 155.
43. ИНДОВА Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М. 1964, с. 244; ВОЛКОВ С. И. Инструкция управителям дворцовых волостей. — Исторический архив, 1951, т. VI, с. 180—181; ПЕТРОВСКАЯ Н. Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. — Там же. 1953, т. VIII, с. 228; ЧАЯНОВ А. В. Организация крестьянского хозяйства. М. 1925, с. 116—117.
44. Университетские известия, Киев, 1903, № 12, прибавления, с. 14; Инструкции 1755—1757 гг., л. 23 об.
45. АБРАМОВИЧ Г. В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV—XVI вв. (коробья, копна, обжа). В кн.: Проблемы источниковедения. Т. XI. М. 1963, с. 365—367; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинные и умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590—1600 гг. Ч. I. М. — Л. 1976, с. 84—85, 86.
46. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ч. II, с. 266—291, 293, 294, 298 и др. (подсчет наш. — Л. М.).
47. Цит. по: РЫНДЗЮНСКИЙ П. Г. Ук. соч., с. 51.
48. Инструкции 1755—1757 гг., л. 23 об.
49. Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1, с. 108—109; Генеральное соображение, с. 161.
50. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, с. 140, 157, 177, 233 и др.
51. Генеральное соображение, с. 56; ГИМ ОПИ, ф. 445, д. 128, л. 275.
52. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., с. 12—13, 16.
53. ВОЛКОВ С. И. Ук. соч., с. 180—181.
54. ЧАЯНОВ А. В. Ук. соч., с. 116—117.
55. Генеральное соображение, с. 74, 83, 94, 105, 129, 141; ГИМ ОПИ, ф. 445, д. 128, л. 53; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, с. 294.
56. БОЛОТОВ А. Т. Замечания о неравенстве в нашем отечестве, а больше в Карачевских местах, скотоводства с земледелием. — Экономический магазин, 1787, ч. XVIII, с. 36—44.
57. ЛИВАНОВ М. О земледелии, скотоводстве и птицеводстве. Николаев. 1799, с. 143.
58. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ч. 1, с. 32—35.
59. Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье. — Русский архив, 1904, кн. 1, с. 29—30; Инструкции 1755—1757 гг., л. 23 об; Университетские известия, Киев, 1903, № 12, прибавления, с. 14.
60. ВОЛКОВ С. И. Ук. соч., с. 180—181.
61. Инструкции 1755—1757 гг., л. 23 об.
62. ОСЬМИНСКИЙ Т. И. Ук. соч., с. 362.
63. Университетские известия, 1909, Киев, № 7, прибавления, с. 240.
64. Труды ВЭО, 1766, ч. II, с. 157.
65. ЛЯЩЕНКО П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1948, с. 275; КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Столыпинская аграрная реформа. Мифы и реальность. — История СССР, 1991, № 1, с. 66.
66. Инструкции 1755—1757 гг., л. 25 об.
67. ЧАЯНОВ А. В. Ук. соч., с. 115.
68. Университетские известия, Киев, 1909, № 7, прибавления, с. 220.
69. Там же, с. 227—228.
70. Инструкции 1755—1757 гг., л. 10.
71. ПЕТРОВСКАЯ Н. Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. — Исторический архив, VIII, 1953, с. 260.
72. Университетские известия, Киев, 1904, № 7, прибавления.
73. Там же, № 6, прибавления, с. 45.
74. Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье, с. 32; Университетские известия, Киев, 1910, № 11, прибавления, с. 263; см. также: Университетские известия, Киев, 1904, № 7, с. 79; Труды ВЭО, 1770, ч. XVII, с. 115, 125—126.
75. Литературное наследство. № 9—10. М. 1933, с. 175.
76. Инструкции 1755—1757 гг., л. 8.
77. МИЛОВ Л. В. Ук. соч., с. 265.
78. КРУТИКОВ В. И. Ук. соч., с. 166.
79. НИФОНТОВ А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М. 1974, с. 140—142.
80. По расчетам И. Д. Ковальченко, объем хлебного рынка в России в 50-х годах XIX в. достигал примерно 37 млн. чत्व., по другим расчетам — 43—49 млн. четвертей (см. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М. 1967, с. 97; НИФОНТОВ А. С. Ук. соч., с. 143).
81. СТРУМИЛИН С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М. 1966, с. 185.
82. НИФОНТОВ А. С. Ук. соч., с. 286—287.

83. Там же, с. 268.
84. Государственный архив Владимирской области, ф. 14, оп. 1, д. 108, л. 27; ГИМ ОПИ, ф. 96, № 63507, арх. 1035, л. Зоб.; Генеральное соображение, с. 26—27, 50, 59, 122, 131 и др.; РЫНЦЗЮНСКИЙ П. Г. Ук. соч., с. 48.
85. Подробнее об этом: КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., МИЛОВ Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XIX в. М. 1974.
86. См. МИЛОВ Л. В. О так называемых аграрных городах в России XVIII в. — Вопросы истории, 1968, № 6.
87. См. ТРЖЕШТИК Д. Средневековая модель государства периода раннего средневековья. В кн.: Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М. 1987; ФЛОРЯ Б. Н. «Служебная организация» у восточных славян. — Там же.
88. ФЛОРЯ Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии раннефеодального общества у восточных и западных славян. — История СССР, 1992, № 1.
89. МИЛОВ Л. В. О российском типе генезиса капитализма. — Новая и новейшая история, 1987, № 2, с. 93.

Теория большой феодальной формации

Ю. М. Кобищанов

Нелегко изложить на немногих страницах эту теорию, исследующую исторический процесс на протяжении многих тысячелетий и на пространстве большей части ойкумены. Когда эта теория выдвигалась мною в 1956—1957 гг., те, кто с ней знакомился, были шокированы выводами, что 1) нигде и никогда не существовало ни рабовладельческой, ни «азиатской» формации; 2) начало феодализма в некоторых регионах относится по крайней мере к V—IV тыс. до н. э., а его конец мы наблюдаем в наши дни; 3) не Европа, а Восток (в широком смысле) дает основной исторический материал и является нормой исторического развития феодализма; 4) советское общество при Сталине было, в сущности, нефеодальным. Последний вывод не предназначался для печати или публичных выступлений, однако сам собою вытекал из характеристик теории большой феодальной формации. Позднее добавился вывод о феодальном (либо нефеодальном) содержании «некапиталистического» пути развития и «социалистической ориентации» в афро-азиатском мире.

Эти выводы в глазах специалистов как бы заслоняли собой собственно теорию большой феодальной формации, ее отличие от неомарксистских теорий (наиболее известной из которых является теория азиатского способа производства), а также от тогдашнего официального понимания исторического материализма. Но уже в 60-е годы постоянно совершенствовавшаяся теория большой феодальной формации стала отличаться и от бывшего истмата, и от теории азиатского способа производства, и от различных эклектических концепций (например, В. И. Илюшечкина) своей оценкой всем привычных терминов — феодализм, собственность, владение, рента, рабы, крестьянство, община, цивилизация — и введением некоторых новых, своим построением (не совпадающим с линейностью истматовских конструкций типа «базис — надстройка»), комплексным методом исследования (родоначальником которого был М. Мосс, а также ряд русских и западных крестьяноведов). Критики теории большой феодальной формации игнорировали тот факт, что истматовские термины приобрели в ней расширенное содержание, и не признали внутреннюю логику уточненных новых терминов, таких, как протокрестьянство, кастовое крестьянство, структуры общинного типа, общинно-кастовые и общинно-кастово-племенные системы, протоцивилизации, ранние цивилизации, ассоциированные цивилизации и др.

Кобищанов Юрий Михайлович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки Российской АН.

Феодализм

Феодальная общественно-историческая формация мыслится в целом двойко. Во-первых, каждое из феодальных обществ состоит из социальных комплексов с определенными экономическими, политическими, религиозными и другими функциями¹; в другой плоскости существуют экономическая, политическая, морально-правовая, идеологическая сферы функционирования. Они вычленяются условно, поскольку для феодальной, равно как и для первобытной, формации характерна первичная нерасчлененность функций. Во всяком феодальном обществе существовала более или менее развитая система права и морали. В частности, в мусульманских султанатах ее составляли шариат (каноническое право, основанное на Коране, сунне, мнениях знаменитых мусульманских правоведов и суждениях по аналогии) и адат (разнообразные местные обычноправовые нормы), а также указы правителя, которые в идеале должны были строго соответствовать шариату, по здравому же смыслу — не противоречить наиболее распространенным нормам обычного права, но на практике в чем-то их ограничивали или дополняли. Порой указы правителя не вполне соответствовали и традиционной морали. И все же если они не отменялись, то интегрировались в систему права и морали. Вместе с тем шариат составлял часть официальной религии, адат был тесно связан с народной религией и моралью, а указы правителя становились политическими актами.

Шариат, адат и указы правителя нередко затрагивают экономические вопросы и переплетаются с экономической сферой жизни общества. И все же, как бы ни была велика слитность права, морали и религии с феодальной экономикой, они не тождественны. Экономические отношения лишь приблизительно передавались правовыми и другими неэкономическими нормами: экономические отношения владения — не то же самое, что права владения, хотя между ними и существует взаимная связь. Такое смешение понятий — одна из болевых точек исторической науки, причем не только советской и даже не только марксистской. Мало кто, рассуждая о феодальной собственности, избежал смешения правовых категорий с реальными экономическими отношениями. Целые главы в добротных монографиях написаны в безуспешной попытке доказать, что такие-то и такие-то юридические документы или же описанные в источниках ситуации свидетельствуют о наличии либо отсутствии частной собственности на землю и другие средства производства. Это — глубоко неверный путь. Правильнее будет проследить, насколько возможно, нюансы в пестрой картине прав владения, с одной стороны, состояния экономики — с другой, что позволит прикоснуться к пульсу древней жизни, далекой от современной.

Во-вторых, большая феодальная формация существовала и как динамичный пространственно-временной исторический феномен. Его представляло собой каждое из феодальных обществ и государств. Римское общество и Римская империя — это не только город Рим с его пригородами и округой и даже не только Италия, но и провинции, за счет которых (или главным образом за счет эксплуатируемого крестьянства которых) жил «Вечный город» и функционировала империя. Вместе с тем общества и государства при феодализме все вместе тоже составляли подвижной пространственно-временной феномен, внутренне связанный движением культурной информации, политическими союзами и мирными договорами, морской и караванной торговлей. Древнегреческие города-государства Ионии, а также Афины и Коринф, равно как финикийские города-государства середины V в. до н. э., неправомерно изучать, абстрагируясь от их разнообразных связей с крестьянскими обществами Малой Азии, Сирии, речных долин Эллады.

Когда на Древнем Востоке и в Причерноморье (в Добрудже и на землях будущей Украины) образовались протоцивилизации, а затем и цивилизации, здесь формировались раннефеодальные общества; большая же часть ойкумены оставалась первобытнообщинной. Затем в древних очагах цивилизаций — вплоть до китайского на Востоке и карфагенского на Западе — феодализм достиг зрелости, а на периферии этих очагов образовались раннефеодальные общества. Эту периферию и их общества сторонники традиционного истмата условно называют «варварскими». Периодически периферия устремлялась в очаги цивилизаций, отчего они почти угасали, но затем вновь разгорались. За этим следовала экспансия феодализма, все более зрелого, на периферию.

Ко времени эпохи Великих географических открытий лишь немногие окраины ойкумены (часть Сибири и Дальнего Востока, Новая Гвинея, Австралия, Тасмания, юг Африки, часть Восточной Африки, периферийные районы Америки, некоторые внутренние районы Азии) еще сохранили повсеместно господствовавший некогда первобытнообщинный мир. В XVI в. феодальная система стала мировой, поскольку пиренейские королевства захватили государства Нового Света вместе с частью их первобытной периферии, а также некоторые государства Африки, Австронезии и ряд прежде необитаемых архипелагов (не говоря уже о многих давно являвшихся феодальными древних цивилизованных странах Азии и Европы). В последующие века в Западной Европе начала формироваться капиталистическая формация. Феодальные же общества Восточной и Юго-Восточной Европы, Азии, Африки, Океании, Центральной и Южной Америки образовали феодально-колониальную периферию капиталистического (феодально-капиталистического) общества.

Феодальную формацию можно рассматривать и как пространственно-временное явление, где составные части — отдельные цивилизации. Эти цивилизации имеют синхронные связи, сосуществуя, либо диахронные связи, сменяя одна другую. Цивилизации создаются движением культурной информации. Каждая цивилизация — это историко-культурная общность народов, находящихся на достаточно высоком уровне культурного и социального развития². Общества и государства внутри каждой из цивилизаций имеют более многообразные и тесные связи, чем принадлежащие к разным цивилизациям.

Все ныне существующие цивилизации, кроме новой западной, возникли внутри феодальной формации из протоцивилизаций, характерных для начальных стадий феодализма, или на основе других, погибших либо дезинтегрированных цивилизаций. Протоцивилизация отличается от зрелой или даже от ранней цивилизации тем, что признаки цивилизации (город, монументальное строительство, письмо и др.) выражены в ней слабо или же набор этих признаков неполон. Так, во многих государствах Тропической Африки до европейской колонизации не было городов. В других существовали города, но не было ни подлинно монументальных сооружений, ни письма.

Когда в Африканском Межозерье XVIII—XIX вв. (в качестве протекторатов европейских колониальных держав — и в XX в.) существовали феодальные королевства Буганда, Буньоро, Нкоре (Анколе) и Торо — в Уганде, Руанда, Бурунди и др., когда в нынешней Замбии сменяли друг друга несколько подобных королевств, а в нынешнем Заире процветали идентичные Луба, Куба и пр., то ни одно из них не имело сначала ни городов, ни монументальных строений, ни письменности. Лишь в государстве Казембе (на границе нынешних Замбии и Заира) резиденция правителя в XIX в. превратилась в город, а скорее — в разросшуюся деревню с более чем десятком тысяч жителей, но и там не возводились монументальные сооружения, а жители (за исключением пришлых купцов-работоторговцев) не умели писать. В Зимбабве еще в средние века были сооружены крепости-зимбабве (по которым современная республика получила название), но и тут письменности не знали. Даже в Южной Нигерии, где йоруба создали знаменитые города с десятками тысяч жителей, появились только первые зачатки монументального строительства и письменности. Та же картина наблюдалась в большей части Океании, особенно Меланезии и Полинезии: там существовали государства, касты, сословия, богатая культура, но без городов и письменности. Безгородскими, но зато письменными, были скандинавская цивилизация в Норвегии, Исландии, Гренландии и на Фарерских островах, некоторые культуры Филиппин, культура острова Пасхи.

Можно выделить следующие типы цивилизаций: а) по формационным признакам: феодальные (несколько десятков) и капиталистическая — новая западная цивилизация. В настоящее время цивилизации феодального типа модернизируются или уже модернизировались, причем особых успехов достигли японская, китайская, корейская, южнобуддистская, индийская, исламская и другие; б) по условиям генезиса: первичные, выросшие из протоцивилизаций, и вторичные; в) по их месту: очаговые (в том числе первичные — древнеегипетская, шумерская, индская, древнекитайская до эпохи Хань, ряд цивилизаций Мексики и Перу, йоруба-бенинско-дагомейская «почти цивилизация» в Западной Африке, а также некоторые вторичные — вавилонская, ацтекская в Мексике, мероитская в Судане, аксумская в

Эфиопии, тангутская в Центральной Азии, хорезмийская и согдийская в Средней Азии, киргизская в Минусинской котловине); региональные (ахеменидская, эллинистическая, китайская начиная с эпохи Хань, тибето-монгольская, западноевропейская до эпохи Великих географических открытий); межрегиональные, связанные с мировыми религиями; периферийные, или ассоциированные, цивилизации, у которых более мощные играют роль центра; г) по стадиям жизненного цикла: формирующиеся, зрелые, стареющие, перерождающиеся, реликтовые, исчезнувшие³.

Отдельные цивилизации различаются, помимо прочего, религиями с их предписанным поведением и системой ценностей, что особенно заметно там, где люди разных религий и цивилизаций проживают по соседству либо где происходит смена религии массой народа. Тогда становятся видны отличия мусульман от буддистов-конфуцианцев (людей дальневосточных цивилизаций), от буддистов-ламаистов (людей центральноазиатской цивилизации), тхеравадских буддистов (людей сингальско-индокитайской цивилизации), индуистов (людей индийской цивилизации), эфиопских христиан и пр. по их поведению в семье (ревнивые мусульмане, строго следующие исламским правилам семейно-брачных отношений), по общественному быту (мусульмане кажутся казацкой вольницей рядом с конфуцианцами и индуистами), выбору занятий (многие мусульмане и конфуцианцы из вчерашних крестьян предпочитают торговлю, тогда как у индийцев или эфиопов это занятие только определенных каст), по отношению к изобразительному искусству и музыке. В конечном счете они подчиняются не только общечеловеческим представлениям о добре и зле, но и специфическим в каждой религии морально-этическим нормам, определяющим их представления о правильном или неправильном поведении. Поэтому можно говорить о присущих той или иной цивилизации типах и подтипах. Однако более глубокими и долгодействующими представляются различия типов, характерные для разных формаций.

Люди феодальной формации.

Центральное место в общественно-исторической формации как подвижному явлению принадлежит Человеку в его психосоматической и интеллектуально-культурной сущности. Имеется в виду, приближенно говоря, пучок типов и подтипов личности, присущих той или иной из трех мировых общественно-исторических формаций: первобытной, феодальной и капиталистической.

Типы личности феодальной формации существенно отличаются от типов личности первобытной и капиталистической формаций. Что касается феодальной формации, они развиваются прежде всего как социально-исторические типы (например, оседлых земледельцев, рыбаков, скотоводов-кочевников), а затем как общественные классы. Для разных феодальных обществ, принадлежавших к различавшимся цивилизациям, характерны социально-исторические типы преданного земле упрямого крестьянина, жизнь которого представляла собой не беспорядочное чередование многодневных охот и беззаботного отдыха, как жизнь первобытного охотника, а (в идеале) правильно повторяющиеся циклы труда, ритуалов и праздников; искусного ремесленника; святого аскета (а рядом с ним — архаичного колдуна-знахаря, какие существовали и в первобытнообщинной формации); обожествляемого царя; благородного, но хищного рыцаря; бесправного раба; жадного дельца-ростовщика и др. С типами личности капиталистического общества их роднит классовая дифференцированность, а с первобытнообщинными типами — общинный характер личности.

Общественно-культурный тип крестьянина — основной представитель класса трудящихся при феодализме. Поэтому большую часть феодальных обществ мы можем называть крестьянскими. Крестьянин связан с определенными хозяйственно-культурными типами (ХКТ). В основном это ХКТ пахарей. Но исторически формирование типа крестьянина и всего класса крестьянства начинается среди ручных земледельцев, то есть более примитивного ХКТ. В связи с процессом крестьянизации было предложено выделить как особый ХКТ интенсивных ручных

земледельцев, применяющих сооружение земледельческих террас, искусственное орошение полей или огородов, искусственное их удобрение, значительный ассортимент видов и сортов культурных растений, домашних животных и ручных земледельческих орудий⁴. Самый процесс формирования крестьянства как общественно-исторического и общественно-культурного типа и класса подразделяем на стадии, из которых начальной является состояние земледельцев докрестьянских обществ, затем протокрестьянство, кастовое крестьянство, классическое крестьянство и переходные формы к фермерству⁵. Можно говорить, что протокрестьянство в одних случаях принадлежит к ХКТ экстенсивных ручных земледельцев, в других — к ХКТ интенсивных ручных земледельцев, в третьих (как в большей части Европы на протяжении одного-двух тысячелетий и в Эфиопии примерно такого же периода) — к ХКТ пахарей. Но классическое крестьянство всех континентов — именно пахари.

Протокрестьянство находим в большей части Тропической Африки доколониального времени, у туарегов Сахары, у ряда других сахарских и берберских народов, народов Южного Китая и гор Индокитая, в Микронезии и большей части Полинезии. Протокрестьянами были скандинавские бонды эпохи саг, смерды Киевской Руси, земледельцы Ирландии до разрушения кланов, члены земледельческих каст Древней Индии. Скорее протокрестьянством, чем крестьянством в полном смысле слова, являлись земледельцы римской Британии, а также завоевавшие их англы, саксы и юты. Вообще на Британских островах и на крайнем Севере — в Исландии, на Фарерах, в Норвегии, на русском Севере — класс крестьянства сложился поздно сравнительно с остальной Европой, а начал разлагаться очень рано. Зато в большинстве европейских и африканских провинций Римской империи процесс формирования класса крестьянства завершился за два-три столетия до Великого переселения народов, а в Египте и азиатских провинциях — намного раньше. Колоны Галлии III—IV вв. — это феодально-эксплуатируемые крестьяне.

Кастовое крестьянство наиболее полно было выражено в средневековой Индии. Классические типы крестьян на Востоке — египетские феллахи, земледельцы Сирии и Месопотамии, начиная с периода расцвета Ассирийской державы, китайские крестьяне, начиная с эпохи Хань. В средние века прибавились такие классические типы, как иранско-среднеазиатский, японский, яванский, западноевропейский (северофранцузский, западногерманский и пр.), в новое время — восточноевропейский и русский крепостной. Эти типы крестьянства сложились благодаря развитию сельских производительных сил и феодальных производственных отношений в их неразрывном единстве.

Производительные силы

Понимание категории производительных сил в теории большой феодальной формации не противоречит истматовскому (особенно в интерпретации покойного В. В. Крылова⁶). Но, по сравнению с традиционным истматовским, в нем детализированы следующие моменты.

Предложено понятие типов общественного хозяйства как стадий в развитии производительных сил общества. Эти типы — присваивающий, мелконатуральный производящий (или домашний) и крупнотоварный производящий (индустриальный). Присваивающий тип примерно соответствует первобытнообщинной формации, мелконатуральный производящий — феодальной формации, крупнотоварный — капитализму⁷. Африканские бушмены и пигмеи — люди присваивающего хозяйства и первобытнообщинного строя. То же относится к австралийским аборигенам, андаманцам, огнеземельцам, патагонцам, юкагирам, береговым чукчам и корякам. Что касается крестьянских обществ всего мира, то они порождены мелконатуральным производством и феодальным строем. В Приморском крае нашей страны еще несколько десятилетий тому назад удэгейцы представляли доклассовое общество, китайские и корейские мигранты — общество, выходящее из феодального состояния и вступающее в капитализм, а соседние Япония и США — разные модели капитализма.

Нередко смена одной формы общественного хозяйства другой, более высокой, происходила резко. Обычно это было связано с вторжением иноземцев. Восточная и Южная Африка тысячелетиями оставались во власти первобытных бушменских общин с присваивающим хозяйством, пока не были заселены племенами банту, разводившими скот и обрабатывавшими огороды. Банту создали раннефеодальные государства. Вскоре после банту появились в Южной Африке европейцы как носители капиталистической цивилизации. Правда, на просторах южноафриканского вельда буры многое утратили, но немало и сохранили. Вслед за ними англичане принесли капиталистические отношения новой волны. Тем не менее, только в последние десятилетия капитализм в ЮАР победил окончательно, причем в обществе европейцев и «цветных», тогда как у банту его победа лишь намечается. В Австралии феодализма не существовало, отмечались лишь его рудименты в английском колониальном строе; первобытные же общества аборигенов, занимавшиеся охотой и собирательством, вскоре вытеснил британский индустриальный капитализм.

Соответствие типов и формаций не надо понимать упрощенно. В западносибирской тайге ханты, манси, селькупы и другие этносы до недавних пор жили в основном присваивающим хозяйством, но их общества до русского завоевания Сибири были раннефеодальными. Возможное объяснение такого противоречия состоит в том, что феодализм у обских угров и самодийцев начал складываться до того, как их предки переселились из Южной Сибири в места нынешнего обитания; в Южной Сибири они занимались не только охотой и рыболовством, но также земледелием и скотоводством. Кроме того, в сибирской тайге местные раннефеодальные «князьки», составлявшие протокасту, собирали с простолюдинов подати пушшиной и прочим, чтобы поставлять дань татарским ханам, новгородским ушкуйникам и московским царям, а также поставлять товар иноземным скупщикам пушнины. В Южном Судане нуэры и динка, в Кении луо, лухья, кикую, камба и другие народы, вообще десятки этносов издавна жили земледелием и скотоводством (на Новой Гвинее — свиноводством), но не знали ни раннефеодального строя, ни групп кастового типа.

Упомянем о переходности состояния производительных сил в указанных выше обществах, о незавершенности перехода от присваивающего хозяйства к мелконатуральному производящему. Подобно исторически предшествующему типу — присваивающему хозяйству, мелконатуральное производящее имеет мелкий и натуральный характер; подобно последующим типам, оно производящее. Мелконатуральное производство обычно сочетается с другими типами, например с присваивающим в раннефеодальных обществах, с мелкотоварным и даже индустриальным на поздних этапах феодальной формации. Здесь классическим примером служит Россия с ее крепостной мануфактурой XVIII — середины XIX в. и со сталинской индустрией — великими стройками на основе лагерного труда. Объяснение можно найти в феодально-крестьянском характере страны, в относительности товарного характера ее казенного промышленного производства и раньше, и в сталинское время, а особенно в государственно-крепостнических колхозах, где имели место натуральные поставки.

Каждый тип общественного хозяйства предполагает соединение в себе различных сфер хозяйства (охоты и собирательства, земледелия и скотоводства, машинного сельского хозяйства и промышленности). Разница между типами общественного хозяйства не ограничивается только сферами хозяйствования, а распространяется на общее состояние производительных сил. Достаточно сопоставить классическое натуральное крестьянское хозяйство с современной его формой на той же территории. Дополнительную сложность создает сочетание типов, о котором сказано выше. Но переходность состояния производительных сил в каждом конкретном обществе не только выражается в наличии тех или других сфер хозяйствования и типов общественного хозяйства, а и сказывается в темпах движения.

Процесс становления индустриального производства в Европе занял несколько столетий, в Японии — одно столетие, в Израиле — вдвое меньше, в арабских странах района Персидского залива — немногие десятилетия. Это — ускоренное развитие. Причем Европа, особенно Восточная вместе с Сибирью, знала и феномен регресса капиталистического развития в новое и новейшее время. Но становление мелконатурального производства в основных районах Азии, Африки, Европы и

Америки длилось тысячелетия. Так, Европа начала осваиваться под земледелие лишь после появления сохи, в которую впрягали быков. Древнейшие ее земледельцы V—II тыс. до н. э. распахали безлесные, покрытые травами и кустарниками просторы от лесостепей днепровского Правобережья до меловых холмов Британии, сводя рощи и в лесостепях и между холмами, но не смогли без железных топоров углубиться в девственные дубовые леса, которые использовали в основном для присваивающего хозяйства. В течение многих тысячелетий, даже пользуясь железными орудиями, европейские пахари не смогли бы выжить, если бы не добывали дополнительную часть ресурсов охотой, рыболовством, бортничеством и собирательством. Там же, в лесах, они пасли свиней и коров.

Вообще и в древности, и в средние века, а на окраинах Европы даже позднее, скотоводство играло не меньшую, а подчас и большую роль, чем земледелие: тут, с одной стороны, налицо Исландия, Фарерские острова, Норвегия и различные горные районы, с другой — степи от Южного Урала до Центральной Испании. Появление земледелия, даже пахотного, само по себе еще не означает, что сооружение историей здания мелконатурального производства завершилось. Такой взгляд составляет еще одно важное отличие теории большой феодальной формации от традиционного истмата и других теорий, бытующих среди историков, археологов и этнографов.

Особое значение теория большой феодальной формации придает категориям ячеек производства и систем воспроизводства, их становлению и развитию. Ячейка производства — это непосредственная форма взаимодействия рабочей силы с орудиями и другими средствами и объектами производства. Поскольку способ производства, согласно К. Марксу, есть способ соединения рабочей силы со средствами производства, постольку каждому способу производства соответствуют исторически присущие ему типы ячеек производства. В эпоху господства мелконатурального производства (в его постепенном, не прямолинейном и чрезвычайно длительном развитии) эти ячейки делятся на мелкие и условно-крупные.

Первые — домохозяйства земледельцев, скотоводов, ремесленников, где производство соединено с семьей. В них существовало разделение на мужские и женские работы, но взрослые большую часть времени проводили вместе и вместе трудились, а дети помогали им и учились мастерству у старших. Труд носил творческий характер, результаты его были очевидны. Годичный цикл протекал как непрерывное правильное чередование ритуалов и обязанностей, трудов и праздников, пьянящих радостей и тяжелых испытаний. Жизнь проходила в гармонии с природой и общественным окружением. Любовь к труду соединялась с любовью к собственному хозяйству, дому, земле-кормилице, домашним животным, которых хозяин сам выхаживал, к орудиям труда и быта, которые он сам смазывал и украшал, к своим чадам и домочадцам.

В мелких ячейках производства все стороны жизнеобеспечения, все работы и заботы, радости и тягости были увязаны в неразрывную цепь. Основной подтип такой ячейки — классическое крестьянское хозяйство. Оно лежит в основе феодальной экономики. Но это не исключает существования более крупных ячеек: наоборот, мелкие сочетаются с крупными, так как полное воспроизводство производительных сил и производственных отношений феодализма невозможно только в первых или только во вторых.

Последние называем условно-крупными, чтобы не смешивать их с крупнотоварными. Ячейки условно-крупного производства основаны на простой кооперации труда мелких производителей. Их задачи состояли в производстве работ, которые не под силу членам одного семейного домохозяйства, и в упрочении связей между мелконатуральными производителями. Работы и связи могли носить как общинный, так и феодально-повинностный характер, причем одно не исключало другого. В обоих случаях такие ячейки формировались чаще всего по общинному принципу (родственники, друзья, побратимы, соседи, члены одной половозрастной группы) либо по смешанным принципам (клиенты вождя, князька или «большого человека», живущие вместе и ставшие как бы побратимами)⁸. Трудом подобных коллективов поднималась целина, выпасались большие стада домашних животных, строились дома и монументальные сооружения, включая пирамиды Египта, Шумера и Мексики. Барщинные работы при позднем феодализме — характерный пример

деятельности ячеек условно-крупного производства. Конкретная форма ячейки зависит также от формы общественного разделения труда, кооперации труда.

В феодальных обществах находим три основные формы разделения труда: половозрастную, рентную (повинностную) и товарную. Первая возникла еще в первобытнообщинной формации, а при феодализме распространяется на большую часть впервые возникающих занятий. Товарная форма разделения труда более характерна для капитализма. Что касается рентной формы, то она специфична для феодализма. Этому не противоречат хорошо известные этнографам факты наличия повинностной формы разделения труда в других обществах, например африканских, находившихся накануне раннего феодализма: у них не было государства, но существовали касты и кланы ремесленников, связанные с общинами земледельцев и скотоводов повинностной формой разделения труда⁹.

Деревенские ремесленники вели подвижный образ жизни, обслуживая те хозяйства, где они были нужны. Община не могла без них обойтись и содержала их круглый год и на протяжении поколений, независимо от того, сколько услуг и продукции требовалось от ремесленников. Вместе с тем земледельческая или скотоводческая община заботилась о том, чтобы ремесленники не оставляли своих занятий и не растворились среди сельскохозяйственного населения. Например, масаи Восточной Африки, считая себя единственными законными владельцами крупного рогатого скота во всем мире, отнимали у кузнецов скот, даже если возвращались вместе с ними из набега, в котором кузнецы добыли нескольких коров и телят. В Южной Эфиопии и Индии кузнецам не позволялось обрабатывать землю, пользоваться колодцами земледельцев и даже проходить через поля. В Индии, Шри-Ланке, Таджикистане деревенским ремесленникам после сбора урожая община выделяла долю зерна, независимо от того, как и сколько они в тот год работали на ее членов. Другие доли выделялись землевладельцам, общинным должностным лицам, духовенству и правителю фактически в качестве ренты.

В условиях господства мелконатурального производства могучим фактором повышения производительности труда были развитие его общественного разделения (прежде всего в повинностной форме) и кооперация труда (прежде всего в виде простой кооперации мелких производителей). Значение их возрастало по мере специализации ячеек мелконатурального производства. Рост производительности труда мелких производителей создавал объективную возможность их специализации, тем более что их можно было эксплуатировать лишь тогда, когда они производили больше того, что потребляли. Но и конкретные формы эксплуатации человека человеком зависят от форм разделения труда и его кооперации, ибо кооперация труда между ячейками производства в общине выражается не только в трудовой взаимопомощи, но и в отчуждении избыточного продукта труда в целях взаимопомощи и про запас.

Господство мелконатурального производства приводило к тому, что наиболее рациональными формами участия мелких производителей в расходах общины являются совместная общественная работа и складчина, то и другое порой от случая к случаю. Однако регулярность сельскохозяйственного производства и связанная с ней регулярность общественных работ и празднеств стимулировали регулярность коллективных работ и складчины. Они превращались в примитивные повинности. К тому же результату вела регулярность войн (допустим, весенние и осенние набеги). Складчины, дары, «помочи», общественные работы на благо общины постепенно или резкой переменой превращались в подати и повинности. Мы находим это во всех феодальных обществах. Так развитие мелконатурального производства внутри общин приводило к разделению труда и произведенного продукта на две части: ту, которая оказывалась внутри ячейки мелконатурального производства, и ту, которая привлекалась на общественные нужды. Возникали необходимые предпосылки феодальной эксплуатации. Чтобы такая возможность стала действительностью, нужно было преодолеть сопротивление общинников и общинной морали. На это уходили иногда столетия, иногда тысячелетия.

Пока земледелец-общинник не начал подвергаться феодальной эксплуатации, его в принципе нельзя относить к классу собственно крестьян. Настоящий крестьянин — это мелконатуральный производитель, который и подвергается именно феодальной эксплуатации. Некоторой эксплуатации такого рода подвергается и протокрестьянин, но в этом случае степень эксплуатации невелика. Протокрестьянина

характеризует незавершенность его производственного статуса как мелкого производителя, натурального или полунатурального. Верный показатель — состояние домохозяйства земледельца, этой ячейки мелконатурального производства. С тем же связано состояние семейных отношений, сила или слабость внутрисемейных связей.

Кристаллизация крестьянского домохозяйства как ячейки мелконатурального производства тесно связана с развитием малой патриархальной семьи. Не случайно почти у всех классических пахарей, составлявших при феодализме класс крестьян, семья была патриархальной. Ведь пахота — занятие мужское, повышающее роль мужчины в семейном хозяйстве. Пахарь трудится в компании с тягловыми животными, а подъем целины колями при ручном земледелии — коллективная работа группы мужчин, жены которых в остальное время пропалывают участки и собирают урожай. Труд пахаря более индивидуален, чем труд ручного земледельца; связь первого с женою и детьми прочнее, чем у второго, особенно при экстенсивном сельском хозяйстве.

Общинная мораль и весь первобытнообщинный способ труда, распределения, ритуалов, празднеств и прочего сопротивлялись веками не только установлению феодальной эксплуатации, но и кристаллизации ячеек мелконатурального производства, их автономии, их центробежным тенденциям, разрушающим архаичную общину. Недаром на протяжении всего периода феодализма сохраняются различные формы общинной организации.

Отметим здесь три ошибки, распространенные в литературе. Во-первых, комбинирование труда рассматривается либо лишь как производительная сила, либо как только производственное отношение; на самом деле оно — и то, и другое. Во-вторых, единственной предпосылкой появления эксплуатации считается рост производительности труда; то есть игнорируется роль типов ячеек производства и комбинирования труда. В-третьих, в качестве ячейки производства называют общину земледельцев, не замечая того, что она сама состоит из производственных ячеек — домохозяйств. Фактически община — это коллектив для натурального воспроизводства.

Феодальные отношения и отношения владения

Возможны два способа принуждения мелкого производителя. Первый — экономический, осуществляемый посредством передачи во владение скота, аренды земли, неэквивалентного обмена, ростовщичества. Второй способ — внеэкономическое принуждение мелконатурального производителя: организованное (преимущественно государственное) и духовное (моральное, религиозное и пр.). Оба они допускают два вида эксплуатации мелкого производителя: временно отрывая его от своей ячейки мелконатурального производства и заставляя работать в ячейке условно-крупного производства (на общественном или помещичьем поле, на строительных и других работах), то есть непосредственно отчуждая прибавочный труд; отчуждением прибавочного продукта, производимого в самой ячейке мелконатурального производства. Первый вид дает отработочную ренту, второй — натуральную. Оба они суть виды феодальной эксплуатации. В обоих случаях отчуждается труд рабочей силы, воспроизведенной и по-прежнему воспроизводящейся в ячейках мелконатурального производства.

В большинстве ранних государств решающее значение имел второй ряд, выражавшийся через поднесение первинки урожая, поставки различных даров для пиров обходившего свои владения полудем правителя, через дань, подати и натуральный налог. Но в ряде случаев, например в Египте эпохи Древнего царства, в храмовых и царских («энсиальных») хозяйствах Древней Месопотамии¹⁰, в городах-государствах майя¹¹, в королевстве Зулу XIX в.¹² и в десятках других случаев первый ряд эксплуатации доминировал. Мелкие производители надолго (в Египте эпохи фараонов — на два месяца ежегодно¹³) отвлекались на общественные работы. Это было возможно при сочетании сравнительно высокой производительности труда с жесткой организацией масс земледельцев (а у зулусов — скотоводов-земледельцев).

Такая производительность труда отчасти зависела от сочетания исключитель-

ного плодородия почв с исключительной урожайностью тех или иных культурных растений (полбы и пшеницы в долине Нила и в Двуречье IV—II тыс. до н. э., риса в речных долинах Китая, Индокитая и на Яве, маиса в стране майя, где, впрочем, почвы никогда не были особенно плодородны). Исключительная урожайность и неприхотливость банана в Буганде (Уганда) и Руанде при малых усилиях для его выращивания в сочетании с обилием хороших пастбищ тоже позволяли их правителям надолго отрывать местных земледельцев от своих хозяйств, используя их главным образом в ополчении. Кроме того, масса общинников, земледельцев и воинов периодически мобилизовывалась на строительство и ремонт дорог, необходимых для быстрого выдвижения к границам ополчений и для курсирования от столицы в провинции и обратно пешком гонцов и наместников¹⁴. Ремонт дорог, периодически разрушаемых тропическими ливнями, и участие в военном ополчении составляли две главные повинности земледельцев в Дагомее XVIII—XIX веков¹⁵.

Экономическое и внеэкономическое принуждение часто сочетались, даже на ранних ступенях развития феодальных отношений. У многих тюркских народов и народов Африки существовал комплекс феодальных отношений по поводу скота, когда представитель одной социальной группы (знатного рода, благородного кочевого племени) передавал лошадей, верблюдов, коров представителю другой группы. Получивший животных и его наследники могли пользоваться продуктами животноводства (молоко, навоз и пр.), есть мясо павших животных, оставлять себе шкуры, рога, часть приплода, но основное стадо считалось принадлежащим тому (наследникам того), кто владел прародителями животных. Скот держали не только ради получаемых от него продуктов, но и ради престижно-ритуальных целей — уплаты выкупа за невесту, устройства погребального пира. Владелец скота становился патроном получателя, а последний — клиентом с обязанностью оказывать первому особые знаки уважения и различные услуги, повиноваться его приказам, платить ему дань продуктами земледелия и скотоводства.

Наукой уже отмечались феодальный характер этих отношений и их развитие по двум линиям: экономической (передача в пользование и владение скотом) и личностной (установление отношений клиентелы)¹⁶. В некоторых ранних государствах Центральной Африки крупный рогатый скот считался принадлежавшим царю. В сегментных княжествах у народов Восточной Африки правили династии «варягов», приглашенных со своим стадом коров, которых хотели иметь местные земледельцы. Так монополия на не очень продуктивный скот, тем более нерабочий скот пахарей, оказалась средством феодализации общества.

Развитие монополии феодального класса на землю подчинялось тому же историческому закону: экономические отношения по поводу земли чаще всего, на том или ином историческом этапе, дополняются отношениями личной зависимости. Последние тем лабильнее, чем свободнее, чем более развита феодальная монополия на землю. Примеры дают разные регионы феодального мира. Когда во второй половине XV — начале XVIII в. Россия присоединила к себе намного более обширные чем ее первоначальная территория земли на востоке и юге, принадлежавшие прежде татарским ханствам, они были сравнительно слабо заселены. Сюда начали переселяться русские крестьяне. Повсюду в России ощущалась нехватка рабочих рук, тем более что действия ряда ее правителей, смуты и иноземные нашествия катастрофически уменьшали население. Тем временем монархия и класс помещиков установили совместную монополию на землю, хотя на деле полного согласия внутри феодального класса достичь не удавалось, так что крестьяне вплоть до конца XVI в. могли выбирать, под власть какого барина вольготнее податься. Главным дефицитом в рамках феодального производства являлась именно рабочая сила — земледелец, которого помещики еще не сумели закабалить, зато государство в XVII—XVIII вв. закрепостило в несколько приемов.

В истории Китая наблюдались сходные явления: переселения крестьян на новые земли севернее р. Хуанхе и южнее р. Янцзы; депопуляция основных провинций, наступавшая периодически в результате внутренних войн и «варварских» нашествий. Вслед за ними делались попытки прикрепить оставшихся крестьян к земле, формально находившейся под жестким контролем государства, а фактически брошенной и выпавшей из сферы производства. Частные землевладельцы в свою очередь закрепляли за собой земли и закабалляли тех, кто их обрабатывал. В сущности то же происходило в Римской империи, где видим последовательно стре-

нительный территориальный рост, сопровождавшийся и «очищением» земли от прежнего населения, и заселением опустевших земель в основном свободными земледельцами, а частично невольниками; установление государственного и помещичьего (в сальтусах и латифундиях) контроля над обрабатываемыми землями; дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве; развитие соответствующего законодательства, закрепощавшего крестьян. Тут свои коррективы в процесс установления личной несвободы крестьян вносила их борьба против феодалов.

Один из наиболее живучих европоцентристских предрассудков XVII в. — представление о поголовном рабстве на Востоке, под которым подразумевалась феодальная Азия. На деле для основных азиатских стран, относительно густо населенных и с относительно высоким уровнем развития феодализма, были достаточно характерны свободная аренда земли и преобладание лично свободного крестьянства над лично зависимым.

Принципиальное различие типов экономики при феодальной и капиталистической формациях требует и более четкого терминологического различия понятий, соответствующих категории «собственность». Последний термин целесообразно сохранить для капитализма, тогда как для феодализма и поздних ступеней первобытнообщинной формации, переходных к феодальной, более подходит термин «экономические отношения владения». (Имеется в виду совокупность социально-экономических отношений феодального общества.) Из этого следует, что отношения землевладения, как и владения теми, кто обрабатывает землю, есть одно из выражений владения производительными силами общества.

Попытаемся представить себе «будущего феодала», который каким-то образом приобрел землю, но без людей, либо пригнал туда невольников, но не имеет земли для их поселения, либо имеет и землю и людей, но не поселяет их семьями на земле и не снабжает орудиями, скотом, семенами и всем необходимым для создания ячеек мелкого производства. Это будет нелепое предположение. Ведь для ячейки мелконатурального производства характерны слитность и самовоспроизводимость заключенных в ней элементов производительных сил, прежде всего рабочей силы, обрабатываемых участков, скота, изделий домашнего ремесла. Поэтому для правового оформления феодальной эксплуатации мелких производителей эксплуататорам достаточно ухватиться лишь за некоторые или даже за один из основных факторов производительных сил — людей, землю, продуктивный скот, оросительные сооружения, но при условии, что обеспечена сохранность и самовоспроизводимость ячеек производства. Право же эксплуататора на землю, воду, скот, рабочую силу и личность труженика, долю произведенного им продукта — это лишь юридическое выражение экономических отношений владения.

Юридические нормы собственности никогда полностью не соответствуют, конечно, своему экономическому содержанию. Поэтому бывает достаточно подвергнуть юридическому оформлению лишь некоторые, узловые моменты производительных сил, чтобы поддержать собственность. Пока в степной зоне Евразии, Аравии и Африке свободной земли было много, феодальные князьки и вожди сами не знали точных границ своих владений, зато хорошо знали общины и отдельных людей, которые от них зависели и которыми они владели. В оазисах Аравии и Сахары, в речных долинах суданского пояса на землю сажали невольников, потомки которых спустя несколько поколений превращались в лично зависимых крестьян. Владение людьми тщательно фиксировалось обычным правом, тогда как права владения землей фактически оставались довольно расплывчатыми. И это — несмотря на знакомство соответствующих обществ с хорошо разработанным мусульманским земельным правом. Там, где выращивались финиковые пальмы (Аравия, Сахара, нильский Судан), в XIX — начале XX в. формальными объектами владения были пальмы, люди, оросительные сооружения, но не земля как таковая.

Главным способом выражения собственности является ее выражение через экономические процессы. Для экономических отношений владения таким способом служат внерыночные или даже вообще внеэкономические отношения распределения, в том числе в государстве, использующем зависимый труд. Их наличие в сфере перераспределения произведенного продукта и услуг, а также в сфере движения условий производства — верный признак феодального способа производства.

Характеристика большой феодальной формации этим не ограничивается.

Важной ее частью является связь ремесленного производства и духовной культуры с кастовой, цеховой либо какой-то другой формой повинностного разделения труда. Как и в традиционном истмате, теория большой феодальной формации утверждает, что основным законом феодального способа производства является закон ренты. Но понятие ренты при этом усложняется: нельзя в принципе отождествлять феодальную ренту с одной лишь земельной, хотя во многих случаях они частично или полностью совпадают. Бесчисленное множество документов разных феодальных обществ древности, средневековья и нового времени и из разных регионов мира исчисляют размеры ренты по количеству и качеству обрабатываемой земли. Но в тех случаях, когда, как в Средней Азии и на Кавказе, подать овцами взималась на перевалах при перегоне скота на бескрайние степные и горные пастбища, владение которыми было спорным, и сами пастбища, и перевалы с трудом могут рассматриваться в качестве земель, с которых взималась феодальная рента. Наиболее грубый способ исчисления последней — подъемный, на семейное (особенно больше-семейное) домохозяйство, дополненный внутриобщинной круговой порукой, — лучше всего отражает сущность феодальной ренты.

Сказанное выше позволяет предложить следующее определение феодального способа производства: он заключается в экономических отношениях владения ячейками мелконатурального производства и системами натурального производства. А эти отношения выражаются в ренте, получаемой благодаря эксплуатации мелких производителей, преимущественно при помощи внеэкономического принуждения, и в господстве вне рыночного перераспределения продуктов труда и условий производства.

Три формы внеэкономического принуждения

Традиционный истмат обычно раскавычивает «внеэкономическое» принуждение (кавычки изначально принадлежат Марксу), так как истматчики часто игнорируют роль этого принуждения в экономике феодального типа. Они нередко склонны сводить внеэкономическое принуждение к государственному. Феодальная государственность зарождается внутри общинных структур в различных формах и соответственно этим структурам («сегментное» княжество, город-государство, военнокочевая орда). Пока государственность развивается как домашнее хозяйство, как двор правителя либо персонал возглавляемого им храмового хозяйства, а также как гипертрофированный аппарат общинного управления, можно говорить о раннем государстве. Развитая феодальная государственность строится как разветвленная бюрократия, разделенная на ведомства.

Личностные (патронажные, родственные, вассальные) связи между представителями феодального государства являются нормой. Они характеризуют это государство как феодальное независимо от того, раннее оно или позднее. Примерами таких раннефеодальных обществ могут служить общества кочевников Азии и Северной Африки, в которых феодальная верхушка и рядовое воинство были связаны между собой родоплеменными узами. Другой ряд примеров дают раннефеодальные общества земледельцев Тропической Африки, некоторых горных районов Азии и в Микронезии¹⁷. Даже в Европе позднего средневековья и начала нового времени родственные узы внутри феодального класса играли важную роль. Герцог Ф. де Ларошфуко, рассказывая о событиях середины XVII в., упоминает, что он встретил противника, находясь во главе войска, ядро которого составляли две тысячи дворян Гиени, которые все были его родственниками¹⁸.

Государство представляло собой тот новый элемент, который четко отличал феодальный общественный строй от дофеодального. И этот элемент был успешно использован как средство внеэкономического принуждения. Но для той же цели могли быть приспособлены и традиционные структуры, соответствующим образом трансформированные. Ведь характерные для первобытнообщинной формации общинные структуры могут наполняться различным социально-экономическим содержанием в зависимости от общества, в котором они существуют. Достаточно напомнить, какое значение имела при феодализме крестьянская община, а в правящем классе — родственные связи. Это вновь свидетельствует о том, что феодальная формация есть законная наследница первобытнообщинной. В сложных обще-

ствах, которые можно условно назвать послепервобытными, развились особые виды общинного типа, общинно-кастовые (общинно-кастово-племенные). В них наблюдается переплетение родовых, родовых смешанных и соседских общин с кастовыми, сервильными и другими.

В основе общинно-кастовых видов лежат две или три главные единицы, сочетающиеся сложным образом: община, каста и как третий член либо племя (у более примитивных) либо сословие (у более развитых). На ранних ступенях феодализма продолжают развиваться такие организации общинного типа, как побратимство, тайные общества, жреческие коллегии, общины-полисы, военно-кочевые орды; на более высоких — феодальные кланы, ремесленные цехи, религиозные ордена, братства и другие корпорации феодальной эпохи¹⁹. В общинных организациях феодальной формации мы находим сочетание первобытной социальности (братство, взаимопомощь) с феодальной.

Отдельные организации общинного типа включаются в политическую структуру как ее органы. Таковы тайные общества в странах Тропической Африки²⁰; группы побратимов-сверстников в ранних государствах различных регионов, где они образовали княжеские дружины, организации для облавных охот у монгольских, тюркских и других народов, ставшие зародышевой формой военно-государственной структуры²¹.

Но в других случаях развитие общин шло по линии формирования общинно-кастовых (общинно-кастово-племенных) систем. Такие системы существовали еще у древнейших индоевропейцев, в ранних государствах Аравии, Туркмении, Древней Индии, Индокитая, в предгосударственных обществах Индонезии, Океании, Восточной и Северо-Восточной Африки и Сахары. Эта зависимость оформлялась через иерархию племен, общин и каст и систему религиозных представлений, табу и ритуалов, принимавшую характер духовного принуждения. При этом феодальная эксплуатация обеспечивалась даже при отсутствии государства. Характерные примеры находим в Африке: в конфедерации племен у туарегов²² и сомали²³; у «и» (носу) Южного Китая²⁴. С расселением племен на периферию ойкумены — в Среднюю и Северную Европу, Сибирь, Южную Африку — общинно-кастовые системы часто дезинтегрировались, узы зависимости одних общинных групп от других ослабевали или вообще исчезали. Но в других условиях эти системы и узы разрастались, ветвились, внутренне усложнялись и ужесточались. Наконец, две или несколько общинно-кастовых систем соединялись в одну (яркий, хотя и крайний пример — Индия).

Что касается духовного принуждения, то оно играло роль, сопоставимую с ролью государственного и общинно-кастового принуждения. В той сфере, которую составляли духовные основы древних и средневековых цивилизаций, религиозное, правовое и моральное принуждение трудящихся повиноваться власти имущим занимает не очень большое место. Но вообще игнорировать духовное принуждение неправомерно. Как правило, в феодальных обществах действовали все три вида внеэкономического принуждения, причем слабость или неразвитость одного из них дополнялась компенсационным развитием других. Индия XIV—XIX вв. дала пример чрезвычайно высокого уровня развития всех трех видов внеэкономического принуждения. Таких различных примеров для позднефеодальной стадии — десятки.

Но в раннефеодальных обществах все три вида внеэкономического принуждения были слабо развиты: не имелось ни разветвленной бюрократии, ни сложной сословно-кастовой иерархии, ни церкви. В таком случае особое значение приобретала личная зависимость мелкого производителя от того, кто над ним господствовал. При обилии незанятых, естественно орошаемых земель и скота дефицитной была рабочая сила. Поэтому овладеть ячейками производства было удобнее через производителей, лишив их личной свободы. Путей к несвободе существовало несколько: закабаление, самокоммандация слабого, пленение, завоевание.

Тенденция к монополизации рабочей силы находила свое выражение и в привилегии той или иной общинно-кастовой группы (аристократия, княжеский род) на многоженство (особенно в обществах, где женский труд играл ведущую роль в земледелии), в праве князьков брать в сожительницы нарушительниц сексуальных табу, дочерей преступников и любых простолюдинок, в резком увеличении выкупа за жену, внесение которого больше одного-двух раз в жизни становится под силу лишь богатым и аристократам (для которых размер выкупа был, между прочим,

снижен), в развитии гипертрофированных патриархальных большесемейных общин и патриархального рабства, в привлечении в домохозяйства у знати всякого рода изгоев, бездомных, бедняков, кабальных должников, как это прослеживается в «Русской Правде».

Рабовладение

Историки нередко переводят разноязыкие термины источников, характеризующие принудительно трудящегося человека, словом «рабы», а дальше включают аппарат статистики. Добрую треть века я протестую против такой операции, на которой строилась система доказательств «рабовладельческого» характера древних обществ. Но сегодня уже ни один серьезный ученый не утверждает, что хотя бы в одном из этих обществ преобладали среди трудящихся рабы²⁵. Сравнительно недавно это признал публично даже такой последовательный сторонник теории рабовладельческой формации в древнем мире, как В. Н. Никифоров.

Класс рабов — это экономический класс непосредственных производителей, полностью лишенных средств производства, рабочая сила которых (равно как производимый ею необходимый и прибавочный труд) отчуждаются в процессе производства нетоварным путем. Этим рабы отличаются от мелконатуральных производителей, которые не отделены от средств производства, хотя их труд тоже отчуждается нетоварным путем — через внеэкономическое принуждение, и от наемных рабочих, лишенных средств производства, но продающих свою рабочую силу для ее воспроизводства, то есть через экономическое принуждение. Отсюда видно, что одни черты экономического положения раба роднят его с мелконатуральным производителем, другие — с наемным рабочим.

Неудивительно, что в истории существовали смешанные, переходные и промежуточные формы между этими тремя типами. Вот несколько таких форм: рабы-пастухи в сальтусах римской Италии, Африки и дунайских провинций; наймит, запродавшийся во временное подчинение богачу; батрак с приусадебным участком и небольшим собственным стадом, которое он бесплатно пасет на земле хозяина. Но ни эллинистического земледельца, ни римского колона нельзя считать представителями одной из переходных форм: это были просто феодально-зависимые крестьяне; классический колонат — одна из разновидностей феодальной зависимости.

Для раннефеодальных государств было характерно положение, когда в одном обществе рабы и мелконатуральные производители, а также переходные между ними группы в одинаковой форме лично зависимы в правовом отношении. Таковы, допустим, сервы в странах Западной Европы VI—IX веков. Однако с точки зрения политической экономии важны не особенности правового статуса, а то, является ли раб непосредственным производителем (земледельцем, пастухом, ремесленником) или же он есть непродуцирующий элемент (слуга, стражник, актер). Таков основной критерий, пользуясь которым можно установить относительное значение рабовладельческого уклада в производственном базисе данного общества.

Экономический базис античного, как и средневекового, мира был многоукладным при ведущей роли феодального способа производства. Вот Римская империя периода расцвета, считаемая классическим примером рабовладельческого общества: рабы составляли там меньшинство работников в сельском хозяйстве, ремесле и на крупных строительных работах. Значительная часть рабов являлась оброчной. Большинство же трудящихся принадлежало к мелким производителям. Так было, впрочем, во все периоды римской истории. Поэтому и царский Рим, и республику, и империю нельзя считать рабовладельческими в чистом виде. Экономическую основу римского общества составляла эксплуатация мелких производителей, но главным образом путем внеэкономического принуждения. Следовательно, это общество было по сути феодальным. Оно, как и древнегреческое, проделало сложный путь от раннефеодального царского (у греков — микенского, затем архаического времени и феодально-общинных образований Спарты, Фессалии, Крита) через ослабление феодальной эксплуатации (у греков — при демократии), затем через паразитизм привилегированных общин-городов — к новой, полной феодализации (при тиранах, эллинистических царях и в поздней Римской империи), когда

основная масса мелких производителей была спрессована в класс феодально-эксплуатируемых крестьян.

Феодальный уклад был там ведущим, рабовладельческий — дополнительным, хотя и не единственным. В передовых центрах феодальной формации (Вавилон, Афины середины I тыс. до н. э., Александрия, Антиохия, Пергам, Родос, Рим конца античности, Константинополь, Багдад, Фустат-Каир IX—XIII вв.) зарождается и развивается протокапиталистический уклад в виде наемного труда, товарного пригородного земледелия, торгового скотоводства, городского предпринимательства, работающих на рынок крупных мастерских, торгового капитала, прибылей, банков. Так было в Нововавилонском царстве VI в. до н. э. Там развивалось товарное производство чеснока, овощей и фруктов на междурядьях в рощах финиковых пальм, что напоминает Ирак, Египет и Судан нового и новейшего времени. В Вавилоне существовали крупные банкиры, векселя, развитые финансы, подорванные в конце VI в. до н. э. инфляцией²⁶.

Римская империя знала и пригородное товарное земледелие, и банковское дело, и компании судовладельцев, и страхование торговых судов, и образование ранних форм капитала в городской недвижимости, особенно в виде доходных домов, и спекуляцию недвижимостью, и финансовый крах в результате торговли с Востоком, размеры которой были сопоставимы с той, которую вела с ним Европа XIX века. Эллинистическая Малая Азия знала забастовки рабочих, Рим конца республики — компании судовладельцев, спекуляцию городскими многоэтажными домами, прибыль на квартплате. Однако даже в Древней Греции, эллинистическом мире, Карфагене и Риме исторически ведущим был не рабовладельческий и не протокапиталистический, а феодальный уклад, основанный на законах феодального способа производства. По отношению к феодальному укладу рабовладельческий и протокапиталистический занимают в феодальном обществе периферийное положение.

Но при известных условиях исторически второстепенные уклады могут, активно воздействуя, получить гипертрофированное развитие за счет исторически ведущего уклада. Обычно этот процесс начинался нашествиями периферийных народов на центры цивилизаций (дорическое нашествие на микенскую Грецию, разгром Ассирийской державы при участии скифов и мидян, нашествие кельтов и экспансия италийских, главным образом оскско-умбрийских, племен на города этрусков и греков в Италии, македонское завоевание Малой Азии, Месопотамии и Египта, Великое переселение народов в Европе на первом рубеже средневековья). Это ослабляло феодальную систему.

Общины и племена, подвластные ослабевшим или разгромленным царствам, освобождались от их власти (Эллада, Италия второй половины I тыс. до н. э.). Затем на развалинах феодальной системы пышным, хотя и эфемерным цветом расцветали рабовладение, наемный труд, товарно-денежные отношения, совершались технические и технологические открытия, зарождались ранние виды капитала (торгового, банковского, городской недвижимости). Так было в Вавилоне времени Нововавилонского царства, в Александрии, в городах Малой Азии и Месопотамии эпохи эллинизма, в Римской республике, где на сравнительно короткий исторический период получили гипертрофированное развитие рабовладельческий и протокапиталистический уклады, а многочисленные члены привилегированной общины — граждане — освободились от эксплуатации. Но с течением времени феодализм восстановил и упрочил свои позиции. Кроме того, нельзя отрывать привилегированные общины (Вавилон эпохи Нового царства, Александрию империи Лагидов, Афины периода архэ, Рим и даже города Италии времен республики и ранней империи) от крестьянской ближней периферии, за счет которой они жили.

Этими основными идеями не ограничивается теория большой феодальной формации. Конкретные региональные разработки, посвященные Европе II тыс. до н. э. — I тыс. н. э., Африке того же и более позднего времени, Океании и другим регионам мира, а также отдельным странам, позволяют выявить различные закономерности развития, уточнить его глобальный характер, по-новому ставить проблему исторического прогресса.

Примечания

1. Африканская деревня вчера и сегодня. М. 1987, с. 53—60.
2. Африка: культурное наследие и современность. М. 1985, с. 73 сл.
3. Там же, с. 75—76.
4. Африка: возникновение отсталости и пути развития. М. 1974, с. 129—132.
5. КОБИЩАНОВ Ю. М. Крестьянство и протокрестьянство в Африке. — Народы Азии и Африки, 1982, № 1.
4. КРЫЛОВ В. В. Особенности развития производительных сил и воспроизводственного процесса в развивающихся странах. — Экономика развивающихся стран: теория и методы исследования. М. 1979.
7. Африка: возникновение отсталости и пути развития, с. 32—38.
8. Там же, с. 110—120; КОБИЩАНОВ Ю. М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М. 1982, с. 65—106.
9. Африка: возникновение отсталости, с. 132—172; КОБИЩАНОВ Ю. М. Мелконатуральное производство, с. 121—144.
10. ТЮМЕНЕВ А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.-Л. 1956.
11. ГУЛЯЕВ В. И. Города-государства майя. М. 1979.
12. БРАЙАНТ А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М. 1953.
13. СТУЧЕВСКИЙ И. А. Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М. 1962.
14. КОТТАСК С. Р. Ecological Variables in the Origin and Evolution of African State: the Buganda Example. — Comparative Studies in Society and History, Cambridge, 1972, vol. 14, № 3; MAQUET J.-J. The Promise of Inequality in Ruanda. Lnd. 1961.
15. HERSKOVITS M. J. Dahomey: an Ancient West African Kingdom. Vol. 1—2. N. Y. 1938.
16. MAQUET J.-J. Une hypothèse pour études des féodalités africaines. Dacar. 1961.
17. Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М. 1977.
18. ЛАРОШФУКО Ф. де. Мемуары, максимы. Л. 1971.
19. Община в Африке: проблемы типологии. М. 1978, с. 133 сл.
20. Религии в XX веке. Традиционные и синкретические религии Африки. М. 1986, с. 143—158.
21. КЛЕМЕНЦ Д. А., ХАНГАЛОВ М. А. Общественные охоты у северных бурят. В кн.: Материалы по этнографии России. Т. I. СПб. 1910.
22. LNOTE H. Les Touaregs du Hoggar. P. 1984.
23. LEWIS I. M. Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Sano. Lnd. 1955.
24. ИТС Р. Ф., ЯКОВЛЕВ А. Г. К вопросу о социально-экономическом строе линьшаньской группы народности «и». В кн.: Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л. 1967.
25. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М. 1966, с. 45.
26. БЕЛЯВСКИЙ В. А. Землевладение дома Эгиби. В кн.: Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л. 1968, вып. 5; е г о ж е. Потомки Эа-илута-бани. — Вестник древней истории, 1968, № 1; е г о ж е. Шаттинну, сын Балатсу, потомок Бэл-яу. В кн.: Страны Ближнего и Среднего Востока (история, экономика). М. 1969; е г о ж е. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М. 1971.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Алексей Михайлович

Ю. А. Сорокин

Не зря многие исследователи рассматривают XVII век как подготовительный период к кардинальному перелому российской истории, совершившемся при Петре I («допетровский период»¹). По словам С. Ф. Платонова, явись в середине XVII в. «такой культурный вождь, каким был Петр Великий, — культурный перелом мог бы обозначиться раньше. Но такого вождя не явилось. Напротив, во главе встал любопытный и приятный, но более благородный, чем практически полезный правитель. Иначе не можем определить знаменитого царя Алексея Михайловича»². Сравнивая личные качества Алексея Михайловича и Петра, самые разные исследователи отмечали незаурядные черты характера первого; некоторые (В. О. Ключевский и С. М. Соловьев, например) рассматривали Алексея Михайловича как наиболее выдающегося и привлекательного по своим личным качествам представителя древней Руси³, признавая одновременно, что столь недюжинная натура мало проявила себя в государственной деятельности. А. Е. Пресняков видел в нем представителя «тех поколений «переходного времени», которые плывут по течению... мимо наиболее острых проблем переживаемого исторического момента»⁴. Н. И. Костомаров, вообще уничижительно оценивая его правление, возлагал на правительство и лично на царя ответственность как за внутренние потрясения, так и за неудачи во внешней политике⁵.

Советская историография, накопившая колоссальное количество публикаций о личности Петра, фактически обошла вниманием личность Алексея Михайловича, не дав ни одной специальной работы, повторяя уже сложившиеся оценки, в лучшем случае критикуя излишнюю идеализацию второго Романова.

От его эпохи осталось мало мемуаров, причем все они были (за исключением труда Г. К. Котошихина) написаны иностранцами, передавшими лишь общее впечатление от русского царя⁶. К счастью, сам Алексей Михайлович с охотой брался за перо, составляя обширные письма и послания, собственноручно правил текст деловых бумаг и делал приписки личного характера; он начинал писать записки о польской войне, составил уложения сокольничьего пути (своеобразное руководство по соколиной охоте); пробовал даже сочинять стихи. До нас дошло в основном то, что написано им в молодые годы⁷. Платонов отметил, что писал Алексей Михайлович очень легко, почти всегда без обычной в те поры риторики, откровенно.

Он был третьим ребенком от брака царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой; всего же у него было семь сестер и двое братьев — Иван

Сорокин Юрий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Омского университета.

и Василий, но мальчики рано умерли. Единственного наследника, надежду отца и деда, трепетно любила вся родня.

В литературе называются разные даты его рождения — 9, 12 и 17 марта, но согласно дворцовой записи царевич родился 10 марта 1629 г., в 8 час. вечера. 11 марта его дед, патриарх Филарет, отслужил благодарственный молебен. Новорожденный получил драгоценные подарки: одни только Строгановы поднесли четыре полупудовых серебряных кубка, 160 соболей, атлас, бархат и проч. По традиции царских детей оберегали от посторонних глаз. Даже ближайшие родственники, прежде чем посетить ребенка в женском тереме, должны были помолиться и сходить в баню. Когда ребенку исполнился год, он получил свои первые игрушки: серебряные свайки, потешные топоры, живых птичек, позднее — «немецкие печатные листы» (книжки с картинками). Пяти лет от роду Алексей получил детские латы, точно воспроизводящие настоящие, работы немецкого мастера П. Шолта, и игрушечного коня, тоже немецкой работы, с седлом, чепраком и уздечкой.

В женском тереме царевич жил пять лет, после чего его перевели в «чулан» — особое помещение в хоромы Михаила Федоровича. Вместо «мамок» к Алексею приставили двух «дядек» — Б. И. Морозова и В. И. Стрешнева; допустили и сверстников: его окружало до 20 молодых стольников. Настоящими друзьями царевича стали Р. М. Стрешнев, А. И. Матюшкин (родственники Алексея по матери), В. Я. Голохвостов, а также братья Плещеевы. Привязанность и дружбу к ним Алексей Михайлович пронес через всю жизнь⁸.

С января 1634 г. началось учение. Дьяк В. Прокофьев обучал царевича чтению по букварю и в дальнейшем руководил его чтением. За три года прошли Часослов, Псалтырь, Апостольские деяния. Чтение сопровождалось беседами, разъяснениями Прокофьева. Подьячий Г. Львов учил царевича письму, а также богослужебному пению. Алексею дарили книги: из 13 наличных книг девять были богословские, одна назидательная и три светские (Грамматика, Лексикон, Космография).

Духовное образование наследника было глубоким, сочеталось с традиционным представлением о царском сане, бремени власти и проч. Я. Рейтенфельс подчеркивал: «Это в высшей степени простое и приуроченное к жизни воспитание, западая в благородную душу и гибкий ум, доводит до столь же высокой степени доблести, как изучение всех философских систем»⁹. К десяти годам царевич до мельчайших подробностей изучил чин богослужения и пел с дьячком на клиросе по крючковым нотам стихиры и каноны. Раньше этим дело и заканчивалось, но, по мнению Ключевского, Алексей воспитывался в такое время, когда уже существовала смутная потребность ступить дальше, в таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, которой боязливо чурался благочестивый русский грамотей прежних веков¹⁰. Мы не знаем, однако, учили ли Алексея новым наукам.

Лишь когда царевичу пошел шестой год, его представили челяди, и только в 1637 г. он стал жить отдельно от Михаила Федоровича в трехэтажных палатах, специально для него построенных, так называемом Теремном дворце. Наконец, 1 сентября 1642 г., на 14-м году жизни, царевича впервые показали народу. С этих пор он сопровождал отца при торжественных выходах.

11 июля 1645 г. в день своих именин Михаил Федорович почувствовал себя дурно, а уже 13 июля, в третьем часу ночи три удара колокола возвестили о кончине царя. Царица Евдокия ненадолго пережила мужа. Юный Алексей, оставшись 18 августа круглым сиротой, должен был принять царский венец, а вместе с ним бремя власти. Скорбеть об умершем полагалось 40 дней; Алексей Михайлович объявил о своем трауре в течение года. За это отступление от православного, освященного годами уклада царевича осуждали. Коронация состоялась, однако, спустя 40 дней, 28 сентября. Котошихин приводит неясное свидетельство, что юный царь взошел на трон не только по праву престолонаследования, но и в силу всенародного избрания: «А мало времени миновавшие патриарх и митрополиты и архиепископы и епископы и архимандриты и игумены и все духовные чины соборовали и бояре и окольные и думные люди и дворяне и дети боярские и гости и торговые и всяких чинов люди и чернь после смерти прежнего царя на царство избрали сына его и вчинили коронование в соборной большой первой церкви»¹¹.

Первые три года юный царь почти не показывался народу, давая аудиенции лишь иностранным послам. Из старой боярской аристократии при нем находились лишь два старика, Морозов и Трубецкой, да еще молодой Салтыков. Борису Ивановичу Морозову, оказавшему огромное влияние на царя, и его вотчинам посвящено литературы едва ли не больше, чем самому Алексею. Отношение к нему колеблется от односторонне отрицательного (Карамзин) до апологетически-восторженного (А. Зернин). В противоречивой фигуре Морозова соединялись образование, знакомство с западной культурой (Соловьев пишет о заметном влиянии на Морозова известного предпринимателя — обрусевшего голландца А. Виниуса), но и другие качества. С. Коллинс свидетельствует: «Древнее дворянство с завистью смотрело на высокий сан Бориса, который ежедневно унижал его, давая ход своим клеветам»¹². «Клика» Морозова, да и он сам, не блистали, однако, ни государственными дарованиями, ни бескорыстием, следуя тому, что сам Алексей Михайлович впоследствии называл «злоситренным московским обычаем» (волокита, неправедный суд, вымогательство, произвол). Сам царь был привязан к Морозову, во время Соляного бунта спас его от смерти и не оставлял своими милостями.

Близок был к молодому царю и его родственник Никита Иванович Романов. Этот, по оценке Оллария, весельчак и поклонник немецкой музыки «не только любит очень иностранцев, особенно немцев, но и чувствует большую склонность к их костюмам»¹³.

Совершеннолетним тогда считался лишь женатый человек. Царь выбирал невесту публично, всенародно, не обращая внимания на родовитость. Доверенные люди по всей стране отбирали девиц, а уж затем их показывали царю. Правительство и ближние бояре весьма озабочены были этой проблемой. Царский тесть —

крупная фигура в дворцовой иерархии. Морозов не мог допустить появления при дворе нового человека. Из привезенных в Москву 200 девиц царю представили только шестерых. Он выбрал дочь касимовского помещика Евфимию Всеволожскую. Молва обвиняла Морозова, что по его наущению ближние бояре так крепко затянули ей волосы под венцом, что она в присутствии царя упала в обморок. В результате ее обвинили в порче, в падучей, и царь жениться не решился. Морозов сам подыскал ему невесту. Выбор пал на дочь бедного дворянина И. Д. Милославского, который служил у посольского дьяка и, как свидетельствует Коллинс, «подносил вино иностранцам из здешних англичан, а дочь его ходила по грибы и продавала их на рынке»¹⁴. В Успенском соборе Алексей Михайлович увидел сестер Милославских, влюбился в красавицу Марию и вскоре женился на ней. Свадьба была спешной и не очень пышной. Интрига завершилась через десять дней, когда посаженный отец, вдовец Морозов (ему было тогда за 50), женился на сестре царицы.

Милославские, по словам Преснякова, «занимали видное придворное положение, ведали приказами, сидели на воеводствах, поддерживали и выводили в люди родственников, свойственников и приятелей, но не дали ни одного даровитого и полезного деятеля. Их имя неизменно связывалось с самыми острыми жалобами на приказные хищения и вымогательства»¹⁵. Единственным достоинством царского тестя была редкая память: он помнил, скажем, имена всех должностных лиц 80-тысячного войска. Между тем царь был счастлив в браке. Он любил жену, у них было 13 детей (из них пятеро сыновей), много внимания и времени уделял своему семейству.

По традиции, всяких чинов люди били челом царю о разных обидах и не порядках и просили утвердить законное и безволокитное вершение всех дел. И правительство Алексея Михайловича приступило к реформам. Прежде всего, дворянские челобитные содержали просьбу собирать платежи и повинности не по земельно, а по наличному количеству крестьян в поместьях и вотчинах, что избавляло дворянина от платы за пустые участки и увеличивало обложение крупных земельных владений. В 1646—1648 гг. проводилась подворная опись крестьян и бобылей: имелось в виду, что, как гласил царский указ, «по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет». Соборное уложение 1649 г. закрепило такой порядок.

Правительство надеялось также увеличить доходы казны, перенеся центр тяжести с прямых налогов на косвенные. В результате подскочила цена на соль. Молва обвинила во всем Морозова, а также людей, близко стоявших к нему: Л. С. Плещеева, судью Земского приказа; окольничьего П. Т. Траханиотова, начальника Пушкарского приказа; Н. И. Чистого, думного дьяка, начальника Новгородской четверти. 25 мая 1648 г., когда государь возвращался с молебна, его окружила толпа, требовавшая отставки Плещеева. Царь обещал, но придворные попытались разогнать толпу нагайками. Вспыхнул бунт; Плещеев, Траханиотов и Чистый погибли. Царь, однако, в этой сложной ситуации не потерял голову и принял действенные меры, отнюдь не карательные: стрельцов угощали вином и медом, царский тестя позвал к себе обедать москвичей, выбрав из каждой сотни, и поил их несколько дней. По Москве прошел крестный ход. Наконец, сам царь вышел к народу. Содержание его речи передал Олеарий.

Государь сожалел о бесчинствах Плещеева и Траханиотова, сделанных его именем; на их место обещал определить людей честных и приятных народу, которые будут чинить расправу без посулов и всем одинаково, за чем царь будет строго смотреть. «Что же касается личности Б. И. Морозова, которого он также обещал им выдать, то он не желает его вовсе обелять, но, тем не менее, не может счесть его виновным во всем решительно. Он желал бы верить, что народ, у которого он еще ничего особенного не просил, исполнит эту первую его просьбу и простит Морозову на этот раз его проступки; сам он готов быть свидетелем, что Морозов отныне выкажет им только верность, любовь и все доброе. Если же народу угодно, чтоб он не занимал более должности государственного советника, то он сложит ее с него, лишь бы ему не пришлось выдавать головой того, кто, как второй отец, его воспитывал и возрастил. Он не мог бы перенести этого... Слезы, во свидетельство сильной любви к Морозову, показались в его глазах»¹⁶.

Морозов находился в это время в Кирилло-Белозерском монастыре. В августе

царь послал туда грамоту: поскольку будет ярмарка и возможно волнение народа, боярину лучше на время тайно уехать, а затем вернуться. Рукой царя на грамоте приписано: «Да отнюдь бы никто не ведал, коли и выедет куда, а если сведают и я сведаю и вам быть казненными, а если убережете его, так как и мне добра ему делаете, и я вас пожалую так, что от начала света такой милости не видали»¹⁷. Позднее Морозов переехал в свою тверскую деревню, затем даже вернулся в Москву, но не занимал более официальных должностей, оставаясь, впрочем, одним из самых близких государю людей.

Знакомство с реальным состоянием управления дало Алексею Михайловичу значительный опыт. По мнению Платонова, драматические события 1648 г. в Москве подействовали на царя: он приобрел собственный взгляд на вещи. Такое же, если не большее, влияние на него оказало путешествие в Литву и Ливонию в 1654—1655 гг., когда началась война с Польшей за Украину. Алексей Михайлович уверен был в справедливости и необходимости этой войны для России, воодушевлялся правотой своего дела: появлялась возможность «Малую Россию, православных христиан, под единого словесных овец пастыря Христа бога нашего державу принять». Государь побывал в Смоленске и Вильне, чуть ли не на его глазах произошла катастрофа под Ригой¹⁸. Он не вмешивался в руководство военными действиями, видя смысл своей деятельности в моральном воздействии на ход событий.

23 апреля 1654 г. он обратился с наказом к князю А. Н. Трубецкому, поставленному во главе московской рати: «Князь Алексей Никитич с товарищи! Заповедую вам: заповеди божии соблюдайте и дела наши с радостию исправляйте: творите суд вправду, будьте милостивы, странноприимцы, больных питатели, но всем любовны, примирительны, а врагов божиих и наших не щадите, да не будут их ради правые опорочены; передаю вам эти списки ваших полчан: храните их, как зеницу ока, любите и берегите по их отечеству, а к солдатам, стрельцам и прочему мелкому чину будьте милостивы к добрым, а злых не щадите; клеветников и спорщиков не допускайте до себя, особенно же пребывайте в совете и любви и упование держите несомненное. Если же презрите заповеди божии и преслушаетесь нашего слова, людей божиих, преданных вам, презрите, то я перед богом не буду виноват, вы дадите ответ на страшном суде»¹⁹.

В этом наказе отразился некий нравственный идеал: даже отступнику царь грозит не своим судом, но божьим. В заметках царя о польской войне самая примечательная черта — забота о ратниках. Он понимает, что вовсе без жертв обойтись нельзя, но предлагает воеводам вести дело с наименьшими потерями и готов простить многое, но не лишние жертвы. Матюшкину он писал: «Людей наших всяких чинов 51 человек убит, да ранено 35 человек; и то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали, а сами плачут, что так грех учинился... Радуйся, что люди целы»²⁰. Нужен был особый склад души — радоваться бегству своих воинов, тем спасшихся. Когда иностранный офицер на русской службе предложил ввести смертную казнь за бегство с поля боя, царь с негодованием отказался от такого шага на том основании, что Бог не всем даровал одинаковую храбрость и карать за это было бы жестоко.

В завоеванных городах Алексей Михайлович не спешил установить свой суд, уважая местные традиции, и в частности удовлетворил челобитную жителей Могилева, желавших жить по магдебургскому праву, носить прежнюю одежду, не ходить на войну и проч. Во второй раз он приехал в Смоленск, чтобы прекратить мародерство и погромы.

Религиозное чувство — реальный двигатель многих поступков царя. Знаток церковной литературы, Алексей Михайлович проявлял интерес к византийской обрядности; он даже просил патриарха антиохийского Макария молиться, чтоб ему «уразуметь эллинский язык». В вере он был искренен и тверд. Он обо всем судил с точки зрения христианской морали, главное для него было — не погубить свою душу. Не случайно самый суровый упрек, который он адресует в письмах своему корреспонденту, провинившемуся перед ним, — невозможность спасения души. Бог для Алексея Михайловича — высший судья, перед которым равны и царь и подданные. «На оном веке рассудит нас бог с тобою, а опричь того мне нечем от тебя оборониться», — писал самодержец казначею Саввина монастыря Никите, уличенному в пьянстве.

Алексей Михайлович не чужд был увлечения внешней, обрядовой стороной

православия, при этом в церкви, бывало, распоряжался, наводя порядок, хотя, казалось бы, должен был лишь внимать службе. В монастыре Саввы Сторожевского на заутрене в присутствии царя и патриарха антиохийского Макария, когда чтец начал чтение из жития святых возгласом: «Благослови, отче», царь вскочил с кресла и закричал: «Что ты говоришь, мужик, сукин сын: благослови отче? Тут патриарх; говори: благослови, владыко!» Во время службы царь учил монахов читать, петь; если они ошибались, с бранью поправлял их, вел себя уставщиком и церковным старостой, то есть был в храме, как дома²¹.

Придворный врач Коллинс свидетельствует, что царь всегда, когда здоров, бывал на богослужениях в церкви, а когда болен, служба совершалась в его покоях. В пост он посещал всенощную, стоял пять или шесть часов кряду. В Великий и Успенский посты, сообщает Котошихин, царю подают лишь капусту, грузди, рыжики и ягодные блюда без масла и ест он по вторникам, четвергам и субботам эту пищу один раз в день, а пьет квас или полпиво, а в понедельник, среду и пятницу не ест и не пьет вообще ничего, исключая лишь дни именин царицы, царевичей, царевен и своих. Тем же кормят бояр и послов. Часто Алексей Михайлович вставал среди ночи и молился до утра. При дворе жили странники, юродивые и богомольцы. Среди них выделялись «верховые старцы», чьи рассказы царь любил слушать. Юродивого Василия Босого он называл своим братом.

При склонности к постничеству и аскетизму, Алексей Михайлович совершенно лишен был религиозной экзальтации и в отличие от многих русских людей не был суеверен. В письме к Никону о смерти патриарха Иосифа (Статейный список) царь описал случай, происшедший с ним, когда он пришел поклониться покойному в церковь: «И мне прииде помышление такое от врага (дьявола. — Ю. С.): побегу де ты вон, тотчас же тебя, вскоча, удавит! И я, перекрестясь, да взял за руку его, света, и стал целовать, а в уме держу то слово: от земли создан и в землю идет — чего бояться? Тем себя и оживил, что за руку его с молитвой взял»²². Признавая целесообразность реформ патриарха Никона, царь противился ее крайностям. Преследование старообрядцев происходило по требованию и с санкции восточных патриархов, ссылавшихся на византийскую традицию и требовавших, чтобы раскол был уничтожен «крепкой десницею царской».

Все церковное управление на Руси в XVII в. находилось, как известно, под бдительным и действенным контролем государства. Царь утверждал патриарха, епархиальных архиереев, назначал бояр, дворецких и дьяков, ведавших церковным хозяйством. Никон, с точки зрения Н. Ф. Каптерева, добивался освобождения церкви от светской власти, независимости патриарха в церковных делах и права на духовный контроль за светской властью. Алексей Михайлович, видимо, признавал за патриархом право увещевать царя²³. Косвенно это подтверждается переносом в Успенский собор с Соловков мощей митрополита Филиппа, дерзавшего обличать Ивана Грозного и задушенного Малютой Скуратовым. Светская власть как бы приносила при этом покаяние в содеянном. Но претензию Никона «сделаться московским папою» Алексей Михайлович отвергал, он хотел быть царем «по примеру древних благочестивых греческих царей», то есть исходил из примата светской власти. Он не боролся при этом против Никона лично. Послания царя Никону, лишенному церковным собором 1666/1667 г. сана и находившемуся в ссылке, полны заботы, расспросов о здоровье; царь посылал бывшему «собинному» другу подарки и проч.

Обратной стороной религиозности царя было его христианское смирение, но смирение паче гордости. В письме Никону он писал: «Мы, по милости Божией и по вашему святительскому благословиению, истинным царем христианским нарекаемся, а по своим злым мерзким делам не достойны и во псы, не только в цари»²⁴. «Мне, грешному, здешняя (земная. — Ю. С.) честь, аки прах», — говорится в другом его письме.

Религиозному чувству царя в отличие от многих его современников не претила европейская культура. Алексей Михайлович был уверен, что не грешил, не изменял православию, когда вводил при дворе новшества, приятные и полезные. Кремлевский дворец украшается мебелью и обоями в польском вкусе. Из-за границы привозили даже газеты. Дети царя учились латыни и польскому языку. Царица Мария Ильинична выезжала с мужем на охоту. Боярин Б. М. Хитрово подарил царю полукарету, а А. С. Матвеев — уже настоящую «черную немецкую на дуге,

стекла хрустальные, а верх раскрывается надвое». В 1674 г. в Преображенском состоялся спектакль по пьесе Симеона Полоцкого «Действие как Олоферну царю царица голову отсекла», на котором присутствовал Алексей Михайлович с женой и детьми. Иждивением Матвеева возникла даже балетная труппа из 26 человек. Во дворце появились зеркала и картины. Нередко они передавали «сцены из жизни»: неправедный судья, принимающий чашу и мошну с серебром, а снизу ад с чертями и надпись: «Горе судьям неправедным»²⁵. Западное влияние при Алексее Михайловиче испытала и церковь: в храмах появились органы и даже скульптурные изображения святых²⁶.

Правда, царь вводил изменения в свой быт лишь с согласия духовника. М. Д. Хмыров подметил, что, вводя новшества в свою повседневную жизнь, Алексей Михайлович подчеркнуто придерживался традиций и старины, когда речь шла об отправлении публичных или официальных церемоний²⁷. Барон Майерберг описал торжественный прием у государя, при котором (знак особой милости) послам разрешалось поцеловать у царя руку: «Пока мы подходили, он перенес свой скипетр из правой в левую руку и протянул нам для целованья. Князь Черкасский поддерживал ее своею, а царский тесть Илья все так и сторожил и кивал нам, чтоб кто-нибудь из нас не дотронулся до нее своими нечистыми руками»; после этого царь вымыл руки в серебряном рукомойнике, шокировав этим послов²⁸. Но дело в том, что люди иной веры считались в России «погаными», и после соприкосновения с ними царь обязан был мыть руки.

В конце правления Алексея Михайловича отмечены и гонения на европейские обычаи. Царь велел вынести из главной церкви Кремля дорогие, прекрасной работы органы и удалить вообще всякую музыку из храмов; запретил курить табак. В 1675 г. князь Кольцов-Масальский постриг волосы короче, чем это обычно делалось, за что разжалован из стряпчих в жильцы. Предписывалось под страхом опалы и записи в нижние чины, чтоб никто «иноземных, немецких и иных извычаев не принимал, волос у себя на голове не постригал, тако ж и платьев и шапок с иноземных образцов не носил и людям своим потому ж носить не велел»²⁹. Преследовалось также бритье бороды — за «блудоносский образ».

В первой половине и середине XVII в. власть московского государя далеко не всегда являлась неограниченной. Иногда титул «великий государь» принадлежал сразу двум лицам (Михаилу Федоровичу и Филарету, Алексею Михайловичу и Никону). Боярская дума, даже утратив исключительно аристократический характер³⁰, упорно отстаивала свои прерогативы, и царь вынужден был с этим считаться. Формально самодержавие было восстановлено лишь в середине 50-х годов XVII в., когда Алексей Михайлович принял титул «Царь, Государь, Великий Князь и всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец»³¹. В письме князю Г. Г. Ромодановскому он гордо заявил: «Бог благословил и передал нам, государю, править и рассуждать люди свои». Он резко отзывался о московской приказной волоките, искажавшей царское «рассуждение и правду», пытался наводить порядок, пресечь корысть, лихоимство и подкупы, действуя по двум направлениям.

Во-первых, Алексей Михайлович попытался опереться на умных, сведущих и надежных людей, хорошо знакомых ему и разделявших его стремления. Он умел разбираться в людях. В его царствование выдвинулась плеяда талантливых государственных деятелей: «милостивый муж» Ф. М. Ртищев, любимец царя и товарищ его детских игр (настоящий панегирик ему, во многом, впрочем, справедливый, написал Ключевский³²); А. Л. Ордин-Нащокин, незнатный псковский дворянин, впоследствии думный боярин и глава Посольского приказа; А. С. Матвеев, худародный московский дворянин, а затем рейтарский полковник и преемник Ордин-Нащокина. Доверием царя пользовались также думные дьяки А. Иванов, Л. Лопухин, Л. Голосов, Г. Доктуров, И. Грамотин, А. Куков и другие. Все эти люди, исключая разве Ртищева, довольно скромного происхождения³³.

Значение боярского сана, щедро раздаваемого царем, падает, боярство растет количественно, но теряет свой политический и социальный вес³⁴; местническое высокомерие жестоко преследуется. В 1658 г. князь И. Хованский, имевший немалые заслуги перед государем, оскорбил Ордин-Нащокина. Последовала царская грамота с резким выговором: «Тебя, князь Ивана, взыскал и выбрал на эту службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком, и тебе своей службой возноситься не надо». Алексей Михайлович не ограничивался такого рода увещевани-

ями. По его приказу били за местнические претензии батогами окольного Н. А. Зюзина, а голову Наумова за то же били батогами, сослали в Якутию, а поместья и вотчины отписали в казну³⁵.

Вместе с тем Алексей Михайлович не в состоянии был решиться на разрыв с людьми, которых близко и хорошо знал, которым был чем-либо обязан. Как радовался он, когда в 1652 г. «ударил челом» об отставке его дворецкий, князь А. М. Львов, «возмутительно самоуправный»; но удалить его от себя он не смог, не хватало духу. Точно так же терпел царь бездарность Милославских, властолюбие Никона. В своих письмах он гневно распекал провинившихся, но предпочитал компромисс любой решительной мере, даже если речь шла об удалении от двора.

Во-вторых, царь попытался влиять на ход дел минуя приказную систему. На его имя поступало огромное количество жалоб на волокиту и неправый суд. Воспользовавшись ими, Алексей Михайлович учредил Приказ тайных дел со значительными функциями и широкими полномочиями. Котошихин указывал, что «устроен тот Приказ при нынешнем царе для того, чтобы его царская мысль и дела исполнялись по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали». Прежде всего, Тайный приказ разбирал челобитные. Дела велись «без мотчания» (волокиты), зачастую они разбирались устно.

Тайный приказ действовал именем царя, но Алексей Михайлович и сам частенько рассматривал жалобы. Он не был стеснен законами, так как полагал, что перед самодержавной властью ни у кого нет никаких прав — их признание зависит лишь от монаршей милости. Поэтому и появлялись царские резолюции вроде: «Хотя и довелось было дать жалованья, а за то, что бил челом невежливо и укором, отказать во всем».

Из Тайного приказа рассылались лица с соответствующими полномочиями для расследования дел, сбора сведений. Подьячие Тайного приказа сопровождали бояр-послов за границу, следя за соблюдением данных им инструкций. Это учреждение ведало также следствием и сыском по политическим делам, производством снарядов для артиллерии, рудным делом и проч. М. Н. Покровский полагал, что Котошихин в своих записках переоценил влияние дьяков Тайного приказа, но сама идея — поставить думных людей под контроль недумных — была несомненно новой³⁶.

Наконец, Тайный приказ управлял хозяйством царя. В начале своего правления Алексей Михайлович почти не вмешивался в хозяйственные распоряжения дворцовых учреждений (Приказ Большого дворца, Царская палата, Царицына палата, Казенный приказ и т. д. — всего 11 учреждений), сосредоточившись на государственной деятельности. С образованием Тайного приказа ситуация изменилась. Тайный приказ располагался во дворце, здесь, за столом с особым письменным прибором царь слушал дела и принимал решения. Он распоряжался деятельностью приказа и в походах, где его сопровождали подьячие. Личные указания царя гонцы немедленно везли в Москву; там им придавали окончательную форму и они поступали к исполнению. Нередко при особе государя находилось до 45 подьячих. Алексей Михайлович читал доклады с мест, по форме более похожие на private письма, чем на официальные бумаги, требуя при этом, чтобы они систематически подавались ему; при этом он собственноручно делал на полях присланных бумаг заметки. Выслушивал он и устные доклады³⁷. Деятельность Тайного приказа позволяла царю сосредоточить в своих руках основные нити управления государством. По мнению Преснякова, Тайный приказ Алексея Михайловича играл ту же роль, что и Кабинет его величества в XVIII веке.

Алексей Михайлович был рачительным хозяином. Опись личных владений царя занимает более 60 столбцов печатного текста. Он обнаруживал несомненный интерес к хозяйственной деятельности, может быть, даже испытывал потребность в ней. В 1649 г. он дал инструкцию дворянину П. Хомякову, отправленному описывать села Забелино и Резанцево. Этот документ отразил давно сложившиеся приемы и интересы тогдашних вотчинников, и в этом смысле не является чем-то оригинальным. Интересно другое. Сохранился черновик инструкции Хомякову, написанный Алексеем Михайловичем, с многочисленными поправками и вставками; под своим наказом он собственноручно записал сведения об урожайности и размерах крестьянских оброков в селе Резанцево.

Часто Алексей Михайлович осматривал свои подмосковные вотчины; он

любил присутствовать при закладке хозяйственных построек (например, был в Измайлове, когда там закладывали конюшню), охотно беседовал с мастерами и подмастерьями об устройстве мельничной плотины («можно ли в плотину класть ряд слани, ряд навозу, ряд кострины и будет ли крепко»). Придумывал новые кулинарные рецепты.

Такое поведение царя А. И. Заозерский объясняет влиянием Морозова, который сам был незаурядным хозяином и предпринимателем³⁸, но, главное, врожденным чувством порядка во всем. Доходы дома Романовых при Алексее Михайловиче выросли в три раза³⁹. Разумеется, не только царь занимался предпринимательством. Майерберг отмечал, что бояре открыто занимаются торговлей⁴⁰. Царская власть подавала всем пример.

Иностранцы поражались, что самодержавный государь не присваивал имущества подданных, никогда не позволял себе оскорблять кого-либо, и объясняли это нравственными качествами Алексея Михайловича. Русские находили его поведение вполне естественным. Понятие «честь государя» предполагало определенное отношение к его особе как подданных и иностранцев, так и соответствие его поведения установившемуся народному идеалу царской власти. Отстаивая царскую честь, правительство готово было пойти на любые конфликты.

Политическая значимость столь строгого блюдения царской чести особенно очевидна в борьбе с самозванством. Русская дипломатия готова была идти на любые уступки, лишь бы самозванцы были лишены иностранной поддержки — уроки Смутного времени не прошли даром. Два самозванца объявились в Константинополе. Один выдавал себя за сына царевича Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I), другой — за сына царя Василия Шуйского. Первый, как установило московское правительство, Ивашка Вергуненок, казак из-под Полтавы; второй — Тимошка Акундинов, стрелецкий сын из-под Вологды. Особенно много хлопот доставил Тимошка, пока, наконец, его не выдала русскому правительству Голштиния. П. Медовиков сообщает и о третьем самозванце — Ивашке Воробьеве, выдававшем себя в 1674 г. за царевича Симеона Алексеевича.

Иностранцы (Олеарий, Майерберг и др.) оставили описание потрясшего их приема у царя, хотя и пытались иронизировать насчет «варварской роскоши» русского двора. Торжественный церемониал приема послов соответствовал понятию «честь царская». Алексей Михайлович слушал послов сидя, в то время как русские дипломаты в Европе пытались требовать, чтобы монархи вставали при одном упоминании имени русского царя. В традиционные формы почитания своего сана Алексей Михайлович внес личные нотки. В отличие от своих предшественников на троне, которые даже в официальных посланиях не стеснялись в выражениях⁴¹, он не допускал такой разнузданности, уважал «равных себе правами венценосцев». Он осудил казнь Карла I, и английские купцы были лишены торговых привилегий. Едва ли не первым он обратился к восточным монархам как к ровне. В 1675 г. в Индию послан был М. Касымов к «Великому Монголу Евреин-Зепу» (Аурангзебу) с изъявлением братской дружбы и с целью обмена посольствами⁴².

В этом же ряду стоят церемонии выходов царя и появлений его перед народом, когда царь шел пешком и стоял с непокрытой головой. Главнейшими качествами идеала «истинного» царя были защита народа от бояр и воевод, милостивое отношение к простым людям, верность православным традициям и заветам. В царствование Алексея Михайловича произошли невиданные ранее по накалу политические столкновения. И все-таки он во многом соответствовал этому идеалу царской власти; многочисленные народные выступления, даже крестьянская война С. Т. Разина, не означают отрицания личности Алексея Михайловича; никогда в обыденном сознании он не считался «неистинным» царем. Олеарий свидетельствует: русские «ставят своего царя весьма высоко, упоминают его имя во время собраний с величайшим почтением и боятся его весьма сильного, более даже, чем бога. У русских присказка: „Про то знают бог да великий князь“». И далее: «Самое тягостное наказание — быть удаленным от высокого лика его царского величества и не допускаться к лицезрению ясных его очей»⁴³.

Сохранились свидетельства, хотя и смутные, что политическим идеалом Алексея Михайловича была монархия Ивана Грозного. К этому идеалу тяготели многие Романовы, но трудно представить себе настолько несхожих людей и правителей, как Иван IV и Алексей Михайлович — Грозный и Тишайший. Фигура Ивана IV

привлекала Алексея Михайловича прежде всего стремлением к самодержавию. После Смуты самодержавное правление было поколеблено и формально восстановлено лишь 1 июля 1654 года⁴⁴. При этом в отличие от Грозного, Алексей Михайлович никогда не использовал свою власть для произвола или личной расправы. Он готов был даже добровольно делиться властью с Боярской думой, при условии признания его самодержавных прав. Такое поведение тем более должно было поражать иностранцев, что в Европе это был век Людовика XIV. Алексей Михайлович первым начал смягчать строгости придворного этикета, делавшие чопорными, тяжеловесными отношения между государем и подданными. Коротко говоря, он преследовал те же цели, что и Грозный, но средства достижения выбрал иные, считая при этом, что не уронил чести царской.

Это вовсе не означает, что при Алексее Михайловиче не происходило массовых экзекуций. Напротив, известны жестокие казни восставших крестьян, казаков, городских низов. В Арзамасе при подавлении крестьянской войны казнено было не менее 11 тыс. человек. Котошихин оставил описания пыток и казней в Москве: за содомский грех, богохульство, церковную татьбу и чернокнижие людей подвергали сожжению на костре; за убийство, измену и предательство клали на плаху; фальшивомонетчикам горло заливали расплавленным свинцом и оловом; за царское бесчестье (поносные слова) били кнутом и вырезали язык⁴⁵. Тем не менее эти расправы определялись и регламентировались законом. Алексей Михайлович мог явить (и часто являл) милость, мог смягчить наказание, но он никогда не поступал более жестоко, чем требовал закон.

Царю претила бессмысленная жестокость, когда суровость наказания превосходит тяжесть преступления. Рейтенфельс сообщил о грузинском князе, который приказал «за осквернение придворных девиц» отрезать своему слуге уши и нос. Алексей Михайлович выразил через посла строгое порицание князю, прибавив, «что он может отправляться к себе в Грузию или выбрал бы себе другое пристанище, но он никоим образом не может допустить его жестокостей в Московии»⁴⁶. Коллинс свидетельствует: «Ежегодно, в великую пятницу, он посещает ночью все тюрьмы, разговаривает с колодниками, выкупает некоторых, посаженных за долги, и по произволу прощает некоторых преступников. Он платит большие суммы за тех, о которых узнает, что они точно нуждаются»⁴⁷.

Склонность к компромиссу Алексей Михайлович, казалось, положил в основу своей политической системы. Основные события его царствования (московское восстание 1648 г.; частичное удовлетворение требований дворянства и посадских людей Соборным уложением 1649 г.; учреждение Тайного приказа с сохранением Боярской думы и приказной системы; существование полков нового строя наряду со стрелецкими полками; раскол и дело патриарха Никона; борьба за Украину и компромисс с Речью Посполитой; Кардисский мир 1661 г. со Швецией) подтверждают этот тезис. Ордин-Нащокин, убежденный сторонник войны со Швецией за возвращение отторгнутых у России балтийских владений, вынужден был, подчиняясь распоряжениям Алексея Михайловича, уступить все ливонские приобретения России Стокгольму при подписании Кардисского мира. Отечественная историография такой шаг критикует, и довольно резко. Но уступка позволила России сосредоточиться на борьбе с Речью Посполитой.

Для Алексея Михайловича характерна известная неспешность: далеко не каждую идею он стремился немедленно претворить в жизнь, предпочитая выждать, осмотреться; даже когда обстоятельства вынуждали принимать решение немедленно, он не рубил сплеча, предпочитая сдержанность. Это обычно объясняют особыми свойствами его натуры, мирной и созерцательной. Иностранцев поражало еще одно качество русского царя — патриархальность. При дворе не стыдно было выказать простые человеческие чувства (речь не идет об официальных церемониях), царь вполне доступен, часто выходит к народу. При дворе бояре чувствуют себя свободно, часто просят «эконома и погребщика нацеживать себе вдоволь всего для угощения пышными обедами своих гостей»⁴⁸, не спрашивая разрешения государя. Алексей Михайлович неизменно доброжелателен, осознает себя отцом подданных, «царем-батюшкой». Европа, разоренная Тридцатилетней войной, в чем-то проигрывала в сравнении с Россией, как проигрывал европейский абсолютизм в сравнении с патриархальным ее самодержавием — вот вывод, к которому невольно приходили иностранцы, побывавшие в Москве⁴⁹.

Многие русские историки скептически оценивали деятельность Алексея Михайловича как политика и царя. Ему ставили в вину излишнюю пассивность, созерцательность, отсутствие обдуманной программы преобразований, боязнь труда, даже труда управлять государством, и т. п.⁵⁰ Многие недостатки государя и его правительственной системы нельзя не признать, объяснив их, впрочем, традициями и обычаями, вековыми представлениями о сущности и значении царской власти. Но вместе с тем Алексей Михайлович и его правительство вынуждены были искать новые пути дальнейшего развития страны на национальной основе, без насильственной ломки существующих государственных и общественных структур.

Платонов определил участие Алексея Михайловича в государственной деятельности посредством следующей аллегии: везут тяжесть; необходим крик из праздного горла, чтобы задавать ритм движению. В общей работе царь и был человеком, который сам не работал, но своей суетой и голосом давал направление тем, кто трудился⁵¹. Видимо, сам Алексей Михайлович прекрасно это понимал, более того, руководствовался тем принципом, что государь и не должен все делать сам, но лишь направлять деятельность других. Распекая Ромодановского, он писал: «Мы... дела... полагаем — смотря по человеку, а не всех стран дело тебе одному, ненавистнику, делать для того: невозможно естеству человеческому на все страны делать, один бес на все страны мечется». Иначе рисовался образ царя Соловьеву: «Бесспорно, Алексей Михайлович представлял самое привлекательное явление, когда-либо виданное на престоле царей Московских. Иностранцы, знавшие Алексея, не могли высвободиться из-под очарования его личной, человеческой, благодушной природы. Эти черты характера выставлялись еще резче, привлекали тем больше внимание и сочувствие при тогдашней темной обстановке»⁵².

Характеризуя личность Алексея Михайловича, нельзя не отметить прежде всего начитанность, книжность царя. Он любил писать и писал много, с черновиками, с правкой текста, добиваясь максимальной выразительности. При этом он цитировал Св. Писание, житийную литературу, ладил с историей и географией. Известно, что до Алексея Михайловича цари лично никаких бумаг не подписывали, за них это делал «в государевом имени дьяк». Алексей Михайлович не только первым стал подписывать важнейшие государственные акты «своею царскою самодержавною рукою». Красноречиво его признание в письме Никону: «А се в один день прилучился все отпусти и к тебе, святителю, и к ним, и к Василию Босому, и в Савинский монастырь к Алексею (А. Б. Мусину-Пушкину. — Ю. С.), а я устал, и ты меня, владыко святой, прости в том»⁵³. Письма, написанные самим государем, считались знаком особой милости, поэтому он не забывал прибавить: «Писах сие письмо все многогрешный царь Алексей рукою своею». Даже если письмо содержало укоры и попреки, зачастую довольно резкие, получение личного письма царя как бы смягчало их, позволяло виновному надеяться на прощение и милость.

Манера его письма витиевата и многоречива, иногда жива и образна. В 1652 г. в Саввин монастырь был послан Мусин-Пушкин с грамотой царя монастырскому казначею, которая начиналась так: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси врагу божьему и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чудотворцева дому и единомышленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злomu пронырливому злодею казначею Миките». Последний обвинялся в непотребном поведении, пьянстве и бесчинствах. Рукою царя на грамоте приписано: «Твое дело, что ездаючи по селам да пить? Да возить за тобой по две фляги вина! Не на то я тебя призвал, что вино то пить. О, горе мне от тебя, Микита. Каково ты мне сотворил за мою к тебе любовь, таково и я тебе сотворю». На шею Миките надели «чепь», на ноги железы. Но вскоре царь простил загулявшего казначея.

Перу царя принадлежит труд «Книга, глаголемая Урядник: новое положение и устройство сокольничья пути». Легко угадываются глубокие знания царя в этой области, его восхищение красотой охоты с ловчими птицами.

Алексей Михайлович даже писал творения, которые, по замечанию Ключевского, «могли казаться автору стихами». Книжность и начитанность царя есть производные качества от его любознательности и восприимчивости. Он «яко губа напояемая» интересуется любыми сведениями, ему интересно все: политика, чуждые быт и нравы, военное искусство, богословие, устройство Византии, садо-

водство, церковные обряды, значение патриарха, театр, языки, музыка, кулинарные рецепты, состояние здоровья сокольника Карпуньки и прочее.

Неверно было бы считать Алексея Михайловича любителем праздной жизни. Он вовсе не чурался труда, работая за столом в своих хоромах и часто держа в руке перо. Но при этом он стремился только к благоустройству и покою, взвешивая любую свою акцию. Вот эта-то основательность в решениях, продуманность поступков и предопределила мнение историков, будто «не такова была натура у Алексея Михайловича, чтобы проникаться одной какой-то идеей, он не мог энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолевать неудачи, всего себя отдавать практической деятельности»⁵⁴.

Вставал государь в 4 часа утра и сразу выходил в крестовую палату, где совершал утреннюю молитву, по окончании которой прикладывался к иконе, а духовник кропил его святой водой. Затем он направлялся к царице и вместе с нею шел к заутрене. После заутрени растворялась дверь из внутренних покоев в переднюю палату, где собирались ближние бояре и думные чины — в кафтанах из сукна, атласа, а то и парчи, в высоких шапках из меха соболя или чернубурой лисы. Царь беседовал с ними, ему сообщались последние новости. Он благодарил, тут же жаловал отличившихся, ему кланялись в ответ.

Затем царь шел к обедне в кремлевские соборы. Выходил он «в порфире и короне», его окружали рынды, одетые в белые, шитые серебром кафтаны и высокие белые бархатные шапки, шитые жемчугом. Народ встречал царя земными поклонами. Выход его к обедне имел определенный смысл: он свидетельствовал о стабильности существующего порядка и подчеркивал своеобразное единение царя с народом. Обедня заканчивалась в 10 часов, и царь удалялся во внутренние покои «сидеть с бояры», то есть заниматься государственными делами. Бояре сидели по знатности, думные дьяки стояли, иногда, когда заседание затягивалось, царь и им разрешал садиться. В эти же часы государь работал в Тайном приказе. В праздники Дума не собиралась, а проходили приемы послов или приглашали патриарха с духовенством.

Обедал государь чаще всего один. Хотя Алексей Михайлович был очень воздержан в еде, часто постился, но даже в будние дни к его столу подавали до 70 блюд. Они, как и хмельные напитки, посылались отличившимся боярам. Сам царь пил квас, редко овсяную брагу или пиво. Каждое блюдо, подаваемое к его столу, пробовали (повара, дворецкие, стольники, ключники, кравчие) из-за боязни яда. В праздничные дни стол роскошно сервировался⁵⁵. Всегда за ним было много гостей. Приглашение на царский пир было весьма почетно, хотя нередко между боярами возникали местнические ссоры.

После обеда царь ехал на соколиную охоту или ложился отдохнуть на 2—3 часа (если ночью молился). Выезд царя пышно обставлялся: зимой подавали широкие раззолоченные и расписные сани, обитые персидскими коврами. Вокруг саней теснились стрельцы. Впереди мели путь и разгоняли толпу. Завершал шествие отряд жильцов — своеобразной дворцовой гвардии. Летом царь ездил верхом.

Возвратившись, царь шел к вечерне и остаток дня проводил в кругу семьи. Алексей Михайлович и Мария Ильинична вместе ужинали, потом призывались странники, верховые старцы, занимавшие их рассказами. По вечерам царь читал (Св. Писание, жития, духовные слова и поучения, летописи, хроники и хронографы, посольские записки, книги по географии, а также повести и рассказы, привозимые из Польши), а еще чаще писал. Иногда вечером шли в Потешную палату — своеобразный театр-балаган, где выступали шуты, карлики, уроды, скоморохи. Со временем шутов и скоморохов потеснили музыканты, игравшие на органах и цимбалах, «бахари и домрачеи» — певцы и рассказчики народных сказаний. Позднее в этой палате разыгрывались настоящие спектакли, ставились европейские комедии. В девять часов вечера государь уже спал.

Так спокойно и размеренно проходил почти каждый день Алексея Михайловича, не чуравшегося постоянного, упорного государственного делания. Разработав шутовской чин производства в сокольники, царь собственноручно приписал характерное отступление: «Правды же и суда и милостивой любви и ратного строя никогда не забывают: делу время и потехе час».

Воспитанный в чинных традициях дворцовой жизни, комнатной и выходной, Алексей Михайлович полагал, что любая, самая малая вещь должна быть «по чину

честна, мерна, стройна, благочинна». Он не терпел беспорядка, разгильдяйства, пытался регламентировать любой поступок. Он руководствовался довольно стройной морально-этической системой, и всякий частный случай подводил под нее⁵⁶. Сам Алексей Михайлович подавал пример редкой щепетильности, не стесняясь заниматься мелочами, до которых не доходили руки у многих его предшественников. Сохранилась личная тетрадь царя, в которой он записывал расходы, взятые им на себя по поминовению князя М. Одоевского. Поминовение продолжалось 40 дней, и почти ежедневно Алексей Михайлович аккуратно отмечал, велик ли расход, откуда взяты деньги и на что потрачены.

Щепетильность царя доходила до того, что он стеснялся купить приглянувшуюся ему вещь. Как душеприказчик покойного патриарха Иосифа, Алексей Михайлович занимался разбором его имущества: кое-что продал, а деньги роздал нищим. Ему приглянулись при этом серебряные сосуды, и он мог, разумеется, купить их для себя, но сделать это не решился, так объяснив мотивы своего поступка в письме Никону: «А и в том меня, владыка святой, прости, немного и я не покусился сосудом... Не хочу для того: и от Бога грех, и от людей зазорно, а се какой я буду душеприказчик: самому мне имать, а деньги мне платить себе же».

Алексей Михайлович готов был принять любое подношение и подарок, если они делались бескорыстно. 1 ноября 1653 г. царь был у князя М. Н. Одоевского в Вешнякове, тот «лошадью челом ударил» государю. Позднее он писал Н. Н. Одоевскому: «Я молвил им: По толь я приезжал к вам, чтоб грабить вас?.. Но видя их нелестное прошение и радость неописанную, взял жеребца темносерого. Не лошадь дорога мне, всего лучше их нелицемерная служба, и послушание и радость их по мне, что они радовались мне всем сердцем. Да жалуючи и тебя, и их везде был... и в конюшнях и во всех жилищах и кушал у них в хоромаш»⁵⁷. Следовательно, будучи у детей своего ближнего боярина, царь принял коня, обошел все строения и даже обедал у Одоевских, что было едва ли не высшей царской милостью.

Алексей Михайлович был милостив и щедр. Он любил своих стрельцов, не давал их в обиду даже по пустякам. Как-то ему донесли, что квас не очень удался и осталось его только стрельцам спить. Царь обиделся за них: «Сам выпей!» — закричал он слуге. Современники повествуют о широкой раздаче Алексеем Михайловичем милостыни и «кормов» нищим и убогим. Всякое горе, беда вызывали в нем отклик и сочувствие.

У Н. И. Одоевского скоропостижно скончался сын. Царь первым сообщил князю об этом и пытался утешить убитого горем отца, взяв на себя расходы по похоронам, обещая и впредь жаловать семейство и т. д. Горе А. Л. Ордин-Нашокина, по мнению царя, было много тяжелее. У него бежал за границу сын, причем сделал это как изменник, во время служебной поездки, с казенными деньгами, с указами о делах. На просьбу раздавленного позором отца об отставке царь послал ему «милостивое слово»: отказал в отставке, не считая его виноватым и пытаясь утешить надеждой, что сын его не изменник, а просто легкомысленный человек. «А тому мы, великий государь, не удивляемся, что сын твой сплутал... Он человек молодой». И птица, летая по всему свету, возвращается в родное гнездо, «так и сын ваш к вам вскоре возвратится». Царь оказался прав: «Афанасьев сынишка Войка» вскоре вернулся в Псков, затем приехал в Москву. Алексей Михайлович его простил и по-прежнему принимал у себя.

Царь не чужд был веселья и шутки. Но у него почти не было пустых, никчемных потех: он любил совмещать удовольствие с пользой. Опоздавших к смотру стольников он велит одетых купать в пруду, благо купальня широкая и в нее помещаются до 12 человек. После купания царь приглашает их обедать и кормит. Исправные стольники стремились даже нарочно опоздать, чтобы их выкупали и за царский стол посадили. Шутливый охотничий обряд царь обставил нехитрыми действиями и тарабарскими формулами, в основе которых лежит здоровый охотничий азарт и любовь к соколиной охоте⁵⁸. Пьянство для Алексея Михайловича — тягчайший проступок, за который «без всякой пощады быть сослану на Лену»⁵⁹.

В гневе царь был отходчив, это были минутные вспышки, хотя в такое мгновение он мог даже ударить человека, невзирая на его возраст и заслуги. Он побил боярина Стрешнева, родственника по матери, когда тот отказался «открыть» себе кровь, приговаривая: «Твоя кровь дороже что ли моей? Или ты считаешь себя лучше всех?» А после не знал, как задобрить старика, чтобы тот не сердился. Май-

ерберг сообщает, что на заседании Боярской думы царский тесть Милославский неуместно расхвастался своими воинскими талантами. Алексей Михайлович разгневался, рванул его за бороду и пинками выгнал из зала, захлопнув дверь. Наутро они встретились как ни в чем не бывало и не вспоминали о вчерашнем инциденте.

Алексей Михайлович был мастер браниться. Достаточно почитать его письма, например, Ромодановскому, в которых царь распекал его за то, что князь вовремя не послал полк рейтар и полк драгун воеводе Змееву, да еще задержал им жалованье: «Сам ты треокаянный и бесславный ненавистник рода христианского для того, что людей не послал, и наш верный изменник и самого истинного сатаны сын и друг диаволов, впадешь в бездну преисподнюю, из нее же никто не возвращался». Но, даже ругаясь, государь пытается объяснить, чем именно он недоволен. В письме Г. С. Куракину он указал на последствия оплошности князя: «Первое — бога прогневает, .. второе — людей потеряет и страх на людей наведет и торопость; третье — от великого государя гнев примет; четвертое — от людей стыд и срам, что даром людей потерял; пятое — славу и честь... отгонит от себя». Письмо было неофициальным потому лишь, что царь Куракина пожалел по старости его.

Религиозность Алексея Михайловича, его постничество, простота личной жизни, доходившая до аскетизма, не мешали ему чувствовать и ценить красоту мира, он равно восхищался прелестью иконы, «урядством» соколиной охоты, придворными, военными и вообще пышными церемониями. Излюбленные места пребывания царя (Измайлово, Коломенское, Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде) находились там, где природа среднерусской полосы поражала своей красотой.

Современники отмечают целомудрие Алексея Михайловича. Он был безутешен, когда в 1669 г. умерла Мария Ильинична. Однако уже после 40 дней начались матримониальные хлопоты. П. П. Пекарским опубликован «Список девиц, из которых в 1670 и 1671 годах выбирал себе супругу царь Алексей Михайлович». В списке 67 фамилий, среди которых и будущая невеста — Наталья Кирилловна Нарышкина, из смоленских дворян. Она воспитывалась у дяди, любимца царя Матвеева. Коллинс, ссылаясь на боярина Шакловитого, утверждает, что в молодости Наталья в лаптях ходила, но в доме Матвеева, известного своими западными пристрастиями, получила необходимое воспитание. Царь был вдвое старше своей второй жены, которая подарила ему сына Петра и двух дочерей.

Созерцательная натура Алексея Михайловича проявилась в его внешнем облике, описанном иностранцами. Коллинс писал: царь «красивый мужчина, около шести футов росту, хорошо сложен, больше дороден, нежели худощав, здорового сложения, волосы светловатые, а лоб немного низок. Его вид суров». Примерно такое же описание внешности государя дает Рейтенфельс: «Росту Алексей Михайлович среднего, с несколько полноватым телом и лицом, бел и румян, цвет волос у него средний между черным и рыжим, глаза голубые, походка важная и выражение лица таково, что в нем видна строгость и милость, вследствие чего он обыкновенно внушает всем надежду, а страхов — никому и нисколько. Нрава же он самого выдержанного и поистине приличествующего столь великому государю: всегда серьезен, великодушен, милостив, целомудренен, набожен и весьма сведущ в искусстве управления»⁶⁰.

Алексей Михайлович едва ли не первым начал играть новую социальную роль, обусловленную переходом к абсолютной монархии, стремясь сконцентрировать в своих руках основные рычаги управления. Но в целом социальный тип его личности православного государя всея Руси уже сходил с исторической сцены. Хмыров предположил, что Алексей Михайлович своими реформами не только подготовил, но и заложил фундамент реформ Петра; он построил то, что Петр I перестраивал, при нем была создана материальная база, во многом обеспечившая петровские начинания⁶¹.

Еще Б. Ф. Поршнев резко возражал против традиционных попыток доказать обособленность России времен Алексея Михайловича от Европы: царь пытался вернуть захваченные Речью Посполитой западные русские земли и добивался выхода к Балтийскому морю. О. Л. Вайнштейн показал, что единственной причиной того, что русско-шведская война 1656—1658 гг. не продолжилась, было осознание правительством Алексея Михайловича простого факта: единый фронт европейских держав помешает России отвоевать ее балтийские гавани. Связи же России с православным Востоком никогда не прерывались⁶².

Еще более тесная преемственность наблюдается во внутривластительской деятельности Алексея Михайловича и Петра I. Еще накануне Смоленской войны 1632—1634 гг. было создано шесть солдатских и рейтарский полки, куда могли вступать добровольцами свободные люди и казаки, а большинство офицеров составляли иностранцы. Вскоре правительство прибегло к принудительному набору в эти полки, заложив основы будущей рекрутской системы. Однако казна не могла содержать полки «нового строя» в мирное время, и они были распущены. Позднее возникли драгунские полки, рекрутируемые из крестьян приграничных уездов: крестьяне вели свое хозяйство и проходили обучение военному делу, так возник своеобразный прототип будущих военных поселений. В 1654—1667 гг. правительство Алексея Михайловича, комплектуя полки на основе принудительного набора «даточных» людей, записывало их уже на пожизненную военную службу. К концу 70-х годов XVII в. насчитывалось 60 тыс. солдат, около 30 тыс. рейтар, 30 тыс. «конных служилых инородцев», более 50 тыс. стрельцов и лишь около 16 тыс. дворян и детей боярских. Русское войско было вооружено уже мушкетами и карабинами, а не тяжелой пищалью, железные орудия вытеснялись литыми медными и чугунными (имелось более 4 тыс. пушек). На этом фундаменте Петр формировал регулярную армию.

По мнению Преснякова, колыбель новой России не столько в петровских реформах, сколько в сложном и глубоком кризисе, пережитом Русским государством в Смутное время. Потрясенная в самых основах Россия вышла из него с безвозвратно разрушенными старыми устоями. Задача восстановления рухнувшего политического здания выпала на долю династии Романовых и новых социальных сил. Значительно сложнее и напряженнее стали международные отношения страны. Она в стремлении прочно обеспечить национальную безопасность расширяла в XVII в. свои границы далеко за пределы великорусских территорий. Под властью первых Романовых сложились те основные черты государственного и социального строя, которые господствовали в России с незначительными модификациями до буржуазных реформ 60—70-х годов XIX века.

Как бы ни были значительны эти модификации, можно говорить о некоем едином периоде оформления и дальнейшей эволюции абсолютизма, заложенного в основах в 1660—1720 годах. Значительную роль в этом процессе сыграл Алексей Михайлович. Многие историки пытались дать емкую и краткую характеристику этой личности. Наиболее это удалось Хмырову: «Глубоко религиозный, живой, впечатлительный, способный быть истинным другом и опасным врагом, тихий, но в то же время строгий, а иногда смирявший собственноручно провинившихся, милостивый, даже слабый к своим «ближним людям» и мстительный к недругам, мягкий и жестокий, сочинитель забавного Урядника и учредитель Тайного приказа, книголюб и стихотворец»⁶³.

Он скончался 26 января 1676 года. Почувствовав приближение смерти, благословил на царство сына Федора, приказал выпустить из тюрем всех узников, освободить всех сосланных; простил казенные долги и заплатил за всех, кто содержался под стражей за частные долги, причастился и соборовался.

Примечания

1. См. подробнее: КРИСТЕНСЕН С. О. История России XVII в. М. 1989.
2. ПЛАТОНОВ С. Ф. Царь Алексей Михайлович. В кн.: Три века. Т. 1. М. 1912, с. 85—86.
3. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. Кн. 3. М. 1988; КАТАЕВ Н. М. Царь Алексей Михайлович и его время. М. 1901; МЕДОВИКОВ П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М. 1854; БЕЛЬКОВСКИЙ А. П. Второй царь из дома Романовых Алексей Михайлович. М. 1913; и др.
4. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Царь Алексей Михайлович. В кн.: Государь из дома Романовых. Т. 1. М. 1913, с. 92.
5. КОСТОМАРОВ Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. СПб. 1881, с. 97, 103 и др.
6. МАЙЕРБЕРГ А. Путешествие в Московию барона Августа Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи. — Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР), 1874, кн. 1; КОЛЛИНС С.

- Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу... — Там же, 1846, кн. 1; РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. — Там же, 1905, кн. 3; ОЛЕАРИЙ А. Описание путешествия в Московию. В кн.: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986; КОТОШИХИН Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Оксфорд. 1980; и др.
7. Собрание писем царя Алексея Михайловича. СПб. 1856; Письма русских государей и других особ царского семейства. Вып. 5. М. 1896.
  8. ЗЕРНИН А. Царь Алексей Михайлович. — Москвитянин, 1854, № 14, с. 45.
  9. РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Ук. соч., с. 85.
  10. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 302.
  11. КОТОШИХИН Г. К. Ук. соч., с. 18. В дореволюционной историографии факт этот как будто признается. Сохранился документ, подробно описывающий процедуру венчания Алексея Михайловича на царство (Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. СПб. 1882).
  12. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 31—32.
  13. ОЛЕАРИЙ А. Ук. соч., с. 339.
  14. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 17.
  15. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Московское царство первой половины XVII в. В кн.: Три века. Т. 1, с. 73.
  16. ОЛЕАРИЙ А. Ук. соч., с. 387.
  17. Собрание писем царя Алексея Михайловича, с. 234.
  18. ОРЛОВСКИЙ И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича. Смоленск. 1905.
  19. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. М. 1961, с. 622.
  20. Собрание писем царя Алексея Михайловича, с. 54—55.
  21. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 304.
  22. Собрание писем царя Алексея Михайловича, с. 211.
  23. См. КАПТЕРЕВ Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Тт. 1—2. Сергиев Посад. 1909.
  24. Собрание писем царя Алексея Михайловича, с. 152.
  25. КИЗЕВЕТТЕР А. А. День царя Алексея Михайловича. М. 1904, с. 12.
  26. Разумеется, европейское влияние шло шире и глубже, чем указанные внешние изменения в быте семьи и ближайшего окружения государя.
  27. ХМЫРОВ М. Д. Царь Алексей Михайлович и его время. — Древняя и новая Россия, 1875, № 12, с. 309.
  28. МАЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 64—65.
  29. Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 1, № 607.
  30. Число бояр в думе сократилось: если при Михаиле их было 70, то при Алексее — 30 (ОЛЕАРИЙ А. Ук. соч., с. 394).
  31. ПОХОРСКИЙ Д. Д. Российская история. М. 1823, с. 132.
  32. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 310—313.
  33. Котошихин назвал 16 знатнейших родов, отпрыски которых, начиная служить, сразу получали боярство: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Урусовы.
  34. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Царь Алексей Михайлович, с. 111.
  35. БЕРХ В. Царствование царя Алексея Михайловича. Ч. 1. СПб. 1830, с. 72—73.
  36. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 2. М. 1933, с. 104.
  37. ЗАОЗЕРСКИЙ А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг. 1917.
  38. ЗАОЗЕРСКИЙ А. И. Царская вотчина XVII века. М. 1937; см. подробнее: ПЕТРИКЕЕВ Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л. 1967.
  39. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Становление абсолютной монархии в России. М. 1986, с. 33.
  40. МАЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 92.
  41. Иван IV писал королеве Англии Елизавете I: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь, а у тебя мимо тебя люди владеют, а не токмо люди, но мужики торговые, а ты пребываешь в своем девичьем чину, как есть пошлая девица» (УЛАНОВ В. Я. Власть московских государей в XVII в. В кн.: Три века. Т. 1, с. 249).
  42. МЕДОВИКОВ П. Ук. соч., с. 156—157.
  43. ОЛЕАРИЙ А. Ук. соч., с. 355, 356.
  44. ЗАОЗЕРСКИЙ А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, с. 269.
  45. КОТОШИХИН Г. К. Ук. соч., с. 128—130.
  46. РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Ук. соч., с. 75.
  47. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 37.
  48. МАЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 173.
  49. См. подробнее: КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг. 1918; АЛПАТОВ М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. М. 1973.

50. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории, с. 307; КОСТОМАРОВ Н. И. Ук. соч., с. 103; ЗАСОДИМСКИЙ Л. В. Царствование Алексея Михайловича. М. 1901; и др.
51. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 112.
52. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 608—609.
53. Собрание писем царя Алексея Михайловича, с. 210—211.
54. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 85.
55. КАТАЕВ Н. М. Ук. соч., с. 25.
56. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 106.
57. Собрание писем царя Алексея Михайловича, с. 198, 207—208.
58. ЗАРИН А. Забавы царя Алексея Михайловича. СПб. 1908; ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 97.
59. Собрание писем царя Алексея Михайловича, с. 89.
60. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 34; РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Ук. соч., с. 73.
61. ХМЫРОВ М. Д. Ук. соч., с. 25.
62. ПОРШНЕВ Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976, с. 4, 7; е г о ж е. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. 1970, с. 321; ВАЙНШТЕЙН О. Л. Русско-шведская война 1655—1660 гг. — Вопросы истории, 1947, № 3, с. 72.
63. ХМЫРОВ М. Д. Ук. соч., с. 310.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года

Г л а в а VII. *Закавказье.*

Закавказский комиссариат под руководством сейма¹ с конца февраля 18 года вел мирные переговоры с Турцией.

Снабженный чрезвычайными полномочиями сейма председатель мирной конференции Чхенкели настаивал в Трапезунде на восстановлении русско-турецких границ 1914 года. Турецкая делегация, при закулисном участии германских дипломатов, требовала точного выполнения условий Брест-Литовского мирного договора и немедленного очищения от закавказских войск Карса, Ардагана и Батума. Вместе с тем турки, затягивая всемерно ход переговоров, окончательные условия мира ставили в зависимость «от точного декларирования закавказской делегацией сущности, формы, политической и административной организации Закавказской республики»². Ибо, если Закавказье продолжает оставаться в государственной связи с Россией, то для него обязательно выполнение Брест-Литовского договора...

Положение Закавказья к этому времени было необыкновенно трудным. Советская власть предъявила ультимативное требование выполнения условий договора; Кавказский фронт пал давно, и на месте его стоял лишь декоративный заслон из храброго, но малочисленного отряда полковника Ефремова, армянских, частью грузинских новых формирований; кровавый призрак турецкого нашествия висел над христианским населением, и тревожным предвестником его служили начавшиеся уже бесчинства татар в прифронтовом районе; в сейме, в правительстве и даже в среде самой мирной делегации мусульманские представители явно сочувствовали самым широким турецким вождедениям...

И когда 24 марта турки предъявили ультиматум о принятии в течение двух дней Брест-Литовского договора и немедленном очищении Батума, Чхенкели, превысив данные ему сеймом полномочия, принял все условия турок. Сейм, однако, не согласился. В торжественном и бурном заседании 31 марта почти все национальные и политические фракции пришли к убеждению о необходимости продолжения борьбы. Даже мусульманские представители, отказываясь от активного выступления, обещали, однако, «всеми доступными средствами оказать возможное содействие другим народам Закавказья... к благоприятной ликвидации войны»³.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—2.

Сейм отозвал делегацию Чхенкели и обратился к народам Закавказья с воззванием: «...Позорного мира мы не подписали, — говорилось в нем. — Мирные переговоры с Турцией прерваны. Отныне спор решается оружием на полях сражений. Жест отчаяния — ибо бороться было нечем: не было войска для удержания фронта и не было ни подъема, ни единодушия для войны народной, партизанской. Турки заняли 1 апреля Батум и, не встречая сопротивления, перешли в наступление в общих направлениях на Кутаис, Александрополь и Джульфу.

И 9 апреля в сейме, признавшем свое бессилие остановить турецкое нашествие, был поставлен на обсуждение как последнее средство спасения вопрос о независимости Закавказья. Сторонникам этого акта — не туркофилам — рисовались следующие перспективы: край, отделившись от России, избегнет заливающего его большевизма; сохранится единство Закавказья и тесное мирное сожителство его народов; новообразование получит легальный титул для отказа от Брест-Литовского договора и заключения самостоятельного мира; наконец, приобретет симпатии и помощь Германии, которая давно уже толкала закавказских деятелей на этот шаг, имея целью расчленение России и утверждение своего политического и экономического влияния в Закавказье.

При полном согласии всех грузинских партий и стыдливом молчании бывших властителей дум русской революционной демократии гг. Церетели, Жордания, Гегечкори, Рамишвили и др., при решимости холодного отчаяния армян, при ликовании мусульман и горячем протесте русских была провозглашена Закавказская независимая федеративная республика.

Жизнь, однако, разбивала шаг за шагом иллюзии оппортунистов. Прежде всего старые хитрые дипломаты оттоманской школы раскрыли, наконец, свои карты перед неискусными игроками «Закавказской республики».

На возобновившейся 28 апреля по инициативе нового правительства Чхенкели конференции в Батуме турко-германская делегация, под председательством Халилбея, признала факт независимости Закавказья и освободила его от обязательств, налагаемых Брест-Литовским договором. Но, вместе с тем, как новому государственному образованию, турки предъявили и новые территориальные требования, несравненно более тяжелые⁴...

Конференция была сорвана. Турецкая армия, продолжая наступление, заняла уже Карс⁵, Александрополь, направляясь далее к Тифлису. Турецкое влияние в мусульманских частях Закавказья переходило в явное политическое господство там турок, грозя сдавить в турецких тисках и отрезать от жизненных артерий грузинский и армянский народы. В этот тяжелый момент грузинская социал-демократия, войдя в сношение с германским правительством, вручила ему без оглядки судьбы своего края.

Тождественные вначале интересы Германии и Турции, по мере увлечения последней панисламизмом в ущерб военным действиям против Англии, разошлись. Германия сочла себя вынужденной противодействовать быстрому распространению турок в Закавказье по мотивам, о которых немецкие государственные деятели говорят с исчерпывающей ясностью: Гельфферих: «Германия очень интересовалась бакинскими нефтяными промыслами, которые соединены нефтепроводом с Батумом, и кавказскими богатейшими марганцевыми рудниками, имевшими для нас огромное значение как в этой войне, так и после войны». Людендорф: «Для нас (протекторат над Грузией) был средством, независимо от Турции, получить доступ к кавказскому сырью и эксплуатации железных дорог, проходящих через Тифлис. Мы не могли довериться в этом отношении Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами».

Получив от германского резидента в Константинополе ген. фон Лоссова обещание активной поддержки, 13 мая национальный совет провозгласил односторонним актом независимость Грузинской демократической республики. Ной Жордания и Церетели в послании к центральному комитету российской социал-демократической партии оправдывали этот шаг необходимостью «спасения физического существования грузинского народа». В тот же день, 13 мая, сложили полномочия сейм и общее правительство. Закавказская республика прекратила свое существование, и власть перешла к национальным советам трех новообразований: Грузии, Армении и Азербейджана. Германия остановила дальнейшее продвижение турок в пределах Грузии.

Решающую роль в актах 9 апреля и 13 мая сыграли не внутренние потрясения общерусской жизни, даже не большевизм — волны его еще не докатились до Закавказья и сущность его постигали только верхние слои народа, а смертельный страх перед турецким нашествием. Если, наоборот, мусульманская часть населения отнеслась с явной симпатией к единоверным туркам, то главным образом потому, что надеялась на тот перевес, который теперь получают их интересы в вековой межнациональной распри. Но ни татары, ни грузины и армяне, ни все другие мелкие самобытные национальные группы в момент разрыва в массе своей не проявляли ненависти к России. По состоянию своей культуры, вековым навыкам, быть может, национальным чертам характера, народы Закавказья менее, чем где-либо, принимали участие в государственной жизни. «Волеизъявление народа», «давление народных масс» — эти правовые и стихийные стимулы политических и национальных движений — в Закавказье имели значение несущественное. Если в общерусском масштабе волны революции смыли с высот жизни русскую интеллигенцию, то здесь наоборот: история Закавказья в годы смуты есть история его интеллигенции, преимущественно социалистической. Только она явилась вершительницей внутренних событий, и только на ней лежит поэтому историческая ответственность за судьбы закавказских народов.

Итак, примиряющего и объединяющего начала не стало. Пути народов Закавказья разошлись. В течение трех лет будут они вести «самостоятельное» существование и гореть в котле политических страстей и межнациональной распри, пока, наконец, не сольются вновь... в общем русле советского самодержавия.

После провозглашения самостоятельной Грузинской демократической республики делегация ее прибыла в Берлин, и 11 июня в рейхстаге было объявлено о признании Германией новой республики *de facto* (на деле. — *Ред.*). В Тифлисе появилась дипломатическая миссия полковника фон Кросса с эскортом в две роты, и с тех пор внутренняя и внешняя политика края безраздельно была подчинена германскому влиянию. Началось выкачивание немцами сырья и одновременно организация ими грузинской вооруженной силы — по свидетельству ген. Людендорфа — как подсобного фактора в борьбе с англичанами на азиатском театре войны и против... Добровольческой армии, которая все более начинала тревожить немецкое командование.

Бакинская нефть особенно крепко владела умами и чувствами европейских и азиатских политиков. С весны началось резкое соревнование и «бег взадупуски» в области войны и политики к конечной цели — Баку — англичан от Энзели, Нури-паши (брат Энвера) через Азербейджан и немцев через Грузию. Для той же цели Людендорф снял с балканского фронта бригаду кавалерии и несколько батальонов (6—7) и спешно стал перебрасывать их в Батум и Поти — порт, заарендованный германцами у грузин «на 60 лет».

Судьба, однако, распорядится иначе: Нури-паша предупредит немцев в Баку, и десантные немецкие войска не успеют сосредоточиться, как отпадение в начале сентября Болгарии, поколебав окончательно положение центральных держав, заставит немецкую главную квартиру отозвать войска из Грузии обратно на Балканы...

Грузинский национальный совет, к которому перешла верховная власть, образовал правительство под председательством Ноя Рамишвили. В силу преобладания в правительстве и в самом совете социал-демократов-меньшевиков — преобладания искусственного для страны по преимуществу земледельческой, — политикой этих учреждений руководили всецело лидеры партии.

Деятельность правительства сосредоточилась прежде всего на формировании вооруженной силы и на округлении границ новой республики. Под руководством Джунгелия возникли отряды «народной гвардии», общей численностью 10—12 тысяч, по облику своему, составу, дисциплине и традициям отличавшиеся от советской красной гвардии только разве национальным шовинизмом. Народногвардейцы поступали добровольно, по рекомендации левых партий, были хорошо вооружены и получали высокие оклады; отряды были снабжены многочисленной артиллерией бывшего Кавказского фронта. Во главе их стояли почти исключительно люди с большим революционным и тюремным прошлым «царской России». Пригодная для поддержки первых шагов социал-демократической власти в дни революционного угара и заманчивых лозунгов, народная гвардия становилась,

однако, сильной помехой при переходе к мирному строительству и прямой угрозой для самой власти, в особенности ввиду сохранения в крае советов рабочих депутатов... Поэтому правительство приступило вскоре в мобилизации возрастов от 16 до 43 лет, а также к формированию постоянной регулярной армии в 2 пех. дивизии и 1 кав. бригаду. С этой целью был объявлен призыв⁶ всех «грузинских подданных», родившихся в 96—98 гг., причем подданными считались лица всех национальностей, в том числе и русские люди, прописанные по месту жительства на территории, вошедшей в пределы Грузии, до 19 июля 1914 года⁷. Немцы всемерно способствовали организации и снабжению грузинских войск.

Еще в 1914 году образовавшийся из состава партии национал-демократов «Союз освобождения Грузии» заключил с турецким правительством договор, на основании которого за активное содействие Турции в войне против России «независимая Грузия» приобретала следующие территории: Тифлисскую и Кутаисскую губ., Сочинский и Гагринский округа Черноморской губ., Сухумский, Батумский и Закатальский округа, сев. часть Карсской обл. и часть Трапезондского вилайета (Лазистан). Как это ни странно, но социал-демократы, клеймившие некогда «империалистическую политику» царского и временного правительства, став у власти, восприняли всецело психологию грузинских национал-шовинистов — тех, для которых еще 15 июня, во время заседания национального совета в лексиконе Церетели нашлось слово «измена»... Демократическое правительство Грузии приступило к планомерному распространению своей власти на территории, населенной чуждыми в племенном отношении и враждебными грузинам элементами, применяя при этом разнообразные способы — войну, подкуп, террор и политический шантаж.

В первый период — турко-немецкой оккупации, вождения Грузии направились в сторону Черноморской губернии. Причиной послужила слабость Черноморья, поводом — борьба с большевиками, гарантией — согласие и поддержка немцев, занявших и укрепивших Адлер; система же захвата была до крайности проста и однообразна и сильно напоминала деятельность румын в Бессарабии.

К концу марта 18 года большевики, постепенно распространяясь из Новороссийска к югу, подошли к Сухуму. Абхазский национальный совет обратился за помощью к грузинам. С конца апреля грузинская народная гвардия начала там войну против большевиков с переменным успехом. Прибывшему в июне с подкреплением ген. Мазниеву удалось очистить от красногвардейцев побережье до самого Туапсе. Ценою за избавление был договор, заключенный 11 июля между Абхазским национальным советом и грузинским правительством, в силу которого Сухумский округ временно вошел в состав Грузинской республики. Пункт 3-й договора предусматривал, что «внутреннее управление Абхазией принадлежит Абхазскому совету», а 1-й — что «только национальное собрание Абхазии окончательно определяет политическое устройство и судьбу ее».

Но, вслед за сим, грузинское правительство дважды разгоняет национальный совет (август и октябрь) и, заключив часть членов его в Метехский замок, лишив права выборов русское и армянское население как не приемлющее «грузинского подданства», к осени создает вполне покорное и совершенно безличное учреждение, состоящее на $\frac{1}{4}$ из абхазцев и на $\frac{3}{4}$ из грузин⁸ и возглавляемое президиумом с преобладающим составом грузинских социал-демократов. Власть в крае перешла всецело в руки грузинского «чрезвычайного комиссара» и революционных учреждений, заполненных местными грузинами — пришлым элементом в крае, издавна устроившимся на Черноморском побережье в качестве рабочих, торговцев, подрядчиков, духанщиков и т. д. С интересами коренного населения и с его правами хотя бы на внутреннее самоуправление грузинская власть перестала считаться вовсе.

Оккупация Сочинского округа (включая и Гагры⁹) произведена была грузинами также на основании просьб о помощи различных местных собраний и съездов, преимущественно социалистического состава, — просьб, частью вызванных подлинным отчаянием, частью — давлением грузинских военных начальников. Хотя грузинская администрация высказывала официально взгляд на русское население побережья как на «политических эмигрантов», но «исторические права» грузин на этот округ очевидно были еще менее обоснованы, чем на Сухумский¹⁰, так как с первых же дней грузинские власти приступили к разорению его, отправляя все, что было возможно, в Грузию. Так была разграблена Туапсинская жел. доро-

га, причем увозились рельсы, крестовины, материалы, даже больничный инвентарь; распродано с аукциона многомиллионное оборудование Гагринской климатической станции, разрушено лесопромышленное дело в Гаграх; уведен племенной скот; разорены культурные имения и т. д. Все это делалось не в порядке «обычаев гражданской войны», а в результате планомерной тифлисской политики. Из Абхазии и Сочинского округа шли горькие жалобы и постоянные просьбы об избавлении от грузин, обращаемые к Добровольческой армии, когда она приблизилась к Черному морю...

В период немецкой оккупации, в течение 18 года, только еще налаживалась внутренняя жизнь края и административный аппарат. В трудных условиях зарождения новой государственности, правящая безраздельно партия социал-демократов не решилась приступить сразу к коренной ломке «старого строя». В финансовом отношении мы видим только тяжелый пресс прямых и косвенных налогов, печатный станок и боны с знаменательной надписью — о хождении их наравне с русскими государственными кредитными билетами... В экономическом — широкое использование и распродажу русского миллиардного имущества Кавказского фронта; экспорт, главным образом, в Германию, в огромных размерах сырья¹¹, даже отчасти хлеба, в котором ощущался острый недостаток в крае и который притекал путем правительственно организованной контрабанды с Северного Кавказа; получение взамен далеко не равноценных, залежалых фабрикатов, не имевших сбыта на европейских рынках; наконец, концессии, предоставленные как местному, так и иностранному капиталу. В аграрном вопросе — национализацию частновладельческих земель, с передачей их в пользование крестьянству; а позднее, когда обнаружилось возбуждение на этой почве крестьян, продажу им в собственность по высоким ценам отобранных в государственный фонд земель. В отношении крайне незначительного класса рабочих — заботы об улучшении их материального положения и улучшении условий жизни, без радикальных реформ. Наконец, в области самоопределения — безудержная «национализация», угнетение и лишение культурно-правовых условий существования «меньшинств» — русского, абхазского, аджарского, осетинского, татарского, армянского и т. д. — «меньшинств», которые, однако, в мозаичном организме Грузии составляли вначале 36, а потом, после ее расширения, более 50% населения.

Несомненно, грузинское правительство достигло внешних условий относительного благополучия и порядка, выгодно отличавших край от областей советской России. Местные восстания, вспыхивавшие на почве национальной распри, аграрных взаимоотношений и большевистских лозунгов, зачастую прикрывавших просто протест угнетаемого русского населения, неизменно подавлялись правительством. Грузинские миссии, направляемые в Западную Европу, снабженные хорошими средствами и обладавшие специфически-восточной хитростью и пафосом, заносили туда, наряду с описанием благоденственного жития внутри страны, представления о «тяжести векового рабства» и обоснованности независимого существования своего народа; искали сочувствия к молодой «угрожаемой и обижаемой извне со всех сторон социалистической республике». Повсюду. Сначала — в «империалистическом» Берлине, потом, в дни колебания военно-политического маятника — у всемирной демократии¹² и, наконец, после определившегося исхода борьбы — у буржуазных правительств Лондона и Парижа¹³.

Мираж создавался действительно. Только мираж. Потому что в активе новообразования не было ни «суверенности», ни идеи «самоопределения народов», ни демократии, ни социализма. Их заменяли вассальная зависимость (от Германии, потом Англии), империализм, диктатура социал-демократической партии и чистейший капитализм. Потому еще, что в течение кратковременного бытия Грузинской республики народ ее не создал и не мог создать по времени своих материальных и культурных ценностей, а жил исключительно русским наследием, не разрушенным еще ни войной, ни анархией¹⁴.

В 1918 году жизнь поставила вопрос: как долго при всех указанных выше условиях возможно независимое существование Грузинской республики вне всякой государственной связи с Россией? И в 1921 году дала исчерпывающий ответ: ровно столько времени, сколько длится в ней иностранная оккупация, прикрывает ее южно-русская армия и желает того Москва.

Армянская республика переживала дни глубокого отчаяния. Турецкая армия

быстро подвигалась вперед, занимая районы этнографического расселения армян и подвергая народ резне и край опустошению. Мольбы армянского правительства и воздействие германских представителей, заинтересованных вообще в ограничении турецкого распространения, остановили, однако, наступление. Демаркационная линия была проведена в шести верстах от Эривани, и «самостоятельная Армения» заключена в голодный гористый район, площадью в 11 тыс. кв. верст¹⁵, с 14-ю верстами железной дороги и с... 600 тысяч беженцев, собравшихся отовсюду и обездоливших окончательно коренное население.

Эту территорию сдавливали со всех сторон: с запада — турецкий фронт; с юга, со стороны Алашкертской долины — курды; с юго-востока «Аракская республика»¹⁶, образованная татарскими ханами, враждебными России, ввиду лишения их некогда феодальных прав, и кровно ненавидевшими армян; с востока — враждебный Азербейджан — сначала татарскими бандами, потом, в сентябре при помощи турецких войск покоряющий Карабах; с севера — ревниво охраняемые грузинами границы Тифлисской губернии, через которые не пропускали ничего, даже продовольственных грузов вымирающему населению Армении.

При таких условиях Армянский национальный совет¹⁷ и правительство не могли задаваться ни сложной политикой, ни внутренним строительством. Все их помыслы были направлены исключительно к сохранению физического существования остатков армянского народа. С большими трудностями были сформированы войска партизанского типа в 10—15 тыс. человек; отряд ген. Назарбекова (потом Силикова) вел непрестанную борьбу с татарами и курдскими ордами; отряд Андроника, не признававшего власти Эривани, вел самостоятельные военные операции в защиту армян Елизаветпольской губернии¹⁸ против татар и турок; севернее наступление их сдерживал отряд Мелик-Шахназарова. Правительство рассылало отчаянные мольбы во все стороны и безнадежно искало спасительной «ориентации».

Нет сомнения, что в среде национального совета, по преимуществу социалистического состава, даже в руководящей партии дашнакцанов (20 из 40 членов), в этот момент более, чем когда-либо, жило яркое сознание необходимости государственной связи с Россией. Всякой Россией, независимо от ее политического строя, хотя бы и советской, лишь бы она обладала силой и возможностью спасти армянский народ. Но такой России тогда не существовало. Германия не была вовсе заинтересована ни в стране, не имеющей к вывозу сырья, ни в народе, который нужно было кормить. С остальной Европой связи не было никакой. Оставалась только надежда на окрепшую под немецким покровительством Грузию...

В первой половине июня Жордания и Рамишвили пригласили представителей Армянского совета для раздела между Грузией и Арменией по этническим признакам Борчалинского уезда. Но прибывших армянских делегатов встретил И. Церетели и от имени Грузинского совета заявил им, что все спорные территории¹⁹ со смешанным грузино-армянским населением должны перейти к Грузии. Вождь — некогда — русской революционной демократии приводил такие мотивы: «Армяне после Батумского соглашения (проведенного грузинами) не могут составить сколько-нибудь жизнеспособного государства, и им выгодно усилить Грузию, чтобы было на Кавказе сильное христианское государство, которое при поддержке немцев будет защищать и себя, и армян»²⁰...

Через несколько дней грузины заняли своими войсками фактически свободные от турок спорные районы и немедленно приступили в них к набору. Оставшись в трагическом одиночестве, Армянская республика с отчаянием и надеждой ждала поглощения, раздела или избавления. Откуда придет то или другое — можно было только гадать.

Азербейджанская республика самоопределилась в границах Елизаветпольской, Бакинской губерний и Закатальского округа. Фактически — только в большей части Елизаветпольской губернии, так как в Закаталах²¹ шел спор с грузинами, на юге и юго-востоке велись бои с армянами и русскими, а Баку не признавало власти Азербейджана.

Шовинистическое по отношению к России и соседям, ярко туркофильское правительство хана Хойского, вышедшее из либерально-буржуазной партии «Муссават», с внешесоциалистической окраской, не торопилось с устройством внутренней жизни края, которая шла по инерции, и обратило исключительное внимание на расширение его пределов. К этому побуждало их и панисламистская идея, овладевшая

умами особенно сильно после прибытия в Елизаветполь к середине августа Нури-паши.

Вооруженной силы, однако, не было почти никакой. Мусульманский «корпус», который формировался в период власти Закавказского комиссариата и в котором преобладал русский командный состав, был под давлением немцев в начале августа распущен. Формирование нового корпуса с турецким составом сильно задерживалось, благодаря инертности татар и нежеланию и непривычке их нести регулярную службу. «Национальные вопросы» разрешались практически, главным образом, иррегулярными татарскими отрядами. Они при участии турок устраивали взаимную кровавую резню с армянами в Карабахе; они вторглись в плодородную русскую Мугань²², где разгромили и сожгли до 50 поселений, жители которых, до 30 тыс., бежали на Северный Кавказ. Южная часть Мугани, однако, уцелела. Пройдя в течение нескольких месяцев через большевизм и стряхнув его, население Мугани организовало вооруженную силу около 1000 человек с 2 орудиями под командой полковника Ильяшевича, отстояло свой край и, в свою очередь, предало огню и мечу более 20 татарских селений. Затем прожило мирно в течение года, в качестве «Ленкоранской республики», пока не было поглощено Азербейджаном по требованию... англичан.

Войска Азербейджана вели наступление, пока безуспешное, на Баку. Фронт проходил у станции Кюрдамир — в половине расстояния между Елизаветполем и Баку. Баку — золотоносный источник лучшей нефти, выбрасываемой на мировой рынок ежегодно в количестве около 500 миллионов пудов; прекрасный порт, в котором сосредоточивался почти весь Каспийский торговый и транспортный флот; центральный узел путей, экономическая и стратегическая база Средней Азии.

Вероятно, и сами властители Азербейджанской республики не думали серьезно о суверенном обладании Баку, играя роль лишь ширмы для трех борющихся сил. Германия дополнительными статьями к Брест-Литовскому договору обязалась не допускать турецкие войска в Бакинский нефтеносный район и всячески препятствовала турко-татарскому наступлению... до полного сосредоточения своих войск. Турция входила по этому поводу с резкими нотами, намекая даже на возможность разрыва, а тайно вливала в состав азербейджанских отрядов своих офицеров и аскеров. В самом Баку шло состязание турецкого фанатизма, большевистской пропаганды, английских фунтов и немецких марок... На «Кюрдамирском фронте» боевые действия между тем замерли.

В Баку, как и везде, издавна существовала глубокая вражда между татарским и армянским населением. После большевистского переворота и кровавых столкновений Азербейджана с Арменией она усилилась еще более, приняв внешние формы борьбы между советской властью, на сторону которой стали дашнакцаны и русский пролетариат, и турко-татарами, к которым из чувства самосохранения примкнула часть русской интеллигенции. Еще в конце 17 года Москвою был назначен с.-д. Шаумян «верховным комиссаром Закавказья», но до весны проявить своего существования он не имел возможности.

25 марта при помощи армянского полка, возвращавшегося из Персии через Баку, армяно-большевики захватили власть в городе. Переворот сопровождался неслыханными зверствами. В городе вырезан был целый мусульманский квартал; число жертв не было зарегистрировано, но, по официальным сведениям азербейджанского правительства, вероятно, несколько преувеличенным, армяне вырезали в Баку и Шемахе 10 тыс. татар. У власти стал совет, преимущественно из дашнакцанов, во главе с Шаумяном. Небольшие части армян и русских фронтовиков прикрыли город со стороны Елизаветполя.

Между тем во второй половине июня в Баку прибыл партизанский отряд полковника Лазаря Бичерахова силою в 1½—2 тысячи человек. Отряд этот состоял на службе англичан, был хорошо вооружен и отлично оплачивался ими²³. Бакинскому совету Бичерахов заявил, что он — вне политики, ни к какой партии не принадлежит, признает советскую власть и будет поддерживать порядок. Части его выступили на Кюрдамирское направление.

Но в последних числах июня Бичерахов снялся с фронта и отошел в северном направлении. В Баку, под влиянием военных неудач, произошел внутренний переворот, при участии Бичерахова, причем большевистский совет был сменен полу-

большевистским «центрофлотом». Через несколько дней в Баку прибыл и английский генерал Данстервиль с небольшим отрядом и военными инструкторами.

Правление центрофлота продолжалось немногим более месяца: 2-го сентября 1-й турецкий корпус с Мурсал-пашой во главе опрокинул слабые части бакинцев и, вопреки требованию немцев, занял Баку. В городе повторились трагические сцены конца марта, но в обратном отражении: в течение трех дней татары производили страшную резню армян, причем правительство Армении определяло число погибших соотечественников в 25—30 тысяч человек.

Данстервиль поспешно, раньше других, уехал в Энзели. Бичерахов со своими партизанами и с армянскими отрядами двинулся на север, захватив свыше 100 миллионов рублей Бакинской казны; при помощи канонеров овладел Дербентом и Петровском; основал в последнем эфемерное «Кавказско-Каспийское» правительство, преимущественно из с.-р., и объявил себя «главнокомандующим войсками и флотом на Кавказе»²⁴. Отряд его, сильно растаявший, с тех пор держал фронт на юге — против турко-татар и на севере — против большевиков. Отношения у Бичерахова с англичанами совершенно испортились, в дальнейшем снабжении его они отказали, и Бичерахов вновь заявил, что борется только против турок, в гражданской войне участия не принимает и «готов блокироваться с большевиками»²⁵...

Между тем Азербейджанское правительство вступило в Баку, и хан Хойский от «имени нации» выражал торжественно благодарность турецкому командованию. «Событие это, — говорил правительственный официоз²⁶, — открывает самые широкие перспективы... для всего мусульманского мира. В этой борьбе на весы было брошено самое дорогое — честь и слава тюркского племени». «Народ ликовавал». Через два месяца быстро меняющаяся кинематографическая лента Закавказья покажет нам другую картину: «ликующий народ» будет встречать английскую флотилию и войска генерала Томсона...

В то время как закавказские народы в огне и крови разрешали вопросы своего бытия, в стороне от борьбы, но жестоко страдая от ее последствий, стояло полумиллионное русское население края, а также те, кто, не принадлежа к русской национальности, признавали себя все же российскими подданными.

Попав в положение «иностранцев», лишённые участия в государственной жизни²⁷, преследуемые подчас подозрительностью молодых, не воспринявших еще ни традиций, ни достоинства — правительств, под угрозой суровых законов о выселении, лишении имущественных прав, о «подданстве» и наборе, допускавшем возможность братоубийства, русские люди теряли окончательно почву под ногами и запутывались в противоречиях, выдвигаемых бурно кипящей жизнью Закавказья.

Я не говорю уже о моральном самочувствии людей, которым закавказская пресса и стенограммы национальных советов²⁸ подносили беззастенчивую хулу на Россию и повествование о «рабстве, насилиях..., притеснениях..., о море крови, пролитом свергнутой властью»... Их крови, которая ведь перестала напрасно литься только со времени водворения на Кавказе «русского владычества».

Отношение к русским проявлялось не везде в одинаковой форме. В районах турецкой оккупации (Батум, Карс, Ардаган) русского населения осталось мало: из страха перед турецким нашествием крестьяне бросали свои насиженные места и хозяйства, рабочие и городское мещанство — свои пожитки и заработок, и вся эта волна беженства текла на север. Брошенное добро их частью расхищалось мусульманским населением, частью реквизировалось турками. Остались на местах главным образом буржуазия и служилый элемент. К ним турецкие власти отнеслись внешне — предупредительно, по существу — безучастно, но терпимо.

Немцы проявили к русскому населению подозрительное и сдержанное отношение, не оказывая прямого вмешательства в судьбы его и лишь воздействуя в смысле укрепления центробежных стремлений на местные правительства. Это воздействие проявлялось скрытно, осторожно, не возбуждая резко русской общественности. Характерно, что в массе горьких жалоб и обличений, стекавшихся осенью 1918 года к командованию Добровольческой армии, меньше всего было относившихся к германской оккупационной власти...

В Армении к русским относились более доброжелательно, чем в других новообразованиях. Бедный своей интеллигенцией и техническими силами край пользовался охотно русскими работниками и в частности привлекал русское офицерство в ряды своих войск. Правительство, выдерживая официально тон сепаратной фра-

зеологии, вместе с тем устами одного из своих министров конфиденциально передавало: «Политика Армении благоприятна России; включительно до положительного разрешения вопроса о воссоединении с Россией; если бы в силу внешних обстоятельств правительство Армении и оказалось вынужденным делать официальные заявления другого характера, министр предлагает рассматривать эти заявления как вынужденные»²⁹. Жалобы на притеснения армян стали поступать лишь позднее, когда вернувшиеся в районы бывшей турецкой оккупации с севера русские беженцы нашли свои пожитки в армянских руках.

В Азербейджане, невзирая на яркое туркофильство правительства, русский элемент не подвергался гонению. Правительство края, так же как и Армения, бедного культурными силами, не оказывая никакой помощи впадшим в крайнюю нужду русским людям, занесенным обстоятельствами в пределы края, не лишало, однако, должностей и работы тех, кто желал найти здесь применение своим силам. Только вдали от центра, особенно в Шушинском уезде и на Мугани, пронеслась кровавая волна, поднятая мусульманским фанатизмом и, главным образом, наступившим безвластием. Оттуда раздавались стоны и вопли о помощи, оттуда бежали толпы несчастных русских людей на север. Правительство хана Хойского, казалось, не проявляло интереса к этим событиям, а, может быть, бессильно было устранить их.

Совершенно иначе обстояло дело в Грузии. Правительство бывших российских социал-демократов, внесших во внешнюю политику и тактику российского Совета солдатских и рабочих депутатов столь яркие идеи интернационализма, теперь задало целью вытравить всякие признаки русской гражданственности и культуры в крае — прочно, «навсегда» — прежде всего путем устранения из Грузии русского элемента. Целый ряд законодательных актов и административных распоряжений прямо или косвенно преследовал эту идею: принудительное подданство, правовые ограничения, аресты, выселения, набор, наконец, «национализация» — языка, школы, учреждений. Десятки тысяч русских служилых людей и просто трудовой демократии, работавших в государственных и общественных учреждениях, на железной дороге, почте, телеграфе и т. д., были заменены грузинами и буквально выброшены на улицу. Стекавшиеся со всего Закавказья в Тифлис как военно-административный центр края и фронта служилые люди попадали в отчаянное, безвыходное положение, в особенности семейные.

Грузинское правительство, захватив в свое распоряжение почти все миллиардное имущество Кавказского фронта, большие кредиты и денежную наличность центральных краевых учреждений, расформировываемых войск и военных управлений, не сочло себя обязанным произвести справедливую безболезненную ликвидацию русского наследия. Вопрос, о котором подумал — пусть даже в целях агитации — Совет комиссаров, препроводивший в 1918 году в Тифлис 30 миллионов рублей «на ликвидацию личного состава государственно-служащих».

Ликвидация денежной и материальной части шла беспорядочно, часто хищнически. В отношении личного состава служащих правительство ограничилось лишь назначением ничтожного ликвидационного пособия от 250 до 1000 рублей, выдача которого, однако, всемерно задерживалась и в конце концов свелась, словно в насмешку, к замене денег кредиторскими свидетельствами на получение известной суммы из «кредита Российского государства»... Советского?

Новый поток обездоленных, голодных, нищих людей двинулся к портам Черного моря и по Военно-грузинской дороге, унося с собою горячую ненависть к Грузии и грузинам. В сознании этих людей оскорбление и унижение русской государственной идеи, несомненно, сливалось и переплеталось с личным горем и обидами. Их возмущение было искренне, их психология несложна и понятна; она передавалась всецело русскому обществу по ту сторону Кавказского хребта.

Имело ли отношение, проявленное грузинским правительством к России, основание в народных настроениях? Я не буду останавливаться на обильном материале, поступавшем по этому вопросу к Добровольческому командованию из русских источников, быть может, несколько пристрастных; приведу мнение туземца, не связанного с правительством, но не оторвавшегося от народа:

«Вопрос этот слишком касается всех русских, и потому изложить его беспристрастно очень трудно... В создании ненависти грузин к русским играло роль желание народа зажить спокойно и устранившись от русской анархии... Быть может, и то,

что некоторые круги грузинского общества с целью разогревали страсти населения против русских, указывая, что Россия — поработительница, Россия — угнетательница грузинской культуры и самобытности»... Что психология «юноши, только что вышедшего из детского возраста», свойственна и народу, «который, начиная жить самостоятельно, ревниво оберегает собственное достоинство и боится, чтобы кто-либо, как-либо не обидел его страну»... Докладчик уверял, что «массового преследования русских не было» и что «тот узкий шовинизм, который был у большинства грузинского народа вначале, постепенно начал слабеть, и население (стало) лучше относиться к русским, жалея, что связь с Россией как бы временно порвалась»...

Интересы русского населения в Закавказье защищали возникшие повсеместно национальные организации³⁰. Избрание их было далеко не правомерно. Взаимная связь относительная — по крайней мере центральный орган («Русский национальный совет» в Тифлисе) не пользовался никаким авторитетом среди прочих. Силы расплылись: в Тифлисе, например, одновременно существовали враждебные друг другу «Русский национальный совет», «Славяно-русское общество на Кавказе», «Закавказская Русь»; «Славяно-русское общество» соперничало в Баку с местным «национальным советом». Политическая окраска организаций была весьма разнообразна — от социалистической («Русский национальный совет» в Тифлисе³¹) до крайней правой («Закавказская Русь»). Также различно было отношение их к основному вопросу русской государственности: Тифлисский совет, например, содействовал широко эвакуации русского элемента из Закавказья, в то время как другие организации удерживали его всемерно на местах, считая государственно вредным такой полный разрыв, хотя бы и временный, с Закавказьем. Тифлисский совет стоял на почве соглашательства с большевиками, имел сношения с советской властью через Владикавказ и даже до сентября признавался Грузией как «представитель Российского советского правительства»; «Славяно-русское общество» относилось примирительно к временной самостоятельности новообразований и послало впоследствии своих членов в состав Азербейджанского министерства; другие организации считали такое направление изменой русским интересам.

Словом, в русской общественности по обыкновению произошел раскол, разделивший силы и средства и ослабивший политическое и моральное влияние ее. Тем не менее, было бы несправедливым отрицать большую и полезную работу этих организаций, направленную к охране личных и имущественных прав «российских подданных», устройению их быта, удовлетворению культурно-просветительных потребностей, наконец, к общественной благотворительности. Среди тяжелой, подчас унижительной обстановки, обладая скудными материальными средствами, они поддерживали и русских людей, и русскую идею.

Весьма сложный сам по себе вопрос бытия народов закавказской мозаики получил уродливое направление благодаря воздействию трех крупных факторов — русского большевизма, турецкого панисламизма и германского империализма. Воздействию временному и преходящему. Было бы поэтому слишком рискованным на основании событий и фактов этого периода, равно как и последующего³², делать окончательное заключение об истинном отношении племен Закавказья к русской государственности и русской культуре. Эти неизмеримые ценности поставлены были судьбою перед страшно тяжелым испытанием. Оно приняло масштаб всероссийский, косвенно — всемирный, в котором судьбы Закавказья — только деталь. Больное время рождает больных людей и большие идеи. До сих пор длится еще состояние распада, в котором не могли наметиться будущие формы государственной связи закавказской окраины с Россией.

Верую, что связь эта выдержит испытание и не порвется.

Г л а в а VIII. Дон: Внутреннее строительство и вооруженная борьба с большевиками.

«Круг спасения Дона» открылся в Новочеркасске 28 апреля 18 г.³³. К этому времени только небольшая часть Донской области была освобождена от большевиков³⁴. Составленный из представителей станиц и казачьих ополчений, главным образом ближайших к Новочеркасску, Круг не мог претендовать на большую авторитетность. Тем более, что состав его был случайный и совершенно не интелли-

гентный. Не разбираясь в тех серьезных вопросах, которые предлагались на его усмотрение, находясь все время под впечатлением страха за участь своих станиц, угрожаемых со всех сторон красновардейцами, работая под гул орудийных выстрелов, доносившийся до Новочеркасска, Круг думал только об одном — спасении от большевиков. И покорно утверждал положения, вносившиеся председателем Круга есаулом Яновым, командующим войсками полковником Денисовым и генералом Красновым.

Тем не менее то единодушие, которое проявлено было членами Круга в минуту бедствия, имело объективно важное и положительное значение: Круг создал сильную власть, дав ей нравственную опору и до некоторой степени легальный титул. В заседании своем 3 мая «Круг спасения Дона» признал за собою учредительные функции («всю полноту верховной власти») и в тот же день избрал атаманом³⁵ генерал-лейтенанта Краснова, до тех пор недоверчиво относившегося к казачьему движению и упорно отказывавшегося принять участие в борьбе на Дону.

Круг постановил³⁶: 1. «Власть управления войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого³⁷ войска Донского». 2. «Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской империи... Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным правительством, так и советом народных комиссаров, отменяются». 3. «Условия приобретения гражданства Всевеликого войска Донского, равно как и прав казачества, а также утрата их определяются законом»³⁸. Установив вместе с тем, что положение это временное, «впредь до созыва Большого войскового круга, каковой должен быть созван... не позже двух месяцев по окончании... сессии Круга спасения Дона», Круг, в семь дней закончив рассмотрение временной донской конституции, 5 мая разъехался.

В управление областью вступил атаман Краснов, единолично и безраздельно осуществлявший власть до середины августа, т. е. до созыва Большого круга. Правил властно, с большой энергией и не разбирая средств, проявляя недюжинные административные способности и твердость воли. Назначенное им правительство («совет управляющих») состояло из лиц случайных, не связанных общей политической программой — по убеждениям правых, по интеллектуальным данным в большей части не возвышавшихся над уровнем губернского чиновничества. Во всяком случае, правительство это заслоняла собою всецело фигура самого атамана.

Местные кадеты и более левые группы в правительство не вошли. Глава донских кадетов Н. Парамонов, поддержанный Милюковым, жившим тогда в Ростове, получив соответственное предложение, потребовал в качестве необходимого условия вхождения личного и своих единомышленников в правительство — устранения нескольких наиболее одиозных его членов. На этой почве произошел разрыв, и Парамонов 20 июня в резкой форме заявил окончательно атаману, что ни он, ни его друзья по партии с ним работать не будут.

Донской власти предстояло приступить к государственной работе в условиях необыкновенно тяжелых.

Главным фактором, определившим направление и развитие донских событий, была немецкая ориентация. 25 апреля войска ген. фон Кнерцера вошли в Ростов; в начале мая после двукратного наступления и серьезного боя с большевиками они овладели Батайском; затем силами в 3 пехотных дивизии и 2 кавал. бригады немцы заняли западную и северную части Донецкого бассейна, в том числе более четверти Донской области, по внешней линии Мариуполь — Бахмут — Миллерово (авангард у Кантемировки) — Белая Калитва. Немецкие гарнизоны стояли в Таганроге, Ростове, Каменской, временно в Лихой, Зверево и др. пунктах.

Первоначальная цель немецкой оккупации в пределах Дона была чисто экономическая: «главнокомандующий Восточным фронтом утверждал, что без донецкого угля станут украинские железные дороги. И ставка волей-неволей согласилась на оккупацию этой части Украины и на выдвижение к Ростову»³⁹... Позднее, однако, помимо новых экономических перспектив, открывшихся в просторах Дона и Кубани, перед немецким командованием встал тревожный вопрос о создаваемом союзниками на Волге «Восточном фронте». Задача фон Кнерцера расширилась поэтому необходимостью создания политически и стратегически выгодных условий для противодействия новому фронту.

Немецкие дивизии, занимая линию более 500 верст, надежно прикрывали войско Донское с севера и запада — не своей численностью, конечно, а сохранившимся еще обаянием силы и договорными отношениями с советами. Прикрывали до тех пор, пока это входило в расчеты немецкой политики и допускалось мировым положением Германии.

Сообразно с фактической силой, которою располагали немцы на Дону, и, без сомнения, большим отпором, встреченным со стороны донского правительства, немецкая оккупация проявлялась здесь в формах, значительно более умеренных, нежели на Украине. Тем не менее германское командование — в частности представитель главной квартиры майор Кофенгаузен оказывал сильное давление на внешние сношения Дона, на избрание атамана (сентябрь) и состав правительства. Немцы выкачивали усиленно донское сырье и хлеб, злоупотребляли реквизициями, наводнили край своей контрразведкой и преследовали неугодную им печать. На остальных сторонах жизни казачества влияние их не отражалось почти вовсе и, во всяком случае, не препятствовало борьбе Дона с союзниками немцев — большевиками.

Такие отношения вполне удовлетворяли атамана, который и ныне еще внушает мысль о высокой доброжелательности немцев к Дону в дни оккупации и о своем личном исключительном влиянии на взаимоотношения Дона с немецким командованием. Взгляд, страдающий большим преувеличением. Быть может, немецкие генералы, осевшие на Дону, проявляли большую дальновидность и солдатскую честность,.. но и они, и атаман были лишь незначительными колесиками в механизме бездушной и беспринципной германской политики — бессильные изменить что-либо в общем ее направлении. Мы видели и чувствовали это.

Передо мною свидетельство, не преломленное сквозь призму времени, — непосредственные переживания ген. Богаевского. Уже самый подход к работе с немцами таил в себе большие трудности морального характера. «Я завидую Вам, имеющему возможность не входить с ними ни в какие отношения, — писал мне Богаевский⁴⁰ 10 мая 18 г. — Для нас это невозможно. И вот теперь — с риском проклятия и клички изменника — мы вынуждены иметь с ними дело, чтобы не погубить сразу слабые зачатки порядка на Дону»... Потом, к осени, по мере установления реальных взаимоотношений, определилась и неприкрашенная сущность их: «Эфемерные республики (вырастают), как грибы после дождя, на развалинах родины под «высоким покровительством» чужеземцев, дающих подачки одной рукой, а другой готовых каждую минуту всадить нож в спину в виде большевиков... И жестокая судьба заставляет вести политику при таких условиях, когда душа и сердце дрожат от унижения и обиды»⁴¹.

Первой заботой новой донской власти было создание армии. Освобождение Дона являлось в начале результатом войны народной — партизанской, неорганизованной. Восставали против большевиков отдельные станицы, под командой случайных начальников; соединялись иногда в более крупные отряды; выходили поголовно, когда станице угрожала непосредственная опасность, и расходились, когда она отдалялась; некоторые станицы и вовсе не принимали участия в борьбе. К началу мая в распоряжении атамана на маленькой еще освобожденной территории было 14 самостоятельных отрядов общей численностью в 17 тысяч бойцов, 21 орудие и 58 пулеметов.

Путем целого ряда мер, энергично проведенных, атаману удалось внести начала организации и некоторого порядка в эти нестройные ополчения. Была объявлена обязательная мобилизация в действующую армию 10 возрастных классов и в так называемую постоянную армию, формировавшуюся в районе Новочеркасска — двух младших возрастов; мелкие отряды сводились в полки и высшие соединения, подчиненные командующему армией — должность, которая совмещалась в лице ген. Денисова с управлением военно-морским отделом (министерством); приняты были радикальные меры по привлечению в армию донских офицеров, из которых многие «за дни господства большевиков настолько глубоко пережили стадии своего морального унижения, что изверились в искренности казаков и, не веря в успех дела, постарались остаться в стороне»⁴²; для подготовки и усовершенствования офицеров восстановлено Новочеркасское военное училище, организована офицерская школа, созданы уставы; в «постоянной армии» кроме обучения введено и воинское воспитание, и т. д., и т. д.

Особенно тяжело стоял вопрос снабжения Донской армии, ввиду разоренности края и разобщенности с соседними районами. По-прежнему главными источниками снабжения служила военная добыча и не оскудевшие личные запасы домовитых зажиточных казаков. В отношении боевых припасов, которых ненасытное чрево войны пожирало в огромном количестве, явился еще другой источник — мена с германцами, овладевшими богатыми русскими военными запасами на Украине и теперь продававшими их за шерсть, хлеб и скот Дона и Ставропольской губернии. К 1-му августа склады Новочеркаска числили в приходе следующую материальную часть⁴³: Приход. Захвачено казаками к началу мая: орудий — 16, пулеметов — 79, ружей — 14, снарядов в тыс. — 7,6, патронов — 4322. Получено от немецких властей и Украины (соответственно): 25, 79, 11,7, 119, 13 917.

В результате к августу, ко времени созыва Большого круга, в действующей армии, разделенной на 6 групп, числилось 39 тыс. бойцов, 93 орудия, 280 пулеметов. В «постоянной армии», не двинутой еще на фронт, 14 тыс. бойцов, составлявших гордость и надежду Дона. Наконец, имелась и небольшая военная флотилия из десяти речных судов.

Какова же была боевая и моральная ценность Донской армии? Один из москвичей делился впечатлениями, вынесенными им с Донского круга: «Ораторы льстили им (депутатам круга), превознося без меры «Всевеликое войско Донское» — казаки падки на шумиху и самопревозношение»... Донской демагог, социалист, ныне большевик П. Агеев, говорил даже о необходимости «духовного оказачения русского народа»... Эта маленькая казачья слабость, не чуждая, впрочем, до некоторой степени и неказачьей военной среде, зачастую заслоняла истинную сущность событий и приводила людей непосвященных в недоумение при тех разительных колебаниях — от молниеносных успехов до глубокого падения — которые испытывал донской фронт.

Все бывало. Привязанность к «родным станицам» и восприятие Родины в пределах... станичного юрта, дальше которого не простиралось желание бороться; иногда — более или менее ясное сознание интересов Донской области и казачества; наконец, весьма смутное представление о Родине в широких, всероссийских рамках. Отчасти в силу общего недуга русского народа, отчасти потому, что казачьи верхи опасались внушать чувство «русского патриотизма» не склонной к нему массе.

Была глубокая ненависть к большевикам и братание. Истинное стремление к подвигу и корысть. Высокий подъем и «утомление». Беззаветное мужество и «утечка». Преданность начальникам и дисциплина — не та, конечно, что проводилась новочеркасскими уставами, а значительно модернизированная гражданской войной и революцией, но все же дисциплина — и митингование полками и станицами, грабеж и неповиновение.

Генералы Краснов, Денисов и другие начальники употребляли чрезвычайные усилия, чтобы вовлечь казаков в борьбу, и боролись с неустойчивым настроением армии. Иной раз, однако, способами весьма рискованными. К числу их нужно отнести два — чисто морального свойства, имевшие особенно печальные результаты: поддержание казачьего шовинизма и иллюзии. «До России нам дела нет», — эта мысль звучала нередко на фронте и на кругу, не встречая яркого, страстного отпора сверху. Фронт питался все время искусственными иллюзиями — сначала о всемогущей защите императора Вильгельма, потом о смене экзотическими «русскими» армиями⁴⁴, наконец, о приходе союзных дивизий. Жить долго в состоянии экзальтированной мечты нельзя. Казаки будут ждать осуществления ее сначала спокойно, потом с буйным нетерпением, пока, наконец, не решат: Обман! И тогда бросят фронт.

Все сильные, величественные стороны кровавой борьбы Дона и все слабые, теньевые — имели источником своим одно положение: Донской армии по существу не было; был вооруженный народ. Точнее, вооруженный класс, так как казачество составляло лишь около половины населения области.

Эта истина сознавалась и вождями донского казачества, но высказывалась громко только в трагические минуты его существования. Так, 1 февраля 1919 г., когда фронт быстро катился назад, угрожая падением Дона, ген. Краснов взволнованно говорил Большому кругу: «Ведь у нас нет полков старого времени: у нас вооруженный народ, толпа. Она поддается настроению, идет вперед... И когда

повернула назад, то ее трудно остановить... Но у меня нет осуждения казакам — я знаю, что мы дошли до последнего». Это была правда: донское казачество напрягало большие усилия, разорялось и бескровело в борьбе, которой не видно было конца.

К лету 18 года стратегическая обстановка Донской армии слагалась весьма благоприятно. Западные рубежи области прикрывали немецкие войска, а с Юга — Добровольческая армия; в самой донской армии царил большой подъем. Наступление в северо-восточном направлении против Южного фронта большевиков⁴⁵ шло поэтому с большим успехом.

К началу мая большевистские силы, занимавшие Донскую область, располагались в четырех крупных группах: 1. В центре ж. д. линии Поворино — Царицын — 7 тыс., 18 ор.; 2. Вдоль ж. д. Лихая (от Белой Калитвы) — Царицын — 18 тыс., 60 ор.; 3. Вдоль ж. д. Торговая — Царицын — 15 тыс., 32 ор.; 4. Азовская группа — против немцев, донцов и Добровольческой армии — 30 тыс., 90 ор.; итого: 70 тыс., 200 ор. (в книге — таблица. — *Ред.*).

Началось последовательное очищение области от большевиков. В мае месяце соединенными усилиями отрядов генералов Фицхелаурова (8—10 тыс. при 11—81 ор.) и Мамонтова (8—12 тыс. при 7—32 ор.)⁴⁶, общей численностью около 17 тыс. и 18 ор., после многодневных боев вторая группа красной гвардии, сдавленная с севера и юга, была разбита и отброшена за реку Лиску. В то же время восставшие казаки северных округов прогнали от себя большевиков, освободив весь район до ж. д. Поворино — Царицын. Таким образом восстановлена была сплошная территория и связь севера с центром.

В июне Добровольческая армия взяла Торговую и Великокняжескую и передала освобожденный район по р. Манычу донцам, продвинувшимся до станции Зимовники. В начале месяца соединенными усилиями отряда полк. Дубовского, речной флотилии и ополчений прибрежных станиц был очищен от большевиков левый берег среднего Дона и восстановлено судоходство и связь между отрядами от Аксая до Чира.

В июле Добровольческая армия, разбив южную группу большевиков и овладев Тихорецкой, вышла в тыл Азовской группе противника, заставив ее поспешно бежать к Екатеринодару. Азовское побережье было очищено, весь юг области освобожден и обеспечен, и Новочеркасск избавлен от нервирующей угрозы близости большевиков. А на севере казаки Усть-Медведицкого округа, прельстившись обещаниями своего сородича б. войск. старшины Миронова¹, состоявшего на службе у большевиков, после бурных митингов частью отошли за Дон, частью передались на его сторону. Генералу Денисову пришлось напрячь чрезвычайные усилия. Сняв с Чирского фронта более прочные войска ген. Фицхелаурова, он перебросил их на север. Пройдя с лишним 100 верст, в пятидневном бою Фицхелауров разбивает Миронова и отбрасывает большевиков за линию Грязе-Царицынской ж. дороги. После этого его отряд и хоперское ополчение, дравшееся севернее, дошли до границ Саратовской губернии. Часть сил Фицхелаурова продвинулась к Царицыну до ст. Качалино, в то время как ген. Мамонтов после кровопролитных боев, преследуя остатки 1-й и 3-й советских армий, находившиеся под начальством унтер-офицера Тулака (вторая группа), подошел почти вплотную к Царицыну с запада, вызвав в городе неопишущую панику. Тулак, отличавшийся зверским обращением с подчиненными, был убит красноармейцами и похоронен ими с большими почестями.

Таким образом, к началу августа вся Донская область, за исключением пяти восточных станиц, была освобождена от большевиков. Собранный 15 августа Большой круг прежде всего вспомнил «родных защитников» и выразил надежду на близость того дня, «когда сердца всех детей Дона вознесутся в горячей благодарной молитве за полное избавление его земли от предателей, и тогда с легким свободным вздохом они скажут вам — спасибо, родные страдальцы»... А Россия? О ней говорилось конкретно только в послании... на Кубань, которая «совместно с Доном борется за возрождение нашей великой мученицы — родины». Надо же было сдвинуть кубанцев от «родных хат» хотя бы к северным рубежам Дона...

Таким же быстрым темпом шла работа атамана и правительства по восстановлению разрушенной большевиками донской жизни.

Со дня опубликования «основных законов» донского новообразования, атаман

вполне отчетливо определил свою политическую программу: возвращение к положению, существовавшему до февральской революции. В этом направлении шла работа всех отделов в области устройства края, восстановления учреждений, социальной и экономической политики. Не связанные, однако, единством политических взглядов, министры вносили нередко ноту диссонанса в общую монолитную картину реставрации. Так, начальник отдела торг. и промышл. Лебедев признавал «право экономической борьбы рабочих с капиталом», поощрял бытие профессиональных союзов и «здоровой рабочей печати», в то время, как нач. отдела внутр. дел Корнеев «душил» и рабочих, и союзы, и всякую печать. Отдел юстиции восстанавливал либеральные законы Временного правительства об «отмене административных гарантий», замене «особых присутствий с участием сословных представителей» судами присяжных и т. д. Отдел народного просвещения «в согласии с постановлением Временного правительства» разрабатывал автономию высшей школы и пошел даже дальше, введя выборное начало для замещения должностей по учебному ведомству.

Молодая «республика» стремилась облечь себя в покровы самостоятельной государственности и по форме, и по содержанию. Так, Лебедев, «с отделением Донской области от России» и «принимая во внимание предстоящую жесточайшую мировую борьбу по завоеванию рынков сбыта», считал необходимым уделить исключительное внимание и средства на создание новых отраслей промышленности, «притом в наиболее совершенном техническом оборудовании»⁴⁷. Карелин (нач. отд. путей сообщения) ставил ближайшей задачей постройку Волго-Донского и соединяющего Северный Донец с Днепром каналов. Это — в крае, взбаламученном до дна, на территории, переходящей из рук в руки, при отсутствии силы и средств и при пустой казне⁴⁸.

Первый отчет управления финансами умерил, однако, эти грандиозные масштабы. Он выяснил, что доходы области покрывают лишь 46% расходов, что 57½% расходов должны идти на армию и что единственным постоянным ресурсом казны является печатный станок, выбросивший до 15 июля 101 миллион бумажных знаков.

Как бы то ни было, обывательская жизнь области начинала входить в норму, создавая мало-помалу условия внешнего порядка, безопасности и хозяйственного благополучия. А жизнь Ростова и Новочеркасска — типичного тыла трех армий — Донской, немецкой и Добровольческой — была ключом в нездоровой атмосфере чудовищной спекуляции, наживы, политического шантажа и вызывающей роскоши.

Иначе обстоял вопрос с «иногородними» — неказачьим населением области, преимущественно крестьянским. Первое правительство Янова, чувствуя себя еще слабым, обратилось к населению с «призывом», в котором обещан был одновременно с созывом Большого круга и съезд неказачьего элемента области «в целях полного объединения всего населения». Но калединский «паритет» пугал Краснова; в массе иногороднего населения большевизм был далеко еще не изжит и только притаился перед силой; Ростовская и Таганрогская думы стали в отношении, явно отрицательные к казачьей власти. Участие поэтому иногороднего элемента в государственном строительстве атаман признал невозможным. Но этим дело не ограничилось. По всему краю, как отклик перенесенных бедствий, вспыхнуло ярко чувство мести к большевикам, которыми казаки искренне считали всех иногородних — крестьян и рабочих. Оно проявлялось не только в некультурной массе казачества — произволом и дикими самосудами — но и в политике управления внутренних дел, в практике администрации, в работе полиции, знаменитых карательных отрядов Икаева и Судиковского, «наводивших ужас и панику на население»⁴⁹, в деятельности «Суда защиты Дона» и полевых судов.

Начальник отдела внутренних дел Корнеев, поддержанный атаманом, пользовавшийся расположением немцев и встречавший острую враждебность со стороны донской общественности и даже самого правительства, в сознании «правоты» своего курса, не оправдывался, когда давал отчет Большому кругу, встретившему его также враждебно. Он говорил: «Мы — казаки. У нас своя голова на плечах. Не московским воробьям учить донских орлов. Я сам природный казак, во мне говорит алая казачья кровь. Мы с вами рождены из одного теста. Я придерживался и буду придерживаться чисто казачьего курса».

Эта борьба внутренняя изнуряла в свою очередь казачество, создавая в области нездоровую атмосферу озлобления и поддерживая большевистские настроения.

Наконец, вопрос политической идеологии... Правительство Дона ее не имело или, по крайней мере, ее официально не высказывало. Термин «демократическая республика» чаще других проскальзывал в речах управляющих. Чувства атамана, впрочем, не были секретом. Баян династии и режима до 17 года⁵⁰, он, очевидно, не изменил своим привязанностям и теперь. Но идея монархизма была тогда крайне непопулярной в среде казачества, и атаман говорил о ней туманно, поэтическими образами, в которые можно было вложить какое угодно содержание. А в то же время атаманский официоз «Донской Край», который редактировался И. Родионовым, наряду с казачьим шовинизмом, проводил идеи ультрамонархизма и мрачной реакции, по словам докладчика Круга, производившие на фронте, куда листок посылался в большом числе экземпляров, впечатление, «худшее, нежели всякая большевистская прокламация».

Словом, на Новочеркасском политическом горизонте было не ясно: не то царь, не то республика. Не то — «царь на Москве, а атаман на Тихом Дону».

(Продолжение следует)

Примечания

1. См. т. II, гл. XV. Председатель комиссариата с.-д. Гегечкори, члены — представители демократических партий всех национальностей Закавказья.
2. Материалы подготовительной по национальным делам комиссии. Записка Ю. Шумахера.
3. Idem.
4. Потребовали половину Эриванской и части Тифлисской и Кутаисской губерний.
5. Грузин Чхенкели, вообще проявлявший чрезвычайную уступчивость туркам в части, касавшейся негрузинской территории, приказал сдать Карс без боя.
6. На основании закона от 13 августа.
7. Циркуляр военн. мин. 18 сентября № 415.
8. Состав населения Сухумского округа в 1916 году в %: абхазцев — 56, грузин — 18, русских — 11, армян — 10, прочих — 5.
9. Гагринский район был присоединен к Сухумскому округу осенью 17 года Закавказским комитетом «по историческим основаниям», изысканным, между прочим, гг. Гегечкори и Чхенкели.
10. В Сочинском округе в 1913 г. всех грузин числилось 10,8%, а по данным земско-городской статистики среди сельско-хоз. населения их было 5,8%.
11. Марганец, медь, шерсть, табак и т. д.
12. Обращение к международному социалистическому бюро.
13. Миссия Церетели и Чхеизде.
14. Дальность театра войны и иностранной оккупации.
15. Часть Эриванского уезда, часть Эчмиадзинского и весь Ново-Баязетский уезд.
16. Долина Аракса — Нахичеванский и Шаруго-Даралегезский уезды.
17. Представители от политических партий и племен.
18. Зангезурский и Шушинский уезды с армянским населением составили временно «самостоятельную республику».
19. Уезды Ахалкалакский, Казахский, Борчалинский и часть Александропольского.
20. Доклад № 49 представителя Армении, полковника Власьева: «Армяно-грузинский конфликт».
21. Лезгины, родственные Дагестану.
22. Ленкоранский и Джиоватский уезды Бакинской губернии.
23. После развала российского Кавказского фронта Бичерахов, бывший в корпусе ген. Баратова, организовал из охотников партизанский отряд и принял с ним участие в составе английской армии в боях в Мессопотамии и северной Персии. Затем был направлен англичанами в Баку.
24. Позднее титул командующего войсками был утвержден за ним «Верховным главнокомандующим» Уфимского правительства ген. Болдыревым.
25. Из доклада ген. Гришина-Алмазова, посетившего в Петровске Бичерахова.
26. «Азербейджан».
27. В Азербейджане впоследствии, под давлением английских оккупационных властей, русские представители в ограниченном числе входили в состав правительства и парламента.

28. В Армении — только как редкое исключение.
29. Управляющий мин. иностр. дел Мелик-Каракозов. Доклад представителя закавказского отд. к.-д. Тер-Карпетова.
30. Сочи, Гагры, Сухум, Поти, Батум, Тифлис, Эривань, Баку и Карс.
31. Председатель Ф. Лебедев, большинство членов — с.-р.
32. Влияние «Вооруженных сил Юга России», Советской России и Англии.
33. См. Т. II, гл. XXXI.
34. Сев. часть Черкасского и Ростовского округов, Южная часть Донецкого и почти весь Верхне-Донской.
35. 107 голосов против 13 при 10 воздержавшихся.
36. Из «основных законов», предложенных Кругу ген. Красновым как обязательное условие принятия им атаманства.
37. Историческое происхождение этого титула, восстановленного ген. Красновым, опорочивалось знатоками донской старины, указывавшими, что в допетровских грамотах это наименование писалось «Всё великое войско Донское».
38. Дон не пошел на «принудительное подданство», к чему стремились Украина и Грузия.
39. Людендорф.
40. Министр иностр. дел («управл. отделом») в правительстве Краснова.
41. Из письма ген. Богаевского в Киев.
42. Из отчета начальника военного и морского управления к 1 авг. 1918 г.
43. Idem.
44. Южная, Астраханская, Саратовский корпус...
45. Главнокомандующий южным фронтом большевиков быв. ген. Павел Сытин.
46. Отряды постепенно пополнялись и прибавлялась артиллерия, захватываемая в боях.
47. Из отчетов к 1 августа.
48. На первое полугодие расходная смета 400 миллионов, доходная — 198.
49. Из доклада комиссии Круга.
50. Многолетний сотрудник официального военного органа «Русский Инвалид».

Примечания редакции

- I. *Миронов Филипп Кузьмич* (1872—1921). Из казаков. Участник 1-й мировой войны, войсковой старшина, награжден Георгиевским оружием. В декабре 1917 г. избран командиром 32-го Донского казачьего полка. В январе 1918 г. совместно с красногвардейцами разбил белоказачью бригаду под Александровском. Был членом Военно-революционного комитета и военкомом Усть-Медведицкого округа, с мая 1918 г. командовал войсками округа, с июля — Усть-Медведицкой бригадой, с октября — 1-й Усть-Медведицкой стрелковой дивизией (с ноября — 23-я) и группой войск в боях с белоказаками. Награжден орденом Красного Знамени (1918 г.). С марта 1919 г. помощник и временно исполняющий должность командующего Литовско-Белорусской армией, в июле 1919 г. — временно исполняющий должность командующего 16-й армией на Западном фронте. С июня 1919 г. член Казачьего отдела ВЦИК и командующий сформированного Особого экспедиционного корпуса (с июля — Донского казачьего кавалерийского корпуса) Южного фронта. 24 августа 1919 г. вопреки запрету РВСР выступил с частями недосформированного корпуса из Саранска на фронт для борьбы с белогвардейцами, за что был арестован и в октябре приговорен ревтрибуналом к расстрелу, но помилован ВЦИК. В том же месяце ЦК РКП(б) снял с него обвинение в контрреволюции, и он был введен в состав Донисполкома, где заведовал земельным отделом. С сентября по декабрь 1920 г. командовал 2-й Конной армией. За операции против врангелевских войск в Крыму награжден Почетным революционным оружием и орденом Красного Знамени (1920 г.). Назначен на пост командующего Красной кавалерией. Выступал против расказачивания. Арестован по доносу. Убит в московской Бутырской тюрьме 2 апреля 1921 года.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

18 июня / 1 июля. Сегодня мне 46 лет, из которых 5 вычеркнуть надо из жизни; я всегда говорил и теперь убежден более, чем когда-либо, что жить гораздо лучше во времена тишины и застоя, чем во время столь «интересное»; как то, которое мы переживаем. Благодушествою в Сергиеве; сейчас только пришел с купанья, которое нашел в 1/2 часа ходьбы, в речке Торгоше; сегодня природа благоухает и сияет; и даже в этой гнусной северной природишке чувствуется своя красота. Большевики перевели часы обратно на 1/2 часа; даже с метеорологией и то играют! Упорные слухи о Курске, не знаю на чем основанные¹.

22 июня / 5 июля. Все эти дни я ничего не записывал, все по той же причине; я боюсь записывать дома, ввиду тревожности положения и возможности в каждую минуту обыска. (Пишу это, чтоб после самого себя не заподозрить в чудовищном преувеличении.) В Музее же надо урвать свободную минутку, чтоб спокойно записать свои мысли, а ее, при сложившихся обстоятельствах, не скоро выберешь. За эти дни все внимание людей, мучительно ждущих избавления, было по-прежнему устремлено на юг, где продвижение Деникинских армий продолжалось до Белгорода, Борисоглебска и Балашова; тревога у «них» большая². Стараются тянуть всех, кого могут, на защиту своего социалистического государства; выходит мало, но я все-таки боюсь, что выйдет достаточно, чтобы лавина вновь откатилась; боюсь, потому что откатывались прежние и потому что мы совершенно не знаем, что являет собою наступающая армия и какую помощь может ей дать явление дня, так называемая зеленая армия, т. е. громадные скопища дезертиров, накопляющиеся по всем углам Совдепии.

Много говорят о надвигающемся наступлении с запада³; но ощущать его еще до сих пор нельзя. В Москве перестали выдавать хлеб и утешают, что неизвестно, когда выдадут; таким образом, в Москве может оказаться настоящий, действительный голод; происхождение его понятно — подвоза с юга сейчас быть не может, т. к. все остатки транспорта заняты военными грузами. Но и такое создающееся положение может быть богатым последствиями.

23 июня / 6 июля. Сергиево. После 3 душных и тревожных дней в Москве опять здешний мир и благодать. По приезде, после душного вагона и еще более ужасной московской духоты, я даже ходил вечером купаться; а совсем вечером мы вместе с Ниной немного прогулялись, погружаясь в настоящую ночную прохладу. Вчера они признались в утере ими Балашова и Богодухова⁴; кроме того, вспыхнуло что-то между Ярославлем и Вологдой, взорван мост и разобран путь; туда отправилась ВЧК.

24 июня / 7 июля. Целый день дума о том, как быть дальше в материальном отношении. Цены растут невероятно. Сегодня здесь, в Сергиеве, масло 170 рублей фунт, молоко 75 рублей четверть, конина 30 рублей, творог 32 рубля, яйца 120 рублей; записываю для памяти

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, № № 6—12; 1992, № 1—2.

потомству. Можно еще ждать месяц — два; потом надо куда-то уходить: но как все это решить? Куда? Как? Зимой мы обречены и на голод и на холод; уже здесь сажень дров до 1000 рублей. Что же будет в Москве? Пожалуй, придется бежать в какое-нибудь хлебное место; но опять, что выбирать и где его найти? Погода очаровательна, и лето стоит, каких давно не бывало. Еще одно замечание: Инесса отказалась взять на поруки Жоржа Вилькена; такова память за хлеб-соль в молодости. Признаюсь, что даже от нее я этого не ожидал.

26 июня / 9 июля. Лишний день в Сергиеве; иногда забываешь весь окружающий кошмар. Цены скачут вверх так, что мысль даже за ними не успевает угнаться. Молоко дошло до 75—80 рублей в течение двух недель; не хватает никаких денег. Несмотря на все ободряющие слухи, на всю брехню, которая идет вокруг, я остаюсь пессимистом и мало верю в то, что Деникин дойдет до Москвы. Между тем победа над большевизмом может быть только, если будет занята Москва и разгромлена «красная» Москва, т. е. все гнездо «интернационала», которое свилось в старой глупой Москве. Пока не уничтожен очаг заразы, до тех пор никакой победы над большевизмом быть не может. Кроме того, меня уже теперь заботит вопрос о зимнем топливе. Что будет, если дела пойдут так, как они идут до сих пор? Лучший исход будет — жить сообща у какого-нибудь очага, подобно эскимосам или чукчам, в одной комнате, отапливаемой во всем доме. Вот зимние перспективы, как я их рисую.

14 / 27 июля. Опять большой пробел, объясняемый московской трепкой. За эти дни новый очередной сенсационный слух: о вступлении немцев в борьбу с большевиками. Говорят даже, что они объявили войну, но ведь теперь войны не объявляют, а просто констатируют состояние военных действий. Это возможно, т. к. слухи идут из многих большевицких и военных кругов. Если это подтвердится, то, конечно, это новый признак того, что большевики имеют против себя весь цивилизованный мир. Косвенным подтверждением слухов о Германии является оживление военных действий в Двинско-Псковском районе⁵. Известия о Деникине также лучше, чем казалось неделю или две назад. Екатеринослав оказался не взят; кулак, собранный большевиками по Елец — Валуйской линии⁶, по-видимому, разбивается о такой же кулак Деникина, который именно по этой линии собрал значительные силы.

На востоке отступление происходит не так, как пишут большевики. Вот деталь, касающаяся железнодорожного дела: уводится весь персонал, снимаются стрелки, но не разрушаются крупные сооружения. Это я слышал от Н. К. Г[...]. Полная уверенность в том, что все реляции их лживые, окрепла во мне по рассказам П. Н. К[аптерева?], только что вернувшегося из Воронежской губернии. Красноармейцы бегут от казачьих разъездов⁷, и ясно более, чем когда-либо, что они не смогут противостоять никакой сколько-нибудь организованной и стойкой силе. Еще слух В. Н. К. сообщил, что в Московском совдепе ему сказали так: мы живем так: спасайся, кто может. Если сопоставить все то, что я здесь написал, то можно подумать, что я настроен радужно. На самом деле это совсем не так: я столь же скептичен, как и всегда: уж очень много приходилось обманываться.

Что слухи, доходящие до нас, не всегда лживы, доказывает рассказ Г. Н. Н., симеизского астронома, приехавшего восстанавливать связь своей обсерватории⁸ с Пулковом; он подтвердил почти все, что тем или иным путем доходило до нас оттуда, и сообщил многое для меня интересное о всех крымских превратностях 1918 и 1919 годов. Грустнее всего рассказ о Севастополе: он гораздо более взят, чем в 1855 году; в нем не осталось ровно ничего — ни одного годного судна, ни одного военного сооружения. Так русские гориллы поступают с родным краем.

На этих днях мне пришлось быть свидетелем того, как москвичи добывают себе топливо: из Преображенского, Черкизова, Лефортова, даже из-под Сухаревки, люди идут в Лосинный Остров⁹ с топорами и даже ножами и тащат оттуда тонкие деревья; они тянутся вереницей, как муравьи, и тащат на плечах тонкие бревна, изнемогая от ноши и страшно портя лес.

В Музее скандал: в 3-й раз арестовали кувшинное рыло Козлова¹⁰ как с.-р.; но он, кроме того, и с. с., т. к. его арест повел за собой арест 327 000 рублей, лежавших у него в кассе; теперь эти деньги приходится добывать из Чрезвычайной Комиссии. В кабацкий факультет Комиссариат по просвещению прислал бумагу, чтобы подождать с выбором декана и его аггелов, ввиду предполагаемого переустройства управления Университетом и факультетом. Говорят, что они очень недовольны выступлением студентов-коммунистов, бывшим 3 недели назад, и не знают, как выйти из положения, которое сами создали.

15 / 28 июля. Пасмурный день; перечитываю написанный мною очерк смуты; вчерашние газетные известия довольно удовлетворительны. Но терпением надо запастись большим. Справляем именины Володи; характерны очень сделанные ему подарки — деревянное ведерко за 20 рублей, маленький крендель и перочинный ножик.

19 июля / 1 августа. Снова три дня в Москве без возможности что-либо записать. Дома

страшно даже держать один лист (это также характерно для момента), а в Музее — просто некогда. Основной факт московской жизни за последние дни — это повальные обыски или, по крайней мере, обыски в таких размерах, в каких они еще не бывали. Можно ставить вопрос, не желают ли они обыскать действительно все квартиры в Москве. Обыски эти, однако, отличаются от обысков по определенному подозрению того или иного лица; они несколько иные: ищут оружия, дезертиров; попутно отбирают серебряные и золотые вещи и иногда бумажные деньги, если их на руках более, чем 10 000 рублей. Таким образом открывается широкий простор для произвола; арестов, однако, не производят. Пока обыски были в нескольких местах; ожидают их теперь все, и самое отношение к ним, у многих, по крайней мере, стало равнодушным.

На общем горизонте новое оживление и новые надежды в связи с непрекращающимся натиском с юга и с оживившимся натиском с запада. Взяты Камышин и Полтава; чьи-то лапы тянутся к Киеву от Полтавы и от Ковеля; известия о Минске таковы, что он не сегодня-завтра будет чьим-то достоянием¹¹. Но кто же они? Деникина мы еще кое-как знаем; говорят, что идут немцы, поляки, англичане; теперь заговорили о том, что поход на РСФСР есть не что иное, как поход Лиги Наций против большевизма. Последнее кажется мне наиболее вероятным¹²; однако такое коллективное предприятие надо наладить, что в свою очередь возьмет немало времени. Конечно, мира быть не может с людьми, которые ставят себе задачей разлагать пропагандой весь мир, которые лгут и обманывают из принципа и не держат никаких слов или обязательств.

Казначей Румянцевского Музея, арестованного неделю назад, выпустили через 3 дня, вместе с деньгами. Хлеб и мука дешевеют в Москве; говорят, это происходит оттого, что рабочие, которым позволено закупать хлеб, везут его в таком множестве, что спекулируют им, продавая его тем, кому не позволено закупать хлеб.

20 июля / 2 августа. Ильин день. Дивная погода после ненастья. Вчерашняя газета очень ничтожна по содержанию; вестей из Москвы нет. Таким образом, впечатления равняются нулю. Сегодня утром долго мечтали о том, чтобы когда-нибудь попасть в западную Европу и вернуться в лоно цивилизации, ибо с каждым днем чувствуешь все более, как и мы и все окружающее падает в бездну варварства.

22 июля / 4 августа. Со смущением товарищи сообщили вчера о кончине советской Венгрии¹³. «Радио еще не ясно», но факт сообщается тем не менее. Это большой шаг к ликвидации большевизма; несмотря на малые размеры, Венгрия — беспокойная страна в Европе, и ее успокоение, хотя бы и несколько насильственное, миру Европы не повредит и заставит сосредоточить внимание на едином очаге мировой смуты — РСФСР. Сводка довольно удовлетворительна. Вчера великолепная прогулка по окрестностям Посада, которые все более и более поражают меня своей красотой; бродили 7 часов и околесили около 18 верст. Это лучшее отвлечение от тяжелой действительности.

23 июля / 5 августа. Еще один спокойный день; отличная погода, прогулка с Ниной, доказывающая, что сил у нее прибыло. Сегодня осмотр Лавры: ходили по стенам и лазили на чердак и на хоры Успенского собора под предводительством П. Н. Каптерева. Надо пользоваться каждым случаем, чтобы осмотреть как можно больше; всякая такая экскурсия есть в сущности маленькое путешествие; не имея возможности уехать далеко, надо изучать то, что близко и что не будет времени смотреть позднее. Из Москвы сведений не поступало.

24 июля / 6 августа. Сводки безразличные; остается впечатление, что хотят что-то замазать и замолчать и потому усиленно кричат, стараясь выставить что-то, никогда не бывшее. Вечером неожиданно приехали Леля и Таня; передавали, что в Москве усиленно говорят о падении советской Венгрии; я согласен, что это событие большой важности. Характерно то, что сообщают сами большевики, что их венгерских братьев будут судить за преступления политические и уголовные и, главным образом, за последние.

28 июля / 10 августа. Снова перерыв по случаю поездки в Москву. Общее впечатление, что большевики потрясены происшествиями в Венгрии. Для нас мы пока можем сделать тот вывод, что, раз покончили с Венгрией, значит когда-нибудь обратят благосклонное внимание [на нас]; мы только не учитываем, что на все это нужно чрезвычайно много времени. Московская брехня идет, как всегда, дальше; учитывают взятие Петербурга, Саратова, Минска, и, как всегда, невозможно учесть, где начинается брехня и где кончаются ложь и укрывательство большевиков; тем не менее, убеждение, что все это должно кончиться когда-нибудь, видимо крепнет. Продолжаются гадания и проекты, рассчитанные на «после».

Я закончил свой очерк Смутного времени, написанный для кооперативного издательства, с которым мы заключили на этих днях договор. Теперь его просматривает С. В. Бахрушин, чтобы решить, годится ли он для широкого круга читателей. Я взялся за эту работу

только из желания нажить деньги, необходимые для поддержания себя и семьи; если бы мне можно было выбирать, я бы исключительно занялся специальными работами, из которых потом желающие могли бы брать нужный им материал. А между тем, необходимо добывать керенки. Для этой цели я продал 100 экземпляров за 1500 рублей моей докторской диссертации в так называемый книжный центр, т. е. большевикам, которые могут ею хоть бы оклеивать комнаты. Цены (привожу для справок те, по которым купили разные припасы) — пуд муки 1600 рублей, капуста 20 рублей фунт, яйца 150 рублей десятков, мясо 70 рублей.

В пятницу я был в больничной церкви Новоекатерининской больницы, на панихиде по Мише Островском. Церковь помещается в саду, внутри больничных владений. Я был поражен той феноменальной грязью и антигигиеничностью, в которой находится больничная территория. Видна и здесь рука времени — никто не хочет ничего делать; здесь, как и везде, русский человек понимает свободу по-своему — как свободу от всякого дела и обязанности. В ту же пятницу я должен был, в погоне за деньгами, чтобы купить печурку на зиму и попасть на помянутую выше панихиду, пешком побывать 1) на Маросейке, 2) на Девичьем Поле, 3) на Донской и 4) на Страстном бульваре¹⁴. Такова участь московского обывателя, не имеющего в своем распоряжении автомобилей. Печурка куплена за 250 рублей в целях отопления зимою. Пишу эти мелочи, потому что они, вероятно, представят со временем некоторый интерес.

30 июля / 12 августа. Два дня подряд прогулки в лесах за грибами; одна длилась 4 часа, другая 7. Еще раз пришлось убедиться, какие дивные окрестности вокруг Посада; какое раздолье, какое богатство леса, какой простор для деятельности человека, какие прочные остатки первобытных лесов, в которых когда-то укрылся Сергей. Ничто так живительно не действует, как природа; уйдешь в лес — и забудешь о большевиках. Сегодня сводка очень печальная для большевиков; конечно, действительность, быть может, хуже еще, но сводка — это тот минимум, лучше которого для них быть не может. Вот почему я придаю ей значение, хотя бы и относительное. Взят Минск и много важных пунктов на юге.

31 июля / 13 августа. Целый день дождь: ходил провожать Лену Р[епман] и видел на станции дальний поезд — он весь битком набит «ими»; вечером слушал мемуары Тихомирова, которые по-прежнему интересны; остальное время сидел занимался. Разговор с А. А. Тихомировым, который рассказал мне, почему он ненавидел Ключевского и считал его подлецом (sic!¹⁵). В 1904, в январе, когда Тихомиров был ректором, инспектор Фоминский (большой дурак) (это — мое мнение) донес ему, что на лекции Ключевского должна быть сходка, где японофилы подерутся с японофобами. Тихомиров написал Ключевскому письмо, прося его в эту субботу не читать и дать ему ответ на его письмо. Ключевский не ответил. В субботу Тихомиров просил В. О. приехать к нему перед лекцией. Ключевский прибыл и послал ему сказать — *прикажет* ли он, Тихомиров, ему явиться к нему на квартиру, или же прикажет ждать его в ректорском кабинете. Когда Тихомиров пришел в ректорский кабинет и изложил Ключевскому, в чем дело, и упрекнул его, что тот ему не ответил, Ключевский сказал, что он не мог ответить ему, т. к. был занят, а что он *не будет читать* только по приказанию ректора. Тихомиров отказался дать такое приказание, но, назло Ключевскому, послал инспектора проводить его в аудиторию. Здесь характерно поведение обоих и очень типично и для того и для другого¹⁶.

4 / 17 августа. Кружась в Москве, я теперь уже и не пытаюсь записывать мои впечатления в четверг — субботу и отношу эту обязанность на воскресенье. За эти дни нажим на большевиков расширился и усилился. Последнее известие, по их газетам, т. е. по минимуму, от которого приходится исходить, взяты Сумы, наверно взят Борисов; красная армия отошла за Мозырь, т. е. почти к Гомелю; на юге они показывают бои у Обояни и вновь признают потерю Борисоглебска¹⁷. Их статьи и воззвания или злопыхательны, или монотонны. Рассказывают о какой-то новой делегации, будто бы явившейся и заседающей в Кремле, да еще о каком-то будто бы новом ультиматуме, предъявленном большевикам. Я плохо верю этим рассказам; если эта делегация немецкая, то она, в лучшем случае, может быть коммивояжерской, как была первая, бывшая здесь весной; иной, кроме немецкой, я здесь не представляю себе. Какие бы ни предъявляли большевикам ультиматумы, они уйти не могут, потому что им некуда уйти. Значит, остается ждать результатов натиска.

Среди москвичей эти дни было мажорное настроение, несмотря на ожидание зимы без дров. Несмотря на постоянные реквизиции квартир, которые теперь участились еще более, ввиду того, что из всех городов все и вся эвакуируется в Москву. Обыски прекратились; рассказывают, что в последние дни эпидемии обысков ордера на них продавались за 150 рублей на Сухаревке — это похоже на правду. В университетских кругах пока тихо; ждут призыва профессоров (во имя равенства!) и слияния университетов в один, как это сделано сегодня в

Петербурге, где все разделено на медицинскую академию, академию механических или прикладных наук и, наконец, университет с двумя факультетами — общественных наук и физико-математическим. Куда же, интересно, девался факультет восточных языков¹⁸? Что за дикая глупость все кромсать по совершенно новым произвольным принципам. Впрочем, что же говорить о их глупости? Пути ее неисповедимы.

Сегодня я целое утро бегал по рынку, где незаметно истратил 800 рублей; поражаешься громадному количеству москвичей, которых здесь встречаешь. Встречи самые неожиданные; все стремятся попасть на Троицкий базар, который в последние воскресенья приобретает громадные размеры. Сейчас беседовал с В. С. Миролюбовым, издателем «Журнала для всех». Он встречал Ленина и К^о, живя за границей в 1908—1913 годах¹⁹, и говорил мне о напористости и беспринципности Ленина и о том, как мало у них честных людей. Действительно, честности было мало при старом режиме, который облит весь нечестностью; но этот строй, сам построенный на лжи и обмане, еще более подходит ко всякого рода мерзавцам и подлецам. Все, что было лживого и нечестного при царях, теперь расцвело, а все честное ими отвергнуто, принижено и растоптано.

5 / 18 августа. Слышано несколько небезынтересных рассказов: большевики признают 3 своих «неблагополучия» — 1) где-то за Днепром, у Екатеринослава или за ним, где целая их армия оказалась окруженной, 2) У Ворожбы, где случилось нечто подобное, и 3) под Борисоглебском²⁰. Между тем они 15 собирались сами переходить в наступление. Таким образом, карты их оказались смешанными²¹.

6 / 19 августа. В нынешнем году большевики почему-то решили праздновать Преображение, тогда как в прошлом году они сочли его буднем. Вчера вечером большая пятичасовая прогулка за грибами, причем принесено их было очень много; это отлично действует на нервы и заставляет забывать о действительности. Т. к. это понедельник, то сидим без известий.

7 / 20 августа. Быть может, сейчас мы переживаем критический момент большевицкой державы. Нажим все сильнее — двигаются к Гомелю, Орше, Дну, Киеву и Курску. На юге взяты Обоянь и Гадяч, но [так в подлиннике] совершен прорыв в сторону Тамбова и Козлова (это официально). Но большевики сами собрались наступать везде; говорят, это их ва-банк. Сегодня они пишут, что наступают на Новый Оскол, Бирюч и по линии Воронеж — Ростов²². Теперь вопрос в том, чье наступление пересилит и чья окажется сильнее; а от этого зависит и дальнейшее.

Умер В. И. Герье; я узнал это от приехавшего из Москвы студента. Он скончался, кажется, в воскресенье. Этого надо было ждать, потому что с весны падали и его душевные и его телесные силы. С ним исчез большой столп Московского университета; жизнь историко-филологического факультета тесно связана с ним за всю вторую половину XIX столетия. И Университет и женское образование, в частности 2 раза основанные им Высшие женские курсы, и город Москва многим и многим обязаны ему²³. Он был последний эпигон западного кружка и любил это подчеркивать. Но потомство воздаст ему по заслугам и оценит его лучше, чем современники. Резкость, холодность, облик в виде ножа (*lame de couteau*), как называл его покойный отец, и внешний и внутренний, отвращали от него людей, заставляли его бояться; кроме того, у него был недостаток такта, который нередко доставлял ему ненужные неприятности и столкновения. Для нас, студентов 90-х [годов], он был все еще грозой, хотя и меньшей, чем для наших предшественников; сам я его боялся долго спустя после университета, хотя он всегда относился ко мне с большой благожелательностью.

Интересна эволюция его политических взглядов: он слыл в 80—90-х годах либералом; потом стал убежденным октябристом. За это его ославили русские интеллигенты от к.-д. и левее, а для невежественной молодежи после 1905 [г.] он стал чуть ли не настоящим черносотенщиком. Между тем именно эта эволюция одна только и была нормальной; он остался умеренным либералом, а при бешеной скачке русского общества к пропасти, его поглотившей, те, которые не участвовали в этой *course á la mort*²⁴, казались усталыми [так в подлиннике] людьми. Быть может, в его трезвости сказало его нерусское происхождение. Современных русских деятелей в последнее время он, кажется, презирал. По крайней мере, у меня осталось такое впечатление от бесед с ним последней зимой. И в этом, быть может, сказало в нем настоящее западничество: он был либералом западного типа, в России не привившегося и для русских, с их безрассудным стремлением к абсолютному, непонятного. Вот эта черта, да некоторые угловатости характера и помешали ему занять то место в русском, бедном людьми, обществе, на которое он имел полное право. Мир праху твоему, один из последних моих учителей, и спасибо за то, чему ты меня научил!

11 / 24 августа. Герье хоронили в тот день, когда я поехал в Москву; по отзывам бывших там друзей — Яковлева, Егорова, Бахрушина, да потом и по отзыву дочерей В. И., похороны были очень сердечными; была даже лития перед университетом; зато почти отсутствовал официальный характер, который при нормальных условиях был бы, несомненно, очень заметным. В пятницу я навещал его дочерей, а в ночь у них был обыск, и бедную Е. В. вторично увезли в чрезвычайку, причем взяли переписку В. И. за 1896 и 1897 [г.], две фотографических группы 80-х годов и путеводитель по Крыму. Чем руководились идиоты, обыскивавшие дом, трудно понять; но явление характерное для данного момента. Герье похоронили на Пятницком кладбище, в некрополе западников, где он лег последним эпигоном западников.

Общее положение за эти дни слагалось так: концентрическое движение на Киев развивалось беспрепятственно, причем, однако, опасность заключается в том, что к Киеву стремятся сразу трое — поляки, Петлюра и Деникин; я очень боюсь, что их соединение приведет не к коалиции, а к взаимному столкновению. Недурно идет наступление и на западе; большевики заявляют, что поляки подходят к Бобруйску и обстреливают Борисов. На юге ведется очень сложная игра; прорыв на Тамбов удался; Курск, видимо, почти под обстрелом; а большевики предприняли контрнаступление к югу от Воронежа и в сторону Камышина; вчера по Москве ходили слухи о взятии большевиками Камышина и Валук²⁵. Таким образом, на юге происходит взаимное давление, и вопрос, кто кого пересилит. Говорят, что большевики рассматривают свое движение, как ставку ва-банк. Очень много говорят о какой-то делегации, которая будто бы присутствует в Москве не то для переговоров, не то под арестом. Разговоры о сдаче власти, об уходе большевиков, о чьей-то выдаче не прекращаются, но все-таки никак невозможно разобрать, какая действительность скрывается под этими слухами.

В академических кругах — очередная гадость: слияние всех факультетов и университетов в одно учреждение. Такую вещь могут сделать только идиоты, но, опять-таки, и здесь не приходится ничему удивляться. Впрочем, все смотрят на все с равнодушием, т. к. преобладает общая уверенность в близком конце. Назначают и сроки; я их не назначаю, но что-то когда-нибудь изменится, в этом я не сомневаюсь более, чем когда-либо: большевики сейчас в войне со всем миром, а внутри все ползет по-прежнему.

12 / 25 августа. Хвалятся, что взяли Камышин и Валуйки; частные сведения, весьма, впрочем, достоверные, говорят о том, что в Тамбове все сожжено, что нужно было сжечь, в Козлове производится то же, и что казаки направляются веером по 3-м направлениям — на Моршанск, Данков и Елец²⁶, т. е. для уничтожения и перерезания железных дорог, которые служат базой для большевицкого южного фронта, и что поэтому их южное наступление обречено на неудачу. Об остальном они сегодня молчат. Оттого ли, что близится какой-то критический момент, или от иного чего, но у меня весь день мрак души. Погода отвратительная; настоящий подмосковный август. Как хотелось бы куда-нибудь на юг, к солнцу и теплу. Уехать из Москвы — это, кажется, самая страстная мечта жизни. Уехать, чтобы не видеть этих ужасных горилл, диких, самодовольных и глупых.

13 / 26 августа. Понедельник. Известий нет. Частный слух о том, что получено здесь, в Посаде, радио об ультиматуме (который по счету?) и, чтоб не дать распространиться этому слуху, радиотелеграфисты арестованы. И. А. Голубцов, приехавший из Алатыря²⁷, сообщает, что там несколько десятков тысяч *разутых* красноармейцев просят милостыню и грабят по окрестностям. Прогулка за грибами для отвода от мрачных мыслей; ходили 7 1/2 часов. Я принес некоторое количество грибной пищи.

15 / 28 августа. Положение все, по-моему, осложняется; бои в Курской губернии все продолжаются; они идут у Курска, а, с другой стороны, красные хвалятся, что они заняли Волчанск в 80-ти верстах от Харькова. Говорят, что в этом месте начальником является ген. В. И. Селивачев²⁸, выпущенный из тюрьмы под условием командования армией. Я его встречал зимой, когда он управлял Лефортовским архивом, и он мне казался порядочным человеком. Неужели шкурность столь велика среди русских генералов, что они действительно честно будут драться за большевиков?

Между тем все сведения сходятся в том, что Мамонтов делает чудеса в полосе Козлов — Ряжск — Данков, распространяясь оттуда на Рязань, Моршанск, Пензу, с одной стороны, на Тулу, с другой, на Елец, с третьей. Если он испортит и перережет все линии, то, говорят, что южное наступление может окончиться катастрофой. Киев, несомненно, взят; кто-то подбегает к Полоцку, но зато красные вновь взяли Псков²⁹; говорят, что там перессорились русские белогвардейские генералы — Родзянко, Ливен и Балахович³⁰. Узнаю коней ретивых! Есть слухи, что очень пакостит нам Финляндия, которая даже хотела в 24 часа выгнать всех русских, которые там находились; причем, по тем же слухам, Юденич оказывается плохим

дипломатом. Все это очень волнует, ибо чувствуется, что мы ходим вокруг возможного перелома, который может, однако, на этот раз и не наступить.

Другой источник беспокойства — здоровье Нины; новый рецидив болезни. Вот причины, почему я два дня в очень мрачном настроении. Я чувствую, что освобождение должно прийти до холодов, иначе мы не выдержим новой зимы при условиях еще более ужасных, чем прошлая зима. Не клеится и устройство квартиры здесь, в Посаде, а между тем, необходимо сохранить здесь уголок; здесь все-таки легче будет обеспечить себе *тепло и сытость*.

18 / 31 августа. Положение становится, вне всякого сомнения, день ото дня все напряженнее. Большевики, устами Нахамкиса и других, уверяют, что на днях начнется наступление всех империалистов мира; уже не двенадцати, а четырнадцати языков. О делах на южном фронте они пишут не то, что на самом деле есть. Однако вчера они уже говорили о том, что они избегли опасности быть окруженными у Валуек и Купянска, о рейде Мамонтова, который действует, расширяясь веером. Поезда на юг не идут далее Рязани и Тулы, и поэтому подвоз продовольствия в Москву совершенно прекратился; цены скачут бешено; хлеба почти не выдают; на Сухарева хлеб дошел до 80 рублей, а мука в продаже до 2800 рублей.

Вчера в ночь произведены очень многочисленные аресты: Котляревский, Алферов, Д. Д. Плетнев, наша Юрьева, Кишкин; хотели арестовать И. А. Ильина, но он скрылся; говорят — Самарин, наверно Д. Н. Шинов; С. А. Первушин, Д. К. Будинов и даже Ю. И. Базанов. Везде обыски были вежливы; если сопоставить эти имена, то видно, что здесь дело идет о кадетах, о «видных» лицах, о бывших богатых людях; но почему попал Д. К. Будинов, почему арестовали таких кадеток, как мать и дочь Кареевы, или Нат. Андр. Винкельман³¹? Толкуют все это как взятие заложников; но надобно признать, что и с этой точки зрения их мероприятия не выдерживают критики. Их напряженное положение не мешает им продолжать свои пресловутые реформы; дело о слиянии всех факультетов в одну кучу, видимо, приобретает характер какой-то общей свалки, в которой будет разрушена вся высшая школа в Москве. Одна надежда, что все это перед концом.

19 августа / 1 сентября. Прошлой осенью мы гадали среди историков, что большевики продержатся до Успения; но вот и оно прошло, а они все еще сидят, хотя троны их, видимо, колеблются. Вчерашняя сводка показывает бои на линии Оскола, т. е. верст 45—50 восточнее, чем накануне; таким образом, прорыв к Харькову, видимо, не удастся³². Аресты, сделанные в пятницу, превосходят всякие вероятия: нахватили во всех кругах. По-видимому, арестованные исчисляются чуть ли не сотнями: брали кадетов, других партийных людей, задели Религиозно-философское общество, теософов, присяжных поверенных, гг. бывших членов Совета — словом, нельзя даже уловить нитей, которыми руководились арестовавшие, т. е. ВЧК. Общее впечатление все-таки то, что берут заложников.

Я думал и думаю о себе — т. к. невозможно уловить целей, то очень легко попасть в число жертв; посоветовавшись с Ниной, решаюсь быть осторожным и в ближайшую поездку в Москву постараюсь не ночевать дома — все-таки будет выигрыш времени. Уж очень бы не хотелось попадаться из-за двух причин: ведь все-таки, возможно, что наступают их судороги, это одно; а другое — они будут очень злы и пропасть можно ни за полушку.

Читаю «Vie et correspondance de Taine»; вот что он пишет по поводу борьбы партий после 2 декабря 1851: «Entre les coquins q'en haut et les coquins d'en bas les gens honnetes, qui pensent vont se trouver écrasés»³³ — это писано 11 декабря 1851 — как это приложимо к большевизии! Дивная погода осеннего типа. Длинная прогулка по лесу в обществе П. Н. К[аптерева] и А. И. Огнева³⁴. Нине, слава Богу, лучше.

20 августа / 2 сентября. День без известий. Провели в прогулке в село Шарاپово за 10 верст; были приняты местными крестьянами-«мастерками», которые ранее работали на шелковую фабрику в Сергиеве; теперь все это стоит в ожидании лучшего будущего. Нас угощали (нас было 9 человек) 10 яиц, чаем, сливами, фунтами 3—4 хлеба и четвертью молока; это составляет по современной оценке около 500 рублей; и за все это не взяли ничего; это дает возможность сделать 2 вывода: 1) посещение «господ» — все еще предмет тщеславия для пейзажистов и 2) они гораздо богаче нас. Прогулка была очаровательна. Я думаю, что если придется эмигрировать, то более всего будешь жалеть хороших летних и осенних дней в той русской деревне, из которой русская интеллигентская пропаганда выгнала цивилизованных людей! Смотря на море лесов, открывавшееся со здешних пригорков, я думал — вот она, страна, погибающая от отсутствия топлива! А все-таки подобная прогулка и общение с природой — это нравственная ассенизация. Благодаря ей, хоть на несколько часов забываешь о совдепии.

25 августа / 7 сентября. Провел четыре дня в Москве, где главным предметом разговоров и забот продолжают быть аресты, насчитывающиеся сотнями и тысячами. Насколько

можно было ориентироваться в причинах их, они объясняются следующим. По слухам, идущим от Ряз[анова] и Д. И. Ульянова³⁵, большевики напали на нити какого-то заговора или на нити сношений с засовдепской Россией; вариант слухов гласит, что где-то в Москве нашли список кадетского правительства, которое должно было составиться в случае прихода Мамонтова; в состав его должны были входить Авинов, Леонтьев, Котляревский, как будто Чаплыгин. Говорили, что список этот нашелся не то у Н. Н. Щепкина, не то еще у кого-то из кадетов³⁶. Если это не простая провокация, то можно ли представить себе большую глупость? И как все это по-кадетски — во-первых, все одним им, которые все проморгали, во-вторых, все наивно предается письменной записи. *Ex ungue leonem*³⁷. Узнаю коней ретивых. Благодаря этому большевики решили сделать большим неводом крупный улов, и в невод этот ловят по кадетским спискам чуть ли не с начала существования партии. Разит сеть также и народно-социалистических дураков, глупое отколовшееся от к.-д. [так в подлиннике] отродье.

Как производились аресты и засады можно усмотреть из того, что Кизеветтер с женой пришли неделю назад к Петрушевским, и сейчас же (дело было в 6 часов вечера) вслед за их приходом (за ними, вероятно, следили) туда нагрянуло ЧК и арестовало гостей и хозяина. В этот вечер у Петрушевских должны были быть гости; пришел С. Б. Веселовский, с нотами, чтоб играть на рояле, и иностранной валютой в кармане — сцапали и его; потом пришла Р. П. Богословская, также попавшаяся в ловушку; наконец, во 2-м часу ночи, М. М. Богословский явился узнать, что сделалось с его женой, и был схвачен засадой. Такие засады были устраиваемы в домах очень многих арестованных. Богословский и Петрушевский, которые не принимали участия в политике (а М. М. даже и не кадет) будут на днях выпущены. Но лицам более крупным, особенно кадетам, будет выбраться гораздо труднее. Положение таково, что никто не гарантирован от возможности сесть в Бутырки или в один из бесчисленных домов заключения в Москве (монастыри, отдельные дома, дома полицейских частей и т. д.). И признаюсь, что никогда я не чувствовал так близко над собой дамоклов меч большевицкого узилища, несмотря на мое всегдашнее отчуждение от политики.

Что бы далее ни случилось, я более, чем когда-либо, понимаю и убеждаюсь, как глубоко я был прав, сторонясь от русской политической жизни, где, кроме интриг и кружковщины, ничего не было и — увь! — не будет. Все партии — только вывески для честолюбцев и капканы для дураков; а партия господствующая еще вдобавок орудие для мерзавцев.

На фронтах за эту неделю дело складывалось благоприятно для антибольшевиков; чувствуется возможность близкого освобождения; но, как вчера сказал мне Вениамин Михайлович Хвостов, «могут быть еще зацепки», кроме того, фанатические большевики, вроде Ульяновых, будут держаться до последней минуты и креститься своим двуперстным знаменем даже когда дом, в котором они находятся, запылает со всех концов. В их психологии есть много общего с психологией раскольников-самосжигателей.

Вчера происходило заседание всех уплотняемых гуманитарных факультетов; было глупо и грустно. Благополучно совершили над собой харакири, которое довершится сегодня на заседании в комиссариате. Сегодня — день советской пропаганды; товарищи сулят звонить в Москве во все колокола и издавать все звуки, какие они в состоянии издать. Один из NN дивертисмента — «похороны буржуазной старой, отжившей Марсельезы». По этой, вероятно, причине газеты сегодня совершенно пустые.

26 августа / 8 сентября. Старый семейный торжественный день. Прогулка на велосипеде с С. Н. Каптеревым. Дивные места, о которых не знает никто, а между тем здесь могли бы возникать дачи, дачные поселки, если бы все это было в стране горилл, а не в стране людей [так в подлиннике]. Положение дома таково: Нине нужна санатория; санаторий нет, ибо или они захвачены, или в них стол неподходящий для сахарной болезни. А между тем, она нуждается в постоянном и пристальном лечении. Вот как обстоят дела в горильской большевизии.

27 августа / 9 сентября. Сводка безразличная. Гомель на осадном положении. Какие-то глупые радио каких-то эстонцев, которые желают вступить в переговоры с большевиками о мире. Или это утка, или, в худшем случае, — знак, что раздоры на белом северо-западном фронте продолжают и ухудшаются. С другой стороны, какие-то известия — из статьи Нахамкиса о сговорах в Риге, как действовать против большевиков³⁸. В Москве запрещено выходить после 11-ти часов вечера. Целый день сижу дома, и ничто меня не радует.

28 августа / 10 сентября. В ожидании известий. Газета не удовлетворяет. Слишком много в ней заведомой и наглой лжи. Слухи, которые, между прочим, отчасти оправдываются, все-таки служат коррективом к подлым словоизвержениям торжествующих русских нигилистов. Чем далее, тем более я убеждаюсь, что если мы доживем до лучшего времени, то сей-

час же необходимо будет увезти своих и все лишнее распродать, ибо смена большевиков будет только новой страницей в печальной истории так называемой русской революции; не надо повторять ошибки и оставаться здесь, когда можно будет уехать. Анархия, смуты, перевороты ждут нас в будущем, вероятно, не в малом еще количестве.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Курск был занят Добровольческой армией гораздо позже, в сентябре.
2. 3 июля, прибыв в Царицын, Деникин отдал директиву о наступлении широким фронтом на Москву. Упомянутые уездные города Курской, Воронежской и Саратовской губерний находились на трех главных направлениях наступления.
3. Правительство независимой Польши стремилось восстановить ее в границах, существовавших до первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., и старалось занять своими войсками как можно большую часть этой территории. К началу июля 1919 г. линия фронта проходила к западу от Минска (примерно по установленной Рижским мирным договором 1921 г. линии). Вскоре возобновилось наступление польской армии, и 8 августа она заняла Минск.
4. *Богодухов* — уездный город Харьковской губернии.
5. К востоку от Пскова наступление против частей Западного фронта (22 июля 1919 г. — 29 апреля 1920 г. командующий полковник В. М. Гиттис, 1881—1938) вела Северо-Западная армия (19 июня — 2 октября 1919 г. командующий генерал-майор А. П. Родзянко; см. его «Воспоминания о Северо-Западной армии». Берлин, 1921), в которую был развернут Северный корпус, и 2-я Эстонская дивизия.
6. *Елец* — уездный город Орловской, *Валуйки* — Воронежской губ., важные узловые железнодорожные станции.
7. С юга на воронежском направлении наступали части Донской армии (генерал Сидорин).
8. Обсерватория Московского университета в Симеизе.
9. *Преображенское*, *Черкизово*, *Лефортово* — исторические названия местностей в северо-восточной части Москвы. *Сухаревка* — разговорное название части Садового кольца вокруг Сухаревой башни, снесенной в начале 30-х годов. *Лосинный Остров* — лесной массив к северо-востоку от Москвы.
10. *Козлов* — казначей Румянцевского музея.
11. *Камышин*, уездный город Саратовской губ., был взят Кавказской армией (генерал Врангель) 28 июля; *Полтава* — Добровольческой армией (генерал Май-Маевский) 29 июля, *Киев* — 31 августа. 8 августа *Минск* был занят польской армией.
12. Лига наций ко всем этим военным действиям не имела и не могла иметь отношения. В то время только начал создаваться ее центральный аппарат в Женеве. Да и позже вмешательство в гражданскую войну в России могло бы быть предметом внимания Лиги только с целью ее прекращения.
13. Венгерская Советская республика перестала существовать 1 августа с вынужденным уходом коммунистов из правительства.
14. *Маросейка* — улица к северо-востоку от Кремля; *Девичье Поле* — местность к юго-западу от Кремля, за Садовым кольцом; *Донская* — улица или площадь в Замоскворечье; *Страстной бульвар* — часть Бульварного кольца к северо-западу от Кремля.
15. Так! (лат.).
16. По-видимому, этот эпизод остался неизвестным М. В. Нечкиной: о нем не упоминается в ее монографии (Нечкина М. В. В. О. Ключевский. История жизни и творчества. М. 1974).
17. *Сумы* и *Обоянь*, уездные города Харьковской и Курской губ., были взяты Первым армейским корпусом (с января 1919 г. командующий генерал-майор А. П. Кутепов) Добровольческой армии, *Борисоглебск* — Донской армией, *Борисов* (уездный город Минской губ.) заняла польская армия. Сообщение об оставлении *Мозыря*, кажется, было ошибочным.
18. 17 августа было опубликовано постановление Наркомпроса «О преобразовании Петроградских высших учебных заведений», согласно которому 1-й, 2-й и 3-й петроградские университеты реорганизовались в единый Петроградский университет, высшие экономические школы — в Народнохозяйственный институт, учено-учебные медицинские учреждения — в петроградскую Академию медицинских наук. Факультет восточных языков (наличием которого Петербургский университет отличался от других российских университетов) был выделен из университета. В Москве востоковедение преподавалось в особом учебном заведении — Лазаревском институте восточных языков.
19. *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860—1939) — журналист и издательский деятель, с конца 1898 г. издатель популярного ежемесячного оппозиционного направления «Журнала для всех», выходявшего

- в 1896—1906 гг. в Петербурге. В 1905—1906 гг. журнал сочувственно освещал революционные события; закрытый правительством, он в ноябре — декабре 1906 г. выходил как «Народная весть», а затем до конца 1908 г. как «Трудовой путь». Едва ли Миролубов жил за границей до 1913 г., так как в 1911—1913 гг. он редактировал сборники «Знание», в 1911—1914 (?) гг. фактически возглавлял редакцию «Современника», а в 1912—1913 гг. был редактором литературного отдела журнала «Заветы» (все эти издания выходили в Петербурге и в известном смысле продолжали традицию «Журнала для всех»). В 1914—1917 гг. он издавал «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (также в духе «Журнала для всех»); в апреле — ноябре 1917 г. сотрудничал в правоэсеровской газете «Воля народа». Позднее работал в Центральном кооперативном издательстве, редактировал журнал «Артельное дело».
20. *Ворожба*, важная узловая железнодорожная станция на северо-западе Харьковской губ., была взята корпусом генерала Кутепова. *Под Борисоглебском* — речь идет о начале рейда Мамонтова (см. прим. 21).
  21. Начало контрнаступления Красной Армии на Южном фронте намечалось на 2—5 августа, но подготовка затянулась, и сведения о приготовлениях дошли до противника. 10 августа 4-й Донской конный корпус (командующий генерал-лейтенант К. К. Мамонтов (Мамантов, 1869—1920) прорвал фронт на стыке армейских групп полковника Шорина и генерала Селивачева в районе Новохоперска (уездный город Воронежской губ.) и начал глубокий рейд по тылам красных войск; 18 августа Мамонтов взял Тамбов. Несмотря на это, 14—15 августа Шорин и Селивачев перешли в наступление.
  22. К *Гомелю* и *Орше* (уездным городам Могилевской губ.) двигались части польской армии, в направлении на *Дно* (узловая станция на пересечении железнодорожных линий Петроград — Витебск и Рыбинск — Псков в Порховском уезде Псковской губ.) — Северо-Западная армия, к *Киеву* и *Курску* — части Добровольческой армии. *Гадяч* (уездный город Полтавской губ.) был взят Добровольческой армией. *Прорыв в сторону Тамбова и Козлова* — рейд генерала Мамонтова. *Новый Оскол* и *Бирюч* (уездные города Курской и Воронежской губ.) были взяты частями группы Селивачева в ходе наступления на Харьков.
  23. Московские Высшие женские курсы, основанные в Герье в 1872 г., были закрыты правительством во второй половине 80-х годов XIX в., а затем вновь учреждены в 1900 году. Характеристику деятельности Герье в Московской городской думе см. в воспоминаниях Н. И. Астрова.
  24. Погоне за смертью (*фр.*).
  25. Наступление к югу от Воронежа вела группа Селивачева, на Камышин — Особая группа Шорина.
  26. *Камышин* был занят 10-й армией (26 мая — 28 декабря 1919 г. командующий подполковник Л. Л. Клюев, 1880—1943?), входившей в группу Шорина; *Валуйки* — войсками группы Селивачева. *Козлов* был взят Мамонтовым 22-го, *Елец* — 31 августа. До *Моршанска* и *Данкова* (уездные города Тамбовской и Рязанской губ.) казаки Мамонтова, кажется, не дошли.
  27. *Алатырь* — уездный город на северо-западе Симбирской губернии.
  28. *Волчанск* — уездный город Харьковской губ. на железнодорожной линии Белгород — Купянск. Дойдя в своем наступлении на Харьков до Волчанска, войска группы Селивачева начали отступление. *Селивачев Владимир Иванович* (1868—1919) — генерал-лейтенант; в Красной Армии с декабря 1918 г.; в описываемое время — помощник командующего Южным фронтом и командующий армейской группой в составе фронта. Умер 17 сентября от тифа.
  29. *Киев* был взят частями Киевской группы (командующий генерал-лейтенант Н. Бредов) Вооруженных сил Юга России 30—31 августа. К *Полоцку* подходили польские войска. *Псков* был занят войсками Западного фронта.
  30. *Родзянко Александр Павлович* (1879—?) — генерал-майор, служил в гвардии, во время первой мировой войны командовал бригадой на Северо-Западном фронте. 19 июня — 2 октября 1919 г. командующий Северо-Западной армией, в которой затем служил под началом генерала Юденича (см. его «Воспоминания о Северо-Западной Армии». Берлин. 1921). *Ливен Анатолий Павлович* (1872—1937) — князь, из старинного ливонского дворянского рода латышского происхождения, полковник. Служил в гвардии, рано ушел в отставку, но в начале мировой войны вернулся в свой полк. В январе 1919 г. сформировал в Курляндии русский антибольшевистский отряд, позднее реорганизованный в 5-ю (Ливенскую) пехотную дивизию Северо-Западной армии, которая в июне отличилась в боях под Петроградом; по состоянию здоровья (тяжелое ранение) Ливен в этих боях участия не принимал (см. его воспоминания «В южной Прибалтике (1919 г.)» в сб. «Белое дело». Вып. III. Берлин. 1927). *Балахович* — Булак-Балахович (Бэй-Булак-Балахович) Станислав Никодимович (1883—1940), офицер (кавалерист) военного времени (вступил в армию добровольцем), генерал-майор. В начале гражданской войны примкнул к красным, сформировал партизанский отряд, перешел с ним на сторону белых, служил в Северо-Западной, затем в эстонской и польской армиях. После окончания польско-советской войны 1920 г. пытался продолжать вооруженную борьбу против большевиков.

О взаимоотношениях между различными военными деятелями на Северо-Западе см. воспоминания Родзянко и Ливена, а также полковника К. К. Смирнова «Начало Северо-Западной армии» (в сб. «Белое дело». Вып. I. Берлин. 1926) и штабс-капитана И. С. Коноплина-Горного «Крестоносцы (Письма о добровольческой борьбе на Западе)» (там же. Вып. IV. Берлин. 1928).

31. Массовые аресты, начавшиеся в ночь с 28 на 29 августа, были связаны с раскрытием Национального центра. Когда заместитель начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский (1888—1940? — погиб в заключении) 22 августа доложил Ленину о предстоящих арестах, тот (запиской Дзержинскому от 23 августа) распорядился «на эту операцию обратить с у з у б о е внимание... и п о ш и р е... захватить». Этой записки нет в Полном собрании сочинений Ленина; по-видимому, она была впервые опубликована в кн. «В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.)». (М. 1987) (см.: «Красная книга ВЧК». Тт. 1, 2, а также письмо Ленина Горькому от 15 сентября 1919 г. (Полн. собр. соч. Т. 51, с. 47—49); Известия ЦК КПСС, 1989, № 1; 1990, № 2).

Алфёров Александр Данилович (?—1919) — общественный деятель, член партии кадетов, гласный Городской думы (член комитета Прогрессивной группы), один из основателей Всероссийского союза городов и член его ЦК, после Февральской революции член Комитета общественных организаций. Был близок к Национальному центру, хотя, кажется, в него не входил. Арестованы были также его жена Александра Самсоновна, руководившая вместе с ним частной женской гимназией, и еще двое их родственников, связанных с Национальным центром.

Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872—1941? — погиб в заключении) — врач-терапевт, профессор Московского университета, член партии кадетов, вероятно, к этому времени отошедший от политической деятельности. Арестован был также его брат Борис Дмитриевич, тоже кадет, живший в Москве, но преподававший в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Не будучи членом Национального центра (возможно, входил в Совет общественных деятелей), он был привлечен С. А. Котляревским к разработке проекта государственного управления будущей Россией.

Самарин Александр Дмитриевич (1868 / 1869—1932) — действительный статский советник, в 1906—1915 гг. московский губернский предводитель дворянства, с 1912 г. член Государственного совета по назначению (группа правых), в 1914—1917 гг. главноуполномоченный Российского Красного Креста, с 5 июля по 25 сентября 1915 г. и. д. обер-прокурора Св. Синода. Имел репутацию консерватора, антираспутинца. С 30 января 1918 г. председатель Совета Союза объединенных приходов православной церкви. 15 августа был арестован по делу Союза, в январе 1920 г. Московским губтрибуналом приговорен к расстрелу, «но ввиду победоносного заключения борьбы с интервентами» суд нашел «возможным заменить эту меру заключением его в тюрьму впредь до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом». Освобожденный в марте 1922 г., вновь арестован осенью 1925 г. и весной 1926 г. сослан в Якутию, откуда вернулся в 1929 г.; не получив разрешения жить в Москве, последние годы прожил в Костроме (см. о нем «Память». Вып. 3. М. 1978; Париж. 1980).

Шипов Дмитрий Николаевич (1851—1920) — общественно-политический деятель, действительный статский советник. Один из участников (с 1877 г.) и руководителей земского движения, с 1900 г. председатель Московской губземуправы. В 1905 г. один из основателей Союза 17 октября, в 1906 г. — Партии мирного обновления. В 1907—1909 гг. член Госсовета по выборам от московского земства. С 1911 г. отошел от политической деятельности. Пользовался авторитетом в либеральных кругах. Один из организаторов и первый председатель Национального центра. По-видимому, был арестован раньше (в мае 1919?); умер в Бутырской тюрьме.

Первушин Сергей Александрович (1888—?) — экономист, в описываемое время профессор экономического отделения факультета общественных наук Московского университета. В Национальный центр, по-видимому, не входил. *Будинев Дмитрий Тимофеевич* (1875—?) — врач. *О Ю. И. Базанове* никаких сведений найти не удалось. *Мать и дочь Кареевы* — возможно, жена и дочь историка и социолога, профессора Петроградского университета и члена-корреспондента (позднее почетного члена) Академии наук Н. И. Кареева (1850—1931), который одно время был членом ЦК партии кадетов и кадетской фракции в I Государственной думе. *Винкельман Наталья Андреевна* — заведующая 6-й городской школой вышивания.

32. Контрнаступление Красной Армии на Южном фронте продолжалось до 25—27 августа, но уже 26 августа началось новое наступление денкинских войск, на первом этапе которого армия Май-Маевского оттеснила группу Селивачева.
33. «Жизнь и переписка Тэна»: «Между мошенниками из верхов и мошенниками из низов находятся благородные думающие люди, которые могут оказаться раздавленными». Здесь и далее цитата из Тэна сверена по изданию: Taine H. Sa vie et sa correspondance. Correspondance de jeunesse, 1847—1853. P. 1905.
34. *А. И. Огнев* — вероятно, сын профессора И. Ф. Огнева.
35. *Ульянов Дмитрий Ильич* (1874—1943) — младший брат Ленина; с апреля 1919 г. заместитель предсе-

дателя СНК и нарком здравоохранения и социального обеспечения Крымской советской республики, с июня вместе с другими членами ее правительства находился в эвакуации в Москве.

36. Речь идет о списке членов Национального центра, найденном при обыске 28 августа у Алферова. При одновременном обыске у Щепкина был найден архив этой организации. *Авинов Николай Николаевич* (?—1937, расстрелян) — бывший член Московской городской управы; товарищ министра внутренних дел во втором составе Временного правительства, и. д. министра во время правительственного кризиса 3—23 июля. Затем работал в комиссии по выборам в Учредительное собрание; после Октябрьского переворота арестован, но вскоре освобожден. Преподавал финансовое дело в Московском коммерческом институте; позже возглавлял топливный кооператив.

Леонтьев Сергей Михайлович (1879 / 1880—?) — общественно-политический деятель, член партии кадетов. До первой мировой войны земский деятель в Ярославской губ., с начала 1915 г. заведующий отделом заказов Главного комитета по снабжению армии Всероссийского земского и городского союза (Земгора). После Февральской революции товарищ министра внутренних дел в первом составе Временного правительства; в июле вернулся на прежнюю должность в Земгоре. С весны 1918 г. член коллегии Центрального кооперативного товарищества плодоводов и огородников, где работал до ареста (в феврале 1920 г.). С октября 1917 г. член Совета общественных деятелей, с конца года заместитель председателя Совета; с весны 1918 г. его представитель в Правом центре (где играл видную роль), с весны 1919 г. — в Тактическом центре. В августе 1920 г. как один из главных руководителей последнего и член его военной комиссии приговорен к расстрелу с заменой 10 годами тюремного заключения; в 1921 г. освобожден по амнистии. Опять арестовывался во время процесса эсеров в 1922 г. (см. его показания и другие материалы о нем в «Красной книге ВЧК», а также «Воспоминания и дневники» С. П. Мельгунова. Вып. II. Париж. 1964).

Щепкин Николай Николаевич (1854—1919) — предприниматель, общественно-политический деятель. Долголетний гласный Московской городской думы; в 1890-е годы товарищ городского головы. Участник земско-городского движения; один из основателей КДП в Москве и руководителей московской группы левых кадетов, член ЦК партии; тесно сотрудничал с С. А. Муромцевым и Ф. Ф. Кокошкиным в разработке основ конституционного строя. Депутат IV Государственной думы. Во время первой мировой войны один из учредителей Всероссийского союза городов, член его Главного комитета и особоуполномоченный на Западном фронте. После Февральской революции член Комитета общественных организаций в Москве, с 7 апреля председатель Туркестанского комитета, осуществлявшего власть Временного правительства на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, а также в Бухаре и Хиве. С весны 1918 г. один из организаторов и руководителей Союза возрождения и Национального центра; с начала 1919 г. председатель Национального центра. С апреля 1919 г. его и Союза возрождения представитель в Тактическом центре, член его военной комиссии, руководитель антикоммунистического подполья в Москве. Арестован 27 или 28 августа; в заключении держался достойно, не скрывал своих взглядов. «Мой дед, — писал он в своих показаниях, — знаменитый актер М. С. Щепкин, был крепостным и преемственно завещал нам идею борьбы со всяким крепостничеством, какими бы красивыми лозунгами оно ни прикрывалось». В конце сентября расстрелян без суда во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК (см. статью о нем Н. И. Астрова в сб. «Памяти погибших». Париж. 1930; воспоминания Астрова и материалы «Красной книги ВЧК»).

37. По когтям узнают льва (*лат.*).

38. Переговоры эстонского правительства с большевиками начались 10 сентября. 26 августа в Риге состоялся военный совет, на котором было решено определить районы военных действий Северо-Западной и вновь образуемой Западной добровольческой армии. В Западную армию был преобразован (официально 5 сентября) Особый русский корпус, состоявший из на вербованных в Германии бывших военнопленных и немецких добровольцев; командующим армией стал командир корпуса генерал-майор П. Р. Бермондт-Авалов (1877 — после 1925), придерживавшийся германской ориентации и отказавшийся подчиниться генералу Юденичу.

Секретная советско-югославская переписка 1948 года

29 июня 1948 г. после ноля часов по московскому времени телеграфные агентства СССР и ряда восточноевропейских стран передали сенсационное сообщение, что «во второй половине июня» в Румынии состоялось совещание Информационного бюро коммунистических партий, которое «обсудило вопрос о положении в Коммунистической партии Югославии» и «единодушно приняло» резолюцию. В ней руководство Компартии Югославии (КПЮ) обвинялось в том, что оно «за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма», противопоставило себя ВКП(б) и другим компартиям, входящим в Информбюро, встало «на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь измены делу международной солидарности трудящихся и перехода на позиции национализма».

В резолюции говорилось, что «ЦК КПЮ ставит себя и Югославскую компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта и, следовательно, вне рядов Информбюро». В качестве основного практического вывода в резолюции выдвигалась перед «здоровыми силами КПЮ» задача «заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, — сменить их и выдвинуть новое интернационалистическое руководство КПЮ»¹.

Сенсация была тем большей, что вплоть до этого дня Югославия и ее компартия на протяжении первых послевоенных лет были широко известны в качестве советского «союзника № 1», занимавшего особое место среди других восточноевропейских «народных демократий» и партий — членов Информбюро, резиденция которого находилась в Белграде. Югославское руководство, осмелившееся возражать против инкриминированного ему «криминала», было вскоре объявлено «бандой империалистических наймитов, убийц и шпионов», что получило официальное закрепление в резолюции Информбюро по югославскому вопросу, принятой в ноябре 1949 года². СССР и другие социалистические страны прервали с Югославией все отношения за исключением формально сохранявшихся дипломатических, ей была объявлена «холодная война», сопровождавшаяся угрозами перерасти в «горячую». И лишь после смерти Сталина советское руководство в середине 50-х годов прекратило этот конфликт, хотя его последствия в той или иной мере долго еще давали о себе знать — вплоть до подписания Советско-югославской декларации в марте 1988 года.

История того, почему и каким образом возникло столкновение 1948 г., уже более 40 лет исследуется в зарубежной литературе. В нашей же стране эта тема долгие годы была под запретом. В сталинские времена о конфликте писали (в прессе, в многочисленных пропагандистских брошюрах) только то, что было предписано свыше, перетолковывая все те же резолюции Информбюро. Этим и ограничивалась тогда «документальная часть» освещения кон-

фликта, дополняемая разве что отчетами с инсценированных судебных процессов в восточноевропейских странах — над Л. Райком, Т. Костовым, Р. Сланским и другими. Ни о каком намеке на подлинную историю того, как возник конфликт, не могло быть в этих условиях и речи. Сталинские наследники, хотя и приступили к критике «культы личности», стремились вместе с тем скрыть скандальную картину фабрикации «югославского дела».

Лишь в 1988 г., когда во время советско-югославских переговоров на высшем уровне была дана новая политическая оценка конфликта 1948 г., советские историки получили, наконец, возможность приступить к исследованию его истории. Первым научным обсуждением этой темы стал «круглый стол» в июне 1988 г.³, а затем появились и первые статьи⁴. Но к тому времени все еще сохранялась в тайне документация об истинных источниках конфликта, о том, когда и каким образом он возник и как развивался до того, как с обнародованием резолюции Информбюро в июне 1948 г. превратился в открытый разрыв. При рассмотрении этих вопросов использовались почти исключительно те материалы, которые были опубликованы в Югославии. Среди них центральное место занимала секретная переписка между советским и югославским руководством в течение трех с лишним месяцев, предшествовавших резолюции 1948 г., в которой, в частности, отмечалось, что «Информбюро солидаризируется с оценкой положения в Югославской компартии, критикой ошибок ЦК КПЮ и политическим анализом этих ошибок, изложенных в письмах ЦК ВКП(б) к ЦК КПЮ за март—май 1948 г.». О письмах же югославского руководства не упоминалось. Об их существовании говорилось в заявлении ЦК КПЮ по поводу резолюции Информбюро, обнародованном 29—30 июня 1948 года⁵.

Вначале переписка не предавалась гласности ни советской, ни югославской сторонами. Впрочем, советская сторона подготовила на сербско-хорватском языке составленную из ряда писем ЦК ВКП(б) брошюру для распространения в Югославии. Оно осуществлялось через посольство СССР и другие советские учреждения в Белграде и с советских судов, курсировавших по Дунаю. В Советском Союзе это издание никак не фигурировало. В ответ на его распространение в Югославии ее власти предприняли контрход: во второй половине 1948 г. в Белграде массовым тиражом вышла брошюра⁶. В нее были включены три советских и три югославских письма, которыми руководители обеих стран обменялись в марте—мае 1948 г., а также заявление Политбюро ЦК КПЮ, направленное 20 июня в адрес Информбюро, июньская резолюция Информбюро и заявление ЦК КПЮ от 29 июня по поводу этой резолюции. Брошюра была издана на всех языках народов Югославии и на многих иностранных, получила широкую известность, особенно на Западе, многократно воспроизводилась позднее в различных изданиях. Эта брошюра стала одним из основных источников по изучению начальной, скрытой фазы конфликта. В Советском Союзе ее материалы частично использованы как в названных выше, так и в последующих работах⁷.

Полностью эти шесть писем, представляющие собой хотя и важнейшую, но лишь часть той секретной переписки между советской и югославской сторонами, у нас не публиковались. Кроме них существует еще ряд посланий, телеграмм, нот, которыми обменялись руководящие органы СССР и Югославии в связи с возникновением конфликта и его развитием в марте—июне 1948 года. Только в последнее время некоторые из этих документов начинают в том или ином виде фигурировать в советской и югославской печати⁸.

В настоящую публикацию включен 21 документ секретной советско-югославской переписки. 10 из них извлечены из югославских и советских архивов и публикуются впервые (док. 1, 2, 7—9, 13, 14, 17, 19, 21), печатаются впервые у нас и полные тексты шести писем, помещенных в югославской брошюре 1948 г.: югославские (док. 4, 6, 12) даются в переводе на русский язык, а советские (док. 5, 11, 16) — по хранящимся в Архиве Йосипа Броз Тито и Архиве ЦК СКЮ (ныне включен в архив Югославии) в Белграде русским оригиналам⁹. В публикацию также включены помещенные в «Вестнике» МИД СССР пять документов (док. 3, 10, 15, 18, 20).

Публикуемые документы охватывают время с середины марта до начала июля 1948 года. Именно тогда и начал разворачиваться советско-югославский конфликт. Уже в январе—феврале 1948 г. осложнились отношения между двумя странами. Советское руководство было недоволено некоторыми шагами югославской стороны во взаимоотношениях с Болгарией и Албанией, предпринятыми без разрешения Москвы. Это прежде всего касалось югославо-болгарского заявления от 1 августа 1947 г., в котором говорилось о согласовании двустороннего договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Оно вызвало резкую телеграмму Сталина в адрес Й. Броз Тито и Г. Димитрова. Дело в том, что они не проконсультировались с советской стороной, которая еще раньше предупреждала о необходимости подождать с подобным договором до вступления в силу мирного договора с Болгарией, что должно было

произойти лишь 15 сентября 1947 года. В Белграде и Софии приняли критику и подписали болгаро-югославский договор после того, как получили советскую санкцию на его заключение. Инцидент, сохранявшийся тремя сторонами в тайне, был как будто исчерпан.

Спустя полгода возник новый инцидент — по поводу намерения ввести югославскую дивизию в Албанию. Вопрос об этом, поставленный Тито перед Э. Ходжей 19 января 1948 г. с мотивировкой, что это необходимо для защиты Албании от греческого вторжения, также был не проконсультирован с Москвой: ее не уведомили об этом даже после того, как Ходжа 20 января ответил согласием. Советское руководство реагировало на этот раз намного острее, чем в случае с болгаро-югославским договором. В телеграммах, полученных Тито от Молотова в конце января — начале февраля 1948 г., речь шла уже о «серьезных разногласиях» между СССР и Югославией по вопросам внешней политики и взаимоотношений двух стран. Хотя Тито признал свою «ошибку», отказался от ввода войск в Албанию и заверил в неизменном проведении консультаций с СССР по внешнеполитическим проблемам, в начале февраля из Москвы последовал вызов «двух-трех ответственных представителей югославского правительства» для обсуждения «разногласий». Такой же вызов поступил в Софию: советская сторона крайне отрицательно оценила сделанное без ее ведома заявление Димитрова журналистам 17 января о перспективе создания федерации восточноевропейских стран, включая все «народные демократии», а также Грецию, где компартия вела войну за установление аналогичного режима.

На состоявшейся 10 февраля 1948 г. в Кремле трехсторонней секретной встрече советские участники, прежде всего Сталин и Молотов (присутствовали также А. А. Жданов, Г. М. Маленков, М. А. Сулов и В. А. Зорин), обрушились на болгар (в делегацию, возглавляемую Димитровым, входили В. Коларов и Т. Костов) и югославов (делегация состояла из Э. Карделя, руководившего ею, М. Джиласа и В. Бакарича) за «самостийные» действия¹⁰. Югославская и болгарская делегации не оспаривали «право» Москвы на подобное «разбирательство» и, действуя вполне в духе отношений, складывавшихся тогда внутри «социалистического лагеря», в целом «признавали ошибки». Результатом встречи стали предложенные советским руководством и подписанные на следующий день официальные (но не подлежащие публикации) протоколы с обязательством о консультациях по международным вопросам как между СССР и Югославией, так и между СССР и Болгарией¹¹. И хотя Сталин подчеркивал на встрече «взаимость» обязательств, на деле протоколы вели к ужесточению советского контроля за действиями Белграда и Софии.

Несмотря на это, югославы вновь позволили себе «вольности» — на сей раз в отношении указаний, полученных на трехстороннем совещании в Кремле. Одним из них была рекомендация Сталина свернуть борьбу руководимых компартией Греции (КПГ) партизанских сил и прекратить помощь, которая им оказывалась с территории Югославии, Албании и Болгарии¹². 21 февраля 1948 г., во время состоявшейся в Белграде беседы Тито, Карделя и Джиласа с генеральным секретарем КПГ Н. Захариадисом и членом Политбюро, секретарем ЦК КПГ И. Иоаннидисом югославы, известив собеседников о советской позиции, согласились, однако, вопреки ей с предложением руководителей КПГ продолжить партизанское движение в Греции и оказание ему помощи из Югославии¹³.

Почти одновременно Белград предпринял шаги, противоречившие советскому запрету на размещение югославских войск в Албании. 25 февраля на совещании в Тиране албанских политических и военных руководителей во главе с Ходжей и югославских представителей — начальника военной миссии генерала М. Купрешанина и уполномоченного ЦК КПЮ С. Златича вновь обсуждался план ввода югославских войск в Албанию. При этом была достигнута договоренность, что ее правительство от своего имени поставит этот вопрос перед советским правительством¹⁴. Возможно, подлинной причиной намерений югославского руководства разместить свои войска в Албании была не угроза ей со стороны греческих «монархо-фашистов», а стремление упрочить роль «патрона» в отношении ее, которую Югославия играла в первые послевоенные годы (в Белграде опасались все более непосредственного советского участия в албанских делах)¹⁵.

На созванном затем расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта 1948 г. было решено отстаивать югославские позиции в Албании¹⁶. Видимо, в русле этих усилий Купрешанин и Златич, как сообщалось в письме Ходжи Тито от 17 марта, стали «в неофициальной форме» советовать албанскому руководству «проявить инициативу» и предложить объединение Албании и Югославии¹⁷. Тем самым нарушалось данное Сталиным на встрече в Кремле указание не форсировать объединение Албании с Югославией, а сначала осуществить создание югославо-болгарской федерации.

Но как раз от образования федерации с Болгарией югославская сторона после встречи

10 февраля решила отказаться. Подобная точка зрения была высказана самим Тито на заседании Политбюро ЦК КПЮ 19 февраля, на котором заслушивался отчет Джиласа о переговорах в Москве. При этом Тито сослался на то, что создание федерации еще не «созрело», а экономические трудности Югославии такой шаг мог бы в данный момент только увеличить¹⁸. До сих пор об этом заседании нигде не упоминалось. В югославской литературе говорилось лишь об уже названном выше расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта, где также были — как теперь выясняется, вторично, в присутствии большего круга участников — рассмотрены итоги переговоров в Москве и, соответственно, состояние советско-югославских отношений. Тогда был сделан вывод, что СССР не хочет считаться с интересами Югославии, как и других «народных демократий», стремится навязать им свои желания, оказывает давление. Требование о создании югославо-болгарской федерации, выдвинутое советской стороной, было оценено как попытка подчинить себе Югославию с помощью советского влияния на руководство Болгарии, а потому — как неприемлемое отвергнуто, по крайней мере на данном этапе¹⁹.

О том, что югославское руководство нарушает указания Москвы, советское руководство было, разумеется, осведомлено. Член Политбюро ЦК КПЮ и министр в правительстве Югославии С. Жуйович тайно информировал посольство СССР в Белграде о том, что происходило на расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта, и эта информация была срочно передана в Москву. В посольской телеграмме сообщалось, со слов Жуйовича, не только о позиции, занятой югославами по поводу Албании и образования федерации с Болгарией, но и о критике советской политики, высказанной Тито и другими участниками заседания²⁰. С точки зрения Сталина, стремившегося ко всемерному усилению и закреплению советской доминации над «народными демократиями», такого рода «вольности» представляли собой недопустимую «крамолу». В этих условиях принятие «мер» против «ослушников» оказывалось лишь вопросом времени.

Однако советское руководство на сей раз предпочло не выдвигать прямых претензий к Белграду по поводу его балканской политики. Напряженность, нараставшая в советско-югославских отношениях, стала проявляться в вопросах, касавшихся экономической и военно-экономической помощи СССР Югославии, финансовых расчетов, условий деятельности в Югославии советских военных советников и гражданских специалистов. Теперь, когда югославы осмелились пренебречь указаниями Сталина, эти обычные и вполне разрешимые проблемы использовались советской стороной для давления на Белград, стали прелюдией к начатой затем атаке на «непокорных».

После того, как югославское руководство решило установить контроль над передачей советским представителям важной информации об экономическом положении страны (до этого представители СССР свободно получали любые сведения во всех ее учреждениях), 18 марта 1948 г. из Москвы последовало уведомление об отзыве из Югославии всех советских военных советников и гражданских специалистов. Конечно, попытка Белграда по своему усмотрению решать, что надлежит, а что не надлежит знать советским представителям, была для Москвы «криминалом». Показательно, что, когда несколько месяцев спустя такие же действия были предприняты Т. Костовым, это вызвало ярость Сталина; он заявил болгарским руководителям: «С этого именно и начинается наш конфликт с Тито»²¹.

Видимо, это серьезно дополнило основную причину сталинской враждебности к югославскому руководству — нарушение им директив, полученных в Москве 10 февраля. Любопытно, однако, что, приступив, наконец, к непосредственным действиям против югославских «ослушников», советская сторона именно об этих их «провинностях» вообще не упоминала. В советско-югославской переписке в ходе конфликта вопросы об Албании, болгаро-югославской федерации, помощи греческим партизанам не фигурировали. В качестве причины конфликта выдвигалось недружественное отношение в Югославии к советским советникам, вообще к СССР, но упор был сделан на обвинениях в отходе лидеров КПЮ от марксизма-ленинизма, в их переходе на позиции национализма.

Некоторые откровенные моменты подобных идеологических обвинений фигурировали в течение длительного времени в отчетах и донесениях, поступавших в Москву из посольства СССР в Белграде, особенно в конце 1947 — начале 1948 г., когда оно выступило даже с рекомендациями поставить вопрос о югославских «ошибках» на обсуждение между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ или «по линии Информбюро»²². Тогда эти рекомендации не были приняты. С началом конфликта, причем, случайно или нет, схема действий советской стороны повторяла рекомендации, выдвинутые посольством, фабрикация «дела», на сей раз впервые против руководства соцстраны, стала разрабатываться по испытанным канонам. Возможно, такое

развитие событий планировалось советским руководством заранее, однако более точными данными на сей счет мы пока не располагаем²².

Тем не менее архивные материалы, которые становятся в последнее время достоянием исследователей, позволяют значительно продвинуться в выяснении причин и механизма советско-югославского конфликта 1948—1953 годов. Это относится и к публикуемой ниже секретной переписке. Публикация снабжена примечаниями, которые содержат пояснения, касающиеся обстоятельств появления документов, упоминаемых в них событий и лиц. В примечаниях приводится также ряд документов, в том числе из советских и югославских архивов. Подготовка публикации, вступительная статья и примечания Л. Я. ГИБИАНСКОГО.

Примечания

1. Правда, 29.VI.1948.
2. Текст резолюции «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», а также доклада Г. Георгиу-Дежа под тем же названием см.: Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М. 1949.
3. См. Советско-югославский конфликт 1948—1953 гг.: причины, развитие, последствия и уроки. — Рабочий класс и современный мир, 1989, № 3.
4. ВОЛКОВ В. К., ГИБИАНСКИЙ Л. Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность. — Вопросы истории, 1988, № 7; ГИРЕНКО Ю. С. СССР — Югославия: 1948 год. — Новая и новейшая история, 1988, № 4.
5. 29 июня заявление было передано по югославскому радио, а на следующий день напечатано в югославской прессе вместе с резолюцией Информбюро (Борба, 30.VI.1948).
6. Писма ЦК КПЈ и писма ЦК СКП(б). Београд. 1948.
7. ЗЕЛЕНИН В. Сталин против Тито. Истоки и перипетии конфликта 1948 года. — Наука и жизнь, 1990, № 6; ГИРЕНКО Ю. С. Сталин — Тито. М. 1991.
8. См., напр., Конфликт, которого не должно было быть (из истории советско-югославских отношений). — Вестник Министерства иностранных дел СССР, 1990, № 6.
9. Цитаты из этих писем, приводившиеся до сих пор советскими авторами, были «переводом с перевода» и подчас существенно отличались от русских оригиналов.
10. Подробнее см.: ГИБИАНСКИЙ Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948—1953 гг. — Рабочий класс и современный мир, 1990, №№ 2, 5; Политические исследования, 1991, № 1; Советское славяноведение, 1991, №№ 3, 4.
11. Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije (далее — AJBT, KMJ), I-3-b/651, ll.38—39, 45, 47; Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. Док. и м-лы. М. 1969, с. 405—406.
12. На встрече в Кремле советское руководство аргументировало свою позицию сомнением относительно возможности победы партизан и уверенностью, что «англо-американцы не пожалеют сил, чтобы сохранить Грецию, а единственной серьезной для них закавыкой является то, что мы помогаем партизанам» (AJBT, KMJ, I-3-b/651, l.37). В западной литературе распространена точка зрения, что советская позиция вызывалась боязнью военного столкновения с Западом из-за Греции (см., напр., HEUSER В. Western «Containment» Policies in the Cold War: The Yugoslav Case, 1948—1953. Lnd. — N. Y. 1989, pp. 29, 31). Не исключено, однако, что немаловажное значение имело и недоверие Москвы к югославскому руководству, игравшему главную роль в осуществлении помощи греческим партизанам. Сам вопрос о свертывании партизанского движения в Греции и прекращении помощи ему был поставлен Сталиным в ответ на доводы югославы, что их намерение ввести свою дивизию в Албанию вызвано необходимостью предотвратить вторжение в нее греческих войск.
13. AJBT, KMJ, I-2/35.
14. Arhiv SK SKJ, IX, Reg.br. 1/135.
15. DJILAS M. Jahre der Macht: Kräftespiel hinter dem Eisernen Vorhang. München. 1983, S. 168—169.
16. DEDIJER V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. Beograd. 1984, s. 303—305.
17. AJBT, KMJ, I-3-b/35, l.1,3.
18. Arhiv SK SKJ, III/31a.
19. DEDIJER V. Op. cit., s. 303—307.
20. Правда, 6.III.1990.
21. ИСУСОВ М. Последната година на Трайчо Костов. София. 1990, с. 21—22.
22. Подробнее см.: Рабочий класс и современный мир, 1990, № 5.
23. См. Политические исследования, 1991, № 1, с. 195—203.

№ 1

Телеграмма В. М. Молотова Й. Броз Тито
от 13 марта 1948 года¹.

Приехал Лаврентьев² и информировал о делах.

1. Насчет тоста Гагаринова в Албании³ было расследовано по моему указанию. Выяснилось, что информация, полученная Карделем, неправильна, ибо никаких оскорбительных выражений не было высказано Гагариновым. Видимо, мы имеем здесь дело либо с недоразумением, либо с клеветой.

2. Сообщение о том, что представитель СССР Крутиков отказался заключать торговое соглашение с Югославией на 1948 год⁴, не соответствует действительности. Как известно, советско-югославское торговое соглашение на 1947—1948 гг. существует и действует. Срок этого соглашения кончается 31 мая сего года⁵. Очевидно, к этому времени придется заключить новое соглашение на 1948—1949 гг. и здесь, видимо, мы имеем дело с недоразумением или с клеветой.

3. Вопрос о курсе рубля в отношении динара, так же как и в отношении всех других иностранных валют, решен, как известно, на базе соотношения рубля и доллара. Мы не имеем здесь никаких возражений со стороны иностранных государств. Возражает только Югославия⁶. Если мы сделаем теперь исключение для динара, мы поколеблем курс рубля, на что мы никак не можем пойти.

4. По вопросу о строительстве военно-морского флота и военной промышленности в Югославии придется организовать еще несколько встреч югославских представителей с представителями СССР. Мы никогда не отказывались оказать в этом деле Югославии посильную помощь⁷. Главное здесь заключается в том, чтобы иметь от Югославии реальную и осуществимую программу строительства, которая бы учитывала наши и ваши возможности на ближайший период. В противном случае может получиться бумажная программа, не имеющая никакой ценности с точки зрения действительного строительства.

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, I-3-b/655, 1.12.

№ 2

Письмо Й. Броз Тито В. М. Молотову
от 18 марта 1948 года⁸

Изучив факты в связи с Вашей депешей от 13 марта, правительство ФНРЮ⁹ может дать следующий ответ:

1) по вопросу о заявлении Гагаринова правительство принимает к сведению объяснение, изложенное в Вашей депеше, а что касается югославских представителей, от которых правительство получило информацию, — замечает, что не может быть и речи о клевете;

2) в отношении торгового договора правительство ФНРЮ пришло к выводу, что советское правительство отказалось от заключения торгового протокола на период с мая 1948 г. до конца года, из следующих фактов:

26 февраля заместитель министра внешней торговли ФНРЮ товарищ Црнобрня и торг[овый] атташе ФНРЮ в Москве Жиберна посетили заместителя министра внешней торговли СССР¹⁰ Крутикова. При этом он им сообщил, что Министерство внешней торговли СССР изменило свою первоначальную точку зрения и не может заключить торговый протокол на период с мая до конца года. Он сообщил, что сейчас нет необходимости в присылке югославской торговой делегации в Москву и что переговоры [о заключении торгового протокола] на 1949 год будет возможно провести лишь в конце этого года. Црнобрня затем спросил, является ли это личным мнением Крутикова или точкой зрения советского правительства, которую он может сообщить своему правительству, на что он получил ответ, что это является точкой зрения советского правительства и что он может сообщить ее своему правительству. Црнобрня сразу после этого вернулся в Белград с ясного согласия Крутикова, который считал, что переговоры [о заключении торгового протокола] на 1949 год будут проведены только в конце года.

На основании такого доклада Црнобрни правительство ФНРЮ, естественно, пришло к выводу, что советское правительство не готово заключить торговый протокол на период с мая 1948 г. и до конца года, соответственно до мая 1949 г., хотя двухлетним югославо-советским договором предусматривается такой протокол. Между тем правительство ФНРЮ с удовлетворением принимает к сведению заявление в Вашей депеше о том, что советское пра-

вительство готово заключить торговый протокол на период 1948—49 года. Но, принимая во внимание приведенные выше данные, правительство ФНРЮ считает также исключенным, чтобы в связи с этим вопросом имела место в какой-либо форме клевета.

3) Что касается курса динара и рубля, то правительство ФНРЮ никогда не поднимало вопрос о генеральном изменении курса, ибо ему известно, что этот курс исходит из соотношения рубля и доллара. Правительство ФНРЮ попросило только об особом образе действий в некоторых секторах, где официальный курс рубля и динара особенно тяжело бьет по финансовым обязательствам Югославии по отношению к СССР, как, например, в отношении гражданских и военных советников, инструкторов, далее — обучения наших кадров в СССР, и т. д.

4) В отношении военных поставок югославские предложения базировались на состоявшихся ранее беседах с советскими представителями, не считавшими югославские планы чрезмерными. Лично товарищ Сталин согласился с тем, что Югославия должна иметь сильный военный флот и что СССР поможет строительству военной промышленности¹¹. Но правительство ФНРЮ приняло к сведению последние замечания советских представителей¹², хотя считает, что у них отчасти имеет место недооценка югославских материальных возможностей, и его специалисты вырабатывают новые предложения, которые будут значительно уменьшены. Совершенно понятно, что правительство ФНРЮ принимает во внимание большие потребности, которые ставит перед советским производством послевоенное восстановление и строительство СССР, поэтому правительство ФНРЮ ожидает, конечно, в этом отношении помощь СССР только в границах возможностей СССР. Дальнейший объем плана зависит от наших собственных возможностей, которые также относительно значительны. Югославское правительство придает особую важность этому плану потому, что считает, что Югославии — ввиду ее географического и политического положения — нужны сильная армия и флот, разумеется, в границах возможностей.

Ввиду всего этого правительство ФНРЮ предлагает, чтобы как можно скорее были продолжены переговоры о торговом обмене на 1948 год и о военных поставках.

18 марта 1948 г.¹³

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, I-3-b/655, 11.13—14.

№ 3

Телеграмма В. М. Молотова Й. Броз Тито или Э. Карделю¹⁴
от 18 марта 1948 года

Получено сообщение, что помощник Кидрича Срзентич¹⁵ заявил советскому торгпреду Лебедеву, что, согласно решению югославского правительства, воспрещено передавать советским органам информацию по экономическим вопросам¹⁶. Нас поразило это сообщение, так как имеется договоренность о беспрепятственном получении органами Советского правительства такого рода информации. Это тем более поразило нас, что югославские правительственные органы проводят эту меру односторонне без какого-либо предупреждения или объяснения причин. Советское правительство рассматривает подобные действия югославского правительства как акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР.

Понятно, что при таком недоверии к советским работникам в Югославии последние не могут считать себя гарантированными от аналогичных актов недружелюбия со стороны югославских органов.

Ввиду этого Советское правительство дало распоряжение министерствам черной металлургии, цветной металлургии, химической промышленности, электростанций, связи и здравоохранения немедленно отозвать в СССР всех своих специалистов и других работников¹⁷.

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, I-3-b/655, 1. 15; Вестник Министерства иностранных дел СССР, 1990, № 6, с. 60.

№ 4

Письмо Й. Броз Тито В. М. Молотову 20 марта 1948 года

В. М. Молотову, Министру иностранных дел СССР

18 марта сообщил нам ген[ерал] Барсков¹⁸, что он получил депешу от маршала Булганина, министра народной обороны СССР¹⁹, в которой нам сообщается, что Правительство

СССР решило немедленно отозвать всех военных советников и инструкторов²⁰ с мотивацией, что они «окружены недружелюбием», т. е. что по отношению к ним в Югославии поступают недружественно.

Разумеется, Правительство СССР может отозвать своих военных специалистов, когда хочет, но нас поразила мотивация, с помощью которой Правительство СССР объясняет это свое решение. Расследуя на основе этого обвинения отношение нижестоящих руководящих лиц в нашей стране к советским военным советникам и инструкторам, мы пришли к глубокому убеждению, что для такой мотивации их отзыва нет места, что на протяжении всего времени их пребывания в Югославии отношение к ним было не только хорошим, но именно братским и самым гостеприимным, каким вообще является обычно отношение к советским людям в новой Югославии. Таким образом, для нас это поистине странно, непонятно и глубоко нас задевает, поскольку мы не знаем подлинной причины этого решения Правительства СССР.

Во-вторых, 19 марта 1948 года посетил меня поверенный в делах Армянинов и сообщил содержание депеши, в которой Правительство СССР дает распоряжение об отзыве из Югославии и всех гражданских специалистов. Мотивация и этого решения для нас непонятна и удивительна. Точно, что помощник министра Кидрича, Срзентич, сделал вашему торг[овому] представителю Лебедеву заявление о том, что по решению Правительства ФНРЮ они не имеют права никому давать более важные экономические сведения, а советские люди должны обратиться за такими сведениями выше, т. е. к ЦК КПЮ и Правительству. Одновременно Срзентич сказал Лебедеву, чтобы тот обратился за интересующими его сведениями к министру Кидричу. Уже давно было сказано вашим людям, что официальные представители Советского правительства могут получить все более важные необходимые сведения непосредственно от руководства нашей страны.

Такое решение принято с нашей стороны на основе того, что каждый чиновник в наших министерствах давал кому угодно нужные и ненужные сведения. Значит, разные люди передавали государственные и экономические секреты, которые могли попасть, а некоторые и попадали в руки наших общих врагов.

У нас нет никакого специального соглашения, как указывается в депеше, относительно того, что наши люди имеют право давать без одобрения нашего Правительства или ЦК разные сведения экономического характера советским работникам в экономике кроме, разумеется, тех сведений, которые нужны им при исполнении их должности, на которой они находятся.

Каждый раз, когда посол Правительства СССР товарищ Лаврентьев просил необходимые сведения лично у меня, я ему их давал безоговорочно, и это делали и другие наши ответственные, руководящие лица. Нас бы очень поразило, если бы Советское правительство не было согласно с такой нашей позицией с государственной точки зрения.

В то же время мы вынуждены и по поводу этого случая отклонить мотивацию о каком-то «недружелюбии и недоверии» к советским специалистам и представителям в Югославии. Никто из этих людей до сегодняшнего дня не жаловался на что-нибудь подобное, хотя каждый имел возможность заявить это лично мне, так как я до сегодняшнего дня не отказал в приеме никому из советских людей, и тот же порядок действует для всех наших ответственных, руководящих лиц.

Из всего этого вытекает, что указанные выше обоснования не являются причиной для таких шагов Правительства СССР, и нашим желанием было бы то, чтобы Правительство СССР откровенно сообщило, в чем здесь дело, указало нам на все, что, по его мнению, не соответствует хорошим отношениям между нашими двумя странами. Мы считаем, что данный ход дел вреден для обеих стран и что раньше или позже необходимо будет убрать все, что мешает дружественным отношениям между нашими странами.

Если Правительство СССР черпает свою информацию от разных других людей, то мы считаем, что по отношению к такой информации нужно быть осторожным, ибо она не является всегда ни объективной, верной, ни добронамеренной.

Примите и на этот раз выражение моего уважения.

20-III-1948

Председатель Совета Министров Й. Б. Тито²¹.

Писма ЦК КПЮ и писма ЦК СКП(б). Београд. 1948, с. 17—18.

Секретно

Товарищу Тито и другим членам ЦК компартии Югославии
Ваши ответные письма от 18 и 20 марта получены.

Ваш ответ мы считаем неправдивым и потому совершенно неудовлетворительным.

1. Вопрос о Гагаринове можно считать отпавшим, поскольку Вы отказались от каких-либо обвинений в отношении Гагаринова, хотя мы продолжаем считать, что здесь имела место клевета на т. Гагаринова.

Приписываемое т. Крутикову заявление насчет будто бы отказа Советского правительства от торговых переговоров в этом году, как видно, не соответствует действительности, поскольку т. Крутиков категорически отрицает то, что ему приписывается.

2. По вопросу об отзыве военных советников источником нашей информации являются заявления органов Министерства Вооруженных Сил и сообщения самих советников. Как известно, наши военные советники направлены в Югославию по настоятельной просьбе югославского правительства, причем советские военные советники были выделены для Югославии в гораздо меньшем количестве, чем просило об этом югославское правительство. Следовательно, Советское правительство не имело намерения навязать своих советников Югославии.

Однако, впоследствии югославские военные руководители, в том числе Коче Попович²², сочли возможным заявить о необходимости сократить число советских военных советников на 60%. Это заявление мотивировалось по-разному: одни говорили, что советские военные советники слишком дорого стоят для Югославии; другие утверждали, что югославская армия не нуждается в усвоении опыта советской армии; третьи заявляли, что уставы советской армии являются трафаретом, шаблоном и не представляют ценности для югославской армии; четвертые, наконец, слишком прозрачно намекали на то, что советские военные советники даром получают жалованье, так как от них нет никакой пользы.

В свете этих фактов становится вполне понятным оскорбительное для советской армии известное заявление Джиласа на одном из заседаний ЦК югославской компартии о том, что советские офицеры стоят в моральном отношении ниже офицеров английской армии. При этом, как известно, это антисоветское заявление Джиласа не встретило отпора со стороны других членов ЦК югославской компартии²³.

Таким образом, вместо того, чтобы по-дружески договориться с Советским правительством и урегулировать вопрос о советских военных советниках, югославские военные руководители занялись шельмованием советских военных советников и дискредитацией советской армии.

Понятно, что такое положение не могло не создать вокруг советских военных советников атмосферу недружелюбия.

Было бы смешно думать, что Советское правительство согласится при таком положении оставить своих военных советников в Югославии.

Поскольку югославское правительство не давало отпора этим попыткам дискредитации советской армии, оно несет ответственность за создавшееся положение.

3. Источником нашей информации по вопросу об отзыве советских гражданских специалистов являются, главным образом, сообщения советского посла в Белграде Лаврентьева, а также заявления самих специалистов. Ваше заявление о том, что Срзентич сказал будто бы торгпреду Лебедеву, что советские люди за получением экономических сведений должны обращаться выше, т. е. в ЦК КПЮ и к Правительству Югославии, совершенно не соответствуют действительности. Вот сообщение Лаврентьева от 9 марта:

«Срзентич, помощник Кидрича по Экономсовету, заявил торгпреду Лебедеву, что имеется решение правительства, которое запрещает госорганам и учреждениям представлять кому бы то ни было какие-либо экономические материалы. Поэтому, несмотря на имевшуюся ранее договоренность, он не сможет представить Лебедеву соответствующие данные. Органам Госбезопасности поручено осуществлять за этим делом контроль. Срзентич сказал также, что Кидрич сам намерен переговорить об этом с Лебедевым».

Из сообщения Лаврентьева видно, во-первых, что Срзентич ни единым словом не упоминал о возможности получения экономической информации в ЦК или в Правительстве Югославии. И вообще смешно было бы думать, что за любой экономической информацией можно обращаться в ЦК или в Правительство, — для этого существуют нормальные хо-

зайственные органы Югославии, откуда раньше и получали советские люди необходимую экономическую информацию.

Из сообщения Лаврентьева видно, во-вторых, не то, о чем Вы пишете, а нечто совершенно противоположное, а именно то, что советские представители в Югославии отдаются под контроль и надзор органов безопасности Югославии.

Не лишне будет отметить, что подобную практику слежки за советскими представителями мы встречаем только в буржуазных странах, и то не во всех.

Следует также отметить, что югославские органы безопасности ведут слежку не только за представителями Советского правительства, но и за представителем ВКП(б) в органе Коминформа тов. Юдиным²⁴.

Было бы смешно думать, что Советское правительство согласится держать своих гражданских специалистов в Югославии при таком режиме, созданном для них.

Как видно, и здесь ответственность за создавшееся положение несет югославское правительство.

Таковы причины, вынудившие Советское правительство отозвать своих военных и гражданских специалистов из Югославии.

4. В своем письме Вы выражаете желание сообщить Вам и о других фактах, которые вызывают недовольство СССР и ведут к ухудшению отношений между СССР и Югославией. Такие факты, действительно, существуют, и хотя они не связаны с отзывом гражданских и военных советников, мы считаем необходимым сообщить их Вам.

Первое. Нам известно, что среди руководящих товарищей в Югославии имеют хождение антисоветские высказывания вроде того, что «ВКП(б) перерождается», что «в СССР господствует великодержавный шовинизм», что «СССР стремится экономически захватить Югославию», что «Коминформ является средством захвата других партий со стороны ВКП(б)» и т. п. Эти антисоветские высказывания обычно прикрываются левыми фразами о том, что «социализм в СССР перестал быть революционным», что только Югославия является подлинным носителем «революционного социализма»²⁵. Конечно, смешно слышать подобные речи о ВКП(б) от сомнительных марксистов типа Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича²⁶ и других. Но дело в том, что эти высказывания имеют давнишнее хождение среди многих руководящих деятелей Югославии, продолжают и теперь и, естественно, создают антисоветскую атмосферу, ухудшающую отношения между ВКП(б) и югославской компартией.

Мы безусловно признаем право за любой компартией, в том числе и за югославской компартией, критиковать ВКП(б), как и право ВКП(б) критиковать любую другую компартию. Но марксизм требует, чтобы критика была открытая и честная, а не закулисная и клеветническая, когда критикуемый лишен возможности отвечать на критику. Между тем, критика со стороны югославских деятелей является не открытой и честной, а закулисной и нечестной, имеющей вместе с тем двурушнический характер, ибо дискредитируя своей «критикой» ВКП(б) за спиной, они официально фарисейски хвалят ее и превозносят до небес. Именно поэтому подобная критика превращается в клевету, в попытку дискредитировать ВКП(б), в попытку развенчать советский строй.

Мы не сомневаемся, что югославские партийные массы с негодованием отвергли бы эту антисоветскую критику, как чуждую им и враждебную, если бы они знали об ее существовании. Мы думаем, что именно поэтому указанные югославские деятели стараются вести эту критику скрытно, за кулисами, за спиной масс.

Не мешает вспомнить, что когда Троцкий задумал объявить войну ВКП(б), он тоже начал с того, что стал обвинять ВКП(б) в перерождении, в национальной ограниченности, в великодержавном шовинизме. Он, конечно, прикрывал все это левыми фразами о мировой революции. Однако, как известно, Троцкий сам был перерожденцем, а потом, после того как он был разоблачен, перекочевал открыто в лагерь заклятых врагов ВКП(б) и Советского Союза.

Мы думаем, что политическая карьера Троцкого достаточно поучительна.

Второе. У нас вызывает тревогу нынешнее положение компартии Югославии. Странное впечатление производит тот факт, что компартия Югославии, являясь правящей партией, до сего времени еще не легализована полностью и все еще продолжает находиться в полулегальном состоянии. Решения органов партии как правило не публикуются в печати. Не публикуются также отчеты о партийных собраниях²⁷.

Не чувствуется в жизни компартии Югославии внутривнутрипартийной демократии. Цек партии в своем большинстве не выборный, а кооптированный. Критика и самокритика внутри партии отсутствует или почти отсутствует. Характерно, что секретарем ЦК партии по

кадрам состоит министр госбезопасности. Иначе говоря, партийные кадры отданы по сути дела под наблюдение министра госбезопасности. По теории марксизма партия должна контролировать все государственные органы страны, в том числе и министерство госбезопасности, а в Югославии получается нечто обратное, ибо партию по сути дела контролирует министерство госбезопасности. Этим должно быть и объясняется, что самодеятельность партийных масс в Югославии стоит не на должном уровне.

Понятно, что мы не можем считать такую организацию компартии марксистско-ленинской, большевистской.

В югославской компартии не чувствуется духа политики классовой борьбы. Рост капиталистических элементов в деревне, а также в городе идет полным ходом, а руководство партии не принимает мер, чтобы ограничить капиталистические элементы. Югославскую компартию убаюкивают гнилой оппортунистической теорией мирного вращивания в социализм капиталистических элементов, заимствованной у Бернштейна, Фольмара, Бухарина.

По теории марксизма-ленинизма партия расценивается как основная руководящая сила в стране, имеющая свою особую программу и не растворяющаяся в беспартийной массе. В Югославии наоборот, основной фактической руководящей силой считают Народный фронт, а партию стараются растворить в Народном фронте. В своем выступлении на 2 конгрессе Народного фронта Югославии тов. Тито говорит:

«Имеет ли коммунистическая партия в Югославии какую-нибудь другую программу, отличную от программы Народного фронта? Нет. Коммунистическая партия не имеет другой программы. Программа Народного фронта — это ее программа»²⁸.

В Югославии, оказывается, считают эту странную теорию о партии новой теорией. На самом деле здесь нет ничего нового. В России еще 40 лет тому назад одна часть меньшевиков предлагала растворить марксистскую партию в беспартийной рабочей массовой организации и заменить первую второй, а другая часть меньшевиков — растворить марксистскую партию в беспартийной трудовой рабоче-крестьянской массовой организации и заменить первую второй. Как известно, Ленин квалифицировал тогда этих меньшевиков как злостных оппортунистов и ликвидаторов партии.

Третье. Нам непонятно, почему английский шпион Велебит продолжает оставаться в системе мининдела Югославии в качестве первого помощника министра²⁹. Югославские товарищи знают, что Велебит является английским шпионом. Они знают и то, что представители Советского правительства также считают Велебита шпионом³⁰. И все же, несмотря на это, Велебит остается первым помощником мининдела Югославии. Возможно, что Югославское правительство думает использовать Велебита именно как шпиона Англии. Как известно, буржуазные правительства считают вполне допустимым иметь в своем составе шпионов великих империалистических держав, милость которых они хотят себе обеспечить, и согласны, таким образом, поставить себя под контроль этих держав. Мы считаем такую практику абсолютно недопустимой для марксистов. Как бы то ни было, Советское правительство не может поставить свою переписку с Югославским правительством под контроль английского шпиона. Понятно, что поскольку Велебит все еще остается в составе руководства иностранными делами Югославии, Советское правительство считает себя поставленным в затруднительное положение и лишено возможности вести откровенную переписку с Югославским правительством через систему мининдела Югославии.

Таковы факты, вызывающие недовольство Советского правительства и ЦК ВКП(б) и ведущие к ухудшению в отношениях между СССР и Югославией.

Эти факты, как уже сказано выше, не связаны с вопросом об отзыве военных и гражданских специалистов, тем не менее они играют немалую роль в деле ухудшения отношений между нашими странами.

27 марта 1948 года. Москва.

По поручению ЦК ВКП(б)
В. Молотов. И. Сталин.

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, I-3-b/655, I.29-36³¹.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Документ представляет собой машинописный текст на русском языке без названия, указания, кем написано и кому адресовано, и без даты. Все эти сведения установлены на основании материалов Архива внешней политики (АВП) СССР. Вероятно, документ был в таком виде передан Тито из советского посольства, которое получило шифротелеграмму от Молотова. Цитаты из этой теле-

граммы приведены (со ссылкой на АВП СССР) в книге Ю. С. Гиренко (с. 356), но при этом текст подвергся искажениям, поскольку автор, использовавший (не только в этом, но и в других случаях) не архивный источник, а документальный обзор, составленный в МИД СССР в начале 1988 г., опубликовал в качестве телеграммы изложение ее содержания, сделанное составителем этого обзора.

2. 11 марта 1948 г. посол СССР в Югославии А. И. Лаврентьев отбыл из Белграда в Москву (АВП СССР, ф. 202, оп. 5, п. 110, д. 1, л. 17).
3. 28 февраля 1948 г. Э. Кардель сказал Лаврентьеву о сообщении, полученном от югославской дипломатической миссии в Албании. В нем говорилось, что на приеме в Тиране по случаю 30-й годовщины Советской Армии поверенный в делах СССР в Албании А. Н. Гагаринов поднял тост за Тито, но с оговоркой, «если он работает на укрепление сил и единства демократического блока».
4. А. Д. Крутиков — первый заместитель министра внешней торговли СССР. Участвовал в январе — феврале 1948 г. в переговорах с находившимися в Москве югославскими представителями по вопросам экономических отношений между СССР и Югославией, в том числе о перспективах заключения нового советско-югославского протокола о товарообороте (а не «торгового соглашения») на период с 1 июня 1948 г., поскольку срок действия предыдущего протокола кончался 31 мая (см. прим. 5). В конце января министр внешней торговли СССР А. И. Микоян в беседе с югославскими представителями согласился, чтобы около 10 февраля в Москву прибыла торговая делегация Югославии для ведения переговоров о заключении нового протокола о товарообороте. Однако 22 февраля югославский посол в СССР В. Попович телеграфировал в Белград, что в этот день во время встречи с ним и находившимся в Москве заместителем министра внешней торговли Югославии Б. Црнобрней Крутиков на вопрос, когда же может приехать югославская делегация и могут начаться переговоры, ответил, что о каком-либо решении по поводу ее приема в Москве ему не известно и он спросит об этом Микояна. Затем посольство Югославии в Москве уведомило Белград, что 26 февраля на встрече с Црнобрней и югославским торгпредом В. Жиберной Крутиков заявил от имени правительства СССР, что в настоящее время ведение переговоров о заключении нового протокола о товарообороте невозможно. При этом он ссылаясь на низкие темпы югославских поставок в СССР, предусмотренных предыдущим протоколом, так что их выполнение растянется и на период после 31 мая 1948 года. Согласно югославским данным, Крутиков указал, что новый протокол имеет смысл заключить лишь на 1949 г., а переговоры могут начаться только в конце 1948 г. (АВТ, КМЖ, I-3-b/651, II.55, 57—58; I-3-b/653, II.31—33; см. также док. 2). 11 марта Тито в беседе с Лаврентьевым поднял вопрос об отказе СССР подписать новый протокол о товарообороте. В донесении об этой встрече советский посол излагал сделанное ему заявление Тито о том, что югославскому правительству непонятно, почему СССР отказывается это сделать, «в то время как с другими странами Советский Союз заключает подобные соглашения... Известно, что Югославия была верным союзником Советского Союза во время войны и в Югославии демократия укрепилась более, чем в других странах Восточной Европы. Отсутствие торгового соглашения между Югославией и Советским Союзом нельзя будет объяснить югославскому народу так, как заявили в Министерстве внешней торговли (СССР. — Л. Г.), а этого от народа не скроешь». Тито отметил, что «тем более непонятно такое решение и потому, что о нем было сообщено югославской делегации (имеется в виду Црнобрня. — Л. Г.) после двухмесячного ее пребывания в Москве». По словам Тито, подобное решение «несовместимо с дружественными отношениями между обеими странами» и такое отношение к Югославии «нас обижает». В донесении посла говорилось о высказанном Тито предположении, что, может быть, «в Советском Союзе недовольны чем-либо Югославией». «Он просил сообщить Советскому правительству, что ставит этот вопрос официально». Телеграмма Молотова от 13 марта является ответом на это донесение Лаврентьева.
5. Содержащаяся в телеграмме формулировка о «советско-югославском торговом соглашении на 1947—1948 гг.» неточна. 5 июля 1947 г. между СССР и Югославией было заключено Соглашение о товарообороте и платежах, рассчитанное на два года (то есть, до июля 1949 г.) с автоматическим продлением затем на каждый последующий год, если одна из сторон не заявит об отказе за три месяца до окончания очередного срока. В рамках соглашения должны были заключаться протоколы о взаимных поставках товаров на отдельные периоды времени (Историко-внешнеэкономическое управление Министерства внешних экономических связей СССР (архив бывшего Минвнешторга СССР), ф. Договорно-правовое управление, оп. 11876, д. 55, лл. 20—22). При подписании соглашения был подписан и протокол о товарообороте на период по 31 мая 1948 года.
6. Вопрос о соотношении рубля и динара возник между СССР и Югославией еще в 1945 году. Тогда Народный банк Югославии принял предложенное Госбанком СССР соотношение рубля и динара, построенное на устанавливаемой каждой из сторон долларовой котировке своей валюты (АВП СССР, ф. 144, оп. 5, п. 5, д. 1, л. 67; д. 2, л. 97; ф. 202, оп. 2, п. 102, д. 2, л. 109). Формально такое решение обеспечивало равноправие СССР и Югославии, фактически же давало преимущество советской стороне: Югославия не могла произвольно устанавливать курс динара к доллару, а должна была исходить из реальной покупательной способности своей валюты. СССР же устанавливал курс рубля

к доллару, подчас не считаясь с действительной стоимостью советских денег, искусственно завышая ее. Тем самым завышался и курс рубля к динару. 28 августа 1945 г. Югославия обратилась к СССР с просьбой начать переговоры о пересмотре установленного курса. В октябре это обращение было повторено (АВП СССР, ф. 144, оп. 5, п. 5, д. 2, лл. 97, 177; ф. 202, оп. 2, п. 103, д. 5, лл. 135—136). Однако 4 декабря 1945 г. советская сторона отклонила югославское предложение. В ноте, завизированной Молотовым, говорилось, что «курс динара в рублях установлен, исходя из котировки американского доллара Национальным Банком Югославии и на базе установленного Правительством СССР твердого соотношения между долларом и рублем (доллар — 5 р. 30 коп.). Следовательно, этот курс соответствует официальному курсу американского доллара в Югославии» (АВП СССР, ф. 144, оп. 5, п. 5, д. 1, л. 67). Впоследствии Югославия поднимала вопрос о более благоприятном для нее курсе при некоторых видах взаимных расчетов, о чем, в частности, и завел речь Тито в беседе в Лаврентьевым 11 марта 1948 г. (см. док. 2). В донесении Лаврентьева об этой беседе говорилось, что Тито поставил вопрос о «крайне невыгодном курсе рубля к динару».

7. Во второй половине января — начале марта 1948 г. в Москве велись переговоры между представителями югославских вооруженных сил и военной промышленности и советскими военными руководителями о новых крупных поставках Югославии вооружения, боевой техники, различных военных материалов, а также оборудования для военного производства. Шла речь и о советской помощи в осуществлении программы строительства военно-морского флота Югославии. Согласно донесениям, направлявшимся югославскими представителями в Белград, первоначально Сталин, а также руководители Министерства Вооруженных Сил и Генерального штаба СССР выражали готовность пойти навстречу югославским просьбам, однако к концу января — началу февраля советская сторона стала выражать сомнения в возможностях осуществления предложенной югославами программы. Советские представители, включая министра Н. А. Булганина и начальника Генштаба А. М. Василевского, ссылались как на ограниченность ресурсов СССР, так и на недостаточную проработанность югославских предложений, их чрезмерность с точки зрения возможностей Югославии. К концу первой декады марта переговоры были прекращены, и советская сторона рекомендовала югославам представить новую, более реалистичную программу. Югославская сторона пришла к выводу, что СССР решил отложить оказание военной помощи Югославии и что в ближайшее время видов на серьезные переговоры по этому вопросу нет (АЖВТ, КМЖ, I-3-b/651, лл. 11—12, 16, 20, 26, 41—42, 59—67). В донесении Лаврентьева о беседе с Тито 11 марта говорилось, что в ходе ее руководитель Югославии поднял и вопрос о строительстве югославского военно-морского флота.
8. Документ представляет собой машинописный текст на сербско-хорватском языке (латиницей) без названия или какого-либо указания, кому он адресован. В нескольких местах машинописный текст подвергнут правке простым карандашом, а также синим карандашом и синими чернилами. Правка простым карандашом сделана почерком Тито. Можно понять, что это дорабатывавшийся вариант письма, отосланного Молотову в ответ на его телеграмму от 13 марта (док. 1). В донесении, направленном в МИД СССР 19 марта советским поверенным в делах Д. М. Армяниновым, сообщалось о его беседе с Тито, во время которой югославский руководитель информировал его о том, что на телеграмму Молотова «он составил ответ в письменном виде и посылает с нарочным в Москву, чтобы передать через свое посольство».
9. Вместо слов «13 марта, правительство ФНРЮ» в архивном документе поставлено многоточие.
10. В документе вместо «внешней торговли СССР» ошибочно написано «иностранных дел СССР».
11. Очевидно, имеется в виду беседа Сталина в присутствии Молотова и Жданова с Джиласом 17 января 1948 г., во время которой речь шла и о программе оказания Советским Союзом военной помощи Югославии. В шифротелеграмме с информацией об этой встрече, которую Джилас послал в Белград, сообщалось, что Сталин обещал всемерно пойти навстречу югославским пожеланиям по части вооружения и военного строительства (АЖВТ, КМЖ, I-3-b/651, лл. 11—12).
12. Имеются в виду советские рекомендации, чтобы югославы представили новые, значительно более умеренные и реалистичные предложения о военной помощи, которую они хотели бы получить (см. прим. 7). Окончательно эти рекомендации были сформулированы на встрече югославских представителей с Булганиным, Василевским и другими советскими военными деятелями 9 марта 1948 г. (АЖВТ, КМЖ, I-3-b/651, лл. 66—67).
13. Первоначально простым карандашом была поставлена дата «19 марта», затем синим карандашом она переделана на «18 марта».
14. Телеграмма была послана в посольство СССР в Белграде (адресована Армянинову) для передачи Тито или Карделю.
15. *Б. Кидрич* — председатель Экономического совета и Плановой комиссии при Совете Министров Югославии. *В. Срзентич* — заместитель председателя Экономического совета.
16. 9 марта 1948 г. Лаврентьев направил в Москву телеграмму, в которой сообщалось, что Срзентич «заявил торгпреду Лебедеву, что имеется решение правительства, которое запрещает госорганам и учре-

ждениям представлять кому бы то ни было какие-либо экономические материалы. Поэтому, несмотря на имевшуюся ранее договоренность, он не может представить Лебедеву соответствующие данные. Органам госбезопасности поручено осуществлять за этим делом контроль. Срзентич сказал также, что Кидрич сам намерен переговорить об этом с Лебедевым. Считаю необходимым напомнить, что это решение было принято югославским правительством летом прошлого года. Тогда я говорил с Карделем, который и дал указание Кидричу предоставлять нам необходимые данные. На основе этой договоренности Лебедев получал от Экономсовета некоторые сведения по экономическим вопросам. Совершенно ясно, что заявление Срзентича отражает изменения в отношениях руководителей к Советскому Союзу» (Вестник МИД СССР, 1990, № 6, с. 60).

17. Советские гражданские специалисты в Югославии (число их было невелико) выполняли функции консультантов и советников в различных экономических органах, научных учреждениях, проектных организациях, на крупных хозяйственных объектах, в системе здравоохранения. Условия их работы регулировались межправительственным соглашением от 13 ноября 1945 года. В донесении, направленном из Белграда в Москву 19 марта 1948 г., Армянинов сообщил, что телеграмму Молотова он вручил Тито: «Волнуясь, Тито сказал, что он не понимает, почему так много возникло недоразумений, и затрудняется сейчас что-либо ответить», сославшись на необходимость «посоветоваться с товарищами».
18. Генерал-майор *А. Н. Барсков* возглавлял группу советских военных советников в Югославии.
19. Булганин занимал пост министра Вооруженных Сил СССР.
20. Впервые советские военные инструкторы были направлены в югославские войска по просьбе Тито еще во время войны, осенью 1944 года. Эта форма советско-югославского сотрудничества была продолжена и после войны. Советские военные советники и инструкторы были прикомандированы к руководящим военным органам, включая югославский Генштаб, к штабам воинских формирований различного уровня, к ряду военных учреждений и объектов.
21. Письмо Тито от 20 марта вместе с письмом от 18 марта, также адресованным Молотову (док. 2), было послано в Москву со специальным курьером Д. Срзентич, которая являлась заместителем начальника отдела МИД Югославии. 23 марта Срзентич прибыла в Москву и вручила письма югославскому послу в СССР В. Поповичу. 24 марта он известил Тито шифротелеграммой: «Лично маршалу. Сегодня в 4 часа 30 минут я передал лично Молотову Ваши два письма. Они ожидали с большим интересом Ваш ответ. Он (Молотов. — *Л. Г.*) был зол и мало говорил. Он подчеркнул, что у них было достаточно доказательств для принятия решения, сообщенного Вам Барсковым и Армяниновым. В конце он сказал, что конкретно ничего не может сказать, пока не познакомится с текстом Ваших писем, о ходе беседы я пошлю Вам письменный отчет с курьером. Попович». (АЖВТ, КМЖ, I-3-b/655, 125).

Обещанный отчет был составлен Поповичем на следующий день: «Отчет о беседе с Молотовым. На следующий день после прибытия курьера, товарищ Срзентич, то есть 24 марта этого года, я посетил Молотова. Ввиду важности вопроса я стремился запомнить каждое слово Молотова в течение беседы, что мне почти полностью удалось. Поэтому передаю Вам беседу целиком.

Я: Я принес вам два письма от товарища Тито в качестве ответа на ваши депеши. В Москву их доставил специальный курьер.

Молотов: Мы ожидали ответ. Из Белграда мы были извещены о том, что вчера отправился ваш специальный курьер, который везет ответ вашего правительства. Разглядывая и оригинал, и перевод на русский язык, он продолжал: Я вам сейчас более конкретно ничего не могу сказать, пока не познакомлюсь с текстом. Мы, имея достаточно доказательств, уверены в том, что ваше правительство является главным виновником, из-за чего мы были вынуждены принять решение об отзыве наших специалистов.

Я: Неужели вы действительно уверены в том, что товарищ маршал (то есть Тито. — *Л. Г.*) и члены нашего правительства могут быть виноваты в связи с этим?

Молотов: Вы можете верить во что хотите, мы, советские люди, верим только фактам и делам.

Я: Если бы вы провели в жизнь ваше решение, вы замедлите быстрое восстановление и развитие нашей страны. От этого пострадают наши народы. Это, я думаю, не может быть ни в наших, ни в ваших интересах. Не думаете ли вы, что было бы хорошо изучить все дело глубже, чтобы найти главного виновника. Я считаю — и верю, что и вы так думаете, — что наше правительство дало до сих пор поистине достаточно доказательств того, что залогом и основой нашей политики является искренняя и до конца преданная дружба с СССР?

Молотов: Советский Союз за искреннюю и дружественную политику между нашими двумя странами, за сотрудничество, но не на словах, а на деле. Советский Союз проводит такую политику в отношении вашей страны.

Я: Разве вы не можете допустить, что вы неправильно информированы и что может быть изменено ваше решение или хотя бы мотивация вашего решения.

Молотов: Я повторяю, что ваше правительство в конкретном случае виновато, мы в этом глубоко

уверены; нас интересует ответ вашего правительства, о котором я сейчас, пока не познакомлюсь с текстом, ничего не могу сказать.

Я: Я, как и все наши товарищи, уверен, что этот вопрос будет выяснен и ничто не может быть помехой укреплению и усилению наших отношений.

Молотов: Что? Это от нас не зависит.

На этом закончилась наша беседа. Молотов был очень зол. В таком тоне он никогда с нами не разговаривал. Но менее важна манера разговора со мной. Гораздо важнее то, что они не нашли нужным предупредить Вас до вынесения такого решения или побеседовать с кем-то из наших, а если необходимо, то и лично с Вами, чтобы тем способом, который до сих пор был обычным при решении между нами вопросов, — и, по моему мнению, единственно правильным — были решены спорные вопросы. У меня из беседы с Молотовым сложилось впечатление, что они получили информацию от человека или людей, которым абсолютно верят. Тем более будет труднее быстро разрешить этот вопрос. Характерно, напомню, что в то время, когда Вы получили телеграммы, на которые послали ответ, в Москве был посол Лаврентьев. Во время его пребывания в Москве я довел до сведения начальника Балканского отдела МИДа, Кирсанова, что хотел бы с ним (Лаврентьевым. — Л. Г.) встретиться. Два-три дня спустя он (Кирсанов. — Л. Г.) спросил, могу ли я принять Лаврентьева в воскресенье 21 [его] м[есяца]. Я ответил утвердительно. В субботу вечером мне из Балканского отдела сообщили, что Лаврентьев не сможет придти из-за того, что срочно вызван в Белград. Однако он отбыл не в воскресенье, когда была намечена встреча, а в понедельник.

Должен Вам сообщить, что сейчас с Министерством иностранных дел — чего, впрочем, и следовало ожидать — очень трудно вести и самые мелкие дела. Как правило, проходит очень много времени, пока мы получаем ответ на самые незначительные вопросы. На известные вопросы при всех наших настояниях и напоминаниях мы никакого ответа получить не можем. Сюда относится, например, вопрос о реализации договора, который мы подписали в прошлом году относительно покупки трофейных вагонов. Вопрос о наших вагонах, находящихся в других восточноевропейских странах. Затем вопрос о специалистах для помощи в строительстве Нового Белграда, вопрос о лечении товарища Бакича и майора Зечевича, и т. д. Я это Вам сообщаю для того, чтобы Вы знали, что их аппарат в министерстве, и не только в министерстве, но и в других учреждениях, извещен о решении правительства в отношении нашей страны.

Если они после Вашего ответа не изменят позицию, мы должны и дальше, причем немедленно, действовать в целях как можно более быстрого разрешения этого вопроса и укрепления взаимных отношений.

Я хочу — и считаю, что это было бы хорошо и полезно, — на пару дней приехать в Белград, чтобы и я включился хотя бы в сбор всех возможных данных и конкретного материала, которые бы способствовали разрешению этого вопроса. Предлагаю это и потому, что думаю, что было бы хорошо так поступить до того, как Вы, возможно, приедете сюда, когда, я в этом глубоко уверен, будут правильно решены все вопросы, интересующие обе стороны.

Примите выражения глубокого уважения и преданности. В. Попович.
Москва, 25 марта 1948 года» (АЖВТ, КМЖ, I-3-b/655, II.26—28).

О беседе с Поповичем Молотов в тот же день, 24 марта, послал информацию в Белград возвратившемуся туда Лаврентьеву. При этом, цитируя содержавшееся в письме Тито от 20 марта объяснение относительно заявления В. Срзентича советскому торгпреду И. М. Лебедеву, министр иностранных дел СССР отмечал: «Таким образом, в письме говорится, что Срзентич будто бы сказал, что советские люди должны обращаться за получением нужных сведений выше, т. е. в ЦК КПЮ и к правительству». В связи с этим послу было дано указание уточнить, насколько правильно это сообщение, ибо информация по поводу заявления Срзентича, направленная Лаврентьевым в Москву 9 марта, подобных сведений не содержала. В ответ посол подтвердил свое прежнее донесение, отстаивая тезис о его достоверности, сославшись в качестве свидетеля на заместителя торгпреда Васильева, присутствовавшего при беседе Срзентича с Лебедевым. Одновременно Лаврентьев сообщал, что «Лебедев стал получать необходимую информацию, правда, с большой задержкой и не по всем интересующим нас данным, после официальной договоренности с Карделем, на основании указаний тов. Вышинского».

В информации посла, переданной в Москву 26 марта, говорилось, что Кардель просил его поставить перед правительством СССР вопрос о том, чтобы оставить в Югославии советских гражданских специалистов, занятых проектно-изыскательскими работами по строительству промышленных объектов. Кардель сослался на то, что их отзыв сказался бы на сроках выполнения советских обязательств относительно этих объектов. «Я, — доносил Лаврентьев, — ответил, что просьбу Карделя передам в Москву, но что посольство не может приостановить выезда в СССР гражданских специалистов, поскольку имеется решение Совпра (Советского правительства. — Л. Г.). Это решение известно югославскому правительству». Советское руководство на обращение Карделя не отреагиро-

вало. За несколько дней до этого, 22 марта, Лаврентьев получил из Москвы указание: «При встрече с Тито и другими югославскими деятелями Вы не должны давать никаких разъяснений относительно последних действий Советского правительства в отношении Югославии». 23 марта Лаврентьев доложил в МИД СССР, что военные советники прекратили работу в югославской армии и на 25 марта запланирован отъезд последней группы офицеров. А 27 марта из Югославии отбыла и последняя группа гражданских специалистов.

22. Так в документе, правильно — *Коча Попович*; в то время — начальник Генерального штаба югославской армии.
23. Случай с «заявлением Джиласа» не имел никакого отношения к советским военным советникам и произошел еще в октябре 1944 года. Было это не на заседании ЦК КПЮ, а на созванном Тито совещании, в котором кроме него участвовали несколько членов Политбюро ЦК КПЮ и югославских военачальников и приглашенный на совещание начальник советской военной миссии генерал-лейтенант Н. В. Корнеев. Югославы поставили перед Корнеевым вопрос о необходимости принять меры, чтобы исключить имевшие место случаи хулиганских действий, изнасилований, грабежей, убийств, совершенных некоторыми солдатами и офицерами Красной Армии, части которой вступили на югославскую территорию и совместно с Народно-освободительной армией Югославии вели бои против гитлеровцев в ходе освобождения северо-восточных районов страны, включая Белград. Согласно мемуарам Джиласа, присутствовавшего на этой встрече, Корнеев стал «от имени Советского правительства» резко протестовать против «инсинуаций» в отношении Красной Армии. Особенно остро он реагировал на замечание Джиласа о том, что подобные действия, совершаемые советскими военнослужащими, используют «наши противники», сравнивающие поведение красноармейцев и английских офицеров, которые так себя не ведут (Джилас имел в виду британских офицеров из числа военных представителей и состава военной миссии в Югославии). Корнеев в ответ на это заявил решительный протест против «оскорбления» Красной Армии сравнением ее с армиями «капиталистических стран» (Džilil M. Razgovori sa Staljinom. Beograd. 1990, s. 60).

В этой ситуации Тито счел необходимым обратиться непосредственно к Сталину, затронув возникшую проблему в послании к нему от 29 октября 1944 года. В нем отмечались «многочисленные неподобающие поступки со стороны отдельных солдат и офицеров Красной Армии, что нашей армии и нашему народу тяжело ложится на сердце, принимая во внимание, что наш народ и армия обожают Красную Армию, идеализируют ее». Тито делал вывод, «что здесь допущено со стороны штаба фронта (3-го Украинского. — Л. Г.) упущение в том, что перед вступлением в Югославию армии не было объяснено, что она вступает в Югославию не для того, чтобы ее оккупировать, а вступает как союзник Народно-освободительной армии, чтобы вместе освободить Югославию, что Югославия это не Румыния, не Венгрия и не Болгария (то есть страны, участвовавшие в гитлеровском блоке. — Л. Г.), а страна, которая с первых дней, еще до нападения на Советский Союз, оказала сильное сопротивление немецким и другим оккупантам». Как и на совещании с Корнеевым, Тито повторил: «Боюсь, что разного рода враги все это используют в своих целях, т. е. против и Советского Союза, и нашего народно-освободительного движения».

Очевидно, руководитель Югославии опасался, что информация, полученная Сталиным от начальника советской военной миссии, может иметь тот же характер, что и протесты, высказанные Корнеевым на совещании в Белграде. Поэтому в послании от 29 октября Тито писал: «Я хотел Вам обо всем этом сообщить еще раньше, но отказался и пригласил главу вашей военной миссии генерал-лейтенанта Корнеева и просил его срочно принять меры, чтобы хотя бы уменьшить такие явления, и в то же время просил его, чтобы он сам обо всем этом сообщил в Москву». В послании подчеркивалось: «Мне очень неприятно, что я должен Вас этим беспокоить, но я считаю своим коммунистическим долгом известить Вас об этом и предпринять все, чтобы сделать невозможными такие явления» (Dokumententi o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. 1941—1945. Knj. II. Beograd. 1989, s. 297).

Однако все это не предотвратило серьезного недовольства Сталина, выраженного в его ответной телеграмме от 31 октября 1944 г., оригинал которой хранится в Архиве Йосипа Броз Тито в Белграде (она опубликована лишь в сербско-хорватском переводе). По затронутому Тито вопросу в телеграмме Сталина говорилось:

«Я понимаю трудность Вашего положения после освобождения Белграда. Вы не можете не знать, что Советское правительство, несмотря на колоссальные жертвы и потери, делает все возможное и даже невозможное, чтобы помочь Вам. Но меня поражает тот факт, что отдельные инциденты и ошибки со стороны отдельных офицеров и бойцов Красной Армии обобщают у Вас и распространяют на всю Красную Армию. Нельзя так оскорблять армию, которая помогает Вам изгонять немцев и обливается кровью в боях с немецкими захватчиками».

Не трудно понять, что семья без урода не бывает, но было бы странно оскорблять семью из-за одного урода. Если красноармейцы узнают, что Джилас и те, которые ему не возражали, считают

английских офицеров в моральном отношении выше советских офицеров, то они завывали бы от такой незаслуженной обиды» (АЖВТ, КМЈ, I-3-b/571).

Таким образом, Сталин занял позицию, которая была выражена на совещании у Тито Корнеевым и, очевидно, сообщена им в Москву. И высказывание Джиласа было интерпретировано в духе информации, поступившей от Корнеева. Вероятно, недовольство Сталина было усилено безосновательными обвинениями Тито в адрес командования 3-го Украинского фронта. Дело в том, что политорганы войск фронта проводили широкую пропагандистскую работу, разъясняя положение Югославии как союзной страны, линию советской политики на тесное сотрудничество с ее народно-освободительным движением, подчеркивая необходимость уважительного отношения к ее народу, недопустимость оскорбительных или насильственных действий против населения, чести и имущества граждан. Об этом говорилось и в специальной памятке-обращении «Воину Красной Армии о Югославии», выпущенной политуправлением 3-го Украинского фронта при вступлении советских войск в эту страну. Как правило, военнослужащие, виновные в упоминавшихся выше преступлениях против жителей, отдавались советским командованием под суд военного трибунала и подвергались суровым наказаниям вплоть до расстрела.

После получения телеграммы Сталина Джилас, названный в ней в качестве виновного, написал советскому руководителю письмо с объяснением того, что говорилось на совещании с Корнеевым у Тито. Письмо на русском языке (оригинал его не публиковался; текст изобилует ошибками и сербизмами и дается ниже с некоторыми исправлениями в соответствии с нормами русского правописания) гласило:

«Тов. И. В. Сталину. В своей телеграмме тов. Тито вы сказали, будто бы я сказал, что моральные качества английских офицеров выше советских. Только подлец и предатель мог бы сказать это (Джилас имеет в виду приписываемое ему высказывание. — Л. Г.). На этом собрании, где кроме нас — старых югославских коммунистов — был только генерал Корнеев, я сказал: «Внешнее поведение английских офицеров по отношению к нашим офицерам в Италии, а также в Югославии лучше, чем советских здесь. Конечно, у англичан подлые намерения. И враг все это будет использовать, если советские командиры не будут относиться к нам, как к друзьям и союзникам». Если вам сказали, что я сказал другое, — это неточно. Правда, не надо было это сказать перед ген. Корнеевым как начальником миссии, но мы говорили перед ним как коммунисты.

Все это было так, и это могут подтвердить все присутствующие. Поверьте, тов. Сталин, нам, югославским коммунистам, которые готовы отдать свою жизнь за великое Ваше дело и которые это подтвердили. Прошу вас, извините, что побеспокоил вас, но мне, как и остальным, было очень тяжело — выходит, что мы не благодарны Вам и Красной Армии. С глубоким уважением Милован Джилас, член ЦК КПЮ» (Архив СК СКЈ, ф. СК КРЈ 1944/610). В помете на оригинале документа указано, однако, что письмо не было отправлено. В апреле 1945 г. во время пребывания в Москве делегации правительства Югославии во главе с Тито, в состав которой входил и Джилас, с югославской стороны Сталину было разъяснено, что и как сказал Джилас Корнееву, после чего Сталин выразил удовлетворение этим разъяснением и заключил, что считает вопрос исчерпанным.

24. П. Ф. Юдин являлся представителем ЦК ВКП(б) в Информбюро коммунистических партий и главным редактором печатного органа Информбюро — газеты «За прочный мир, за народную демократию!»
25. Перечисленные обвинения повторяли ту информацию, которая (по материалам АВП СССР) содержалась в донесении Лаврентьева о расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта. На нем рассматривался отчет югославской делегации о советско-югославо-болгарской встрече в Москве 10 февраля 1948 г. Излагая то, что говорилось руководящими югославскими деятелями на заседании 1 марта, Лаврентьев ссылался на сведения, полученные от участвовавшего в заседании Жуйовича (см. также: СССР — Югославия: год 1948-й ... — Правда, 6.III.1990). Судя по протоколу заседания, опубликованному В. Дедиером, подобного рода высказывания со стороны Тито, Карделя, Джиласа и других участников действительно имели место (Dedijer V. Op. cit., s. 304—306). 7 марта из Москвы было направлено Лаврентьеву поручение Молотова уведомить Жуйовича, что «переданная им информация о положении дел в ЦК югославской компартии получена и ЦК нашей партии благодарит т. Жуйовича за это, считая, что он делает этим хорошее дело как для Советского Союза, так и для народа Югославии, разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК». Поручалось также попросить Жуйовича и впредь информировать советскую сторону.
26. Все перечисленные лица были среди выступавших на расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта 1948 года. С. Вукманович-Темпо являлся начальником политуправления Югославской Народной Армии. А. Ранкович — член Политбюро, секретарь ЦК КПЮ и министр внутренних дел Югославии был одним из трех (наряду с Карделем и Джиласом) ближайших сподвижников Тито.
27. В первые послевоенные годы в деятельности КПЮ действительно сохранялись многие формы конспиративной работы, унаследованные от предшествующего периода. Хотя партия, практически нахо-

дившаяся у власти, действовала открыто, публично провозглашалась руководящей силой, издавались ее газеты и журналы, тем не менее принадлежность к КПЮ должна была сохраняться ее членами в тайне, местонахождение партийных органов всех уровней официально не указывалось и об их деятельности ничего не сообщалось, партийные собрания и форумы — от первичной организации до съезда партии — проходили секретно, без огласки самого факта их проведения. Даже члены руководства КПЮ, включая Тито, публично фигурировали лишь как деятели государства, армии, Народного фронта, а от имени руководства КПЮ, как правило, выступал открыто только Джилас.

28. Выдержка из доклада Тито на II съезде Народного фронта Югославии 27 сентября 1947 г. процитирована неточно. В докладе говорилось: «Имеет ли Коммунистическая партия Югославии какую-то другую программу вне Народного фронта? Нет! Коммунистическая партия не имеет другой программы. Программа Народного фронта является и ее программой» (Броз Тито Ј. Изград а нове Југославије. К Њ . 2. Београд. 1948, с. 388). В том же докладе содержались положения, противоположные выдвигавшимся в письме обвинениям, будто в Югославии основной руководящей силой считают Народный фронт, а КПЮ стараются в нем растворить. Тито, наоборот, подчеркивал, что КПЮ играет «руководящую роль в Народном фронте». «После создания нового государства компартия становится предводителем во всем общественном развитии: в строительстве народной власти, т. е. организации государства, в строительстве страны, в экономической и культурной жизни и т. д. Эту роль она осуществляет как составная часть Народного фронта, ибо она является его главенствующей частью» (там же, с. 388—389). На деле КПЮ определяла деятельность Народного фронта.
29. *В. Велебит* был в то время первым заместителем министра иностранных дел Югославии.
30. Неизвестны документы, из которых бы следовало, что советская сторона информировала югославскую о том, что считает Велебита шпионом. Наоборот, в 1946 г. во время заседаний Парижской мирной конференции присутствовавшие там Кардель и Джилас информировали Молотова о том, что у югославского руководства имеются «неясности» по поводу прошлого Велебита.
31. Документ приведен по хранящемуся в Архиве Йосипа Броз Тито оригиналу на русском языке. Надписи «Секретно» на первой странице, а на последней — «По поручению ЦК ВКП(б)», подписи, дата и место сделаны от руки фиолетовыми чернилами. Все надписи, кроме подписи Сталина, сделаны рукой Молотова. Письмо доставил в Белград Лаврентьеву помощник Молотова Лавров, после чего Лаврентьев в сопровождении Армянинова выехал в Загреб, где в тот момент находился Тито, и вручил ему это письмо.

Вильбуа.

Рассказы о российском дворе.

Не следует рассчитывать на то, что читатель найдет здесь полный рассказ о всей деятельности князя Меншикова: это лишь очень краткое изложение главных событий его жизни, которые более подробно описаны в истории царствования Петра I. Те события, которые изложены здесь кратко, но более правдоподобно, чем они изложены в истории, о которой только что упоминалось, были туда включены лишь случайно, чтобы связать факты из рассказов о жизни этого князя во время его опалы.

V. Короткие рассказы о жизни князя Меншикова и его детей до 1734 года.

В 1712 или 1713 г. в Амстердаме была издана брошюра, озаглавленная «Князь Sovschimen», что означает переставленное по слогам «Меншиков». Эта книжка является скорее романом, чем описанием жизни князя Меншикова, хотя в ней и встречаются кое-где некоторые подлинные факты из его жизни, но настолько искаженные, что трудно узнать в этом правду.

Князь Александр Данилович Меншиков родился в Москве¹. Его отец был крестьянин, который зарабатывал на жизнь тем, что продавал пироги на Кремлевской площади², где он поставил ларек. Когда его сыну Александру исполнилось 13 или 14 лет, он стал посылать его по улицам с лотком и пирожками, чтобы продавать их. Большую часть времени тот проводил во дворцовом дворе, потому что там ему удалось продавать больше своего товара, чем на других площадях и перекрестках города. Он был, как говорят, довольно красивым молодым человеком веселого нрава или, лучше сказать, был проказником и поэтому веселил стрельцов из охраны Петра I, который был еще только ребенком того же возраста, что и Меншиков³. Его шутки часто веселили молодого государя. Он видел его из окон своей комнаты, которые выходили на царский двор, где молодой продавец пирожков постоянно шутил с солдатами охраны.

Однажды, когда он закричал от того, что один стрелец его слишком сильно потянул за ухо, царь велел сказать солдату, чтобы тот прекратил это, и приказал привести к себе торговца пирожками. Он появился перед царем без всякого смущения, и, когда тот задал ему несколько вопросов, отвечал остроумными шутками,

¹ Окончание. См. Вопросы истории, 1991, № 12; 1992, № 1.

которые так понравились царю, что тот взял его к себе на службу в качестве пажа. Царь приказал сейчас же выдать ему одежду. Меншиков, переодетый в чистое платье, показался царю достаточно приятным, чтобы сделать его камердинером и своим фаворитом в италийском вкусе⁴.

Этот фаворит становится столь неразлучным со своим господином, что сопровождает его повсюду, даже в государственную Боярскую думу, где он иногда осмеливался высказать свое суждение в комической форме, которая всегда нравилась царю. Часто его министры, зная, какое влияние имеет паж на их государя, пользовались этим, чтобы внушить этому от природы недоверчивому и упрямому человеку все, что они хотели, но так, чтобы он считал, что решения, принимаемые в думе, принадлежат ему самому.

Хотя Меншиков был неграмотен⁵, от природы он был наделен большим умом, вкусом к великим делам и особенно способностью к управлению, которое не всем дается. По мере того как он слышал разговоры и рассуждения о самых различных делах, прекрасно зная нрав и характер своего государя, которыми можно было легко пользоваться, Меншиков сумел, пройдя через тот период, когда он привлекал царя такими чертами, которые способствовали его первому успеху и милостям, достичь самых высоких почестей и титулов Российской империи. Он стал князем, первым сенатором, фельдмаршалом и кавалером ордена святого Андрея. Он показал, что умел по примеру своего господина замышлять и выполнять самые грандиозные планы.

Высокое мнение царя о способностях Меншикова, соединенное с тем доверием, которое он ему оказывал, привели к тому, что государь назначил его регентом империи на тот случай, когда он сам уезжал по делам или путешествовать в различные страны.

Меншиков воспользовался этим назначением, чтобы собрать огромные богатства как в пределах своей страны, так и за рубежом. Он владел таким огромным количеством земель и поместий в Российской империи, что там обычно говорили, что он мог ехать от Риги в Ливонии до Дербента в Персии и всякий раз останавливаться на ночлег в каком-нибудь из своих владений. В них насчитывалось более 150 тысяч семей крестьян, или крепостных. Эти слова — синонимы в русском языке. Всякий крестьянин является там крепостным.

Меншиков приобрел богатства и почести не только в России. Благодаря влиянию, которое, как известно, он имел на своего господина, он получал подарки и почести от всех государей Германии и Севера, которые имели отношения или вели переговоры с русским двором. Император Карл VI сделал его князем Священной Римской империи и подарил ему герцогство в Силезии. Короли датский, прусский и польский сделали его кавалером их орденов⁶, прибавив к этому значительные пенсии, которые они ему платили деньгами, не считая огромных подарков, полученных им от тех и других в виде золотых и серебряных сервизов, драгоценных камней в различных важных случаях, когда эти короли нуждались в его посредничестве для переговоров с царем.

Когда царь вернулся однажды из-за границы и захотел узнать, что же происходило в его государстве за время его отсутствия, то нашлось немало людей, которые постарались открыть глаза его величеству на то, до какой степени могущества он поднял Меншикова и как последний этим злоупотреблял. Всем было известно, что доказательства этому можно было найти повсюду, и сам Меншиков, понимая это, жил в постоянном страхе, свойственном всякому человеку, который знает, что по его делу ведется следствие и что его ждет скорая гибель. Действительно, царь намеревался на примере своего фаворита дать блестящий пример справедливости и строгости. Но неожиданно неслыханный дебош, к счастью для Меншикова, свел монарха в могилу, не дав последнему времени ни в малейшей степени урегулировать вопрос о своем преемнике.

Меншиков, еще не будучи лишенным всех званий и почестей, воспрянул духом после смерти царя. Он имел звание фельдмаршала и возглавлял войска. Дом, где собирались сенаторы для обсуждения вопроса о том, кому отдать корону⁷, был окружен солдатами. Войдя затем в эту ассамблею, где ранг первого министра давал ему значительные преимущества, он способствовал тому (скорее силой, чем разумными и справедливыми доводами), чтобы посадить на трон Екатерину, вторую жену царя (Евдокия Федоровна Лопухина, первая жена Петра I, была еще жива и

находилась в монастыре), ту самую Екатерину, которая, прежде чем выйти замуж за царя, была наложницей Меншикова. Вначале она правила согласно советам Меншикова, не столько из благодарности, сколько в силу необходимости. Меншиков сразу заметил это, но сумел скрыть. Однако, опасаясь попасть в затруднительное положение, в котором он находился в конце царствования Петра I, он сразу же начал тайные переговоры с венским двором при посредничестве венского посла в России⁸, чтобы после смерти царицы Екатерины возложить корону на голову Великого князя Московского, племянника римского императора, при условии, что тот женится на старшей дочери князя Меншикова.

Царица Екатерина вскоре умерла. Если верить гласу народному и некоторым свидетельствам, ее отравил⁹ князь Меншиков, который раньше всех, предвидя эту смерть, позаботился о средствах, которые возвели бы на трон Великого князя Московского. Его происки имели такой успех, на какой он только мог надеяться. Едва Екатерина закрыла глаза, как внук Петра I, о котором до этого и не вспоминали, был провозглашен императором под именем Петра II. Первое, что сделал Меншиков как ловкий политик, было то, что он напомнил молодому царю о тех услугах, которые он ему оказал, и внушил недоверие ко всем, дав понять, что Его Величество может быть в безопасности в том случае, если предоставит ему полную власть в качестве главного управителя империи и генералиссимуса своих армий, о чем уже был составлен документ, который и был тотчас оформлен.

Вторая задача Меншикова состояла в том, чтобы немедленно приступить к бракосочетанию своей дочери с царем. Эта церемония была проведена без всякого открытого сопротивления со стороны сенаторов и других видных придворных чинов, которые были на нее приглашены. Они присутствовали там, не осмеливаясь показать ни малейшего внешнего признака своего внутреннего недовольства. Чтобы беспрепятственно достичь этой цели, он устранил от управления делами и двором многих русских вельмож, которые не очень старались скрыть все отвращение, какое у них вызывало это бракосочетание. Меншиков знал, что они в состоянии воспротивиться этому плану, когда речь пойдет о его реализации. Некоторых он заслал в Сибирь за предполагаемые преступления.

Но он ничего не предпринял против князей Долгоруких и графа Остермана, то ли потому, что плохо знал их намерения, то ли потому, что не считал их опасными противниками. Они из страха или чтобы выиграть время делали вид, что одобряют его замыслы. Можно предположить, что он их не боялся, так как разговаривал с ними только как господин, который не знает других законов, кроме своей воли. Он имел такой повелительный вид в обращении с царем, что тот, будучи еще очень молод, дрожал в его присутствии. Меншиков мешал ему в его невинных развлечениях и не позволял общаться с людьми, к которым тот питал наибольшее расположение, когда был Великим князем Московским.

Одним словом, Меншиков правил Российской империей, как настоящий скиф, то есть с истинным деспотизмом и таким тираническим, какого никогда не было ни у одного правителя в этих странах. Он полагал, что благодаря принятым им мерам и предосторожностям для укрепления своей власти ему нечего больше бояться со стороны людей. Он был занят лишь подготовкой свадьбы своей дочери с царем, когда вдруг опасно заболел, и было даже сомнительно, сумеет ли он выкарабкаться.

В течение этого времени те, кому он доверил следить за поведением своего подопечного, будущего зятя, дали немного больше свободы молодому цесаревичу. Они позволили цесаревне Елизавете и молодым князьям Долгоруким приходить иногда к нему, чтобы развлекать его. Поскольку все они были примерно одинакового возраста, ему было интереснее беседовать и шутить с ними, чем развлекаться более серьезным образом, как заставлял его делать это Меншиков, когда был здоров. Они настолько сблизились, что молодой царь не мог больше обходиться без их компании, а особенно без молодого Долгорукого.

Как только Меншиков оправился от своей болезни, он начал снова строго следить за поведением своего будущего зятя. Ему не понравилось, что цесаревне Елизавете разрешали часто навещать этого молодого монарха. Он положил этому конец, дав понять любезной тетушке, что ее слишком усердные посещения заставляли ее племянника терять попусту время и что она должна ограничить свои визиты лишь днями церемоний. Но у него не вызвали никаких опасений чувства дружбы,

которые питал царь к молодому Ивану Долгорукому, потому что он не предполагал, что отец последнего окажется достаточно смелым, чтобы предпринять что-либо, а сын — достаточно бойким, чтобы внушить царю, робкому от природы, решение избавиться от утеснения, в котором его держали.

Меншиков обманулся в своей проницательности и своих предположениях по этому поводу. Хотя действительно отец и сын сами по себе не были сильными личностями, но они имели все качества, требующиеся для того, чтобы удачно осуществить интригу, задуманную более ловкими людьми. Граф Остерман, министр, столь же смелый, сколь и просвещенный, считал их способными на это. Он ждал лишь удобного случая, чтобы внушить им мысль погубить Меншикова, которым он имел основания быть недовольным¹⁰.

Граф выбрал время, когда князь находился в Петергофе¹¹, куда он привез царя под предлогом развлечь его на охоте. Остерман решил, что это как раз подходящий случай для выполнения его замысла. Он направился ко всем сенаторам и главным гвардейским офицерам, чтобы прозондировать почву, и, встретив в каждом из них готовность попытаться сделать все, чтобы избавиться от тирании Меншикова, познакомил их со своим планом и проинструктировал каждого в отдельности о том, что тот должен делать. Свои инструкции князьям Долгоруким, отцу и сыну, он начал с того, что намекнул им: если удастся расстроить брак молодого царя с дочерью Меншикова, то народ будет в восторге, если тот женится на одной из княжен Долгоруких. Этим самым он хотел вовлечь их во все те мероприятия, которые он замыслил с сенаторами и гвардейскими офицерами.

Речь шла лишь о том, чтобы заставить молодого царя тайно покинуть Петергоф без ведома Меншикова и присоединиться к сенату, который, благодаря интригам Остермана, должен был, хотя ни один из его членов не был об этом предупрежден, собраться на даче великого канцлера Головкина в двух лье от Петергофа. Молодой князь Долгорукий, побуждаемый своим отцом, взялся привезти к ним царя. Он спал всегда в комнате его величества и как только увидел, что все уснули, предложил царю одеться и прыгнуть в окно, которое находилось не очень высоко, на первом этаже. Царь, не колеблясь, согласился и убежал, так что гвардейцы, стоявшие у его двери, ничего не заметили. Он пробежал через сад и достиг дороги, где его ждали все сенаторы и офицеры, которые проводили его с триумфом в Петербург.

Меншиков, предупрежденный слишком поздно о бегстве своего подопечного, посчитал своим долгом последовать за ним. Но, когда он прибыл туда, вся стража сменилась, а гарнизон был под ружьем, хотя он этого не приказывал. Он отправился прямо в свой дворец, чтобы подумать, какое принять решение. У входа он был остановлен отрядом гренадеров, которые окружили его дом. Он попросил разрешения войти и переговорить с царем, но ему объявили о приказе, согласно которому он должен был на следующий же день отправиться в свои владения в Раненбурге со всею семьей.

Офицеры, под охраной которых он находился, обращались с ним в этот день очень мягко. Они ему сказали, что он может взять с собой наиболее ценные вещи и увезти столько слуг, сколько пожелает. Он это сделал, хотя и подозревал, что это лишь ловушка, которую ему приготовили. Он выехал среди бела дня из Петербурга на своих самых роскошных колясках, с таким огромным багажом и такою свитой, что этот выезд был похож скорее на кортеж посла, чем на выезд пленника, которого отправляли в ссылку. Когда его арестовали от имени царя, он сказал офицеру, выполнявшему это поручение: «Я очень виноват, и признаюсь в этом¹², и такое обращение я заслужил, но не со стороны царя». Проезжая по улицам Петербурга, он приветствовал всех направо и налево. Среди этой толпы народа, сбжавшейся со всех сторон, он обращался к тем, кого знал особенно близко, и прощался с ними таким образом, что было очевидно, что его дух не был сломлен.

Едва он отъехал на два лье от Петербурга, как появился другой отряд солдат. Офицер, который ими командовал, потребовал у него от имени царя вернуть ленты орденов святого Александра¹³ и святого Андрея, Белого слона и Черного орла. «Я ожидал, — ответил он с большим хладнокровием этому офицеру, — что у меня их потребуют. Поэтому я их положил в маленькую шкатулку. Вот она. Вы там найдете эти внешние знаки ложного тщеславия, которое заставило меня их желать. Если вы, которому было поручено лишить меня их, когда-нибудь будете ими награ-

ждены, знайте на моем примере, как мало значения нужно им придавать». Ранее случалось, что в торжественные дни он носил сразу все эти ордена. Он был похож благодаря пестроте своих орденских лент, которые перекрещивались, на настоящую икону. Все кресты его лент были отделаны драгоценными бриллиантами. Трудно было найти человека, столь смешного в своем великолепии.

Офицер, взяв шкатулку, сказал, что его поручение не ограничивается только тем, чтобы потребовать у него ордена. Его миссия состояла еще и в том, чтобы отослать обратно весь его багаж и слуг, которые его сопровождали, и что он должен вместе с женою и детьми выйти из коляски и пересесть в маленькие повозки, на которых они поедут до Раненбурга. Он ответил офицеру: «Выполняйте ваши обязанности. Я готов ко всему. Чем больше вы заберете у меня, тем больше останется другим. Позаботьтесь только сказать от моего имени тем, в пользу кого пойдут эти богатства, что я их считаю гораздо больше достойными жалости, чем себя». Затем он вышел из своей коляски с непринужденным видом и, сев в крытую повозку, которую ему приготовили, сказал: «Я чувствую себя здесь гораздо лучше, чем в коляске».

Его отвезли в этом экипаже в Раненбург вместе с женою и детьми, которые находились в отдельных повозках. Он их видел только изредка, и ему не позволяли свободно беседовать с ними всякий раз, когда он того хотел. Но, когда он находил нечаянный случай, он старался ободрить их речами, сколь христианскими, столь и героическими, говоря им, что нужно терпеливо, как христианин, переносить свои несчастья, тяжесть которых, повторял он часто, вынести легче, чем бремя правления государством.

Хотя расстояние между Москвой, где находился в то время царь, и замком в Раненбурге, где находился в ссылке Меншиков, равно 150 милям, его враги считали, что он находится все еще слишком близко от царя, чтобы не опасаться его интриг. Поэтому они решили отправить его дальше, чем за 150 миль, в одно пустынное место, называемое Якутск (в действительности Меншиков был сослан в Березов. — *Ред.*), на краю Сибири. Он был туда перевезен с женою, детьми и восемью слугами, которых ему оставили, чтобы прислуживать им в ссылке.

Княгиня Меншикова в расцвете своей молодости и своей фортуны всегда заслуживала уважение благодаря своим добродетелям, кротости, набожности и своему огромному милосердию к бедным. Она умерла по дороге между Раненбургом и Рязском, где и была похоронена. Во время ее агонии муж выполнял функции священника. Об этой потере он сожалел гораздо больше, чем о потере всего имущества, почестей и свободы. Однако он не пал духом и продолжал свой путь по воде до Тобольска, столицы Сибири, где все были предупреждены о его скором приезде и ждали с нетерпением момента, когда увидят человека, который заставлял дрожать всю Российскую империю.

Первое, что предстало его взору, когда он высадился на берег, были два господина, которых он сослал когда-то в Тобольск. Они осыпали его проклятиями. Он сказал одному по пути в тюрьму, куда его везли: «Поскольку у тебя нет другого способа, учитывая то положение, в котором я нахожусь, получить от меня удовлетворение, как лишь осыпая меня оскорбительными упреками, удовлетвори этим. Я их выслушаю, не порицая твою злобу. Она справедлива, но недостойна человека, которого я принес в жертву своей политике лишь потому, что считал, что у тебя слишком много достоинства и слишком мало снисходительности, чтобы ты мог не противиться моим намерениям». «Что касается тебя, — сказал он, поворачиваясь к другому, — я не знал, что ты здесь. Это не моя вина, что ты несчастен. Ты должен это приписать какому-то тайному врагу, которого ты мог иметь в моем доме или в канцелярии коллегии и который под видом моего приказа сослал тебя в то время, когда я меньше всего об этом думал. Не зная причин твоего отсутствия и размышляя иногда над тем, почему я тебя не вижу, я испытывал тайное огорчение. Но если, для облегчения твоего неудовольствия, ты хочешь меня осыпать еще большим количеством проклятий, то продолжай. Я согласен на это».

Другой ссыльный, движимый таким же чувством мести, пробившись сквозь толпу и подняв ком грязи, бросил его в лицо молодого князя Меншикова и в его двух сестер. Отец сказал резко тому: «Этой грязью нужно бросать в меня, и если у тебя есть какая-нибудь жалоба, выскажи ее и оставь в покое этих бедных невинных детей».

В течение того недолгого времени, пока он пробыл в Тобольске, он был озабочен лишь тем, чтобы как-то обеспечить свою семью всем необходимым и смягчить нищету, в которой, как он знал, окажется семья в том ужасном крае, куда их должны были отправить. Вице-губернатор Сибири прислал ему в тюрьму 150 рублей. Эту сумму приказал выплачивать ему с семьей на пропитание царь. Меншиков заявил тому, кто принес эти деньги, что эта щедрость ему бесполезна в той местности, где он не мог ими воспользоваться. Он мог их истратить, если это ему позволят, лишь в Тобольске, купив необходимые вещи, которые облегчат его существование в том пустынном месте, куда он ехал. Его просьба была удовлетворена. Он купил топор и другие инструменты, необходимые для того, чтобы рубить и обрабатывать лес, а также орудия для обработки земли. Он запасся всякими семенами, чтобы сеять, рыболовными сетями и, наконец, большим количеством соленого мяса и рыбы для пропитания в течение того времени, пока он создаст хозяйство для поддержания существования его семьи. Деньги, которые у него остались, были розданы по его распоряжению беднякам Тобольска.

Из столицы Сибири он был перевезен вместе с детьми в Якутск в маленькой открытой повозке, в которую была впряжена одна лошадь, а в некоторых местах ее везли собаки. Перед отъездом из Раненбурга его и его детей заставили переодеться в крестьянское платье. Они были одеты в меховые шубы и шапки из бараньей шкуры, а под ними была грубая шерстяная ткань. Поездка от Тобольска до Якутска продолжалась пять месяцев, в течение которых они постоянно переносили все тягости непогоды. Однако ни его здоровье, ни здоровье его детей от этого не пострадало, хотя они были деликатного телосложения.

Однажды, когда ему приказали остановиться в избе одного сибиряка, которая находилась на дороге, туда вошел офицер, возвращавшийся с Камчатки, куда он был послан в правление Петра I, чтобы выполнить одно поручение, касающееся экспедиции капитана Беринга и открытий, которые тому было поручено сделать на Амурском побережье¹⁶. Этот офицер был ранее адъютантом князя Меншикова, которого он не узнал из-за его длинной бороды и крестьянских одежд. Но Меншиков узнал его и назвал по имени. Офицер спросил его, откуда он его знает и кто он такой? Князь ему возразил: «Разве ты не знаешь Александра?» «Какого Александра?» — резко ответил офицер. «Александра Меншикова», — сказал ему мнимый крестьянин. «Да, — сказал офицер, — я его знаю и должен его знать прекрасно, но это не ты». «Это я самый», — сказал ему Меншиков.

Офицер решил, что это слишком невероятно, и принял его за крестьянина, который тронулся умом. Он не придавал никакого значения его словам до тех пор, пока Меншиков не взял его за руку и не отвел его к слуховому окну, откуда проникал свет в лачугу, сказав при этом: «Посмотри на меня хорошенько и вспомни черты твоего бывшего генерала». Офицер, глядя на него внимательно в течение некоторого времени и узнав его, воскликнул голосом, полным удивления: «Мой князь, какими судьбами Ваша милость оказалась в таком плачевном состоянии, в каком я ее вижу?» «Отбросим эти слова «князь», «милость», — сказал Меншиков, прерывая его. — Я лишь жалкий крестьянин, каким я и родился. Бог, подняв меня на вершину человеческого тщеславия, заставил меня вернуться в мое прежнее естественное состояние».

Офицер, сомневаясь еще в том, что он видел и слышал, заметив в углу той же лачуги молодого крестьянина, который привязывал веревками подошвы своих изношенных сапог, обратился к нему тихим голосом и спросил, знает ли он человека, с которым он только что говорил. «Да, — ответил ему молодой человек громко и сердито, — это Александр, мой отец. Что, и ты тоже не хочешь узнавать нас в нашем несчастье, ты, который так долго и так часто ел наш хлеб?»

Отец, услышав такие слова своего сына, велел ему замолчать и попросил офицера приблизиться. Он ему сказал: «Брат¹⁷, прости несчастному молодому человеку его мрачное настроение. Это действительно мой сын, которого ты так часто нянчил на своих коленях. А вот и мои дочери», — добавил он, показав ему на двух молодых крестьянок, лежащих на полу. Между ними находился деревянный жбан, полный молока, в которое они макали куски пеклеванного хлеба и ели его деревянными ложками. «Старшая, которую ты видишь, имела честь быть помолвленной с государем Петром II». Офицер при слове «Петр II» выразил удивление. Меншиков, заметив это, сказал ему: «Ты удивлен и не знаешь, что и думать о моих словах,

потому что ты не ведаешь, что произошло в нашей империи в течение тех трех лет, как ты находился от нее примерно на расстоянии 2500 лье. Но твое удивление пройдет, как только ты будешь об этом осведомлен».

Воспользовавшись этим случаем, он рассказал ему обо всех трагических событиях, которые произошли, одно за другим, в России с 1725 по 1728 год. Он начал со смерти царя Петра I, о чем не знал его собеседник. Затем перешел к тому, как Екатерина, вторая жена этого императора, была возведена на трон после смерти ее мужа. Он доверительно сообщил ему о своем участии в этом деле, подробно изложил также все обстоятельства смерти этой государыни и рассказал о возведении на трон Великого князя Московского. К этому он добавил рассказ о помолвке своей старшей дочери с царем Петром II и не скрыл того, что он, Меншиков, от имени этого будущего зятя завладел всею высшею властью, которой он воспользовался как тиран из-за необходимости совершать одно преступление за другим, чтобы оставаться таким же сильным и дальше. Это могущество было таким, что по всей империи его имя стало более грозным, чем имя Петра I.

Когда он дошел до этого места в своем рассказе, он испустил глубокий вздох и сказал офицеру: «Я думал, что мне нечего бояться со стороны людей и что можно спокойно наслаждаться плодом моих трудов, или, если хочешь, моих преступлений. И вот тогда более вероломные Долгорукие, вдохновляемые и руководимые иностранцем графом Остерманом, еще более вероломным, чем они, в один момент сбросили меня с вершины величия в то ужасное состояние, в котором ты меня видишь. Я это действительно вполне заслужил. Я в этом признаюсь перед Богом и перед людьми. Вот, полюбуйся на превратности человеческой жизни. Я родился крестьянином, и вот теперь я еще более бедный крестьянин, после того как поднялся на самую высокую ступень славы, могущества и богатства. Потеря всех этих благ и свободы не причинила мне никакого страдания».

Затем, показав на своих детей и со слезами на глазах, он сказал голосом, прерывающимся от рыданий: «Вот что является предметом моих страданий: видеть, как эти невинные, родившиеся в роскоши, теперь, как и я, лишены всего и разделяют со мной наказание за мои преступления, в которых они не участвовали. Поскольку известно, что в мире совершается непрерывная перемена, я надеюсь, что справедливая судьба вернет их в лоно их родины и что их настоящее бедственное положение послужит им уроком и научит их управлять своими желаниями и страстями в условиях, более благоприятных¹⁶. Ты должен будешь отдать отчет о выполнении твоего поручения. Ты будешь иметь дело с Долгорукими. Ты не встретишь в них людей, исполненных любви к родине¹⁷, у них ты не найдешь качеств, необходимых для выполнения славных планов Петра I. Скажи им, что ты меня встретил по дороге случайно, что трудности поездки, во время которой я постоянно страдал от суровой погоды, не только не подорвали моего здоровья, но даже, кажется, закалили его так, что теперь я себя чувствую так хорошо, как никогда прежде, и что в моем заточении я пользуюсь такой свободой духа, какой я не знал тогда, когда стоял во главе всех дел».

Офицер, которому все факты, рассказанные Меншиковым, были неизвестны, слушал его с удивлением и жадностью. Он принял бы их за вымысел больного воображения, если бы солдаты, под охраной которых находился этот несчастный князь, не подтвердили бы подлинность всех этих событий по мере того, как тот их излагал. Он с сожалением расстался с князем и, прежде чем уйти, увидел, как тот сел со спокойным и веселым видом на маленькую открытую повозку, на которой он проделал большую часть своего путешествия. Он не мог сдержать слез при виде плачевного состояния, в котором находились князь и его семья. Провожая его глазами до тех пор, пока мог, он восхищался тем, что нашел его гораздо более величественным в его чрезвычайном несчастье, чем во время его возвышения.

Как только Меншиков прибыл к месту своей ссылки, он стал думать о том, как бы смягчить ее тяжелые условия. Он велел нарубить леса для постройки дома, более удобного, чем сибирская изба, которую ему предоставили для жилья. Эту работу выполняли не только те восемь крестьян, которых ему позволили взять с

собой, но он сам тоже работал топором наравне с другими. Он начал строить это здание с того, что построил часовню²⁴, к которой пристроил сени и четыре комнаты. В одной жил он с сыном, во второй — дочери, в третьей — крестьяне. Четвертая служила кладовой для продуктов. Старшая дочь, которая была помолвлена с царем Петром II, занималась вместе с крепостною женщиной приготовлением пищи для всех. Младшая, которая теперь замужем за господином Бироном, чинила одежду, стирала и отбеливала белье, а ей помогала в этой работе крестьянка.

Один сострадательный друг, имя которого никогда не узнали ни Меншиков, ни его дети, нашел способ прислать им из Тобольска через безлюдные места, которые нужно было пересечь, быка, четырех коров и птицу всех видов. Так у него появился птичий двор. В огороде он выращивал достаточное количество овощей для пропитания своей семьи в течение всего года. Он требовал от всех, живущих в его доме, чтобы они присутствовали каждый день на службе, которая проходила регулярно по утрам, в полдень, вечером и в полночь в его часовне.

Он провел шесть месяцев в этой ссылке, не проявляя никакого беспокойства духа, когда вдруг его дети заболели оспой. Первой заболела старшая дочь. Поскольку не было ни врача, ни священника, он заменял и того, и другого. После бесполезного лечения лекарствами, которое он сам назначал, считая их необходимыми для ее выздоровления, он подготовил ее к смерти с героическим мужеством христианина. Она ему отвечала как человек, которого нисколько не страшит переход из этой жизни в другой мир. Наоборот, она, казалось, желала, чтобы этот момент наступил, и он не замедлил наступить. Она умерла на руках у своего отца, который выразил свое горе лишь тем, что прижался лицом к лицу своей дочери на одну минуту. Затем, повернувшись к другой своей дочери и сыну, которые находились здесь же, он сказал им: «Научитесь умирать без сожаления о делах мира сего». Потом он запел вместе со всеми домочадцами молитвы, которые, согласно православному обряду, обычно читают по мертвым. Когда прошло 24 часа, ее перенесли с убогого ложа, на котором она умерла, в часовню, где и похоронили в его присутствии.

Брат и сестра этой несчастной княжны не замедлили заболеть той же болезнью. Они заболели одновременно, но выкарабкались более благополучно, чем она. Отец служил им и врачом, и сиделкой в течение всей болезни. Усталость от этого тяжелого занятия разрушила его здоровье до такой степени, что он заболел горячкой, которая через месяц свела его в могилу. Он едва волочил ноги, пока силы ему позволяли. Наконец, почувствовав себя совсем изнуренным, он позвал своих детей и сказал им так спокойно, что они не поверили в близость его конца:

«Дети мои, я приближаюсь к моему последнему часу. Смерть, о которой я никогда столько не размышлял, как здесь, была бы лишь утешением для меня, если бы, представ перед Богом, я должен был бы дать ему отчет лишь о том времени, что я провел в этой ссылке. Здравый смысл и религия, которыми я пренебрегал во время моего процветания, научили меня, что если суд Божий безграничен, то его милосердие, на которое я уповаю, тоже безгранично. Я расстался бы с миром и с вами совершенно довольным, если бы мои поступки были примером добродетели. Ваши сердца, которых до сих пор не коснулась испорченность, находятся еще в состоянии невинности, которую вы сохраните лучше среди этой пустыни, чем при дворе. Я не хочу, чтобы вы туда возвращались, и вспоминайте лишь о тех примерах, которые я вам дал во время пребывания здесь. Вы пожалеете об этом не раз среди большого света²⁵. Силы меня покидают. Приблизьтесь, дети мои, чтобы я мог вас благословить». Он хотел протянуть руку, но у него не было сил, и в этот момент его голова упала на плечо, по телу пробежала легкая конвульсия, и он умер. Дети похоронили его в часовне рядом с его дочерью, согласно желанию, которое он неоднократно выражал в последние дни своей жизни.

После смерти князя Меншикова и его дочери офицер, под охраной которого находилась эта несчастная семья, видя, что ему уже нечего бояться интриг со стороны этих двух сирот, из сострадания помог им вести хозяйство, основанное их отцом. Он дал им немного больше свободы, чем прежде: позволил им ходить, гулять за пределами их поселения, а также иногда отправляться слушать богослужение в Якутск.

Однажды, когда княжна Меншикова была на дороге, ведущей от их дома в эту церковь, она заметила, проходя поблизости от одной избы, человека, высовывав-

шего голову из окна этой избы. Она не придавала этому значения, приняв его за бедного русского крестьянина из-за его длинной бороды и формы его шапки. Она заметила однако, что этот человек, который сначала не узнал ее, так как она была одета крестьянкой, увидев ее ближе, выразил вдруг удивление, причина которого была ей непонятна.

Возвращаясь из церкви домой, она шла по той же дороге и увидела того же человека в том же положении и заметила на его лице желание вступить с нею в разговор. Она отошла от этой избы, чтобы избежать его назойливости. Застенчивость, свойственная девушке, заставила ее удалиться, но то, что она предполагала, случилось. Мнимый крестьянин был князем Долгоруким, который ее узнал. Он думал, что она его тоже узнала. Предполагая, что она прошла мимо, желая избежать беседы с человеком, который был причиною ее несчастья и который заслуживает с ее стороны лишь самого сильного отвращения, он назвал ее по имени.

Она удивилась, услышав свое имя в таком месте, где, как она считала, ее никто не знает. Остановившись, чтобы посмотреть внимательно на того, кто ее позвал, она хотела продолжить свой путь. Тогда этот человек крикнул ей: «Княжна, почему вы убегаете? Следует ли нам сохранять враждебность в тех местах и в том положении, в которых мы находимся?» Слово «враждебность» возбудило любопытство молодой княжны. Она подошла, чтобы рассмотреть поближе говорившего. «Кто ты?» — сказала она ему, — и какие могут быть у меня причины, чтобы тебя ненавидеть?» «Разве ты меня не узнаешь?» — возразил крестьянин. «Нет», — ответила она. «Я князь Долгорукий». Удивленная и озадаченная, она подошла поближе и, посмотрев на лицо незнакомца, казалось, узнала черты князя Долгорукого. «Действительно, я думаю, что это ты. С каких пор и за какие грехи перед Богом и царем ты находишься здесь?»

«О царе не может идти речи, — ответил Долгорукий. — Он умер через восемь дней после обручения с моей дочерью, которая здесь лежит на скамье и умирает. Ты, кажется, удивлена. Разве ты не знаешь обо всех этих событиях?» Княжна Меншикова ответила ему: «Я вижу, что ты недавно приехал сюда, если не знаешь, что в этих безлюдных местах, где нам не позволяют общаться с кем бы то ни было, мы не можем знать, что происходит там». «Да, Петр II умер, — сказал Долгорукий, — и его трон занят сейчас женщиной, которую мы туда посадили вопреки законам государства только потому, что считали, что у нее совсем другой характер. Мы предполагали, что будем жить при ее правлении более счастливо, чем при ее предшественниках и настоящих наследниках трона. Но как же мы ошиблись! Как только ее короновали, мы поняли, что она чудовище по своей жестокости, которое, чтобы утвердиться на троне, который мы ей уступили, узурпировала его и стала подозревать нас в преступлениях, чтобы потом выслать и погубить в этих краях. С нами во время поездки обращались, как с самыми закоренелыми преступниками. Нас лишили всего необходимого, и до сих пор мы лишены всего. В дороге я потерял свою жену; моя дочь сейчас умирает и, наверное, умрет. Но я надеюсь, несмотря на несчастное положение, в котором оказался, прожить еще достаточно долго, чтобы увидеть, быть может, в этих краях эту несправедливую женщину, которая принесла в жертву честолюбию и жадности трех или четырех иностранных негодяев, которые удовлетворяют ее страсти, самые блестящие роды России».

Княжна Меншикова, видя, что Долгорукий, забываясь, входил в такую ярость, что, казалось, уже не владел собой, поспешила удалиться и вернулась домой, где рассказала брату в присутствии офицера, который их охранял, о встрече с Долгоруким и о тех новостях, которые она узнала. Все еще движимый чувством мести против Долгоруких, ее брат выслушал с удовольствием рассказ об их несчастье и упрекнул сестру за то, что она убежала так поспешно вместо того, чтобы узнать побольше и затем плюнуть Долгорукому в лицо, как он того заслужил. Затем он добавил в пылу гнева, что Долгорукий не отделался бы так легко, если бы Меншиков имел случай поговорить с ним.

Эта вспышка вызвала замечание со стороны офицера, опасавшегося, как бы этот молодой человек, за поступки которого он отвечал, не осуществил свою угрозу. Он заявил им, что больше не будет им предоставлять, ни той, ни другому, такую свободу, которую он предоставлял им после смерти их отца. И что если бы отец был еще жив, он не питал бы такой ненависти к Долгоруким, а наоборот, пожалел бы их в том положении, в котором они находились.

Молодой Меншиков был смущен этим замечанием, как и своей вспышкой, и обещал, что если он увидит Долгоруких, то будет вести себя сдержанно и станет их избегать. И он держал свое слово до тех пор, пока не прибыл офицер от двора, чтобы возвратить его туда вместе с сестрою. Он объявил им, когда они меньше всего об этом думали, что царица Анна Иоанновна объявляет им свою милость и предоставляет свободу.

Первое, что они сделали, — отправились в церковь в Якутск, чтобы поблагодарить Бога. Возвращаясь и проходя мимо избы Долгоруких, они увидели их отца, выглядывавшего в окно. Долгорукий окликнул их, но они ничего ему не ответили. Тогда он крикнул: «Неужели вы все еще сохраняете злопамятство в таком месте? Поскольку ваша охрана предоставляет вам свободу, в которой мне отказано, подойдите и давайте утешим друг друга, рассказав взаимно о наших несчастьях, так как наши судьбы сходны».

Молодой князь подошел и сказал Долгорукому: «Признаюсь, что все еще сохранял против тебя злобу, но, видя тебя в таком состоянии, я чувствую, что мой гнев затухает во мне. И я тебя прощаю с таким же добрым сердцем, как тебя простил мой покойный отец. И, возможно, его мольбам, обращенным к Богу, мы обязаны своею свободой. Нас снова призывают ко двору». «Значит, вы получили разрешение туда вернуться?» — сказал ему Долгорукий, немного удивленный и глубоко вздыхая. «Да, — ответил Меншиков, — и чтобы нам не приписали еще одно преступление за то, что мы разговариваем с тобой, мы должны удалиться, и не сочти это за дурное». «Когда вы уезжаете?» — продолжал Долгорукий. «Завтра, — ответил Меншиков, — в сопровождении офицера, который привез наше помилование, а также доставил более удобные повозки, чтобы мы могли вернуться».

«Тогда прощайте, — сказал Долгорукий, — я вам желаю счастливого пути. Забудьте всю вражду, которую вы могли иметь против меня. Думайте иногда о несчастных, которые остаются здесь, лишённые всех жизненных удобств, и которых вы больше не увидите. Мы начинаем изнемогать под гнетом своей несчастной жизни. Я говорю вам совершенную правду, и если вы в этом сомневаетесь, загляните в окно и посмотрите на моего сына, дочь и невестку, тяжело больных, лежащих на полу. У них нет сил, чтобы встать. Не откажите попрощаться с ними, чтобы утешить их».

Меншиков и его сестра не могли смотреть без волнения на это зрелище. Они сказали Долгорукому, что они не могут, не совершая преступления, говорить в его пользу там, куда они поедут, но что в этих краях они постараются доставить им облегчение, которое могут, передав им дом и хозяйство, которое их отец и они сами создали здесь. «Это жилище очень удобное, — сказали они. — Там есть домашние животные, птица, продукты, которые были присланы незнакомыми друзьями по Божьему велению. Но мы не знаем, кому мы этим обязаны. Прими это от чистого сердца, как мы тебе все это отдаем. С завтрашнего же дня ты можешь вступить во владение, так как мы уезжаем рано утром».

И действительно, на другой день рано утром они отправились в столицу Сибири Тобольск. В дороге с ними не случилось ничего такого, что заслуживало бы особого упоминания. Если не говорить о том, что всю дорогу от Якутска до Тобольска они сохраняли свою крестьянскую одежду²³.

Они приехали в Москву, там их с трудом узнали, настолько нашли их изменившимися во всех отношениях²⁴. Царица приняла их с выражением удовольствия и доброты. Она взяла к себе княжну Меншикову в качестве фрейлины и затем выдала ее замуж за господина Бирона — брата Бирона, камергера русского двора и впоследствии герцога Курляндского. В описи имущества и бумаг покойного князя Меншикова нашли, что он имел значительные суммы в банках Амстердама и Венеции. Русский министр сделал несколько попыток завладеть этими деньгами на том основании, что все имущество Меншикова принадлежит царице по праву конфискации, но это осталось без результата, так как директора этих банков, в соответствии с обычаями своих стран, решительно отказались отдать деньги, принадлежащие князю Меншикову, до тех пор, пока они не будут уверены, что этот князь или его наследники будут освобождены и смогут располагать этими средствами. Предполагают, что эти деньги, которые составляют более 500 тысяч рублей, стали приданным госпожи Бирон и что именно этому обстоятельству молодой князь Меншиков

обязан тем, что получил место капитан-лейтенанта гвардии царицы и что ему возвратили пятидесятую часть тех земель, которыми владел его отец.

Тот, кто плохо знает те удивительные события, которые происходили в России Петра I, государя, необыкновенного во всем, примет этот рассказ за роман, написанный для развлечения, а не за подлинную историю. Однако в этой истории не упомянуто ни одного факта, который не был бы хорошо проверен. А что касается тех бесед, которые здесь изложены, то они все переданы на основе бесед, которые вели молодой князь Меншиков и его сестра госпожа Бирон с теми наиболее доверенными людьми, которые когда-то заботились об их воспитании и которые служили их наставниками, когда они вернулись ко двору. О беседе офицера, которого встретил князь Меншиков по дороге из Тобольска на Камчатку, он рассказывал многим людям, когда вернулся в Москву.

Примечания

1. Никто никогда не знал точно, в какой день и в каком году родился Меншиков. Он этого не знал и сам. В этом отношении он находился в том же положении, что и все простые люди в России, потому что в те времена не велось никаких записей о рождении. Лишь приблизительно лет 25 назад царь Петр издал указ о том, что все приходские священники должны вести записи о крестинах и смерти. До того времени можно было узнать о дате рождения знатных людей из частных записей, которые вел каждый отец семейства у себя в доме.
2. Кремль — это большая крепость напротив царского дворца. Она включает в себя не только императорский дворец, но также большое количество зданий, где находятся главные учреждения Российской империи.
3. В зрелом возрасте у него не сохранилось никаких черт, по которым можно было бы судить, что он был красив в юности или отрочестве. Поэтому трудно себе представить, что его красота была первопричиной его фортуны.
4. Содомия считается на Руси столь незначительным преступлением, что законы не предусматривают никакого наказания виновных в этом. За это наказывают только в войсках, где виновных, застигнутых на месте преступления, прогоняют три раза сквозь палочный строй. Это наказание было установлено военным уставом, изданным Петром I, который, как и другие, не был лишен этого порока. Он был трудолюбив, но вместе с тем являлся настоящим чудовищем сладострастия. Он был подвержен, если можно так выразиться, приступам любовной ярости, во время которых он не разбирал пола.
5. Он не умел ни читать, ни писать, но тем не менее научился, правда, довольно плохо, подписываться. Он скрывал, насколько мог, свое невежество в этой области и делал вид, когда был среди людей, которые его не знали, что держит и читает бумаги. Однако это невежество сослужило ему определенную службу. Когда его обвинили и уличили его же собственными приказами в том, что он взял себе огромные суммы и нанес своими поступками множество огромных потерь, он выдвинул основным аргументом защиты, что, не умея ни читать, ни писать, он не знал содержания этих приказов.
6. Его честолюбие доходило до того, что он мечтал об ордене Святого духа. Он даже велел прозондировать почву при французском дворе по этому поводу. Но ему ответили (не говоря, что этот орден давался только лицам знатного происхождения), что это невозможно, так как, чтобы быть награжденным этим орденом, необходимо исповедовать католицизм.
7. Великий канцлер и другие сенаторы не были согласны с Меншиковым. Они хотели возвести на трон внука Петра I. Но, так как они были ограничены в своих действиях интригами Меншикова, в руках которого была сила, они предложили посоветоваться с народом, который окружал дворец в ожидании решения Сената, и открыть для этого окно залы, где они собрались. Но Меншиков ввел несколько вооруженных офицеров, которых поставил в прихожей, и ответил сенаторам с большим хладнокровием, что совсем не так жарко, чтобы открывать окна, и что самое правильное решение было бы передать корону Екатерине и отправить к ней сразу же депутацию, чтобы сообщить ей об этом решении. Так и было сделано, и никто не осмелился выразить ни малейшего несогласия.
8. Послом был граф Рабутье, сын генерала Рабутье, француза по происхождению, умершего на службе у императора. Он был родственником покойного епископа Люсона. Господин Рабутье, посол или полномочный министр императора при русском дворе, был человек большого ума. У меня есть несколько его писем на французском языке, которые, если бы они были напечатаны, например, письма его кузена господина де Бюсси или письма мадам де Севинье, стало бы ясно, что Рабутье ничуть не уступает им в эпистолярном жанре. Он любил удовольствия и не отказывал себе в них, что и сократило его жизнь.
9. Царица не могла выпить весь ликер, предложенный ей князем Меншиковым, и отдала остатки одной

из своих фрейлин по имени Ноли, иначе мадам Гаррию. Она выпила остаток, который ей показался очень скверным, и через несколько дней почувствовала себя плохо. Ее муж-итальянец подозревал, что она, вероятно, была отравлена, и поэтому давал ей в течение нескольких дней противоядие, благодаря которому ему удалось ее вылечить. Но это было не так просто, так как она еще очень долго страдала.

В момент окончания одного совета, когда граф Остерман высказал мнение, противоречащее мнению Меншикова, князь пригрозил ему, что велит четвертовать его живым, если это повторится.

Загородный дом царя в шести лье от Петербурга. Его сады великолепны. Они устроены в стиле версальских, однако превосходили бы их, если бы Петр I прожил дольше. Этому содействуют природное положение того места и естественные воды.

Он говорил, очевидно, об отравлении царицы и подстрекательстве всех сторонников герцога и герцогини Гольштейнских посадить на российский престол Петра II.

Орден святого Александра — второй по значению орден. Лента — пурпурного цвета, носится слева направо.

Раненбург — это владение с великолепным замком между Казанским царством и Рязанской губернией. Князь Меншиков регулярно укреплял этот замок и проводил там ярмарку, куда каждый год в июне съезжались татары из всех орд, персы, казаки и русские, чтобы продавать товары своей местности.

Она принадлежала к весьма знатному роду Арсеньевых и была очень красива. У нее была очень некрасивая, но остроумная и злая сестра по имени Варвара. Однажды царь Петр, посмотрев на нее, сказал с состраданием: «Ты такая страшная, что я не думаю, чтобы кто-нибудь сказал, что не питает к тебе отвращения. Но так как мне особенно нравятся необыкновенные вещи, я хочу тебе оказать милость и поцеловать, после того как встану из-за стола. После чего ты не умрешь нетронутой». И он сделал это: бросил ее на кровать в присутствии князя Меншикова и, наспех закончив свое дело, сказал ей: «Хотя и не должно объявлять о добрых делах, я думаю, что не будет выглядеть совсем тщеславно, если я объявлю о той милости, которую я сделал для тебя. Мой пример может быть заставит других поступить так же. Потому что будет несправедливо, если твоя жизнь пройдет бесплодно из-за того, что ты некрасива».

Беринг был датчанином, капитаном I ранга на службе у Петра I, который послал его на Камчатку, на море, называемое Амуром, чтобы создать там флот и построить корабли или другие суда, нужные для исследования морских берегов в той стороне, и чтобы узнать, соединяются ли с Азией или Америкой земли, находящиеся по ту сторону Камчатки и имеется ли проход, как утверждали многие мореплаватели, из Ледовитого океана в Северные моря.

Русский язык имеет выражения, очень сострадательные. Когда обращаются к человеку, старшему по возрасту, его называют обычно «батюшка» или «матушка», что означает по-французски «мой отец» или «моя мать». Когда же говорят с человеком того же возраста, его называют «братишка», то есть «брат». Эти выражения используются даже в разговоре между незнакомыми людьми. Вежливое обращение «Вы», обычно употребляемое для обозначения множественного числа, начало вводится при дворе во время царствования Анны Иоанновны. Прежде было принято обращаться на «ты» как к подчиненным, так и к начальникам.

Его предсказание исполнилось.

Никогда нельзя верить всему тому, что говорит один противник о другом. Долгорукие не были такими неспособными людьми, как их описывал Меншиков этому офицеру. И есть все основания предполагать, что в его словах было много пристрастия.

Для князя Меншикова не было новостью начинать строительство какого-нибудь здания с часовни. Несмотря на его беспорядочную жизнь и преступления, которые он совершал, побуждаемый своим честолюбием и жадностью, он непременно начинал строительство в своем новом владении с церкви, а затем уже строил дом или дворец в подтверждение испанской пословицы: «Каждый священник и каждый разбойник имеет свою набожность».

Когда княжна Меншикова, а ныне госпожа Бирон, вернулась ко двору, она призналась своей знакомой, что ей часто представлялся случай снова вспомнить об этих последних словах своего отца.

Это выражение, звучащее так некрасиво на французском языке, является весьма обычным среди русских. Даже наиболее образованные люди говорят так, чтобы выразить к кому-либо свое презрение, а это выражение происходит от обычая плевать в лицо людям, на которых они сердятся. И надо быть довольным их умеренностью, когда они, вместо того чтобы плевать в лицо, плюют на землю.

Княжна Меншикова, которая сейчас носит имя госпожи Бирон, долго хранила как драгоценность эту одежду в великолепном сундуке, который она открывала раз в неделю.

Они были почти неузнаваемы, как мальчик, так и девочка: они выросли почти на полфута, и черты их лиц изменились в такой же пропорции. Но в их характерах не произошло никакого изменения. Они были тщеславными и властными. Но я глубоко сомневаюсь, чтобы можно было найти сегодня людей, более приветливых и скромных.

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ. *История русской общественной мысли и культуры XVII — XVIII вв.* М. Наука. 1990. 293 с.

Впервые, спустя 80 лет, увидело свет исследование крупного русского историка Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863—1919). Из архива ученого благодаря стараниям А. И. Клибанова, Л. А. Черной, М. Ю. Сорокиной извлечена, правда, лишь первая часть рукописи, посвященная XVII веку. Основная часть, посвященная XVIII веку, готовится, по словам составителей, к печати. Публикуемое исследование — основной труд, «главная книга» Лаппо-Данилевского. История написания, а затем «временного плена» (по выражению вдовы историка) этой монографии в Архиве АН СССР подробно рассматривается в статьях составителей.

Анализ «Методологии истории» Лаппо-Данилевского можно найти в любой обобщающей работе по русской историографии конца XIX — начала XX века. Его имя вошло в учебники историографии как классического представителя неокантианской методологии истории в России, последователя Г. Риккерта и В. Виндельбанда. Клибанов в статье «А. С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель» потратил немало усилий, чтобы снять этот устоявшийся штамп, показать глубину и оригинальность мысли историка.

Данный труд создавался Лаппо-Данилевским на протяжении ряда лет. Постепенно первоначальный замысел исследования истории политических идей в России в XVIII в. обрстал новыми сюжетами, собранный материал уводил в предшествующие столетия. Так, вводная часть, посвященная XVII веку, разрослась, по существу, в самостоятельное исследование. Книга состоит из

двух отделов: 1) Влияние западноевропейской культуры на Московскую Русь в период конфессиональных различий; 2) Реакция против латинопольского направления московской образованности и ее значение для последующего развития русской мысли в области морали и политики.

Исходным пунктом монографии является констатация факта, что западноевропейская культура стала оказывать заметное влияние на Русское государство именно в то время, когда, с одной стороны, лежащие в основе этой культуры религиозная система и церковь потеряли свое прежнее единство и их авторитет несколько ослабел, а с другой — светская культура в качестве самостоятельной ценности, по словам автора, «была все еще слишком мало свойственна среднему уровню образованного большинства» (с. 17). Лаппо-Данилевский вообще полагал, что в это переходное время успехи светской культуры еще очень невелики: «Лишь единство критерия религиозной оценки культуры было нарушено: теперь можно было ценить ее или с прежней католической или с новой протестантской точки зрения» (там же).

Следуя этой основной мысли, автор начинает исследование с анализа влияния латино-польской образованности на русскую общественную мысль. Он выделяет следующие вопросы: латино-польская схоластика в малорусских школах и ее влияние на развитие русской мысли в области морали и политики; латино-польская и малорусская схоластика в Москве и ее значение для развития русского правосознания после при-

соединения Малороссии; влияние других течений средневековой мысли, а также Возрождения на русскую переводную литературу XVII в., касающуюся морали и политики.

Лаппо-Данилевский отмечал слабость в Москве XVII в. схоластических традиций, связанных, как известно, прежде всего с католической культурой. Интересно его заключение, что «католическая культура была гораздо теснее связана с религиозной пропагандой, чем протестантская, а потому и православные русские люди с большим подозрением относились к католикам, чем к протестантам» (с. 18). История распространения заимствованных из Западной Европы политических идей и правовых теорий, пути их проникновения и условия восприятия, словом, все обстоятельства рецепции западноевропейской политической культуры в России того времени всесторонне рассмотрены Лаппо-Данилевским. Им дан не только скрупулезный анализ литературных влияний, но, что особенно интересно, детально прослежена в связи с этим система школьного обучения на Украине, в близлежащих польско-литовских землях и в Москве: в Виленской и Замоиской академиях, Киево-Могилянской академии, Законопасской школе и Славяно-греко-латинской академии.

По XVII в. выводы Лаппо-Данилевского относительно развития отечественного правосознания отнюдь не утешительны. «В самом деле, — заключает он, проделав кропотливый анализ источников, — русские печатники и книжники XVII в. довольствовались старейшими авторитетами и почти ничего еще не знали о новых течениях в западноевропейской мысли. Лишь через посредство польское и малороссийское знакомясь с политическими учениями преимущественно дореформационного периода, они черпали свои знания обыкновенно не из первоисточников, а их пересказов и переделок их. Вместо Аристотеля они обращались преимущественно к «Secretum Secretorum»; вместо Эразма — к Лорихию. Словом, взамен главных авторитетов пользовались посредственностями довольно случайного происхождения» (с. 190—191). Таков вывод историка.

Перед нами первое профессиональное исследование, поставившее целью выявить пути и методы, уровень и качество усвоения западноевропейской культуры в России XVII века. В монографии использован колоссальный по разнообразию и обилию материал, и, однако, это отнюдь не обобщающий труд. Это именно специальное историческое исследование, напомнить об этом важно прежде всего потому, чтобы предостеречь тем самым от абсолютизации выводов историка, от слишком расширительного их толкования применительно к истории русской культуры этого периода в целом. Как бы предвидя наши опасения, Лаппо-Данилевский постоянно

подчеркивает свое стремление установить значение начал, заимствованных в России из области европейской юридической и исторической мысли.

Исследование Лаппо-Данилевского является одним из выдающихся произведений культурно-исторического направления в отечественной историографии. Его имя, прежде широко известное как специалиста в области истории права, теории и методологии исторической науки, теперь с полным основанием нужно поставить рядом с такими крупными исследователями европейской культуры, как А. Н. Веселовский, И. В. Герье, М. М. Ковалевский, И. М. Гревс, П. Н. Милюков, Л. П. Карсавин и др. В конце XIX — начале XX в. труды ученых этого направления приобрели общеевропейское научное признание, а в послереволюционный период многие его представители продолжали свою научную деятельность за рубежом. Думается, не будет преувеличением сказать, что главным предметом культурно-исторических исследований, вышедших из-под пера русских ученых того времени, была история западноевропейской культуры. Что же касается истории восточноевропейской, и в частности русской, культуры, то в то время она еще только-только оформлялась как научная дисциплина, что отмечают и составители рассматриваемой книги.

Лаппо-Данилевскому было присуще сочетание историко-культурного и историко-правового аспектов. Читателю открывается широкая панорама одного из ключевых, поворотных этапов эволюции правосознания в России. Во «Введении» изложена общая концепция развития политических идей в России «в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» в XVII и XVIII вв., включая отдельные наблюдения по XVI и XIX векам. Автор пишет: «Политические идеи, получившие господство в эпоху преобразований и в век Просвещения, не были, однако, вполне согласованы между собой, да и каждая из таких совокупностей содержала элементы, развитие которых приводило к отрицанию господствующей теории. В самом деле, доктрина абсолютизма вызвала попытку противопоставить ей понятие об ограниченной монархии, а принятая русским абсолютизмом либеральная система просвещения породила в обществе стремление с точки зрения революционных учений подвергнуть критике самодержавный строй полицейского государства» (с. 20).

Будем надеяться, что выход второй части монографии Лаппо-Данилевского не заставит себя долго ждать. Читатель вправе ожидать, что в следующем томе появится статья, содержащая полноценный очерк развития идей, высказанных в монографии Лаппо-Данилевского, а равно и современный научный взгляд на трактуемые им вопросы.

Т. Д. СЕРГЕЕВА

1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М. Мысль. 1991. 478 с.

Среди многочисленных и разнообразных источников, относящихся к эпохе 1812 г., важное место занимают воспоминания ее участников и современников. Отражая личность мемуаристов, их гражданскую позицию, симпатии и антипатии, индивидуальность взглядов и настроений, эти сочинения содержат такие сведения, которые отсутствуют в официальных материалах: в них — неповторимые колорит и мозаика взглядов и оценок, ценные бытовые зарисовки, которые позволяют читателю живо представить атмосферу эпохи, ее людей, глубже понять волновавшие их проблемы.

А. Г. Тартаковским¹ выявлено 457 мемуарных произведений об этом событии и его эпохе. Подавляющее их большинство (441, или 86%) опубликовано в различных периодических изданиях, документальных сборниках, отдельных публикациях. Наиболее важные мемуары неоднократно переиздавались. Однако многие мемуары о войне 1812 г. еще не изданы (46 рукописей, по данным Тартаковского). Они хранятся главным образом в фонде Военно-ученого архива Центрального военно-исторического архива (ЦГВИА), в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ГИМ) и в Отделе рукописей и редкой книги Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ).

В рецензируемое издание² включены шесть мемуарных произведений из рукописного собрания ГИМ: Г. П. Мешетича «Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов», «Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года», И. Р. Дрейлинга «Воспоминания участника войны 1812 года», «Записки отставного полковника Михаила Петровича Романова военным действиям в России и за границей с 1812 по 1817 год, в которых он участвовал», И. М. Благовещенского «Из воспоминаний» и М. А. Богданчикова «Мое воспоминание. Из рассказов дедушки моего, прапорщика Сергея Яковлевича Богданчикова».

За исключением записи воспоминаний Богданчикова и перевода на русский язык с немецкого оригинала записок Дрейлинга, остальные произведения воспроизводятся с автографов мемуаристов. Воспоминания Мешетича, Дрейлинга, Романова, Благовещенского и Богданчикова ранее никогда не издавались; лишь отрывки из воспоминаний Петрова были опубликованы почти 150 лет назад³. Составители стремились воспроизвести мемуары с максимальной полнотой (незначительные сокращения текста, не относя-

щегося к теме, были сделаны в записях Дрейлинга и Благовещенского).

Авторы воспоминаний — лица разного социального происхождения и служебного положения. Все они — непосредственные участники Отечественной войны 1812 г., четверо из них (Мешетич, Петров, Дрейлинг и Романов) — герои Бородине. Записки Мешетича и Дрейлинга созданы вскоре после описываемых ими событий, другие — на склоне лет мемуаристов. В основе наиболее значительных по объему «Рассказов» Петрова лежал «Журнал боевых действий полка». Воспоминания Богданчикова принадлежат к весьма немногочисленным «солдатским мемуарам» о войне 1812 года.

Публикуемые в сборнике воспоминания содержат также и описание событий до и после 1812—1815 гг. — русско-турецкой (1806—1812 гг.) и русско-шведской (1808—1809 гг.) войн, коалиционных войн против наполеоновской Франции в 1805—1807 годах. Мемуары рассказывают о малоизвестных или совсем неизвестных операциях отдельных отрядов, о повседневной боевой жизни и настроениях солдат и офицеров, их поведении в бою. Петров пишет о восприятии молодыми русскими офицерами общественно-политических порядков, экономики, культуры и быта в западноевропейских странах.

Издание богато иллюстрировано цветными и черно-белыми репродукциями (их около 170) из художественных собраний ГИМ, снабжено именным, географическим и предметно-хронологическим указателями.

Научный уровень издания высок. Но в фонде № 160, откуда взяты для публикации шесть воспоминаний, хранятся и другие записки мемуарного характера. Во вводной статье следовало бы упомянуть о них и объяснить, почему составители сочли нецелесообразным включать их в сборник. Наиболее содержательна вступительная статья к «Запискам» Мешетича, чего, к сожалению, нельзя сказать об остальных публикациях. Авторам вступительных статей не удалось избежать некоторых повторов. М. А. Богданчиков представлен как автор воспоминаний. Но по существу таковым следует считать его деда. Во вступлении к воспоминаниям и в комментариях указывается на «домысел» мемуариста о его якобы участии в походе в Венгрию в 1849 году. Но здесь, по всей вероятности, имелось в виду участие С. Я. Богданчикова в походе в составе русского корпуса в Австрию в 1809 г., когда в Венгрии вспыхнуло восстание.

В целом содержательное, научно прокомментированное издание воспоминаний воинов русской армии о 1812 году представит интерес как для специалистов, так и для широкого круга чита-

телей. При дальнейшей публикации мемуаров о 1812 году было бы полезно сотрудничество научных коллективов ГИМ, ЦГВИА, ГПБ, а также Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, в фондах которых хранятся еще не изданные мемуары об эпоху 1812 года.

В. А. ФЕДОРОВ

Примечания

1. ТАРТАКОВСКИЙ А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М. 1980.
2. Составители: Ф. А. Петров, К. А. Афанасьев, Л. И. Смирнова, Н. Б. Быстрова, Н. Л. Зубова, М. В. Фалалева. Автор общего предисловия Ф. А. Петров.
3. Москвитянин, 1843, №№ 5,6; 1844, № 1.

О. Н. ВИЛКОВ. *Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в.* Новосибирск. Наука. Сибирское отделение. 1990. 368 с.

Монография, принадлежащая перу известного сибиреведа О. Н. Вилкова, продолжает давние традиции нашей историографии и подводит солидную социально-экономическую базу под исследование истории Сибири в первый, самый важный период ее освоения русскими людьми. Работа написана на основе огромного, в большей своей части малоизученного архивного материала. Данные многих источников сведены автором в таблицы (их в монографии более двух десятков) и тщательно проанализированы. Сплошной статистической обработке подвергнуто множество учетных книг: таможенных, дозорных, переписных, окладных и крестоприводных. Изучены десятки архивных столбцов с так называемым актовым материалом — челобитными делами, инструкциями разным должностным лицам, служебной перепиской и т. д. Использованы и опубликованные источники, привлечена в той или иной мере практически вся литература по теме.

Автор не ограничивается обобщением конкретно-исторического материала из работ своих коллег и предшественников или полемикой с ними по отдельным вопросам, но дает и весьма емкую характеристику советской историографии по основному спектру проблем сибирской истории, отмечая дискуссионные и малоизученные. Особо Вилков выделяет такие вопросы, как торгово-промысловое и земледельческое освоение края, развитие сибирской промышленности, градостроительное и поселенческое освоение Сибири, объединяя их вокруг одной общей проблемы — выяснение места этого края в формировании всероссийского рынка.

Автор считает, что процесс этот нельзя разделять на формирование — отдельно — единого товарного и единого капиталистического рынка. Образование всероссийского рынка — это «проблема не столько обмена, сколько производства» (с. 36). XVII век рассматривается в книге как начало генезиса капиталистической формации в России. Такая трактовка, конечно, имеет право на существование, но — не меньшее, чем у его оппонентов. Дискуссии, которые велись долгое время на этот счет, были завязаны в основном на высказываниях В. И. Ленина и давно уже при-

обрели явно схоластический и даже беспредметный характер.

К сожалению, Вилков, по сути дела, обошел вопрос об источниках конкретно-исторических представлений Ленина и о реальной социальной обстановке, содействовавшей формированию его взглядов. Между тем этот вопрос, особенно для современной историографии, приобретает особую значимость. Нельзя не отметить упрощенно-облегченный подход автора к высказываниям классиков марксизма-ленинизма, особенно в первом «теоретическом разделе» монографии. Однако все-таки наибольший вклад в советское сибиреведение и развитие исторической науки автор внес как раз последующими разделами книги — основанными на богатейшем фактическом материале.

Тема сибирских торгово-транспортных путей после трудов С. В. Бахрушина, написанных еще в 20-е, а переизданных в 50-е годы, не привлекала к себе должного внимания. Вилков подробно описал каждый из путей в Сибирь и по Сибири (в том числе в сопредельные страны), проследил характер, динамику и состав торгово-промышленного движения по главным из них, четко выявляя роль различных дорог в экономической жизни края. Тем самым не только существенно дополнены наши представления о сибирских путях, но и исправлены некоторые из утвердившихся в литературе неверных и неточных суждений о них (Н. Г. Потанина, того же Бахрушина).

Очерк об особенностях сибирской таможенной системы и функциях сибирского города — это стержневой раздел монографии. Материал этот изложен автором на широком историческом фоне — в сравнении с другими регионами Русского государства. После работ Вилкова и его учеников уже нельзя утверждать, что в Сибири XVII в. не было «полноценного» города. Облик его имел, конечно, свою специфику (в частности, большая роль в «торгах и промыслах» служилых, а не посадских людей), но тем не менее, как убедительно показано в монографии, торгово-промышленная функция была органически присуща многим сибирским городам и острогам. Они, по мнению автора, уже в XVII в. оказались прочно свя-

занными как между собой, так и с другими городами страны устойчивыми и разнообразными связями, и потому, заключает автор, «генезис капитализма в России проходил не без участия городов Сибири» (с. 118).

При обсуждении вопроса о степени развития сибирского города уже высказывалось вполне резонное суждение, что применительно к XVII в. «выводы часто делаются без учета перспектив дальнейшего развития промышленности и городов Сибири». Результаты, полученные историками, обратившимися к изучению сибирских городов XVIII — первой половины XIX в., говорят «о необходимости более сдержанной, чем это многими принято, оценки уровня, достигнутого сибирскими городами, промышленностью и торговлей на первом этапе колонизации края русскими»¹. Это справедливое замечание требует определенных дополнений. Во-первых, надо учитывать, что стартовый уровень развития сибирских торгово-промышленных центров был почти нулевым, а во-вторых, считается с возможностью регресса или по крайней мере застоя в торгово-промышленной жизни края в период, последовавший непосредственно за первым этапом русской колонизации. Ведь после «испромышленения» главных соболинских угодий свертывание связанных с пушным промыслом ремесел, торговли, вообще уменьшение притока торгово-промышленного и гулящего люда были не просто более чем вероятны, а даже неизбежны.

Рассматривая вопросы сибирско-бухарской торговли, автор сумел не только существенно дополнить имеющиеся представления о ней, но и исправить ряд ошибочных мнений и неточностей: о месте среднеазиатских купцов на сибирском рынке, времени обычного прихода их караванов в тот или иной город, о торговых льготах и т. п. (см. с. 178, 183—184, 222). Автор собрал богатый материал о быте и нравах русских переселенцев в Сибири. Убедительно показан довольно скромный на общесибирском фоне размах торговых операций среднеазиатских купцов. В книге подчеркнута важность и взаимовыгодный характер российско-восточной торговли через Сибирь.

Удачный ракурс найден Вилковым и при освещении вопроса о сибирской хлебной торгов-

ле. В результате исследования он прояснил весьма важные для понимания социально-экономической жизни Сибири XVI—XVIII вв. вопросы: динамика частной торговли хлебом, ее ассортимент, территориальный охват, цены на зерновые культуры, роль различных социальных групп в хлебной торговле, степень товарности земледелия в рассматриваемом регионе и др. Особенно интересны подробные сведения о хозяйствах нескольких семей сибиряков — посадских людей, активно занимавшихся именно хлебной торговлей (с. 259—263).

Автор исследовал деятельность сибирских крестьян в промыслово-промышленной сфере. Сведения об их охотничьем и рыболовном промысле, занятиях обработкой дерева, смолокурением, судостроением, прядением и ткачеством, кожевенным, сапожным, мукомольным, железоделательным и кузнечным производствами и другими неземледельческими занятиями интерпретированы прежде всего с точки зрения товарности крестьянских промыслов, которая, по мнению автора, была в ряде отраслей весьма значительной (рыбный и пушной промыслы, мукомольное дело, кожевенное и железоделательное производство), и особенно в районах, расположенных на основных сибирских путях. Такого рода деятельность, полагает Вилков, содействовала переходу наиболее состоятельных крестьян в ряды городского торгово-промышленного населения и «создавала условия для зарождения раннекапиталистических отношений» (с. 293).

Конечно, отдельные главы-очерки этой работы будут оцениваться по-разному. Выводы автора, содержащиеся в методологических разделах, наверняка встретят серьезные и вполне обоснованные возражения. Но при всем при том исследование Вилкова — крупное событие в сибиреведении в силу важности затрагиваемых проблем и по своей информационной насыщенности.

Н. Н. НИКИТИН

Примечания

1. Л. М. ГОРЮШКИН, Н. А. МИНЕНКО. *Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.)*. Новосибирск. 1984, с. 88.

E. ENGELBERG. *Bismarck. Urpreusse und Reichsgründer*. Akademie-Verlag, Brl. 1985. 839 S.; e j u s d. *Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas*. Brl. 1990. 731 S.; W. ENGELBERG. *Otto und Johanna von Bismarck*. Brl. Wolf Siedler Verl. Brl. 1990. 100 S.

Э. ЭНГЕЛЬБЕРГ. *Бисмарк. Коренной пруссак и основатель империи*; е г о ж е. *Бисмарк. Империя в центре Европы*; В. ЭНГЕЛЬБЕРГ. *Отто и Иоганна фон Бисмарк*

Эрнст Энгельберг завершил работу над фундаментальным трудом — двухтомной биографией Бисмарка. Появление первого тома одновре-

менно в столице ГДР и в Западном Берлине стало событием в германской исторической науке и особенно заинтересованный прием встретило в

ФРГ¹. Рецензенты высказывали похвалы в адрес книги и справедливо усматривали в подходе Энгельберга к оценке Бисмарка и его роли в истории Германии нечто совершенно новое для историка ГДР, открывавшее возможности диалога между учеными существовавших тогда двух германских государств по проблемам общегерманской истории второй половины XIX—XX века. Второй том биографии Бисмарка, написанной Энгельбергом, вышел уже в единой Германии.

Приступая к написанию биографии Бисмарка, автор стоял перед очень трудной задачей, поскольку о «железном канцлере» написано несметное количество книг. Впрочем, серьезных научных биографий среди них немного. Исследование Энгельберга войдет в число самых значительных в мировой науке трудов о Бисмарке.

Автор сумел отойти от догматической заданности, заставляющей видеть главное в определении классово-принадлежности героя и классово-обусловленности его действий. Бисмарк предстает перед читателем не как простой продукт взаимодействия социально-экономических сил, а как выдающаяся личность, как человек и государственный деятель, неразрывно связанный со своим временем и обществом. Энгельбергу посчастливилось, получив разрешение внука Бисмарка, работать в семейном архиве в имени Фридрихсруэ. В первый том вошел оригинальный очерк о происхождении и предках Бисмарка, о социальной среде, в которой он рос, где формировались его мировоззрение и нравственные установки.

Энгельберг еще в 30-е годы высказывался о Бисмарке с достаточно критических позиций. В предисловии ко второму тому он пишет, что это обязывает его к особо строгой выверенности и справедливости суждений. И действительно, он подходит к оценке Бисмарка с необходимой объективностью и вместе с тем с симпатией. Иногда она представляется слишком щедрой, но именно она помогла автору отбросить утвердившиеся стереотипы и создать живой образ своего героя.

Рецензируемый труд ценен обилием конкретного материала, касающегося не только деятельности канцлера, но и самых различных сторон истории Германии XIX века. В основе книги лежит стройная авторская концепция. Автор оценивает историческую роль создателя Германской империи и ее первого канцлера чрезвычайно высоко. Основание империи в 1871 г. было важнейшим прогрессивным моментом в истории Германии XIX в., и Бисмарк стал тогда орудием исторического прогресса. Созданная им система государственных структур единой Германии обеспечивала ему решающее влияние на все дела империи и сделала почти единоличным ее правителем.

Все усилия канцлера были направлены на сохранение и укрепление этой системы и определялись стремлением как бы законсервировать

достигнутое. Будущее, заключает автор, показало, насколько это было опасно: промышленная революция в Германии, достигшая апогея в 80-х годах XIX в., создавала новые силы и новые возможности, изменяла общество, которое в конце концов переросло созданную Бисмарком систему власти. В годы борьбы за объединение Германии он помог прорыву этих новых сил. Но созданный ими новый индустриальный мир с его постоянно растущей технической мощью был ему непонятен и чужд. Определявший лицо эпохи мир промышленности и торговли был для него предметом политики, а сам по себе мало интересовал, как и люди, к нему принадлежавшие.

Разлад Бисмарка с новой эпохой, эпохой рождающегося индустриального общества, по мнению автора, больше всего проявился в отношении канцлера к рабочему классу и рабочему движению. Тут Бисмарку изменила его прозорливость, которая прежде помогла понять, оценить и использовать поднимающийся класс буржуазии. Рабочие были для него не крупной общественной силой, а чем-то маргинальным и враждебным. Когда в 1875 г. произошло объединение лассальянцев с эйзенахцами и он не мог больше рассчитывать на лояльность хотя бы части социал-демократов, его отношение к рабочему движению и социал-демократии стало агрессивным и определялось в сущности пришедшим из времен революции 1848 г. выражением «Против демократов помогают только солдаты». Сохранять бдительность, не выпускать рабочее движение из-под контроля, подавлять его с помощью репрессивных мер — вот суть рабочей политики Бисмарка. Эти линия, подчеркивает автор, оказалась несостоятельной и стала одной из главных причин падения канцлера в 1890 году.

Второй том исследования снабжен подзаголовком «Империя в середине Европы». Это не случайно. Внешняя политика «железного канцлера» после 1871 г. вышла на передний план и порой без остатка поглощала все силы. Если внутренняя политика часто подвергалась критике в прессе и в рейхстаге, то внешняя политика Бисмарка долго считалась безукоризненной. Современники видели в нем гения дипломатии, и даже враги молчаливо признавали за ним право единолично руководить внешней политикой империи. Впоследствии исследователи разошлись в оценке внешнеполитической стратегии Бисмарка и ее значения для будущего Европы.

Энгельберг занимает в этом вопросе позицию, непривычную для историков бывшей ГДР и для большинства советских ученых. Он утверждает, что после провозглашения Германской империи в 1871 г. главная цель Бисмарка состояла в том, чтобы на базе созданных реальностей обеспечить устойчивое европейское равновесие. Бисмарк, уверяет автор, не стремился ни к новым завоеваниям, ни к установлению гегемонии Гер-

манской империи в Европе, а спровоцированные им военные тревоги 1875 и 1887 гг. в действительности имели целью либо выяснение международной ситуации, либо разрешение внутренних проблем империи. Политика «сытой» Германии, основанная на стабилизирующей ситуации силе мощной империи в центре Европы, предусматривала создание сложной системы союзов, позволявшей сохранить более или менее стабильные отношения со всеми европейскими государствами и, несмотря на возникавшие то и дело осложнения, обеспечивать на континенте устойчивое равновесие.

Можно согласиться с такой точкой зрения, если учесть, что автор делает существенную оговорку. Эта блестящая политика, пишет он, не могла справиться с существовавшими в Европе противоречиями, затрагивавшими прежде всего именно Германию. Захваченные у Франции Эльзас и Лотарингия, аннексированные польские земли, северный Шлезвиг, жители которого говорили на датском языке, — все это были тлеющие очаги недовольства в самой Германии и источники европейских тревог. Преодолеть опасности, порождаемые ими, традиционными средствами бисмарковской кабинетной политики было, конечно, невозможно.

К концу 80-х годов XIX в., показывает Энгельберг, система международных отношений в Европе, которую так искусно создавал и тщательно поддерживал Бисмарк, начала подтачиваться изнутри, а сугубая осторожность канцлера, настойчивая забота о сохранении этой системы в неизменном виде уже не удовлетворяла буржуазных политиков и предпринимателей, как и его упрямо настроенное отношение к колониальным захватам, к «мировой политике» Германии.

Энгельберг отнюдь не изображает Бисмарка неподвижным, косным, невосприимчивым к новому человеку и политиком. Достаточно вспомнить главное: уже совсем не молодым человеком этот прусский юнкер по происхождению и по воспитанию, по укладу жизни и по внутреннему стилю, приверженец прусской монархии и верный слуга короля, буквально перешагнул через самого себя ради великой цели — объединения Германии, проглотил холодность отвернувшихся от него прежних друзей, решился порвать с консерваторами и, сокрушая все препятствия, осуществил революцию сверху, дело, которое оказалось по плечу ему одному.

Как показывает Энгельберг, трагизм Бисмарка состоял в том, что время обогнало его. К тому же, с годами он, политик по призванию, до мозга костей, ограничил круг своих интересов почти одной политикой. В кругу друзей любил и мог говорить только о ней. Это сужало круг его общения и делало все более одиноким.

Впечатляют страницы, посвященные личности Бисмарка — политика, дипломата, оратора,

читателя, землевладельца, наконец, хозяина дома, мужа, отца. Читатель запоминает и внешний облик господина очень высокого роста с мощным торсом и маленькой головой, говорящего тонким голосом и сопровождающего свою речь выразительными жестами. Мы словно бы слышим Бисмарка, ищущего точные выражения, подбирающего сравнения, говорящего с запинками, будто мысль только что рождается у него. Мы видим канцлера в его имении Варцине или Фридрихсруэ, знакомимся с его имущественным положением, узнаем о его пристрастиях и вкусах в литературе и музыке, о его отношении к природе, о его здоровье и образе жизни.

А ведь чего только не писали по этому поводу! В. Пикуль, например, в своей книге «Битва железных канцлеров» ничтоже сумняшеся сообщил читателям фантастическую деталь: оказывается, к концу жизни Бисмарк стал алкоголиком и наркоманом! Интересно и такое наблюдение Энгельберга: Бисмарк, умевший обходиться с сельскими жителями — в разговоре с ними он часто переходил на привычный им нижненемецкий диалект, — оставался совершенно чуждым миру рабочих, равно как и миру инженеров, изобретателей или ученых.

Книга наполнена живыми подробностями, написана увлекательно, прекрасно иллюстрирована. Кое-что, впрочем, вызывает в ней известную неудовлетворенность. Энгельберг основывается, помимо богатого корпуса источников, на трудах многочисленных предшественников, на которых он постоянно ссылается, к сожалению, не вступая с ними в дискуссию. Между тем, в немецкой исторической науке не много найдется тем, которые вызывают такие долгие и горячие споры, как жизнь и деятельность Бисмарка.

«Бисмаркиана» в немецкой исторической науке увлекательна, драматична и сохраняет неизменную актуальность. Это неумолкающий, то стихающий, то вновь разгорающийся спор, начавшийся чуть ли не при жизни Бисмарка и продолжающийся поныне. Автор даже не упоминает о нем, и следы этого спора читатель находит лишь в библиографии, в небольшом разделе «Образ Бисмарка в германской историографии», касающемся главным образом дискуссии 40 — 50-х годов о Бисмарке. Между тем, поставленные в этой дискуссии вопросы, сформулированные Ф. Майнеке в его работе 1946 г. «Германская катастрофа», не утратили своей остроты и поныне.

Было ли основание Германской империи во главе с Пруссией в 1871 г. благодатью или несчастьем для немецкого народа и народов Европы и не это ли в конечном счете привело к катастрофам двух мировых войн? Не была ли политика Бисмарка тем зерном, из которого 50 лет спустя вырос национал-социализм? Один из крупнейших современных немецких историков Г.-У. Велер

призвал «проанализировать германскую историю с 1866—1871 гг. до 1945 г. как единое целое, где одно является продолжением другого», и понять, «что общего между бонапартистским режимом бисмарковской «диктатуры в новой империи» (Майнеке) и псевдоконституционной, полуабсолютистской политикой Вильгельма II и тоталитарной системой национал-социализма»². Ф. Фишер писал о необходимости «проанализировать сквозные структуры и цели возникшей в 1866—1871 гг. и потерпевшей крах в 1945 г. прусско-германской империи»³. Энгельберг не ставит перед собой этого вопроса, настойчиво звучащего в работах его коллег, хотя его ставит сама жизнь, ибо он касается раскрытия истоков тоталитарных режимов.

Вряд ли плодотворно неперенное проследивание линии 1871—1933—1945 годов. Однако обратить внимание на те тенденции бисмарковской политики, которые не могли не сказаться на будущем германского общества, все-таки стоило. М. Вебер в 1918 г., размышляя о политическом наследии Бисмарка, писал, что творец империи «оставил нацию, лишенную какого бы то ни было политического воспитания, стоявшую гораздо ниже того уровня, которого она в этом отношении достигла уже 20 лет тому назад. И главное — это была нация, лишенная всякой политической воли, привыкшая к тому, что возглавляющий ее великий государственный деятель сам позаботится о политике»⁴.

Энгельберг недостаточно четко оценивает те перемены, которые произошли в стране в результате поворота в политике Бисмарка в конце 70-х годов XIX века. Новый курс торговой и финансовой политики, запрещение социал-демократической партии, вытеснение либералов из большой имперской политики, торжество антипарламентской линии канцлера в 1879 г., создание «союза доменных печей и дворянских поместий», направленного против «витающих в облаках доктринеров-либералов, союза, который стал опорой антидемократических устремлений, исходивших от государства и от правых сил в обществе, — вот суть этого поворота, осуществленного в обстановке национал-патриотической истерии. Намечалась «делиберализация» массового сознания; духовный климат в стране изменился.

Национальная идея, столь значимая в Германии XIX в., изменила свое содержание и утратила функцию демократического объединения свободных граждан, как это было при ее возникновении. Эта идея, выступившая в начале поворота 1878—1879 гг. в виде демагогического лозунга «защиты

патриотического грядущего», на деле стала программой экономической и политической консолидации под знаком авторитарного государства. На основе национальной идеи формировались лозунги правых сил — вражды, ненависти, — имевшие явную шовинистическую окраску, не в последнюю очередь — антисемитскую. Образ врага становится важнейшей частью национальной идеологии и стереотипом массового сознания. В таком виде национальная идея сохранилась в массовом сознании немецкого народа надолго, и ловкие политики не раз использовали ее для достижения своих целей и в XX веке. Может быть, это действительно тяжкое наследие бисмарковской эпохи?

С новой биографией Бисмарка, созданной Энгельбергом, тесно связана небольшая книга его жены, работавшей вместе с мужем все эти годы. Доктор Вальтраут Энгельберг пишет о частной жизни семейства Бисмарков. На основе семейной переписки и мемуаров она рисует образ супруги Бисмарка Иоганны. Мир политики, единственно важный для ее мужа, был ей совершенно чужд и даже враждебен, ибо приносил столько неприятностей ее мужу. Она не была эмансипированной женщиной, стоящей на интеллектуальном уровне своего времени. Но обладая истинно женским талантом, она сумела дать Бисмарку то, чего он искал вне политики, — покой и уверенность дома, в семье. Когда читаешь о взаимоотношениях супругов Бисмарк, об их волнениях и заботе друг о друге и узнаешь, что после смерти Иоганны Бисмарк сказал, что не знает, как жить дальше, понимаешь, что к образу «железного канцлера» и к характеристике стиля жизни в Германии XIX в. прибавилась еще одна краска.

С. В. ОБОЛЕНСКАЯ

Примечания

1. См., напр., BUSCHE J. Persönliches Werden in der Geschichte. Über Ernst Engelbergs Bismarck-Biographie. — Frankfurter Allgemeine Zeitung, 18.IX.1985; e j u s d. Wege zu Bismarck. — Ibid. 12.X.1985; AUGSTEIN R. Nicht umsonst regiert man die Welt. — Der Spiegel, 1985, № 36; KELLMANN K. Otto v. Bismarck, Ernst Engelberg und Wir. — Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1986, № 11.
2. WEHLER H.-U. Krisenherde des Kaiserreiches, 1871—1945. Göttingen. 1970, S. 12.
3. FISCHER F. Bündnis der Eliten: zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland, 1871—1945. Düsseldorf. 1979, S. 95.
4. WEBER M. Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland. München und Leipzig. 1918, S. 12.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Трудные годы

Исторические музеи разделяют судьбу всей культуры страны и ее исторической науки. 1948—1953 гг. были для наших музеев трагическим периодом.

Еще в 1946 г. в шести залах Государственного Исторического музея (ГИМ), где я тогда работала, была открыта экспозиция по истории России первой половины XIX века. Научным руководителем музея был в те годы профессор, доктор исторических наук Н. Л. Рубинштейн. У него имелся четкий взгляд на задачи музеев, в частности ГИМ, как хранилища источников, памятников и реликвий. В спорах с министерским начальством Рубинштейн утверждал, что именно показ подлинных музейных материалов, а не какое-то превращение экспозиции музея в повторение школьного учебника является основой пропаганды исторических знаний, воспитания любви к Родине и уважения к ее прошлому. Эту точку зрения разделял коллектив экспозиционеров. Великолепные коллекции ГИМ были широко представлены в тех шести залах, высоко оценивались музейной общественностью, привлекали неизменное внимание посетителей и широко использовались в образовательных и воспитательных целях.

Но на идеологическом фронте менялась ситуация. Партийное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», как камень, брошенный в воду, повлекло за собой все расширяющиеся круги «волнений». Формулировка «борьба за чистоту марксистско-ленинской теории» превратилась в борьбу за копирование сталинского «Краткого курса» истории партии. Критика по существу нередко переплеталась с воплями об «измене курсу». Вокруг наших новых залов начались «разговоры», и была создана комиссия по их обследованию. Один из ее членов даже сказал мне, сугубо доверительно: «Мы получили указание разгромить экспозицию, но мы будем объективны». От музейных инспекторов, бродивших по залам, слышались страшноватые по тем временам формулировки: «объективизм», «плетутся в хвосте у вещей». Не только авторы экспозиции,

но и директор музея А. С. Карпова заволновались. Решено было, не дожидаясь выводов комиссии, внести по согласованию с Рубинштейном изменения в экспозицию. Планы изменений мы изложили комиссии в процессе ее работы. В результате получилось так, что выводы комиссии в какой-то мере были основаны на нашей самокритике.

Учитывая итоги работы комиссии, Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР принял 31 декабря 1948 г. постановление, которое легло затем в основу обсуждения экспозиции на Ученом совете музея. В нем подчеркивались заслуги авторского коллектива (тщательное изучение эпохи, широкое использование подлинников, выразительность художественного оформления), а острие критики было направлено на общее руководство экспозицией. Над Рубинштейном сгустились тучи. В 1948 г. неоднократно (в журнале «Вопросы истории», на совещании заведующих кафедрами Московского университета и педагогических институтов) обсуждалась его книга «Русская историография» (М. 1941). По свидетельству доцента МГУ С. С. Дмитриева¹, вначале эти обсуждения носили деловой характер и могли бы послужить основой для улучшенного издания книги. Но со второй половины года стали предъявляться совершенно необоснованные претензии, а иногда звучала просто ругань в адрес автора. Стало ясно, что «наверху» был дан указующий сигнал.

Фигура Рубинштейна как научного руководителя национального музея России стала казаться неподходящей. Поэтому в материалах комиссии по изучению экспозиции начали подыскивать аргументы для его устранения с этого поста. В конце 1948 г. музейные власти потребовали у Карповой характеристику на Рубинштейна. Понимавшая, что от нее требовалось, она все же дала характеристику, которую можно назвать блестящей. С ее стороны это был воистину гражданский подвиг.

Однажды вечером ко мне неожиданно

пришла преподавательница литературы Е. М. Чемоданова (родственница акад. И. М. Майского). Всегда спокойная и сдержанная, она была чрезвычайно возбуждена. «Вы, историк, — задыхаясь от волнения, выкрикивала она, — объясните, что это значит? Только что состоялось бурное собрание литераторов. Появился какой-то новый термин: безродные космополиты. Власти предрержащие утверждают, что все отечественное — хорошо, все иностранное — плохо. Что должна я теперь говорить на лекциях моим слушателям?» Я попыталась успокоить ее словами, что это, видимо, просто вывих у некомпетентных лиц.

Но вскоре и сотрудников музея пригласили на «установочное» собрание работников культуры. Речь держал сотрудник Отдела пропаганды ЦК ВКП(б). Он говорил о космополитах, принижающих значение русского народа в развитии науки и культуры. А ведь именно русские люди заложили их основу. Изобретатели воздухоплавания и книгопечатания, Уатт и Эдисон, Рафаэль и Шекспир, оказывается, плелись в хвосте у наших умельцев, богомазов и сказителей. «До чего же мы дошли, — кричал лектор, — если русскую грамматику пишет какой-то Шапиро! Недавно я говорил с уважаемым Ильей Эренбургом, я его очень люблю, и я его спросил: кто ваш любимый композитор? Представьте себе, он сказал: Бетховен. Немец! Илья Григорьевич, заметил ему я, надеюсь, что при нашей следующей встрече вы признаетесь, что ваши вкусы изменились и вместо Бетховена вы назовете Чайковского». Сначала мне было смешно, потом меня охватил ужас.

Травля космополитов заполнила страницы газет и журналов. Вновь состоялось обсуждение книги Рубинштейна. В разгар этой кампании он сказал мне, что на днях состоится обсуждение его книги в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), и добавил: «Я доволен. Будет интересная дискуссия». Мне довелось присутствовать на обсуждении его книги в МГУ. Автора обливали там грязью: низкопоклонство, клевета на русскую науку, «плюет на Родину, которая его вскормила», «антисоветский дух». Итог: «Гнать поганой метлой!»

11 февраля 1949 г. собрался Ученый совет ГИМ для обсуждения новой экспозиции на основе выводов комиссии 1948 года. Рубинштейн изложил свою концепцию: музей демонстрирует подлинные памятники, база экспозиции — научная концепция исторического процесса. Разгромными были два выступления. Сотрудник Центрального музея революции СССР В. Н. Шульгин бил по музейведческим позициям Рубинштейна, обвинял экспозицию в безыдейности, выразившейся в малом количестве текстов и в вещевизме. Как пример приводил показ «говорильни» — диванной комнаты из дома славянофила, писателя А. С. Хомякова, которая, якобы отвлекая внимание посетителей от главного, «не способствует пониманию исторического процесса».

Возмущение вызвало выступление директора Бородинского музея С. И. Кожухова. Выполняя данную ему задачу — разгромить экспозицию, он явно надеялся при этом урвать кое-что для своего музея из коллекции ГИМ, посвященной 1812 году. Намекая на космополитов, он обвинял экспозицию в антипатриотизме: «Подумайте, выставлена кровать Наполеона, но нет кровати Кутузова. Налицо преклонение перед Наполеоном и недооценка Кутузова».

Члены Ученого совета музея историки Н. М. Дружинин, С. С. Дмитриев, музейведы К. А. Соловьев, П. И. Галкина и др. в целом высоко оценили экспозицию. Поэтому задуман-

ного разгрома не получилось, «сверху» пришло указание об изъятии ряда экспонатов. Пришлось убрать императорское тронное кресло, дворянские портреты (купеческие удалось сохранить, поместив их на малоосвещенную межоконную стену), привлекавший всеобщее внимание портрет властителя Ирана Фетх-али-шаха и все предметы церковного обихода, чтобы избежать обвинения в религиозной пропаганде (на нашу беду, кто-то заметил, как некая старушка крестилась, глядя на расшитое золотом облачение священника). В Севастопольском зале на фоне бархата были оставлены только русские ордена, а англо-французские убраны в витрину и т. п. Более всего пострадал образ монархии второй четверти XIX века. Пришлось заняться «детронизацией» Николая I: убрали его импозантный портрет, царские мундиры, изображения многих военачальников и сановников, дворцовую вазу. Реалистическое представление о николаевской монархии переделали в социологическое: царь-самодержец, дворянство и купечество как опора трона, Шлиссельбургская крепость, репрессии. За счет историко-бытового материала расширили показ классовый борьбы. В результате залы основательно потускнели.

Директорам центральных музеев было тогда приказано покончить с засорением кадров. Многие директора сопротивлялись: они ценили деловые качества сотрудников, а национальность их не беспокоила. Директор Центрального музея революции СССР А. И. Толстихина, получив устное указание, пошла в райком и потребовала письменное распоряжение, которого, естественно, не последовало. В результате ее сотрудники остались на своих местах. Наша Карпова нажала на известные только ей «кнопки» и тоже сохранила «неугодных» заведующих отделами, пожертвовав двумя младшими научными сотрудниками. Но Рубинштейна музей все же лишился: после того, как его уволили из университета и исключили из партии, он, чтобы не навлечь неприятностей на Карпову, в марте 1949 г. подал заявление об уходе из ГИМ.

Когда в связи с празднованием 70-летия И. В. Сталина в конце 1949 г. на его имя начали направляться потоки подарков, стали создаваться их особые выставки. Они заполнили залы многих московских музеев. Сотрудники ГИМ были откомандированы в Центральный музей революции для помощи в экспонировании этих подарков. Работали круглосуточно. Днем имели трехчасовой перерыв, а потом трудились всю ночь, в 7 утра уходили, а к 9 — опять на службе. Экспонаты же в большинстве своем были весьма интересными: от редкостного фарфора и знаменитого рисового зерна, на котором было выгравировано какое-то сочинение Сталина, до автографов К. Маркса. В дальнейшем эти экспонаты обогатили фонды многих музеев.

В конце 40-х — начале 50-х годов борьба с космополитизмом приобретала все больший размах. В МГУ ее возглавил проректор А. Л. Сидоров. Пытались в нее втянуть и студентов. Участников семинара Рубинштейна, например, обязали выступить с разоблачениями в его адрес. Помню несчастное лицо Коли Покровского (Н. Н. Покровский ныне чл.-корр. АН СССР). «Я не буду выступать против Николая Леонидовича, — говорил он. — Пусть меня исключают из университета». Но до этого дело не дошло: из Ростова-на-Дону его мать срочно выслала справку о легочном заболевании сына, Коля получил отпуск и уехал на некоторое время домой.

Кампания же делалась все откровеннее. Кри-

миналом служил «пятый пункт». Лицам с «нежелательной» национальностью приходилось уходить с работы даже из архивов. Гипертрофированная бдительность, всеобщая подозрительность, поиски врагов, космополитов, антисоветчиков и агентов империализма в начале 50-х годов обрели характер какого-то массового психоза. В Центральном музее революции, как нам рассказали коллеги, к одной из сотрудниц подошел какой-то посетитель и строго заметил: «Передайте вашему начальству, что музей дискредитирует товарища Сталина. Посмотрите на его портрет: волосы зачесаны слева направо. Тут явный намек на правый уклон!» Сотрудница в ужасе шарахнулась от него. Когда на собрании в том же музее при упоминании имени Сталина раздались аплодисменты, некто сидевший рядом сказал ей: «Плохо, плохо работаете ручками, слабо аплодируете. Видно, недостаточно уважаете нашего вождя!»

Показателен и такой случай. Заведующие отделами ГИМ были как-то вызваны в вестибюль, где следовало разместить выставку к очередному юбилею. Материалы были расположены на полу, вокруг них суетился художник. Встал вопрос, какого цвета должна быть их окантовка. Красная — для советских материалов и черная — для мирового империализма? Нет, получится траур, не подходящий для праздника. Постепенно перебрали все цвета. Коричневая — фашизм, зеленая — кадеты, желтая — меньшевики, белая — белогвардейцы... И, несмотря на вздохи художника, остановились на сером. Только портреты Сталина оставили с красной окантовкой.

Когда пришло сообщение о смерти Сталина,

меня охватила тревога: как пойдет жизнь без него? Что будет со страной, со всеми нами? Тогда удивила меня наша уборщица и курьер Н. Ф. Левкина. Мы были в хороших отношениях, но «политических разговоров» никогда не вели. Однако, когда мы остались вдвоем в нашем круглом кабинете, она подошла ко мне, подмигнула и сказала: «Снимем со стены усатого? Много крови пролил!» И тут же портрет Сталина оказался повернутым лицом к стене чуланчика. Зато фигура Сталина еще долго встречала посетителей в вестибюле ГИМ — вплоть до 1956 года. Прошел XX съезд КПСС, состоялся доклад Н. С. Хрущева на его закрытом заседании насчет культа личности. После этого и было решено убрать статую. В один из вторников, когда музей был закрыт для посетителей, я, зайдя в вестибюль, увидела скульптуру уже разъятой на части, словно ее казнили четвертованием. Могучая сотрудница отдела бытовой иллюстрации Н. М. Савичева взяла огромную голову под мышку и унесла в кладовую. Этот эпизод стал как бы символом нового этапа в жизни Музея, как и страны в целом.

А. Б. Закс,
кандидат исторических наук

Примечания

1. ДМИТРИЕВ С. С. К истории советской исторической науки. Историк Н. Л. Рубинштейн (1897—1963). — Ученые записки Горьковского университета, серия историко-филологическая, 1964, с. 467.

Прекратить позорную практику извращения истории!

Издательство политической литературы в 1990 г. выпустило собрание сочинений Л. Д. Троцкого под общим заглавием «К истории русской революции». Автором вступительного очерка «Л. Д. Троцкий: политический портрет» является Н. А. Васецкий. Не будем здесь касаться предвзятого подбора опубликованных отрывков из произведений Троцкого. Знаменательно то, что как вступительное слово, так и обширный комментарий издательство доверило написать именно этому человеку. Многие годы тем, кто интересуется политической литературой, он известен как автор книжек, брошюр и статей (некоторые из них печатались также на иностранных языках!) на темы Троцкого и троцкизма, переполненных ложью и подлогами.

На этот раз Васецкий превзошел самого себя. На стр. 60 упомянутой книги можно прочесть, что на симпозиуме «Троцкий и современность», состоявшемся в марте 1990 г. в г. Вуппертале (ФРГ), «в своих выступлениях Э. Мандель, П. Бруе, Ж. Ж. Мари, М. Пабло (Раптис), Л. Мейтан говорили о необходимости преодоления негативного наследия троцкистского прошлого, высказывались за критическое отношение к его догам». Я был участником этого симпозиума, не пропустил ни одного заседания, поэтому катего-

рически утверждаю: никто из упомянутых лиц ничего о «негативном наследии» и его «преодолении» не говорил. С полной ответственностью за свои слова заявляю: Васецкий лжет! Он продолжает свою многолетнюю деятельность, клеветая на троцкизм.

Сегодня, когда правду о Троцком дальше уже нельзя скрывать даже в СССР, когда его труды издаются многотысячными тиражами, невозможным становится рассказывать о нем небылицы. Остается лишь одно: распространять ложь о современном троцкизме, чтобы скомпрометировать его.

На симпозиуме от СССР присутствовали профессор Московского университета и сотрудники Института марксизма-ленинизма. Пусть теперь они скажут, что на самом деле говорили упомянутые выступающие. Пусть найдут смелость обличить своего «коллегу». Их профессиональный и моральный долг — содействовать прекращению позорной практики. О выходке Васецкого должны узнать также западные участники симпозиума, включая названных им лиц.

Людвик Хасс,
доктор исторических наук,
профессор, Варшава

Contents

The 20th Century Political Archive. The February 23, 1937 Plenum of the Central Committee of the USSR CP (B). Articles: L. V. Milov. The Natural-Climatic Factor and the Specific Features of the Russian Historical-Process; Yu. M. Kobishchanov. The Big Feudal Formation Theory. Historical Profiles: Yu. A. Sorokin. Czar Alexei Mikhailovich; History and Lives: General A. I. Denikin. Essays on the Russian Troubled Times (cont.). Historians on Time and Themselves: Yu. V. Gotie. My Notes (cont.). Publications: The Secret Soviet-Yugoslavian Correspondence of 1948; Vilbois. Stories about the Russian Court. Historiography: A. S. Lappo-Danilevsky. The History of the Russian Thought and Culture of the 17—18th Century; The Year of 1812. Reminiscences of the Russian Soldiers. From the Collection of the Written Sources Department of the State Historical Museum; O. N. Vilkov. Essays on the Socio-Economic Development of Siberia in the Late 16th — Early 18th Century; E. Engelberg. Bismarck, the Real Prussian and Founder of the Empire; Bismarck, Empire in the Centre of Europe; V. Engelberg. Otto and Johanna von Bismarck. Letters to the Editor.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,
Российская Академия наук,
Издательство «Прогресс»

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузищин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 4—5, 1992, 160 стр.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 5.12.91. Подписано в печать 27.02.92. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Бум. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 28,0. Уч.-изд. л. 17,63. Тираж 110 160 экз. Заказ 2813. Индекс 70145. „С“-063.

Акционерное общество «Издательская группа „Прогресс“». 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**